ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГАРРИ ГАРРИСОН

СТОУНХЕНДЖ
ВРЕМЯ ДЛЯ МЯТЕЖНИКА

Стоунхендж. Время для мятежника

Гарри Гаррисон, Леон Стоувер

Аннотация
Гарри Гаррисон, Леон Стоувер. Стоунхендж. Время для мятежника
Леон Стоувер, Гарри Гаррисон. Стоунхендж
Книга I
Глава 1
Глава 2. Микены
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Книга II
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Глава 8
Глава 9
Книга III
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Книга IV
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Эпилог
Послесловие
Глава I
Глава 2
Глава 3

Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Гарри Гаррисон. Время для мятежника
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26. Робби Шоу
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36

Аннотация

Время неотделимо от Человека. Ему присущи многие человеческие черты: разрушать границы и стирать грани, балансируя между вечностью и мигом, возводить все новые монументы и памятники, нимало не заботясь о последствиях.

Человек же непрерывно играет со Временем, надеясь рано или поздно подчинить его своей воле. И так ли уж далеки устремления микенского царевича Эсона, задумавшего постройку Стоунхенджа, чтобы возвеличить свое правление и объединить враждующие племена, от намерений полковника Маккалоу, задумавшего воспользоваться машиной времени для собственного обогащения?

Но эти игры, безусловно, захватывающие и пока человечество не пресеклось, они будут продолжаться…

Гарри Гаррисон, Леон Стоувер Стоунхендж. Время для мятежника

Harry Harrison
Stonehendge
A Rebel in Time

© Harry Harrison, 1972, 1983
© Leon Stover, 1983
© Перевод. Ю. Соколов, 2024
© Перевод. М. Левин, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Нашим женам
Джоан Мэрион Гаррисон и Такино Каван Стоувер, строившим Стоунхендж вместе с нами
Греческие города были на их стороне и воевали за них всю войну; неприятельским войском командовал царь Атлантиды, некогда бывшей островом, но теперь потопленной землетрясением.
Платон. Критий

Леон Стоувер, Гарри Гаррисон
Стоунхендж

Книга I
Глава 1

Британия. 1480 г. до Р. Х.

Ветер, дувший с лесистых холмов на севере, гнал по земле тонкую поземку. Холодные порывы насквозь продували высокий и темный лес, ломали сучья, качали верхушки хвойных деревьев. Кое-где ветер перепрыгивал через расчищенные человеком поляны, где из замерзших борозд торчала короткая стерня, через приземистые дома, сдувая с крыш перья дыма.

Ветер перемахнул через гребень… ворвался в безлесную долину, свободную от деревьев, притиснул к земле невысокие хижины из дерна, срывая с их крыш сухие стебли.

Прижимая подбородок к груди, чтобы укрыть лицо от колючих снежинок, Ликос Микенский туже запахнул вокруг тела белый шерстяной плащ. Конический шлем, украшенный рядами кабаньих клыков, мог защитить его от ударов меча, но не от непогоды. Он остановился перед низкой дверью последней в селении хижины и открыл ее. Внутри было влажно и холодно, как и

снаружи… только внутри воняло.

— Что случилось? — спросил Ликос.

— Не знаем, — отвечал Козза, седовласый воин со шрамами на лице, бронзовый полудоспех и остроконечный бронзовый шлем которого носили следы множества схваток. Щурясь в тусклом свете очага, он глядел на мужчину, стонавшего на земляном полу хижины. — Один из мальчишек наткнулся на него на опушке леса и известил меня. Тогда он тоже был без сознания. Малый приволок его сюда.

Низкорослый крепкий мужчина в запятнанном буром одеянии явно умирал.

— Может быть, кто-нибудь из них знает, кто он? — спросил с порога Ликос, не пожелавший войти в зловонное помещение.

— Он не из их рода, это альбий, — отвечал Козза. — Мальчишки только это смогли сказать мне. Они напуганы, они говорят, что один из них как будто встречал этого альбия, но не помнит его имени. Глупы они, вот что.

Мальчишки жались друг к другу под шкурами на ложе и опасливо переглядывались, только белки блестели на перепачканных сажей лицах. Когда Козза заговорил о них, они отодвинулись еще дальше.

Не нравилось все это Коззе. Он потыкал в ребра лежавшего большим пальцем ноги, но безрезультатно. Глаза мужчины так и не открылись, на губах выступила розовая пена.

Огромная рана в его груди была заткнута свежим мхом, однако повязка не могла остановить кровь, струйками стекавшую по ребрам. Козза бился во многих битвах, он знал, как умирают мужи, и знакомое присутствие смерти не смущало его.

— Оставь его, — приказал Ликос, поворачиваясь, чтобы уйти, но остановился и ткнул пальцем в сторону мальчишек, забившихся еще дальше. — А эти почему не работают?

— Один из оловянных ручьев разлился. — Козза шагнул влево, оказавшись чуть позади Ликоса. — Пока вода не спадет, там нельзя копать.

— Тогда поставь их к килнам, чтобы жгли древесный уголь… или руду пусть толкут; дела для них много.

Козза согласно кивал. Что они ему — просто мальчишки-донбакшо, за какие-то безделушки проданные родителями в услужение.

Ветер заносил в хижину снежные хлопья; весна в этом году запоздала. Солнце холодным оком светило невысоко над горизонтом. По полуза-

мерзшей грязи и заносам белого пепла шагали они к приветливому теплу, исходившему от одной из печей: под односкатным навесом в углублении была навалена груда раскаленного древесного угля, перемешанного с рудой. Для выплавки олова требовалось дутье, и, заметив Ликоса, пара мальчишек, без усердия колыхавших мехи, налегла на них со всей силой; посыпались искры, свиная шкура, из которой были сделаны мехи, визжала, обретая между двумя досками новую жизнь.

— Эта скоро будет готова, — проговорил Ликос, окидывая опытным взглядом ворох раскаленных углей.

— Не нравится мне этот раненый альбий. Как он здесь оказался? В этих краях они не живут. Почему…

— Они воюют между собой, а значит — умирают. К нам это не имеет отношения.

В этих словах слышался уже приказ удалиться. Козза неохотно оставил тепло и отправился назад в собственное жилье — за мечом и щитом с бронзовой бляхой в центре. Это в поселении можно было ограничиться полубронеей и кинжалом. Даже один шаг за вал следовало делать вооруженным — и при этом не лезть на рожон.

В лесу водились медведи, иной раз они могли и напасть после долгой зимы; волки, бродившие стаями, видели в людях всего лишь источник мяса. В чаще кустарников таились свирепые вепри, могучие убийцы. И люди: нет страшнее убийц среди всего живого на земле. В незнакомце любой видел врага. За пределами домашнего круга друзей не было.

Мирисати сидел на корточках чуть ниже гребня, перегораживавшего долину вала.

Тяжелый щит лежал рядом с ним, кончиком меча он чертил на грязи круги.

— Я легко мог бы убить тебя, — проворчал Козза. — Расселся, словно с наслаждением валишь кучу.

— А вот не убил бы, — отвечал Мирисати с безразличием молодости к одолевающим старость заботам. Он сел, потянулся, потом поднялся на ноги. — Я же слышал еще за целую сотню шагов, как ты хрустишь коленями и звенишь броней.

— Что видно?

Козза, сощурясь, вглядывался в снежную пелену. Перед ним простиралась во всю ширину безлесная долина, покрытая кочками побуревшей мертвой травы. Поодаль начинались заросли вереска, за ними темнела стена леса, покры-

вавшего остров Йерниев с востока на запад, от песчаных пляжей юга до болотистых северных берегов. Молчание окутывало долину. Ничто не шевелилось, только стая ворон поднялась и исчезла вдалеке.

— Видно то, что и теперь перед нами. То есть — ничего. Они к нам не ходят. А хорошо бы пришли. Порубили бы дикарей… все развлечение.

— Ничего, значит, не видел? А как насчет раненого, которого нашли мальчишки, — с дырой в груди? — Невесть откуда свалившийся умирающий все еще тревожил Коззу.

— Кто знает, откуда он взялся? И кому понадобился? Они же тут обожают резать друг друга. И я их понимаю. Чем еще можно развлечься в этих холодных краях?

— Альбии не воюют.

— Это ты скажи твоему будущему покойнику. А если хочешь поговорить со мной, давай лучше вспомним согретые солнцем камни Микен. В какую же даль забрели мы из этого счастливого края! И пусть мои руки ноют от одной мысли о рукоятке весла, я бы хоть завтра поднялся на корабль, чтобы пуститься в обратный путь. Значит, так: пятнадцать дней по холодной зеленой воде до Столпов Геракла, еще тридцать дней по голу-

бым водам до Арголиды. А дома вот-вот начнут выжимать масло из первых маслин.

— Мы отправимся домой, когда получим приказ, — буркнул Козза.

Остров Йерниев он любил не больше своего собеседника. Ветер на миг разогнал снег, и воин заметил, как опускаются на деревья темные силуэты ворон. Устраиваются на ночлег… Но почему они взлетели? Их кто-нибудь потревожил?

— Лучше иди назад, прикажи мальчишкам в хижине браться за работу. Скажи — так приказал Ликос. А ему самому передай, когда увидишь, что подлесок вновь подрастает: пора снова браться за расчистку.

— А тебе, Козза, без дел не живется? — Мирисати не торопился в лагерь.

— На нас уже нападали. Йернии держатся поодаль лишь потому, что мы перебили всех, кто пытался на нас нападать. Но когда-нибудь они непременно полезут снова. А кусты могут служить им укрытием. Лягут на землю и поползут.

— Старик, тебя одолевают кошмары. Мне снится иное, высшее. Теплое солнце, оливковые рощи, прохладное вино. Дивное эпидаврское вино, такое густое, что его приходится разбавлять двадцатью частями воды.

А потом хорошо и девку, да не грязную донбакшо, с которой приходится сперва срезать эти тряпки, чтобы убедиться, что перед тобой не мальчишка и не старик… девушку с медовой кожей, от которой пахнет благовониями.

— Да, такую там не встретишь, — махнул Козза в сторону темного леса.

— Вот я и не надеюсь. Неужели и весь остров такой же?

— Да, насколько я видел. Мы ходили два лета назад — у Ликоса были какие-то дела с племенами. Повсюду леса, густые, даже на высоких холмах не продерешься. Чтобы дойти до племен, у которых огромные камни, нужно идти пять дней. Эти йернии роют землю словно кроты: насыпи, круглые и прямые, холмы, погребальные курганы, а потом еще ставят на них камни… огромные такие уродины.

— Зачем?

— Их и спрашивай. У людей Уалы, где мы тогда были, камни наставлены в два круга, голубые, а верхушки красным намазаны… словно огромный хрен торчит из земли. Грязные люди.

— Смотри, что там? — Мирисати указал мечом на вересковый куст, темневший под буками.

— Ничего не вижу. — Опускалась темнота, и

Козза уже не мог ничего разглядеть.

— А я видел — только что. Лиса, наверное, или олень. Неплохо бы добыть свежатины для котла. — Он поднялся на вершину вала, чтобы лучше видеть.

— Назад! Ты ведь не знаешь, что там было.

— Не бойся теней, старик. Они не кусаются.

Мирисати со смехом обернулся, чтобы спрыгнуть вниз. И тут в воздухе что-то прошелестело. Копье глубоко погрузилось в шею воина, удар бросил его наземь, звякнул доспех.

Мирисати упал на спину, разбросал ноги. Выкатив глаза, он потянулся к древку и умер.

— Тревога! — завопил Козза. — Тревога! — И заколотил мечом в край щита.

Больше копий никто не бросал. Осторожно выглянув из-за гребня вала, он увидел, что от леса безмолвно и быстро, как волки, бегут мужчины. Нагие даже в эту погоду, они ограничивались короткими кожаными набедренными повязками. В руке бегущего первым было копье, он метнул его в Коззу, тот легко отразил удар. Больше копий в него не бросали — местные жители использовали копье для охоты, а не в сражении. Нападавшие были уже близко: круглый щит на левой руке, в правой — боевой каменный топор. У некоторых

на шее висели кинжалы; снег выбелил их волосы, и заснеженными жесткими щетками белели усы на лицах. Людей было много. Оказавшись у подножия вала, они разразились пронзительным криком — «Абу-абу!», — чтобы враги в страхе бежали. Козза стоял.

— Йернии! — выкрикнул он; за его спиной уже раздавался шум тревоги. А теперь будет битва. Сердце сильнее забилось в груди воина: из леса появлялись все новые и новые полуобнаженные фигуры. Снегопад прекратился, и он видел, как заполнял долину поток бегущих фигур. Коззе еще не приходилось видеть здесь стольких туземцев сразу. Целое племя пришло, должно быть, и не одно.

Позади Коззы глухо затопали ноги, он понял, что теперь уже не один. Хорошо, пусть будет битва.

Первые воины уже поднимались к вершине вала, выскочив на гребень, он погрозил мечом:

— Козлы и дети козлов! Микенцы вас ждут!

Подняв щит, чтобы отразить им удар топора, Козза погрузил свой меч в живот человека.

Не чересчур глубоко — для этого Козза был слишком опытен, — повернул и вытащил. И пока тело первого еще падало, Козза уже снес голову

бежавшему следом, щитом отбросив его топор. А потом другому… еще одному… по мечу заструилась кровь. Острая боль пронзила ногу Коззы, он едва не упал. Краем щита сбил с ног и этого. Но теперь нападавшие были уже и позади него. Их было много, чересчур много. Завывая высокими голосами, они набегали со всех сторон.

Упал Козза, лишь когда искромсанные ноги не могли более поддерживать тело, и все-таки перекатился на спину и тыкал, тыкал вверх мечом, разя и убивая, пока наконец с него не сорвали шлем и на голову не обрушился тяжелый удар топора. В горло вонзился кинжал, торопливыми движениями ему отхватили голову.

Туземцы с визгом бежали мимо, и снег, утоптанный множеством ног, быстро покрылся красными пятнами.

Глава 2. Микены

Рассвет уже серел, силуэт города четко обрисовался на фоне неба и дальних холмов.

Город властвовал над долиной; к нему вели все тропки среди полей и деревьев. Холм, на котором высился город, был пологим у подножия, далее склон его круто вздымался к основанию могу-

чих и неприступных стен. Едва заря окрасила камни, огромные ворота под львами, стоящими на задних лапах, растворились, словно повинуясь движению невидимой длани. Внутри стен струи дыма из множества очагов вздымались прямо к небесам в неподвижном воздухе. Мальчик с козой медленно брел вдоль обочины, на тропах появились мужчины и женщины с корзинами съестного. Возле большой дороги они остановились, прислушиваясь к стуку копыт, с безмолвным любопытством глядя на двуконную колесницу, прогрохотавшую мимо. Заслышав стук копыт по мощеному склону возле стены, из ворот выглянули стражи. Колесничий весьма спешил: одна из лошадей поскользнулась и чуть не упала, но возница лишь подхлестнул ее. Солнце только что встало, значит, он ехал всю ночь, что небезопасно: вероятно, для такой спешки был повод. В Микенах спешить некуда: времена года сменяют друг друга, дождь увлажняет землю, поднимаются всходы, режут скот, растет молодняк. И нет причин куда-либо торопиться, особенно по ночам, рискуя искалечить или погубить священное животное — лошадь.

— Узнал! — выкрикнул один из стражей, показывая бронзовым наконечником копья. — Это

Форос, двоюродный брат царя.

Они расступились и, высоко воздев оружие, приветствовали важного гостя. Белый плащ Фороса потемнел от пены, летевшей с оступавшихся лошадей, сам он устал не меньше.

Не поворачивая головы ни вправо, ни влево, он погнал утомленных животных в высокий проем ворот, под львами, вырезанными в камне, мимо круга царских могил, на вершину холма в город Микены.

Рабы торопливо приняли лошадей, пока Форос неловко спускался на землю. Его шатнуло, ноги слишком устали после долгой езды, и он привалился к стене. Прошедшей ночи ему не забыть: он не колесничий, поэтому всю дорогу опасался за благородных животных. И все-таки гнал их вперед, невзирая на все опасения, а перед этим подгонял целый день гребцов, не обращая внимания на усталость людей. Царь должен узнать. Конская поилка оказалась неподалеку, Форос в изнеможении склонился над ней и, зачерпнув ладонями воду, бросил ее на лицо и плечи. Вода после ночи еще не согрелась и, смыв с тела пыль, прихватила с ней и часть усталости. Вода капала с волос и бороды; Форос утерся краем плаща, прежде чем по мощеному проходу направиться вверх

— в царскую резиденцию в центре города-дворца; мышцы ног больше не сводило судорогой, он шел мимо огородов, мастерских и домов, где только начинали пробуждаться люди. Они выглядывали из дверей, с любопытством провожали его глазами. Наконец он достиг самого дворца и по гладким каменным ступеням направился ко входу. Окованная бронзой дверь оказалась распахнутой — Авалл, старейший среди домашних рабов, уже ждал, кланяясь и прижимая к груди узловатые руки. Он успел послать раба отнести весть царю.

Перимед, царь Арголиды, глава Персеева Дома в Микенах, с утра был не в духе. Ночью ему не спалось. Виновато было то ли вино, то ли ноющие старые раны, то ли — это уже наверняка — Атлантида.

— Ах вы, недоноски! — ругал он никого вообще и всех сразу, сползая пониже в огромном кресле и протягивая руку к корзине с фигами на столе перед ним. Атлантида — само это слово словно терновый шип или скорпионье жало.

Вокруг на просторном мегароне[1] уже закипала повседневная жизнь. Раз царь проснулся — не

---

[1] Примечания: 1

Мегарон — главный зал дворца с очагом посредине, над которым в потолке располагается отверстие для дыма.

спать никому. Кое-где раздавался приглушенный говор, хотя никто не осмеливался возвышать голос. На приподнятом круглом очаге посреди палаты раздули огонь, чтобы пожарить мясо. Сколько же лет он сам поддерживал огонь в этом очаге: тогда ни дворец, ни мегарон еще не были построены. Мысль эта не согревала царя, и даже фиги не могли сделать ее слаще. Рядом под навесом две его дочери вместе с рабынями чесали руно и пряли. Царь бросил суровый взгляд, девушки приумолкли, углубившись в работу. Перимед еще был красивым мужчиной, с густыми бровями и тонким носом над широким ртом. И пусть его можно было считать пожилым, волосы оставались каштановыми, как в юности, не было и живота. Загорелую кожу на обеих руках покрывали белые рубцы; когда царь потянулся за очередной фигой, стало заметно, что на правой руке его не хватает двух пальцев. Трудно стать царем в Арголиде.

Появившийся на дальней стороне мегарона Авалл поспешил к нему, низко кланяясь.

— Ну?

— Твой брат, благородный Форос, сын…

— Пусть войдет, сын облезлого козла. Я давно его жду. — И Перимед улыбнулся, а раб поспешил

за кормчим.

— Форос, ты нужен мне. Входи, садись, сейчас подадут вино. Как сложилось путешествие?

Присев на край скамьи, Форос поглядел на полированную мраморную крышку стола.

— Дядюшка Посейдон[2] всей мощью своею подгонял корабль во время пути.

— Не сомневаюсь, но меня интересует не твой путь по морю. Ты привез олово?

— Привез, но, увы, немного — одну только десятую часть корабельного груза.

— Почему же? — ровным голосом спросил Перимед, от внезапного предчувствия потемнело в глазах. — Почему же так мало?

Не поднимавший глаз от стола Форос не обращал внимания на вино в золотом кубке.

— Пришли мы туда в туман. Возле острова Йерниев море всегда туманно. И мы стали ждать, чтобы ветер развеял туман, чтобы можно было под парусами добраться до устья известной нам реки. Мы вытащили корабль на берег, я оставил людей охранять его, а потом по заросшей тропе мы направились к копи. Сперва мы зашли туда, где хранится олово, но слитков не было. Мы поис-

---

[2] Примечания: 2

Посейдон — бог моря в греческой мифологии.

кали вокруг, кое-что удалось найти, но немного.

Теперь Форос поднял глаза, глядя прямо на царя.

— Но не об этом следует тебе узнать — копь разрушена, все погибли.

Быстрый шепот пробежал по мегарону, разнося новость. Все умолкли: стиснув кулаки, молчал и сам Перимед, лишь на виске его дрожала жилка.

— А брат мой, Ликос?

— Не знаю. Трудно было понять. С трупов сняли доспехи, останки пролежали много месяцев. Звери и птицы сделали свое дело. Там была битва, жестокий бой с йерниями. Все наши были без голов. Йернии уносят черепа, сам знаешь.

— Значит, Ликос мертв. Он не сдался бы в плен дикарям. — В груди разгорался гнев. Успокаивая себя, Перимед провел рукой по телу. Все к одному: брат его, пропавшее олово, гибель его людей, корабли Атлантиды… мрачные, несчастные дни. Хотелось орать от гнева, извлечь меч, убить им зверя или человека — пусть защищается, если сможет. В молодые дни он так и поступил бы, но с годами приходит мудрость. И гнев царя не прорвался наружу; придушив его, он начал раздумывать о том, что следует предпринять. Боль не уходила.

— Верно ли это? Неужели мой родственник Мирисати погиб?

Перимед поднял взгляд на разгневанного человека. Квурра, первый среди халкеев, работников по металлу. Услыхав новости, он явился, наверное, прямо от печи. Кожаный фартук на нем был прожжен искрами, на лбу и руках чернела сажа. Забытые корявые клещи были еще зажаты в правой руке.

— Конечно погиб, — отвечал Форос. — Все, кто был на копях, погибли. Микенец не станет рабом.

Горячий Квурра с болью воскликнул:

— Горе пало на нас! Копь разрушена, люди погибли, родичи мои убиты! — Он гневно потряс клещами. — Погиб Мирисати, которому ты обещал свою дочь, когда она станет взрослой… — Слова утонули в кашле. Надышавшиеся металлом халкеи вечно кашляли, и многие из них из-за этого умирали.

— Я не убивал его, — отвечал Перимед. — Брат мой Ликос тоже погиб. Но я позабочусь, чтобы за них отомстили. Возвращайся к печи своей, о Квурра, послужи нам своей силой.

Квурра повернулся и, уходя, бросил через плечо:

— А скажи мне теперь, благородный Перимед, долго ли еще гореть огню в моей печи, если копи больше нет?

Долго ли? Именно этот вопрос более всего волновал и самого Перимеда. Неужели он слишком многого хочет, думал царь. Нет, другого пути не остается. Пока города Арголиды ссорятся друг с другом, они будут слабыми. Лерна воюет с Эпидавром, Немея топит корабли Коринфа. А корабли Атлантиды тем временем плавают куда им угодно, атланты богатеют.

Лишь объединив свои силы, Арголида сможет бросить вызов древней мощи островного царства. Каменистые равнины отечества плодоносят, но скудно. А за морем дразнят богатством далекие города, и люди его жаждут этих богатств. Облаченные в медь воины с бронзовыми мечами добудут все, что пожелает глаз. Но удачу им приносит бронза. Бронза — пища и питье войны, ведь без нее воины станут ничем. Много вокруг мягкой золотистой меди, но не она нужна Перимеду. Халкеи умеют смешивать медь с серым оловом в недрах своих печей — делать благородную бронзу. Из нее Микены ковали свое оружие — чтобы покорять силой или покупать города Арголиды, связывая их воедино.

Без бронзы шаткий союз распадется, города вновь примутся воевать друг с другом.

И Атлантида — морская держава — будет править, как правила прежде. У Атлантиды есть олово — столько, сколько нужно. Их копи и лагеря расположены у Истра[3]. У Микен тоже было олово, немного олова, но оно было. Людям Перимеда приходилось плавать за Теплое море по холодному океану к далекому островку, там добывать олово, везти его обратно. Но олово было, и Микены владели бронзой. Теперь бронзы не стало.

— Копь… Копь нужно восстановить.

Перимед вымолвил эти слова, еще не заметив, что к нему приблизился смуглый невысокий Интеб-египтянин в тонком одеянии из беленого льна, сменившем грубую рабочую одежду. Край накидки был расшит золотой нитью. На шее лежал богатый нагрудник, усеянный самоцветами, умащенные благовониями черные волосы влажно блестели. Поглядев на него, Перимед вспомнил:

— Покидаешь нас.

— Очень скоро. Я закончил свою работу.

---

[3] Примечания: 3

Истр — название Дуная в древности.

— Ты хорошо потрудился. Скажи об этом своему фараону. А пока садись, поешь со мной на дорогу.

Женщины торопливо принесли блюда с жаренными в масле рыбешками, пироги, пропитанные медом, соленый белый сыр из козьего молока. Интеб деликатно брал рыбку золотой вилкой, извлеченной для этого из кисета. Странный человек, слишком молодой для руководства строительством, но прекрасно знавший дело. Он был благородного рода и в известном смысле являлся не только строителем, но и послом Тутмоса III. Он разбирался в астрономии, умел читать и писать. Под его надзором сооружались толстые крепостные стены, охватывавшие город. Мало этого, он возвел огромные ворота, поставил над ними каменных львов царского дома Микен. Хорошая работа и недорого обошлась. Помог договор с фараоном. Тутмос III, поглощенный войной на юге, не желал, чтобы на севере его беспокоили пираты из Арголиды, топившие корабли Египта и сжигавшие прибрежные города.

Дело свершилось по согласию обоих царей.

— Ты обеспокоен? — ровным голосом спросил Интеб, не изменяя бесстрастного выражения лица. Он выковырял из зубов рыбью косточку,

бросил ее на пол.

Перимед пригубил вино. Много ли знает египтянин о случившемся в копи? Фараон не должен проведать о неудаче Микен.

— У царей много поводов для беспокойства… у фараонов тоже, такова участь владык.

Если с точки зрения Интеба имена правителя драчливого городишки и могущественного повелителя всего Египта нельзя было ставить рядом, на лице его это не отразилось; египтянин взял медовый пирог.

— Меня беспокоят навозные мухи, разлетающиеся из Атлантиды, — проговорил Перимед. — Мало им собственных берегов, так они приходят сюда и сеют меж нас раздоры.

Корабли их развозят оружие вдоль всего побережья, а вздорные княжата с охотой им платят. Они не знают, что такое верность. Микены — вот оружейная мастерская всей Арголиды.

Некоторые забывают об этом. Вот и сейчас на юге в Асине стоит корабль атлантов, целая плавучая кузница, занимающаяся своим делом в наших водах. Но он там не пробудет долго… и в Атлантиду тоже не вернется. Когда мы узнали о появлении этого корабля, мой сын Эсон повел туда наше войско. Можешь сообщить об этом

фараону. Подарки мои получил?

— В целости погружены на корабль. Не сомневаюсь — фараон будет доволен.

Перимед в этом не был уверен. Можно было на словах считать себя равным фараону, Перимед понимал: от самого себя истину незачем прятать. Египет, его города для живых и мертвых, толпы народа, неисчислимое войско. Если эта сила обратится против Микен, город перестанет существовать. Но есть сила и сила, велик Египет, но это не значит, что ничтожны Микены. В Арголиде нет города могущественнее, есть чем гордиться.

— Я провожу тебя, — объявил Перимед, вставая и цепляя к поясу знак царской власти — кинжал с крестообразной рукоятью. На длинном и узком прямом серебристом клинке золотом, серебром и чернью изображена была сцена царской охоты на львов. Гарда же — округлая чашка из литого золота на золотом стержне, еще один знак власти, — крови не требовала.

Перимед и Интеб шли рядом, а рабы бросились открывать кованные бронзой двери. И вовсе не случайно они миновали крытые гряды с грибами, располагавшиеся внутри дворца.

Перимед помедлил, принялся критическим взглядом следить, как садовники сооружают

свежую гряду. Выложив слой коровьего помета, они забрасывали его кусками коры. Оказавшись рядом с ними, Перимед согнулся, сорвал гриб и принялся крутить его на ходу. Белая шапочка, бледная ножка, мохнатые края шляпки. Он отломил кусочек, попробовал, угостил Интеба. Египтянин съел угощение, хотя на самом деле грибов не любил; ведь все вокруг считали их деликатесом.

— Это — история, — проговорил Перимед, указывая на навоз и гряды; будучи дипломатом, Интеб сумел сдержать улыбку. Он знал, что грибы здесь в почете.

Микес — называли их здесь и отливали в виде грибов рукояти мечей и кинжалов. Даже сам город назвали в их честь. Микены. Трудно понять почему. Разве потому, что, выпирая из земли, молодые грибы так похожи на мужскую суть, — люди, далекие от цивилизации, всегда озабочены этой штуковиной.

— Царские грибы, — проговорил Перимед. — На этом месте их собирал Персей, он и дал имя городу. У нас долгая история, как у Египта. Есть у нас люди, что умеют читать и писать и записывают события.

Остановившись возле деревянной двери, Пе-

римед застучал в нее, наконец дверь со скрипом отворилась; моргая на солнце, из нее выглянул старый раб с глиняной табличкой в руке. «По виду атлант, — подумал египтянин, — вот тебе и микенская культура». И он, частый гость в Фиванской библиотеке, где папирусные свитки аккуратно разложены на полках многих комнат, занимавших вместе больше места, чем этот дворец, постарался изобразить интерес к покосившимся рядам поставленных друг на друга корзин с неразобранными табличками… попробовал не замечать осколки на грязном земляном полу. Определенно все эти таблички содержали лишь жизненно важные записи: количество котлов, винных кувшинов, щипцов для очага, скамеечек для ног и прочих предметов повседневного обихода. Едва ли стоит беспокоить фараона упоминанием о так называемой библиотеке.

Снаружи послышался крик, и оба они заторопились к выходу: двое воинов в панцирях волокли к ним третьего — покрытого кровью и пылью, со ртом, открытым от крайнего изнеможения.

— Мы нашли его, полз сюда по дороге, — начал один из воинов. — У него есть слово, это один из тех, что ушли с Эсоном.

И снова холод окатил Перимеда. Он заранее

знал, что скажет раненый, и не хотел слышать этих слов. Злой день. Если бы только можно было выкинуть его из жизни. Перимед ухватил раненого за волосы и ударил о стену архива… потом стал трясти; наконец тот задышал, как оказавшаяся на суше рыба.

— Говори. Что с кораблем?

Тот не мог выговорить ни слова.

Подбежал раб с кувшином вина; вырвав сосуд прямо из его рук, Перимед выплеснул содержимое в лицо измученного человека.

— Говори, — приказал он.

— Мы напали на корабль… люди Асины, там… — Он слизнул струйку вина, стекавшую по лицу.

— Что Асина? Они же помогали вам, они ведь из Арголиды. Говори об атлантах.

— Мы бились… — воин выдавливал слово за словом, — мы бились со всеми. Асина пошла на нас вместе с атлантами. Их было слишком много.

— А мой сын, Эсон, ваш предводитель… Что с ним?

— Он был ранен. Я видел, как он упал… умер или попал в плен.

— А ты вернулся… чтобы сообщить мне об

этом?

На этот раз царь не мог сдержать нахлынувший гнев. Одним движением он извлек кинжал и погрузил его в грудь воина.

Глава 3

Тиринф остался позади, видны были только дома на самой верхушке холма над гаванью. В Аргосском заливе море было спокойным, и корабль легко несся вперед, повинуясь опускающимся и поднимающимся в такт неторопливому рокоту барабана веслам. По правому борту проплывала земля, вся в юной зелени. Радостное прикосновение солнца прогоняло утреннюю прохладу. Прислонившись к борту, Интеб рассеянно глядел на пену внизу, не замечая даже кормчего, находившегося в двух шагах. Весна, в тростниках у берегов Нила уже кричат аисты, скоро он будет дома. После трех лет, проведенных на чужбине, вернется в сердце мира, к цивилизации, оставив позади вздорные претензии варваров, копошащихся в своих грязных Микенах. Он выполнил свой долг, хотя это и заставляло его по временам испытывать отвращение. Полководцы служат своему фараону на поле брани. Это дело

несложное — а в качестве последней награды их обычно ждет насильственная смерть. Вот и сами воины — люди простые, жестокие, конечно, но чему удивляться: ведь душегубство — их работа. Воины необходимы Тутмосу III, но нужен ему и Интеб. Победа достигается и без битвы. Фараон знает это. Знает и он, Интеб; вот почему, преодолев естественное в таком случае отвращение и нежелание, он покорился воле своего царя и отправился к варварам.

Ему самому эта победа обошлась недешево, но Тутмос сэкономил на ней. Интеб не жалел об этом. Трудов благородного зодчего, немногих рабов, горсточки золота, скудных подарков хватило, чтобы остановить войну, чтобы прекратить нападения на побережье Египта.

Микены сделались сильнее в результате его трудов, однако для него самого эти годы были потеряны.

И все-таки не совсем: он тоже кое-что обрел. Все эти долгие месяцы… за молодым вином, под зимними дождями, под опаляющим летним солнцем — о таком трудно будет забыть — он встречал человека, которого мог бы назвать своим другом. Не исключено, что дружба эта была односторонней: для Эсона он оказался просто

одним из многих обитателей дворца, и не из самых знатных. Как ни странно, это не волновало Интеба, даже безответная любовь остается любовью. Он с удовольствием сидел на тех пирах, потягивая вино, пока остальные опрокидывали кубок за кубком, чтобы напиться, как подобает благородному человеку. Грубая, своенравная, беспокойная — такова микенская знать, таков и Эсон. Но все же он был иным; ему предназначено стать царем. Эсон унаследовал от отца острый ум, его трудно было счесть еще одним вонючим варваром. Впрочем, быть может, Интеб все это лишь придумал. Неважно. Просто так было легче пережить эти годы. И хотя он промолчал, гибель Эсона потрясла его не менее, чем самого Перимеда. Мощь Атлантиды сокрушила великого воина, раздавила как насекомое. Интеба даже слегка тревожило, что скоро ему придется ступить на землю, где обитают убийцы его друга. Очнувшись от своих мыслей, он заметил, что Тиринф исчез за кормой и берега разошлись. Тяжелые валы открытого моря вздымали и опускали корабль. Из каюты появился капитан, Интеб жестом подозвал его.

— Куда мы идем?

— Мы возьмем на восходящее солнце, госпо-

дин, как только поравняемся с этим островом, а за ним будет другой, потом новый… их называют Кикладами, я не знаю названий всех островов. Они тянутся к Анатолийскому побережью, мы не будем терять сушу из виду, оставаясь в глубоких водах. А потом направимся вдоль берега. Пока море спокойно, там не опасно; если налетит буря — можно зайти в дружественную гавань.

— Я говорю не о собственной безопасности и покое. Не старайся угадывать мои желания, кормчий. Я достаточно поплавал, море меня не страшит.

— Я не хотел, прости меня… — Мозолистые кулаки кормчего были покрыты шрамами; экипаж опасался его скорой на расправу руки.

— Я хотел узнать, будем ли мы проходить мимо Феры, острова атлантов.

— Конечно; когда Иос останется позади нас, этот остров будет по правому борту; один из ориентиров.

— Мы зайдем туда.

— Но утром ты велел мне идти в Египет, ты приказывал…

— Я говорил в присутствии арголидцев, они все доносят своему царю. Веди корабль, кормчий. А с правителями я договорюсь. Правь к Фере.

Когда они достигли Спеце, корабль повернул, оставляя на голубой воде дугу белой пены. Перимед не узнает, что путь его зодчего пролег ко двору Атлантиды, к убийцам его сына, вечным врагам Микен. Царь прогневался бы, если б узнал, и долгие годы труда, потраченные, чтобы укрепить дружбу с Египтом, не принесли бы плода. Лучше быть хитрым и вежливым. С другой стороны, и Атлас, повелитель морей, выразит легкое неудовольствие, если узнает, что египетский гость лишь недавно обедал с врагом царя Атлантиды.

Не исключено, что в подобном поступке его удивит отсутствие вкуса. Крохотные, драчливые и задиристые государства словно блохи в густой шкуре Атлантиды… укус насекомого можно почесать, а можно оставить без внимания. И поодиночке, и вместе варвары не страшны несчетным кораблям Атлантиды, им не добраться до ее внутренних островов.

Корабли атлантов плавают в этих морях по своей воле, торгуют там же, где и суда Египта.

По слухам, царский двор Атлантиды своим великолепием не уступит египетскому, но в это Интеб поверит, лишь когда увидит своими глазами. Как ни стремился он домой, все же со-

держание свитка в цилиндрическом футляре, полученного от кормчего, обрадовало Интеба. На восковой печати оттиснут был картуш Тутмоса III, пятого царя восемнадцатой династии.

Приказано было Интебу с государственным визитом посетить двор царя Атласа, чтобы возобновить узы дружбы. Корабль вез дары для царя: длинные бивни — слоновую кость надлежало с церемониями поднести Атласу, — ткани, горшочки с пряностями, золотые украшения и скарабеев, небольшие куски пронизанного жилками алебастра, аметисты, на которых придворные ювелиры-атланты будут вырезать печати для честолюбивых царедворцев. Куда более важный груз — и для Атласа, и для Египта — кипа листов папируса, гладкого и белого.

Только год назад папирус впервые был послан в Атлантиду, и вместе с ним — писцы, умелые в обращении с тростниковым пером и тушью. К этому времени атланты должны уже оценить все преимущества папирусных свитков перед неуклюжими глиняными табличками… они будут рады новым запасам. Но дарящий вправе рассчитывать на отдачу, и Интебу было указано при удобном случае напомнить, как нуждается безлесный Египет в древесине, особенно в ки-

парисовой.

На третье утро, когда из моря поднялись округлые берега острова Фера, Интеб аккуратно надел лучшее свое платье из льняного полотна, украшенный самоцветами нагрудник и золотые браслеты, а потом сидя дожидался, пока раб умастит благовониями и причешет его. Его ожидало дело государственной важности. Кормчий облачился в чистую тунику и тоже попытался навести красоту: после бритья не слишком острой бритвой лицо его усеяли точки засохшей крови.

— Бывал ли ты здесь со своим кораблем? — спросил его Интеб.

— Однажды, господин, много лет назад. В мире нет второй такой гавани.

— Наверное, так, если люди не врут.

Зеленым самоцветом поднимался остров из синего моря. Сады олив и финиковых пальм ровными рядами опускались к морю, меж них виднелись только что засеянные поля.

Среди деревьев белели деревенские дома. В небольшой бухточке расположилась рыбацкая деревушка, утлые лодчонки были вытащены на ржавый песок. На миг в просвете между холмов перед Интебом промелькнул далекий город, разноцветные здания поднимались все выше по

склонам холма. Город исчез — корабль поворачивал на запад.

— Спустить парус, — приказал кормчий.

Матросы привычно заторопились. Они отвязывали канаты, которыми огромный квадратный парус был прикреплен за нижние углы и борта. Другие тянули за сплетенный из пеньки с конским волосом трос, служивший оттяжкой для мачты. Он проходил через отверстие на ее верхушке, смазанное жиром. Когда трос отпустили, парус пополз вниз, складываясь крупными складками. Потом, когда парус намотали на рею и уложили вдоль корабля, кормчий велел спустить и мачту.

— Зачем это? — поинтересовался Интеб: ему еще не приходилось видеть, как опускают мачту.

— Это там — на острове, господин, сам увидишь, — отвечал кормчий, слишком занятый, чтобы пускаться в объяснения. Умерив любопытство, Интеб не стал отвлекать его от дела.

Мачту в гнезде удерживали прочные дубовые клинья, их пришлось выбивать тяжелыми кувалдами. Криков было много, ругани тоже — на самых разных языках… Наконец мачту опустили и прикрепили рядом с парусом. Тем временем корабль неуклюже качался на волнах, возбуждая

неприятные ощущения в чреве Интеба, так что он поспешно принес Гору благодарственную молитву, как только гребцы взялись за весла. Корабль вновь тронулся в путь, и едва он обогнул скалистый мыс, как перед глазами плывущих предстала расщелина в береге. Словно некий бог рассек почву и скалы огромным боевым топором. Склоны вздымались высоко над головой, уходили вглубь побережья. Встав у руля, кормчий сам направлял корабль мимо мыса — прямо в расщелину.

Тонко пропел рог, едва различимый за шумом волн, бивших в скалистые берега.

Прикрыв глаза ладонью, Интеб сумел различить на вершине утеса воинов в шлемах.

Стража — в обязанности ее входит извещать царя о появлении каждого корабля. И не только.

Не трудно было заметить ряды огромных камней, приготовленных, чтобы их можно было сбросить на незваных гостей. Наверняка припасена и горячая смола. Атлантида умела защищать себя.

Еще один поворот — и высокие утесы вдруг разошлись, пролив впереди сузился, превратившись в прямой канал. По бокам его тянулись возделанные поля, крестьяне ненадолго остав-

ляли работу и, опершись на мотыги, провожали взглядом корабль.

— Это канал? — спросил Интеб.

Кормчий кивнул, он глядел вперед и не отнимал руки от кормила.

Так мне говорили. Атланты любят приврать, но в этом, возможно, не лгут. Той расщелины в скалах человек не в силах пробить, а вот канал выкопать можно, если есть время и люди. Прямой словно стрела, лежал перед ними канал, протянувшийся к поднимавшимся в глубине острова холмам. Города не было видно, однако впереди в канале появился другой корабль. Заметив его, кормчий велел убрать весла и взял ближе к берегу. Корабль быстро приближался, наконец стали заметны укрепленные на носу рога и яростно горящие глаза под ними. Ряды белых весел крыльями взлетали у бортов атлантской триремы длиной в целых сорок шагов. Словно сердце бил барабан, весла следовали за его ритмом. С каждого борта их было не менее пятнадцати, трудно было даже сосчитать, пока корабль скользил мимо. Только впередсмотрящий с любопытством оглядел гостей, в остальном египетское судно словно оставалось невидимым. Военачальники, облаченные в великолепные бронзовые доспехи,

украшенные самоцветами и эмалью, с высокими султанами на шлемах, не сочли необходимым обратить внимание на гостей, так же поступили и жирные купцы: пересмеиваясь на корме под навесом, они держали золотые чарки в пухлых пальцах, унизанных перстнями.

Богатство и сила… Высокая корма и могучее кормовое весло удалялись, и лишь пенный след еще отмечал на воде путь корабля атлантов. Он ушел к морю, а судно египтян закачалось на поднятой им волне.

— Оттолкнитесь от берега! — завопил кормчий, и корабль вновь тронулся в путь. — А теперь господин поймет, зачем нам нужно было спускать мачту.

Впереди в склоне холма зияла черная дыра. Канал исчезал в ней. Дыру заметили и гребцы: оглядываясь через плечо и перекрикиваясь, они сбились с ритма.

Потрясая над головой сжатыми кулаками, капитан завопил так, что и в шторм было бы слышно по всему кораблю:

— Эй вы, ублюдки, порождения безносых шлюх, блохи, прыгающие в зловонной шкуре протухшей на солнце падали! Следите за веслами, или я велю содрать с вас ваши гнилые вонючие шкуры

и сшить парус для моего корабля. Перед нами ход, пробитый в скале. Я плавал через него, он прямой и узкий. Следите за веслами, иначе вы их переломаете или натворите чего похуже. Не бойтесь темноты, мы скоро выплывем на свет.

Черная пасть поглотила корабль. Гребцам было страшно — уменьшаясь на их глазах, вход в туннель отползал назад, унося с собой свет. Рокот барабана громом отдавался от скальных стен.

Однако с кормы стоявшим там яркий круг выхода впереди был виден. Кормчий направлял корабль, криками подбадривая команду, однако и он умолк, когда эхо превратило его голос в безумный хохот.

Подземное странствие скоро окончилось, египтяне выплыли к свету, удивляясь собственным страхам — теперь, когда туннель остался позади. Интеб моргал, ослепленный солнечным светом, но сцена, открывшаяся его глазам, потрясла его, как и остальных.

Они оказались в круглой, со всех сторон окруженной берегами лагуне. Тут Интеб впервые понял, как непросто устроена Фера: она оказалась полой внутри горой, огромным древним вулканом, извергнувшим из сердцевины лаву, так что океан мог заполнить образовавшуюся полость. В

кратере осталась кольцевая гряда — через нее-то и был пробит туннель. Ну а в самой сердцевине острова лежала лагуна, невысокие берега полого опускались к воде. В укрытой от ветров чаше благоденствовал виноград, вверх тянулись зеленые всходы.

За высокими деревьями прятались богатые виллы с портиками и дома победнее. Посреди лагуны располагался остров, от него во все стороны расходились мосты; остров едва не заполнял всю лагуну, превращая ее в кольцевой канал. А возле острова ряд за рядом стояли корабли Атлантиды… Их было слишком много, не пересчитать. Триремы. Клювастые военные корабли, пузатые купцы, быстрые галеры. А за кораблями — исполненные суеты доки, склады… А над ними склон с цитаделью, которую Интеб лишь мельком сумел заметить с моря.

Перед ним была метрополия, город царей Атлантиды. Гребцы опустили весла и охали, движение корабля замедлилось; Интеб ощущал тот же трепет и изумление, что и эти простолюдины. Вверх по склонам конического холма разноцветными волнами поднимались трехэтажные кубические дома. Фасады их были украшены синими, белыми, красными изразцами: даже

голова кружилась от пестроты — их перемежали горизонтальные полосы драгоценных металлов, искрились белые купола. Но все они только составляли подножие дворца, царившего на вершине; огромное сооружение сияло на солнце богатым убранством.

Ослепительно-красные колонны, сужавшиеся книзу в стиле атлантов, ряд за рядом прикрывали таящиеся за ними лоджии. Крыша и величественный портик входа украшены были громадными эмблемами в виде бычьих рогов, сверкавших кровавым металлическим блеском. Их покрывал орихалк — благородный сплав меди и золота.

— Кто вы и что нужно вам здесь? — на скверном египетском обратился к ним хриплый голос. — Отвечайте!

Интеб поглядел через борт на лодку с портовой стражей, незаметно подобравшуюся, пока они разглядывали город. Над веслами гнулась дюжина гребцов. На высокой корме стояли воины в броне и наколенниках, а с ними чиновник в белом запачканном плаще. Бронзовый обруч на шее служил знаком его должности, однако металл едва не полностью прятался за густой седой бородою. Лысое темя его побагровело от солнца, чиновник прищуривал единственный

глаз, на месте второго была едва зажившая рана. Он открыл было рот, но Интеб заговорил первым, приблизившись к борту так, чтобы видны были золотые браслеты и драгоценные камни. Он слыхал в Микенах речь рабов-атлантов, да и говор их напоминал микенский, поэтому Интеб заговорил на этом языке.

— Я — Интеб из дома Тутмоса Третьего, фараона Верхнего и Нижнего Египта. Я пришел сюда по его велению, чтобы передать слова фараона вашему господину. А теперь ты говори. — В последней фразе ощущался уже легкий гнев, и он возымел нужное действие. Человек на палубе униженно пригнулся, насколько это позволяли ему размеры суденышка, стараясь при этом глядеть вверх.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, господин, в наши воды к священным пределам, ко дворцу Атласа, царя Атлантиды, властителя Феры и Крита, Милоса, Коса и Астипалеи, и всех островов в пределах дня пути под парусом, и всех кораблей в этой гавани. Если соблаговолишь последовать за мной, я отведу твой корабль к пристани.

Он что-то пробормотал гребцам, лодка рванулась вперед, египетский корабль медленно следовал за нею. Они обогнули остров и напра-

вились, как показалось, к другому туннелю. И только оказавшись внутри, поняли, что канал этот прорублен в земле и перекрыт сверху тяжелыми бревнами. Сквозь квадратные люки над головой низвергались столбы света. Кормчий показал вверх.

— Все продумано для обороны. Там вверху — у самого края — громадные камни. Только попробуй пробраться здесь на корабле — потонешь с дыркой в дне.

Этот подземный переход оказался короче первого, выход из него был неподалеку.

Слышно было, как над головой грохочут колесницы, стучат копыта, топают ноги. А потом перед ними открылось новое кольцо воды, окружавшее остров в самом центре Феры.

Корабль причалил у пристани — там, где в воду спускались огромные ступени из красного и черного камня. Над ними располагался деревянный навес. Выкрашен он был в ярко-красный цвет, в центре располагались два позолоченных бычьих рога, подобных тем, что украшали крышу дворца. Интеб заметил на берегу ряды воинов и носилки, понял, что весть о его прибытии опередила его; когда были брошены причальные канаты, он заговорил с кормчим:

— Пусть рабы поднимут на пристань дары фараона и понесут их следом за мной. Не выпускай на берег сразу более половины твоих людей. Если тебе нужны вино и женщины, пусть на корабле знают, где тебя найти.

— Долго ли мы пробудем здесь?

— Не знаю. Несколько дней. Я пошлю к тебе вестника, когда настанет пора отправляться.

Едва Интеб ступил на землю, взвыли рога, подобно вою бога бычьих лягушек; стон их мешался с грохотом огромных деревянных барабанов, на торцы которых были натянуты бычьи шкуры. Ему кланялись, а потом повели к паланкину, восемь рабов подняли носилки, едва он уселся. Они поднимались по извивающейся дороге. Шесты натирали плечи рабам, на коже выступил пот, но Интеб не замечал этого. Он разглядывал людей и город, столь отличающийся от всех, которые доводилось ему видеть. Фивы были величественнее — но на другой манер. Здесь, в Атлантиде, цвета, поражая взор, сталкивались друг с другом, над белыми стенами среди ослепительной зелени перепархивали птицы. В этих же буйных зарослях обитали и другие существа: мартышки с голубоватой шерстью восседали на крышах и портиках. Интебу приходилось уже видеть этих

столь напоминающих человека тварей, только животных подобного цвета он еще не встречал. Откуда это атланты их взяли? Были и другие животные. Ослы возили грузы, из открытых окон выглядывали кошки. Самыми интересными оказались слоны, запросто разгуливавшие повсюду. Они совершенно не были похожи на знакомых ему африканских боевых слонов — здешние толстокожие были ростом с лошадь, шкура их была значительно светлее. Люди расступались перед животными, кое-кто прикасался к ним — ради счастья и благословения.

Потом они оказались уже на самой вершине холма, могучие белые стены акрополя величием своим ничем не уступали египетским. Как только кресло его опустилось на мостовую, массивные бронзовые двери распахнулись, перед Интебом склонились царские слуги в синих одеждах.

Он вступил в просторный зал с колоннами вдоль стен, возле которых выстроились эбеново-черные стражи-нубийцы — вывезенные из Египта, — облаченные в леопардовые шкуры, с копьями в могучих руках. Потом был другой огромный зал, заканчивающийся широкой лестницей. Повсюду царил полумрак, только небольшие окна над головой пропускали рас-

сеянный свет. Издали доносился напев, пахло благовониями, тишину залов нарушали только тяжелые шаги рабов, несших дары за Интебом. Египтянам встречались узкобедрые мужи в облегающих тело коротких одеяниях, они разглядывали Интеба с не меньшим любопытством, чем он их. На фресках, покрывающих стены, такие же юноши, опираясь на рога нападающих быков, взлетали над ними в воздух. Их сменяли изображения странных рыб и многоруких спрутов, раскачивающихся подводных трав, затем — цветов и птиц. Были в залах и женщины, столь же привлекательные, как и мужчины; на них были длинные многоярусные юбки из пестрых тканей, крошечные шляпки украшали сложные и высокие прически, соски округлых нагих грудей были выкрашены синей краской. Некоторые из них были облачены для охоты — место царской ловли знали все; должно быть, туда они и направлялись: невысокие, охватывавшие голень кожаные сапоги были ярко раскрашены, короткие зеленые юбки оканчивались выше колена, широкие кожаные пояса с бронзовыми нашлепками удерживали их у груди. С плеч спускались на грудь перекрещивающиеся перевязи. Плечи женщин оставались обнаженными, подобное

облачение лишь подчеркивало красоту грудей, привлекая внимание к ним. Интеб же нашел в подобных одеяниях нечто отталкивающее. Потом вновь был яркий свет, они вступили на открытый мегарон — в сердце дворца.

Весть о прибытии Интеба успела достичь царя Атласа, восседавшего на высоком алебастровом троне у дальней стены с фреской за очагом, — он явно только что правил суд.

Чиновники с глиняными табличками поспешно покидали мегарон, а вооруженные стражи выталкивали человека в колодках. Интеб отступил в тень, выжидая, пока восстановится порядок, дабы войти, как подобает мужу его ранга, выступающему от имени самого властелина Египта. Колодник был наг, за исключением повязки на бедрах, его покрытое запекшейся кровью тело было сплошь усыпано синяками. Один из стражей ткнул его в спину рукоятью меча, тот споткнулся, а затем, оглянувшись, бросил ругательство через плечо.

Ошеломленный Интеб замер на месте.

Перед ним был Эсон, сын Перимеда, наследник микенского трона.

Второй раз страж ударил уже покрепче, и осевшее тело Эсона торопливо выволокли из

атриума.

Глава 4

— Отличное вино, мой дорогой Интеб, — проговорил царь Атлас, похлопывая египтянина по руке, словно в знак подтверждения собственных слов. Толстые белые, похожие на мясные колбаски пальцы царя были украшены перстнями. — Оно родом с южного склона прямо за Кноссом. Чтобы получить этот глубокий пурпурный цвет и неописуемый аромат, мехи вымачивают в винном соусе. Вино следует разбавлять десятью частями воды — настолько оно крепко.

Высокую амфору в половину человеческого роста осторожно наклонили, чтобы неторопливая струя вина, вытекая, не прихватила масла, которым вино было залито сверху, этим оно предохранялось от воздуха. Золотую чашу с великолепной чеканкой — сценами ловли диких быков — налили не до верха. Один из рабов склонился над нею с губкой, промокая золотистые капельки оливкового масла. Только после этого чашу поставили на низкий стол рядом с Атласом. Чтобы почтить гостя, сидевшего по правую руку от него, царь сам долил холодной воды, а потом

наполнил кубок Интеба; пригубив, тот кивнул.

— Превосходное вино, царственный Атлас, вдвойне превосходное, когда пьешь его из твоих рук.

— Я пошлю его фараону. Десять амфор… нет, двадцать — большее число обладает и большей силой.

Довольный собою, Атлас кивал, улыбался и потягивал вино. Огромная расплывшаяся туша. А в молодости — Интеб знал это — был ведь отважным моряком, провел свой корабль до Золотого Рога и дальше в Восточное море, потом вверх по Истру… Там деревья росли так тесно и близко, что ветвями своими закрывали небо. Люди в этих лесах воевали каменным оружием, были покрыты шерстью, у них росли звериные хвосты… по крайней мере, так говорили. И если прежний воин еще прятался где-то внутри этой глыбы мяса, об этом теперь ничто не свидетельствовало. Складки мертвенно-бледной, как у утопленника, плоти сползали на шею и руки. На голове царя не было ни волоска — словно у бритого жреца, не было даже бровей и ресниц, глаза же, утопавшие в жире, поблескивали сине-зелеными огоньками.

Царь улыбался, хотя глаза его оставались холодными. Растянутые в улыбке накрашенные губы

открывали черное отверстие, в котором торчали редкие бурые пеньки, бывшие когда-то зубами.

В довершение всего боги лукаво пометили этого человека: шею и одно ухо его покрывало воспаленное красно-пурпурное пятно: к счастью, багровая левая сторона лица царя не была обращена к Интебу, сидевшему справа. Должно быть, в годы юности царь действительно был одним из храбрейших — иначе как можно выжить со столь многочисленными признаками немилости небес. В Египте его не оставили бы в живых, даже родись он среди благородных: таких сразу после рождения отдавали водам Нила, дабы священнейшие из крокодилов пресекли неугодную богам жизнь.

— Расскажи мне о Египте, — проговорил Атлас, искоса бросив на Интеба лукавый взгляд.

Интеб приложился к вину и причмокнул губами в знак удовольствия. Думать приходилось быстро. Не следует полагать, что этот царь, налитый белым салом, словно жертвенный боров, допустил, чтобы и разум его тоже заплыл жиром. Ведь он правил морской империей уже три десятилетия. Такое бывало нечасто. Что-то он знал, о чем-то догадывался, а значит, правда позволит наилучшим образом скрыть свои мысли. Интеб

не был новичком в дворцовых интригах, и его радовала возможность вновь окунуться в них после лет, проведенных среди варваров.

— Мне почти не о чем рассказывать, царственный Атлас, я странствовал и много месяцев не видел дома.

— В самом деле? Весьма интересно. Расскажи мне о твоих путешествиях.

— Они скучны, о царь: по большей части это были варварские страны.

— Расскажи же, удовольствие и интерес гостят повсюду. Терпкие вина хороши на охоте, только что убитый вепрь лучше, когда его жарят над костром. — Взгляд холодных глаз вновь обратился в сторону. — Разве мальчишки с округлыми задами не столь же хороши в диких странах? И девки с толстыми животами и большими грудями?

Подцепив кусок мяса золотой вилкой, Интеб окунул его в острый соус и принялся жевать. Придется говорить правду… ее не избежать.

— Большую часть этих долгих месяцев, царь, я провел в скалистых Микенах, выполняя повеление фараона.

— Строил им стены, Интеб, чтобы воевали с нами, атлантами?

Знает, понял Интеб, и пытается подловить.

— Нет, великий Атлас, кому же по силам воевать с Атлантидой, что правит над морями и берегами всюду, где пожелает? Разве опасно для вас, атлантов, это жалкое племя, гнездящееся на прожаренной солнцем скале? Их жалкие стены годятся, только чтобы воевать с другими ничтожными племенами, обитателями деревень. Вижу, что ты, царь, обо всем уже знаешь. У тебя глаза бога Гора.

— Не глаза, Интеб, шпионы, которых можно купить за козий помет. Ты удивишься, узнав об их россказнях.

— После великолепия твоего двора меня уже нечем удивить, — отвечал Интеб, склоняя голову. Атлас расхохотался и протянул руку к истекающему медом жареному цыпленку.

— Интеб, твоему фараону хорошо служат. Мне бы хотелось, чтобы и у меня были столь же верные слуги. — Одним движением он разодрал тушку пополам и принялся жевать. — Перимед умеет жалить как овод. — Изо рта царя вылетали кусочки мяса, мед стекал по подбородку. — Твой фараон поступил мудро, он купил царька высокими стенами и воротами, которые пришлось возводить рабам микенцев. И корабли Перимеда теперь не опасны египетским берегам.

— Но ведь они не опасны и водам, где властвует Атлантида?

— Конечно нет. Я не сказал, что царь глуп. Потому твои труды в Микенах и не беспокоят меня. Впрочем, я не сомневаюсь, что ты хорошо омылся, оставив эту зловонную яму…

— И умастил себя благовониями, а одежду, которую запачкал среди микенцев, сжег прежде, чем предстать перед могущественным Атласом.

Оба расхохотались, и Интеб ощутил облегчение, однако продолжал держаться настороже. Там, в глубинах развалившейся перед ним жирной туши, все-таки прятался юный Атлас, кормчий и воин, и присутствие его выдавал только холодный взгляд царя. И теперь былой витязь вооружен был лучше, чем прежде, не одной силой рук: мегарон дворца источал запах интриги… слабый, но вполне различимый. Богатые купцы и судовладельцы раскинулись на каменных скамьях, покрытых подушками, возле стен зала. Над ними резвились на фресках дельфины, перед ними стояли столики с угощением… они ели и пили, громко перекликались. И были настороже. Как львы, отдыхающие после охоты, после убийства, готовы были они в любой момент прыгнуть на жертву. А пока они говорили, внимательные

глаза не знали покоя, чтобы не пропустить ничего… все время возвращаясь к расплывшейся на троне возле стены туше Атласа, средоточию их интересов.

Главный писец из архивов читал царю список поступлений в царские кладовые, громко, так, чтобы слышали все. В Атлантиде не было придворного поэта, но зато писцы составляли хроники увеличения ее богатства.

— …и три кувшина, шесть котлов с треножниками, и три сосуда с вином, масло, ячмень, оливы, фиги, запас пшеницы, домашний скот, вино и мед: все это дары могучего Маттиса, купца, вернувшегося из дальнего странствия.

Упомянутый купец был могуч, похоже, своим аппетитом: когда он поднялся, то оказался круглым, как дыня. Купец склонился перед царем, тот, приветствуя, поднял свой кубок.

Чтение продолжалось:

— И еще шесть сосудов для смешения вина, три сковородки, двое щипцов для очага, черпак, одиннадцать столов, пять стульев, пятнадцать скамеек.

Список казался бесконечным, и Интеб пропускал услышанное мимо ушей, тем более что и остальные внимали вполуха, лишь иногда кивая

— услышав нечто необычное. Принесли пищу на красивых блюдах — последнюю перемену. Сперва была птица: какие-то обжаренные пичужки, чуть ли не на один глоток, потом пошла дичь покрупнее, а за нею звери, добытые на охоте. Теперь же море принесло свою дань: сине-черные мидии в раковинах, каракатицы в собственных чернилах, печеные мелкие рыбешки, отварные рыбины покрупнее. В этом морском королевстве рыбу ценили. Она манила — как женщины. Внимание гостей разделилось. С ними обедали и атлантки, обнаженные груди временами уже вздымались под вопрошающей лаской. Но когда рабы внесли дары моря, женщин на время забыли.

И пока Интеб внимательно разглядывал обедающих, изучал их, он вдруг понял, что и за ним самим наблюдают не менее пристально. Это был юный Темис, третий сын Атласа, сидевший справа от египтянина. Улыбнувшись в кубок с вином, Интеб ощутил, что уж и сам оказался впутан в здешние интриги.

Юный Темис был красив и знал это… Узкие бедра, широкие плечи, среди атлантов такое ценилось, и потому царевич был в узкой повязке на бедрах, высоко открывавшей ноги.

На гладкой безволосой груди вздувались мо-

гучие мышцы. Но за гордой силой виделась и восприимчивость: тонкий изогнутый нос, пухлые губы говорили, что перед Интебом не мускулистый зверь, а сын своего отца. Прямые темные волосы открывали высокий лоб, их поддерживал обруч из кованого золота. Поймав на себе взгляд Интеба, царевич приподнял кубок в знак приветствия:

— Вижу, благородный Интеб, ты критическим оком разглядываешь наш двор. Должно быть, он далеко уступает сказочному великолепию и богатству Египта, к которому ты привык?

— Я успел привыкнуть к вонючему тухлому маслу и вони козьего помета. Но в моих глазах ты мог бы прочесть удивление и восхищение. Не умаляя Египта, скажу: ваш город и дворец подобны чуду. А картины на стенах изумили мой взгляд. Мы, египтяне, в искусстве своем ценим порядок, знакомые формы и узоры даруют нам отдых. Но для ваших художников мир — это море цветов, птиц, зверей, рыб… разнообразию нет конца. А гимнасты, прыгающие через быка… они, кажется, вот-вот спрыгнут вниз и примутся кувыркаться здесь среди нас, а огромный пятнистый бык тем временем поднимет меня на рога.

— Значит, ты еще не видел пляску с быком?

— Никогда. Но я надеюсь ее увидеть. А ты не прыгаешь через быка?

— Значит, заметно? — усмехнулся Темис и повел плечами так, что мышцы заиграли под кожей, прекрасно подмечая восхищенный взгляд Интеба. — И не только прыгаю. Еще я лучший кулачный боец в этом городе.

— Я не знаю такого развлечения, сами слова незнакомы мне.

— Ты обязательно должен познакомиться с этим благородным спортом до отъезда. Представь себе двух бойцов, их обнаженные тела блестят от масла. Кожаные ремни намотаны на их кулаки; обратившись лицом друг к другу, они наносят удары, способные убить обычного человека, и отражают их. — Темис отпил вина, потом взял конический кубок с низкого столика перед собой. — Ну а эта игра тебе известна? — спросил он, тряся кубок, в котором загремели кости, и опрокидывая его на стол.

— В Египте мы знаем игру в кости, хотя правила, наверное, другие.

Темис поднял кубок, открывая три кости.

— Шестерка, тройка, двойка, могло быть и хуже. Правило простое — выигрывает тот, у кого больше. Самый лучший ход, Афродитин, — три

шестерки; худший, собачий, — три единицы. Сыграем?

Но прежде чем Интеб успел ответить, он понял, что царь Атлас обратился к нему, и египтянин повернулся к царю столь же поспешно, как это сделал бы всякий в этой палате.

— А теперь скажи, дорогой мой Интеб, случалось ли тебе видеть пса шелудивее этого?

Интеб поглядел на пленника, стоявшего перед Атласом. На его руках и ногах были деревянные колодки. Избитый, грязный, окровавленный, нагой… не человек — останки человека. Эсон, сын Перимеда, микенский царевич.

Весь вечер Интеб готовил себя к этому мгновению. Тот единственный взгляд на Эсона, о котором не ведал Атлас, дал понять египтянину, что его ждет. Он понимал, что Атлас не сумеет справиться с искушением, царь захочет показать гостю этого пленника. Интеб не мог не знать его, лишь недавно покинув город. И потому Интеб не поддался чувствам, отвечал взвешенно и обдуманно. Он окинул Эсона взглядом с ног до головы, и выражение на лице его не переменилось.

— Похоже, это Эсон, сын Перимеда. Но по каким же причинам, великий Атлас, с этим благородным человеком обходятся таким образом?

Улыбка исчезла с уст Атласа, на лице его была написана холодная злоба. Все разговоры разом стихли. Подобно ядовитой змее, царь не отрываясь глядел на Интеба. Египтянин отвечал ему бестрепетным взором.

Пусть Атлас — царь Атлантиды, ее самодержец, но и он, Интеб-египтянин, послан сюда самим фараоном с дарами дружбы… Об этом можно напомнить. Египет в мире с Микенами и с Атлантидой, он выше того, что разделяет сейчас оба царства. Атлас не сразу осознал это и помедлил с ответом. С первым же словом улыбка возвратилась на его уста. Но в глазах царя… в глазах темным пламенем горела холодная ненависть.

— Благородный? Что ж, и петух благороден на верхушке кучи навоза. Для нас, атлантов, мой маленький египтянин, он просто ничто. К тому же этот молодец принадлежит к тому самому вздорному горскому племени, о котором мы только что говорили.

— Ты… здесь! — прохрипел Эсон, только теперь узнавший Интеба. — Предатель… — Микенец попытался кинуться вперед, но стражи оттащили его и бросили на колени. Атлас захохотал, все тело его сотрясалось от хохота.

— Смотри же, Интеб. Тварь эта даже не понима-

ет твоих слов, того, что ты вступился за дерзкого княжонка. Ты смел, Интеб, только не советую тебе рисковать ради грязных варваров.

— Свиньи! — выкрикнул Эсон, закашлявшись. — Мы не хуже вас!

Палата взорвалась хохотом. Эти слова, мягко говоря, противоречили обличью микенца, и даже Интеб слегка улыбнулся, показывая, что и просвещенный Египет тоже ценит добрую шутку. Атлантида и Египет — два оплота цивилизации, культуры, искусства… они стоят высоко над людьми-животными, что обитают вне пределов обеих стран, разрывают грязь заостренными палками в поисках пищи… людьми низшими во всем. Быть может, эта кучка камней в Микенах действительно выше подобных же нагромождений скал в ближайших селениях; быть может, царь ее и правит ими, но для Атлантиды это не имеет значения. Каждое ругательство Эсона доказывало правоту атлантов; они хохотали, приходилось улыбаться и Интебу.

— Смерть… — Эсон задохнулся в кашле.

— Смерть свиньям в доспехах и без них, — докончил за него Темис, и все вновь захохотали.

— Прямо как тот пес на свалке! — выкрикнул кто-то, и окруженный смехом Эсон попытался

обернуться к новому мучителю, скрипя зубами в гневе и разочаровании.

— Вы, вы… все, вы… ублюдки! Своим мечом я убью…

— Мечом? — Темис насмешливо поднял брови. — Мы бы дали тебе меч, но разве ты удержишь его в своих копытах?

Хохот сделался всеобщим, и Эсон напрасно пытался перекричать его… вид его раскрывающегося рта и побагровевшего от прилива крови лица лишь вызывал у атлантов новые пароксизмы веселья.

Внезапно смех оборвался: один из рабов нес большую керамическую миску с горячим рыбным супом. Связанный, в колодках, Эсон все же сумел подняться на ноги и, когда раб оказался возле него, рванулся вперед, потянув за собой обоих стражей. Раб упал, миска опрокинулась, залив Темиса своим дымящимся содержимым. Раб и стражи столкнулись друг с другом, а Эсон проскочил мимо них и повалился на низкий столик, сумев дотянуться до шеи Темиса… столик рухнул под весом микенца.

На миг воцарилась тишина, сменившаяся криками ненависти. Стражи отбросили раба и схватили Эсона, нанося по его телу удары, пыта-

ясь оторвать его руки от горла Темиса.

Уже теряя сознание, Эсон сжимал пальцы все сильнее, и лишь когда рукоятка меча, описав широкую дугу, обрушилась на его висок, по его телу прошла судорога и он затих. Его стащили на пол лицом вниз, и один из стражей, высоко подняв руками короткий меч, уже готов был обрушить его на шею поверженного.

— Погоди, — проговорил хриплый голос, и меч замер в воздухе.

Темис встал, потирая горло, кусочки рыбьего мяса падали с его запачканной одежды.

— Он так легко не умрет. Он напал на меня, и право убить его принадлежит мне. Так, отец?

Пригубив вина, Атлас отмахнулся. Развлечение окончилось, он вдоволь потешился над горным варваром. Еще дрожа от ярости, Темис повернулся к Интебу.

— Ты спрашивал о кулачном бое. Завтра я покажу тебе это искусство. На открытой арене, в честном поединке, я до смерти забью эту скотину.

Глава 5

Эсон проснулся во мраке, не зная, день или ночь снаружи; это было и неважно в той черной дыре, где он был заточен. Боль, терзавшая его тело в разных местах, теперь слилась в один жуткий клубок, стиснувший голову. Он попытался сесть, но, словно караулящий зверь, боль швырнула его обратно на жесткий каменный пол. При следующей попытке он был более осторожен. Эсон провел руками по телу — новых ран не было, во всяком случае серьезных. Затем, с особой осторожностью, он ощупал болезненную припухлость на виске.

Теперь он вспомнил пир, издевательства атлантов, собственное нападение на самое докучливое из этих жужжащих насекомых. Он улыбнулся во тьму. Боль стоила удовольствия: хорошо было стиснуть пальцы на этом горле.

Была ночь. Конечно, ночь, если его вновь заточили туда же. Острый запах навоза бил в ноздри. То же самое место, бычье стойло. Лев микенский, заточенный в стойле быка Атлантиды. Живой еще лев. Превозмогая боль, он пополз по полу на звук журчащей в канавке воды. Она оказа-

лась на диво прохладной, и Эсон опустил в нее лицо, потом окунул всю голову, стараясь задержать дыхание подольше. Боль отступила, и Эсон медленно приподнялся, опираясь на стену, и наконец сел, прислонившись спиной к прохладному камню.

Должно быть, он уснул в этой позе, потому что прошло время, и, открыв глаза вновь, он увидел над огромной деревянной дверью кружок света. Прежде чем дверь распахнули и свет ударил копьем в глаза, он сумел закрыть их и защитить рукой. Рядом протопали тяжелые военные сандалии; щурясь, Эсон попытался разглядеть высящиеся над ним фигуры.

Противиться не было смысла, и он позволил, чтобы его подняли и выволокли из стойла.

Смерть стояла рядом, удивляться он мог лишь тому, что все еще жив. Боль в голове лишила его способности думать, и он покорно пошел туда, куда его вели.

Дальше началось удивительное. Эсон слыхал о банях атлантов — многие рассказывали об этом городе, но это чудо оказалось взаправдашним. Под надежной охраной — двое вооруженных стражников спереди, двое позади, еще двое по бокам — он был приведен в комнату для омо-

вения, куда свет попадал через узкие отверстия высоко в стенах. На почетном месте среди палаты располагалась более высокая с одного конца терракотовая ванна. Банщик шагнул вперед и склонился в поклоне перед Эсоном, стражи отступили к двери.

— Пусть господин воспользуется этой ступенькой. — Опытной рукой он стянул набедренную повязку с Эсона, тот забрался в пустую ванну и сел. Банщик резко хлопнул в ладоши, раб внес огромный горшок с горячей водою и поставил его на глиняный выступ возле ванны.

Взяв черпак, банщик принялся поливать Эсона, сопровождая поток воды словесным потоком.

— Вода… дивная вода. Боги благословили Атлантиду водяными ключами… вода по каналам и трубам подводится к этим баням. Горячие ключи и холодные. Так, господин мой… воды их смешиваются здесь.

В нише глиняного выступа оказалась губка, которой банщик принялся растирать Эсона, поначалу мягкими движениями удаляя запекшуюся кровь и грязь. Потом он сполоснул тело Эсона водой, очистившей его раны, смыв вместе с грязью и боль. По распоряжению банщика он поднялся и лег на прохладный камень, где, умастив тело

его и волосы благовонным маслом, банщик принялся умело разминать его. Усталость покидала мышцы, масло закрывало еще не зажившие раны. Под руками банщика боль почти оставила тело Эсона, а когда тот начал брить его острым обсидиановым лезвием, микенец уже задремал. Рядом раздались чьи-то тяжелые шаги. Открыв глаза, микенец увидел над собой на редкость уродливую физиономию. Судя по всему, нос этому человеку перебивали неоднократно, один глаз был почти закрыт разросшимся рубцом, уши были надорваны, как и часть нижней губы, — через дыру проглядывали зубы. Седой ежик на голове не мог скрыть многочисленные рубцы.

— Кулачный бой знаешь? — хриплым голосом, соответствовавшим физиономии, осведомился вошедший.

Эсон моргнул, потом отрицательно качнул головой: о таком он и не слыхивал.

— Нет. Так я и думал, откуда вашему брату знать об этом. А теперь слушай-ка старика Эйаса. Усваивай. Если ты окажешься сегодня слаб на арене, если не сумеешь показать себя, прежде чем тебя убьют, это будет стоить и моей головы. Понял меня, незнакомец?

Вместо ответа Эсон ограничился тем, что за-

крыл глаза. Внезапная боль пронзила его тело, и Эсон уселся, оттолкнув банщика, стиснув рукой бок: он ожидал уже, что увидит разверстую новую рану. Там не было ничего — только красное пятно на боку. Эйас ухмылялся, глядя на него, — уродливая рожа с отвисшей губой. Стиснув огромный кулак, он выставил его вперед.

— Это кулачный бой. Вот тебе первый урок. Складываешь ладонь в кулак и бьешь. На арене твои руки прикрывают кожаные ремни, чтобы крепче ударить и не сбить костяшки. — Пальцы Эйаса были узловатыми и расплющенными, покрытыми шрамами. — Человека можно бить во многие места, но все я тебе сейчас не смогу показать. Лучше бить в голову или в верх живота. А теперь вставай и ударь меня.

— Дай меч — ударю.

— Здесь обходятся без мечей, горец. Все будет так, как угодно атлантам, Темис убьет тебя со всем мастерством, на которое способен только он один.

Кулак Эйаса мелькнул, и Эсон получил легкий, но болезненный удар в челюсть, голова его откинулась назад, вновь отзываясь болью. Взревев от гнева, Эсон прыгнул вперед, нанося могучий удар, от которого кулачный боец легко увернулся.

— Нет, не так. Ты не рубишь мечом. Двигай кулаком, словно мечешь копье. Лучше, уже лучше, но не слишком хорошо. И не открывайся так, я ведь могу врезать. Больно? Темис будет обращаться с тобой хуже. Я слыхал, что ты облил его горячим супом и попытался удушить. Темис не из тех, кто молча проглатывает оскорбления. Горец, он забьет тебя насмерть.

Эсон отступил, по-прежнему настороже, выставив вперед кулаки.

— Это тот муж, что хочет убить меня? Он сын Атласа?

— Сын. Он могучий боец, именно это и должно тебя интересовать. Ты собираешься умереть как муж или как трясущийся раб?

— Я хочу убить Темиса. Покажи мне приемы.

Осваивать нужно было многое, но времени на это почти не было.

Стража с хохотом наблюдала, как Эсон гонялся по палате за приземистым бойцом, размахивая руками, как цапля крыльями. Все усилия его почти не приносили результата, удалось только пару раз зацепить Эйаса по ребрам. Но упражнение прояснило голову Эсона, и, когда боец оставил его, микенец вылил себе на голову целый кувшин воды, расхохотавшись, когда стражи

принялись бранить его за образовавшуюся на полу лужу. Он не стал возражать, когда его еще раз вытерли и умастили маслом. Банщик облачил его в высокие, плотно прилегающие штаны из нескольких слоев кожи, а затем обул в сапоги из того же материала, доходившие до лодыжек. Колодок на этот раз не было, однако, выводя его из палаты, стражи обнажили мечи.

— Уберите оружие, — проговорил Эсон, — я хочу того же, что и вы. Не дождусь поединка с вашим изъеденным червями царевичем.

Он говорил что думал. Конечно, лучше было биться бронзовым кинжалом или мечом, даже боевым топориком, которые предпочитали атланты. Ведь оружие было только средством — Эсон жаждал битвы. О поражении он не думал — хотя, конечно, микенский царевич привык помнить о смерти. Не следовало страшиться ее или манить к себе, она всегда была рядом. Муж убивал мужа, с которым бился. Тяжелая рана означала смерть, и честнее было разом закончить начатый поединок. Двое бьются — один умирает. Иногда и оба сразу. Оружие — не главное. Главное — сама битва.

Мир Эсона не был сложен, и удовольствия его были просты. Он хватался за все радости,

предоставляемые ему жизнью; одинаково острое удовольствие давала и охота с копьем на кабана, и объятия женщины. И то и другое быстро заканчивалось. Конечно, у него всегда находились друзья, с которыми приятно пить, а потом они сражались возле него. В битве он находил самое большое из удовольствий. Необходимые, чтобы завязать битву, ссоры Арголида поставляла в избытке. Первые детские воспоминания Эсона были — вопли мужей за стенами, раны и смерть, окровавленные бронзовые мечи. Первой его игрушкой был небольшой меч, и он не был просто забавой. Едва получив его — дня не прошло, — Эсон выследил и убил поросенка и приволок к отцу окровавленную тушку. Дичь становилась крупнее, наконец дошло и до самой опасной. У него в руке было копье, и Эсон ударил им под козырек эпидаврского шлема, прямо в глаз воина. Удивило его лишь то, как легко умер этот человек — куда легче, чем многие из убитых им оленей.

Женщины находили его привлекательным, мужчины тоже. Ясные голубые глаза, гладкая кожа. Каштановые волосы и борода, расчесанные и подстриженные, как теперь, отливали янтарем. Конечно, нос крупноват, но не уродлив — словно хищный клюв ястреба; на эту птицу и был похож

Эсон. Здоровые белые зубы — иных и не знали привыкшие к простой пище микенцы. Змеистый шрам на подбородке не один белел на загорелом теле. Ему случалось идти — или бежать — весь день и ночь и с ходу вступать в битву. Мышцы Эсона были способны на подобные усилия — длинные, ровные, не выпиравшие узлами, как у мужей, миновавших пору расцвета. И в уме ему трудно было отказать. Как и отцу — Перимеду. Но все способности он тратил на одно лишь — чтобы лучше биться. А вот зачем ему битвы — вопрос этот еще не приходил царевичу в голову. Настанет день, и придется задуматься: умрет Перимед, тогда ему, Эсону, быть царем в Микенах, но пока для раздумий нет особых причин. И ныне его ждала новая битва, он шел на нее столь же непринужденно, как на каждую из тех, в которых ему приходилось участвовать за двадцать один год своей жизни.

— Стой здесь. — Стражи остановили его за руки. Впереди за аркой уже виден был большой двор, усыпанный песком. С кожаными ремнями в руке подошел покрытый шрамами кулачный боец.

В этот миг издалека донесся гул, словно чудовищный зверь шевельнулся в глубинах земли. Почва затряслась под ногами.

Стены пошатнулись, дрогнули колонны, сверху с пылью посыпалась штукатурка.

Эсон дернулся вперед к безопасности — под открытое небо. Сильные руки потянули его назад.

— Не трусь, горец, ты не мертв еще. — Стражи со смехом следили, как Эйас привычными движениями обматывал кожаными ремнями руки Эсона. — Атлантида чересчур прочно сложена, она не развалится, когда потрясатель земли Посейдон колышет недра. Ты еще поживешь немного, тебя ждет бой с Темисом, а умрешь, когда он убьет тебя. Час твоей судьбы еще не настал.

Отсутствие страха у стражей подбодрило и Эсона. Он знал, что на островах земля иногда сотрясается, да так, что дома рушатся и потоки жидкого камня истекают из земных глубин. Значит, земля здесь трясется нередко, раз никто вокруг не выказывает беспокойства. Он следил, как Эйас обматывал его руки тонкой кожей. Наложив первый слой, боец пристроил к костяшкам пальцев свинцовую пластину, привязав ее широкой полосой кожи потолще.

— Вот тебе и молот, — приговаривал Эйас, привязывая к другому кулаку такую же свинцовую полоску. — С одной кожей на кулаке приходится

повозиться, чтобы убить человека. Для этого нужен свинец. — Снаружи пронзительно взвыли рога, и Эйас торопливо закончил наматывать ремни. — Вот и сигнал. Тебя требуют. Умри хорошо, горец. Многие почли бы за честь умереть от кулака царевича Атлантиды. — Он криво усмехнулся.

Руки Эсона неуклюже висели, как онемевшие копыта. Он поглядел на кулаки, пристукнул ими друг о друга. Лучше бы, конечно, любое другое оружие, но и это сойдет.

— Выходи, — приказал один из стражей и подтолкнул Эсона мечом в спину.

Не оборачиваясь, Эсон коротко ударил кулаком, угодив стражнику прямо в живот.

Охнув, тот перегнулся, меч звякнул о камни. И прежде чем прочие успели пошевелиться, Эсон шагнул вперед — на арену. Двор оказался огромным; с трех сторон его окружал дворец, четвертая была огорожена низкой стенкой, за ней начинался обрыв. В центральной части двора располагалась широкая лестница, по бокам которой шли два ряда ярко-красных колонн, сужавшихся книзу. Такие же колонны шли сверху вдоль балконов, кое-где над ними золотом блестел двойной топор Атлантиды. У балконов

и окон стояла нарядная публика — мужчины и женщины, но Эсон не замечал их. Он видел только топоры и мечи в руках воинов, стоявших возле стены дворца, около каждой двери. И мужа, что в одиночестве стоял на песке.

Темис. В таком же одеянии, как и сам Эсон. Умащенное благовониями, тело его блестело, обмотанные ремнями кулаки походили на дубинки. Он неторопливо направился навстречу Эсону, тоже двинувшемуся к противнику.

— Я с тобой говорить не буду, — начал Темис, замахиваясь кулаком, — я убью тебя.

Эсон отпрыгнул назад, смягчая силу удара, угодившего в плечо. И ответил могучим ударом, способным уложить насмерть быка, угоди он в нужное место. Но рука его лишь мелькнула в воздухе — Темис легко уклонился.

Острая боль вдруг пронзила Эсона, и он беспомощно повалился спиной на песок.

Вдали взревели голоса.

— Вставай, — сказал Темис. — Это было только начало.

Эсон, шатаясь, поднялся, и избиение началось. На его тело обрушивался удар за ударом, оставляя синяки и ссадины. Сам же он не мог дотянуться до Темиса, попасть в расплывающийся в глазах

силуэт. Только однажды, повалившись вперед, он ухитрился достать противника и нанести ему чувствительный удар в бок, но Темис отбросил его в сторону, продолжая молотить по голове, груди, плечам и рукам. Эсон не знал, сколько прошло времени, оно тянулось и тянулось, микенец напрасно размахивал руками, получая в ответ тяжеленные удары. Кровь текла по его лицу, заливала глаза, он ощущал соленый привкус во рту. Кровь покрывала и тело, желтый песок налипал на раны каждый раз, когда он падал. А потом он получил удар в солнечное сплетение, самый сильный. Эсон лишился способности двигаться и корчился, подобно рыбе на берегу, тщетно пытаясь вдохнуть воздух. Темис обернулся к царю и наблюдавшей сверху толпе.

— Все честно! — выкрикнул он. — Каждый удар, который он получил, должным образом угодил в назначенное место. Но забава окончена. Настало время ломать кости. Я перебью ему ребра и кости, я ослеплю его, искалечу его лицо, и, только когда он осознает все это, я убью его!

Последние слова утонули в хоре хриплых криков. Да, все хотели видеть это, все желали видеть мастерство Темиса, запомнить гибель микенца и смаковать ее, вспоминая в последующие годы.

Это был добрый день… для всех.

Кроме одного. Эсон с трудом перекатился на живот, стараясь одолеть боль, подтянул под себя колени; он пытался смахнуть кровь с лица, протереть предплечьем глаза, чтобы хоть что-то видеть. Выхода не было. Этого мужа ему не повалить. Он не хотел себе такой бесславной смерти, и мысль о ней угнетала его сильнее, чем боль от полученных ударов.

Земля под ним затряслась, и Эсон упал на четвереньки, упираясь в землю руками. Рев в ушах его сделался громче. Неужели он настолько ослаб?

Но когда прямо на его глазах часть огромного здания осела, Эсон понял, что жуткий рев ему не примерещился и что сама земля сотрясается под ними.

Это было не просто легкое колебание почвы. Подобные землетрясения разрушали города и сравнивали их с землей.

Все еще не вполне понимая, что происходит, Эсон глядел, моргая, на сотрясающиеся стены и обрушивающиеся колонны. Люди вопили в ужасе, падали вниз, выбрасывались из верхних окон. Лопнули медные скрепы, посыпались белые камни карниза. Длинный камень рухнул в песок рядом с Эсоном, каменная крошка ожгла кожу.

Случилось. И без колебаний он метнулся вперед, подцепив неуклюжими кулаками плиту из резного камня длиной в локоть. Изо всех сил замахнулся ею Эсон — мышцы его сейчас не уступали по твердости камню, который сжимали его руки. Темис приближался с занесенной рукою, готовый нанести микенцу убийственный удар.

Но первым ударил Эсон. Поднятые кулаки Темиса не могли остановить падающий камень. Прямо в голову Темиса ударил он, на месте уложив царевича недвижным и бездыханным… только грубый обломок камня торчал из его черепа. Повернувшись, чтобы бежать, Эсон над грохотом и воплями услыхал собственное имя, подняв вверх глаза, он увидел склонившегося с балкона царя Атласа.

— Убейте его немедленно! Убейте микенца! — кричал царь. С балкона спрыгнул вниз молодой атлант в бронзовой броне, вес доспехов заставил его упасть на колени. Поднявшись, он извлек меч и огляделся, ища Эсона. Еще два воина уже бежали по арене к микенцу, остальные затерялись в толпе. Эсон сделал единственное, что ему еще оставалось: он повернулся и бросился наутек.

Перед ним открылся темный дверной проем, и Эсон нырнул в него. Клубы пыли мешали видеть,

он споткнулся о наваленные на полу обломки. Вокруг, словно живой, стонал и корчился дворец. С треском гнулись и ломались вделанные в камень деревянные балки.

Лестница впереди оказалась заваленной, Эсон повернулся и, касаясь обмотанной ремнями рукой стены, побрел вдоль нее. Он попал в просторную комнату с обрушившимся потолком, где, по крайней мере, было светло, обогнул груду обломков в поисках выхода и убедился, что пути дальше нет. Первый из его преследователей с хриплым воплем появился в дверях, закрывая дорогу к спасению.

Бронзовый шлем с высоким синим плюмажем из конского волоса. Бронзовые оплечья, нагрудник поверх толстой кожаной куртки, плотная кожаная юбка, бронзовые поножи на ногах. И тяжелый, острый, блестящий смертоносный бронзовый меч.

Окровавленный, почти нагой Эсон рванулся в атаку. Воин спокойно поджидал его, а потом ударил мечом, метя в основание шеи. Подобный удар если бы не обезглавил, то наверняка сразил бы Эсона.

Безоружной левой рукой Эсон попытался защититься от неотразимого удара, в который

противник вложил весь свой вес.

И меч ударил в кулак — в свинцовую пластинку.

В тот же миг правая рука Эсона молотом обрушилась сбоку на голову воина, тот рухнул, как оглушенный бык, потом попытался подняться, но Эсон молотил и молотил его в одну и ту же точку на шлеме, проминая прочную бронзу. Наконец воин застыл в неподвижности.

Эсон потянулся к мечу, но не мог его ухватить затянутой в кожу рукой. Он уже рвал ремни и шнурки зубами, когда у входа появились еще двое преследователей. Они медленно приближались, Эсон отступил. На этот раз спасения не будет. С мечом он мог бы еще попробовать отбиться от них, но что такое кулаки против двух мечей… Враги приближались, один впереди другого.

Вдруг задний громко вскрикнул от боли, зашатался и упал… Кто-то склонился над ним, извлекая кинжал из спины лежащего. Атлант, шедший первым, опасливо оглянулся, и в этот момент Эсон бросился на него, увлекая вниз всем весом своего тела и отчаянно нанося удары правой рукою. С криком тот рванулся и уже обнажил свой меч, занося его для последнего удара. Правая рука его поднялась — пропуская к боку уже

обагренный кровью клинок, меж ребер скользнувший в сердце. Перекатившийся на живот Эсон был готов вскочить на ноги и продолжать битву, когда взгляд его упал на египтянина.

— Интеб!

— Надо выбираться отсюда, пока вся Атлантида не рухнула нам на голову.

— Только срежь с моих рук эти проклятые штуковины, чтобы мне не пришлось унести их с собой в могилу.

Интеб не стал возражать. Закаленный, острый как бритва кинжал вспорол повязку на правой руке Эсона. Кожа свалилась, и Эсон смог размять онемевшие пальцы, а потом взялся за запястье обвисшей левой руки. Спасая в бою свою жизнь, он совсем забыл про нее. Теперь же ему представилось, что кисть разрублена пополам — такое было вполне возможно: меч рассек кожаные ремни. Интеб срезал остающиеся полоски кожи. Распухшая рука горела, но была цела. Интеб показал ему свинцовую пластину — смятую, но не прорубленную. Вместе с толстым ремнем она остановила меч, не дав ему достичь пальцев Эсона. Микенец старательно сгибал и разгибал пальцы, невзирая на боль: кости как будто были целы.

Здание сотряс могучий толчок. Загрохотали камни, вдали послышались вопли. На дальней от них стороне комнаты вниз с грохотом посыпалась еще уцелевшая черепица.

Интеб торопливо обтер окровавленный кинжал и руку о тунику мертвого атланта, потом показал на груду обломков:

— Надо попробовать вылезти здесь, так идти безопаснее, чем пытаться выбраться через дворец путем, которым мы попали сюда.

— Сперва помоги мне надеть этот доспех, — проговорил Эсон, потянув за шнурки на броне убитого воина.

— Но у нас нет времени…

— Это же полный доспех, самый лучший. Если я буду в нем, нас никто не сумеет остановить.

Возразить было нечего; кроме того, Интеб видел, что спорить бесполезно. Он принялся помогать микенцу раздевать труп, а вокруг падали камни. Наконец Эсон вооружился.

— Эй, бери второй меч, — проговорил Эсон, — и шлем тоже. Быстрее.

— Зачем? Я же не воин.

— Но двоих ты убил.

— Ударом в спину. Из трусости я не умею обращаться с оружием. И прежде не убивал.

— Но все же ты пошел за мной, бился рядом и спас меня.

— Так случилось… почти помимо моей воли. Просто… так вышло. Я сидел наверху и смотрел, как Темис разделывает тебя… но когда ты убил его и эти люди бросились за тобой, я отправился следом.

— Но почему?

Интеб улыбнулся:

— Почему, Эсон? Потому что уважаю тебя. Ты мой друг, царевич. Ты силен в одном, а я в другом.

Они взобрались на самый верх груды обломков и кусков штукатурки. Интеб уперся спиной в упавшую балку. Эсон вскарабкался ему на плечи, неловко протиснулся, орудуя одной здоровой рукой, через отверстие в потолке комнаты. Потом легко подтянул к себе Интеба. Вокруг погибал дворец. Стены рушились, сотрясаемые подземной бурей. Горячий ветер опалял руины, белый пепел с неба жег нагую кожу.

— Меня ждет египетский корабль, — проговорил Интеб, — мы спасемся, если сумеем добраться до него.

— Показывай дорогу.

Кроме них, в руинах уже не было видно остав-

шихся в живых. Атланты бежали, лишь изредка торчавшая из каменного завала рука или расплющенное тело напоминали, что уцелеть удалось не всем… Они пробирались по разрушенному дворцу, обходя зияющие над нижними этажами дыры, и наконец добрались до опустевшего дворцового двора. Из него лестница вела в расположенный ниже сад. Красные колонны и стилизованные бычьи рога валялись на земле, среди цветов и деревьев. С этой террасы, от подножия царившего над Ферой акрополя, можно было видеть весь остров. Теснившиеся на склоне дворцы и храмы лежали в руинах, как и жилые дома, что располагались еще ниже. А во внутренней гавани, кольцом воды охватывавшей остров, были видны корабли, сгрудившиеся перед устьем канала через кольцевой остров, стремясь в более просторную внешнюю гавань. До нее было слишком далеко, чтобы рассмотреть, есть ли там разрушения, хотя корабли так же теснились ко входу в туннель, ведущий к открытому морю, как и перед каналом из внутренней гавани.

На севере с дальних склонов поднималась белая туча, растущая гора дыма, застилавшая солнце. Гора клубилась, росла, становилась выше и шире, ее то и дело освещали яркие вспышки молний.

У основания ее бурлил черный дым, густой и зловещий, пелену его разрывали взрывы, во все стороны разбрасывавшие белые струи. Одна из этих струй с огромной скоростью приближалась к акрополю. Черная точка на ее острие, огромный камень, все увеличивалась в размерах, прежде чем врезаться в руины и без того разрушенного дворца. Потрясенные беглецы бросились вниз по склону. Воды гавани густо покрывали куски пемзы.

В развалинах прибрежного района были люди, живые, мертвые и еще прокапывавшиеся наружу из разрушенных домов. Египтянин и микенец бежали к воде и безопасности посреди жуткого хаоса, в который превратились улочки. Туда же устремились и остальные, иногда приходилось с боем прокладывать себе дорогу в узких проходах.

У пристаней никого не было. Корабли и лодки исчезли, оставшиеся на острове люди спасались бегством, устремившись по мостам к сомнительной безопасности, которую сулили внешние области острова.

— Мы пришли отсюда, — крикнул Интеб, — мой корабль был за теми домами!

Одно из высоких зданий рухнуло, перегородив

главный причал. Им пришлось обходить завал, осторожно пробираясь через руины строений поменьше. Обрушившаяся стена придавила карликового слона, жизнь почти оставила зверя, только кончик хобота еще дергался из стороны в сторону. Они спустились к гавани возле развалин огромной парадной пристани. Крыша обрушилась внутрь, позолоченные бычьи рога, подобно склоненным копьям, уходили в воду.

Пристань оказалась пуста. Египетского корабля возле нее не было.

Глава 6

— Вон он! — закричал Интеб. — Входит в туннель, ведущий к морю! Смотри — самый последний корабль!

Переполненное людьми судно низко сидело в воде, на палубе поблескивали доспехи.

Кормчий бежал, не дождавшись Интеба… или же его принудили, угрожая оружием. Впрочем, какая разница. Эсон показал вперед:

— К мосту. Поспешим за остальными.

Интеб воздел кулаки к небу в бессильной ярости, когда корма его корабля исчезла под сводом туннеля; потом он последовал за Эсоном. Они

держались у берега, где было меньше обломков. Оба опустили головы, стараясь защитить лица от внезапно повалившего с неба раскаленного пепла. Ветер дул теперь еще сильнее, идти приходилось согнувшись.

Отовсюду доносились стоны, мольбы о помощи, но двое беглецов не обращали на них внимания, как и прежде по дороге из развалин дворца. Но один из голосов перекрыл остальные, и Эсон вдруг замер.

— Микенцы! Я зову микенцев!

Эсон вдоль пристани направился к полузатонувшей длинной и узкой галере, едва не наполовину длины уходившей в воду. Прикованных к скамьям рабов-гребцов оставили умирать. Один из них и окликнул Эсона.

Тот глянул на него с высоты пристани.

— Ты Тидей, сын Агелая. Мы бились вместе.

Грязный и обнаженный Тидей, почти по грудь ушедший в воду, глядел вверх. Ему приходилось кричать, чтобы Эсон различил его голос среди воплей рабов, обращавшихся к микенскому царевичу на полудюжине языков.

— Меня взяли в плен в Асине, как и тебя, с тех пор я здесь. У правой лодыжки — деревянный клин в колодке. Разбей мечом.

Эсон извлек свой меч, но Интеб тронул его за руку, и царевич в гневе обернулся: он не мог бросить микенца на верную смерть. Оказалось, однако, что Интеб подумал о спасении не одной жизни.

— Галера затоплена лишь наполовину. Если ее можно вычерпать, у нас будет корабль.

— На это нечего рассчитывать, — проговорил Тидей. — Мы погрузили припасы, собирались уже отплывать, когда с неба посыпались камни. Самый огромный угодил сюда, возле кормы, и пробил дно. Хозяева струсили и бежали. А нас бросили. — Он безрадостно усмехнулся. — Надсмотрщик оказался последним и чуть не пробрался мимо меня. Я успел схватить его за ногу и втянул обратно. Мы удушили его, а телом заткнули дыру. И живой был — дрянь-человек, и затычки хорошей не вышло.

Интеб поглядел на тело, утопавшее в воде по плечи. Голова надсмотрщика покачивалась на невысоких волнах, вздымавших галеру, рот остался открытым, в глазах застыл ужас.

— Толстяк, — заметил Интеб.

— Боров, — отозвался ближайший из гребцов.

— Значит, он хорошо закроет дыру, будет даже лучше, когда его начнет раздувать. Заткнем щели

вокруг него.

Вокруг зашептались, потом рабы разом стихли и, глядя на Интеба, ожидали его слов.

— Похоже, течь прекратилась. Я позабочусь о том, чтобы она не открылась вновь, а вы вычерпывайте воду. Этот корабль еще может донести нас до Анафи или Иоса, ближайших островов. Так, Эсон?

— Конечно. Другого корабля у нас не будет, — Эсон соскочил в галеру и, следуя указаниям Тидея, разбил мечом его колодки.

На освобождение остальных гребцов времени тратить не стали. Они вычерпывали воду ладонями прямо со своих мест. Тидей рванулся к руинам и вернулся из ближайшего здания с кувшинами, ведрами… всем, что могло удерживать воду. Еще он принес кусок льняной парусины — должно быть, прихватил из лавки. Интеб разрезал ее кинжалом на полосы и принялся затыкать щели между трупом и досками корабля. Труп сперва болтался на волнах, потом, когда воду вычерпали, осел на дно корабля. Некоторые из рабов были мертвы: те, что были на корме, утонули, одному снесло голову упавшим камнем. Уцелевшие не обращали внимания на трупы и лихорадочно вычерпывали воду, сгибаясь под яростно буше-

вавшей бурей. Воздух был полон пыли, даже дышать было трудно.

Галера приподнималась в воде с жуткой неторопливостью, а порывы горячего ветра то и дело бросали ее бортом в причал.

— Довольно, — наконец проговорил Интеб. — Пусть некоторые из вас вычерпывают воду, остальные же начинают грести, пока мы еще в спокойной воде.

Эсон перерубил мечом причальный канат на корме, кинулся на нос, чтобы перерубить второй. Внезапно на пристани над ним выросла фигура, и Эсон поднял меч, но разглядел, что противник его безоружен. Голова и лицо его были покрыты запекшейся кровью. Эсон рубанул по канату.

— Горец, на твоем корабле хватит места еще для одного.

Это был Эйас, кулачный боец. Эсон замахнулся мечом, но тот ловко отпрыгнул назад.

— Оставайся здесь и подохни, атлант, ты нам не нужен.

— Я не атлант. Я — раб из Библа. Был здесь мешком, в который били благородные руки. У вас на борту мертвецы. Позволь мне занять место одного из них, я тоже буду грести.

Канат упал в воду, галера стронулась с места.

— Горец, постой. Я не сделал тебе ничего плохого: только обвязал тебе как надо руки ремнями и показал, как бьются на кулаках. Целый дворец обрушился на мою голову, и меня сочли мертвецом. Только у Эйаса для этого слишком прочный лоб.

Эсон отвернулся, и весла ушли в воду. Эйас прыгнул вниз и распростерся на носовой палубе. Приподняв голову, кулачный боец всей окровавленной рожей ухмыльнулся обернувшемуся Эсону.

— Теперь убей меня, если хочешь. Все равно на пристани я был уже почти что мертвым.

— Бери весло, — буркнул Эсон, бросая меч в ножны.

С хриплым хохотом Эйас схватил ближайший труп и сбросил со скамьи, опершись о мертвеца ногами, чтобы удобнее было грести.

Других кораблей не было видно. Стемнело, как перед закатом, жаркий ветер гнал волны навстречу, заставляя гребцов изо всей силы налегать на весла, чтобы продвигать галеру вперед. Лишь в канале они нашли укрытие от бури. Галера торопливо двигалась вперед, сверху на настил падали камни, грохотали над головами по толстым стволам. Наконец судно выскочило из подземелья на крутые волны внешней гавани.

Казалось, здесь только что завершилась морская битва. У противоположного берега на песок вытащены были три полузатопленных корабля, продырявленных падающими камнями. Один уже приподняли, и люди лихорадочно латали дно. Торчавшая из воды мачта свидетельствовала о том, что одному из беглецов вовсе не повезло. Дальше перед входом в канал сгрудилось с полдюжины запоздавших кораблей, пробивавшихся к морю. Весла сталкивались, трещали, ломались в борьбе кораблей за возможность достичь безопасного места.

— Пореже гребите, — приказал Эсон, заметив происходящее, и заменивший надсмотрщика у барабана Тидей замедлил ритм.

Оставалось только дожидаться, пока корабли втянутся в канал и откроют для них путь.

И с каждым мгновением извержение и подземные толчки усиливались. Вокруг беспрерывно падали камни разной величины, и вода вскипала над ними. Но хуже всего был горячий пепел, застилавший небо и удушающими облаками окутывавший все вокруг. Он ложился на палубу, слоем грязи покрывал гребцов, даже вздохнуть было невозможно. Все окутывал едкий серный дым, люди кашляли и плевались, вдохнув его.

— Глядите! — заорал кто-то, и, обернувшись на крик, все увидели, как в одно мгновение погиб круглобокий купеческий корабль. Тяжело нагруженное большое судно пробивалось вперед, расталкивая всех на своем пути… Купец был уже у самого входа в туннель, когда в него угодил камень, размером едва ли не в полкорабля. Корабль рассыпался в щепки, сокрушенный огромной глыбой. Камень исчез в воде, и обломки закружились в водовороте. Поднявшаяся черная волна разметала ближние корабли и швырнула галеру: судно взмыло на гребень, потом провалилось в ложбину, с обоих бортов хлынула вода. Потом корабль выровнялся, и гребцы принялись лихорадочно вычерпывать воду.

Вход в туннель оказался свободен. Обломки и полузатопленные корабли прибило к скалам. Единственный корабль, оставшийся на плаву, исчез в горле туннеля.

Раздвигая обломки, галера двинулась следом, люди в ней не обращали внимания на вопли утопающих. К галере подплыл человек, ухватился за весло, дотянулся до края борта.

Ближайший гребец перегнулся в своей колодке и впился зубами в высунувшуюся из воды руку… пальцы исчезли. А потом галера оказалась в тун-

неле, и тьма сомкнулась вокруг нее.

— Туннель обрушился, его засыпало! — завопил кто-то.

Эсону пришлось изо всех сил напрячь голос, чтобы перекрыть испуганный ропот:

— Нет, я вижу выход. Небо снаружи темное, да, но туннель пока цел.

Они двигались медленно, прощупывая путь веслами, ударявшимися о стенки туннеля. Наконец порыв зловонного воздуха показал им, что выход близок. Галера очутилась в канале, уводящем к безопасным просторам открытого моря.

Сидевших на веслах происходящее на берегу не беспокоило, Эсон даже не глядел туда, но для Интеба эта часть и без того жуткого путешествия оказалась самой кошмарной. Всюду возле воды стояли люди, целыми семьями выстроились они вдоль берега. Они бежали из деревень и поместий в надежде обрести спасение. Их крики были даже громче, чем рокот вулкана, руки протягивались к кораблю, близкому, но такому недостижимому. А вулканический пепел потоками падал с неба… Все они, мужчины, женщины, дети, были покрыты густым его слоем, так что стали неразличимы: желтеющие силуэты казались живыми статуями. Матери протягивали детей, моля, чтобы

взяли хоть их… галера размеренно продвигалась к морю. Впереди них шел атлантский корабль, команда которого также не обращала внимания на стенания толпы. Чтобы добраться до него, некоторые бросались с берега в воду, но плавать умели немногие. Лишь один человек еще держался на поверхности, когда галера приблизилась, но весло ударило его по голове, и пловец исчез под водою.

Корабли двигались все дальше, через бесконечный строй пожелтевших фигур… некоторые кричали, другие же словно онемели от ужаса; Интеб старался ни на кого не глядеть, как избавления ожидал он темной расщелины в скалах, выходящей к морю. Волны метались, били в каменные стенки канала. В открытом море волнение наверняка окажется гораздо сильнее.

— Суши весла! — приказал Эсон. — Ставь мачту, разворачивай парус!

С делом справились быстро. Парус был невелик, он только помогал гребцам и не годился для того, чтобы придать кораблю нужную скорость, но в открытом море он был необходим. Как только поставили парус, снова забил барабан, гребцы налегли на весла и корабль вышел в море, забирая подальше от Феры.

Они шли прямо в бурю. Дождь мешался с вулканическим пеплом; небо истекало жирной грязью. Ветер крепчал, и с облепленным грязью парусом уже приходилось сражаться… его взяли на два рифа — чтобы не сорвало ветром. Позади них Фера плевалась пеплом и камнями, провожая беглецов недовольным грохотом.

— Дурной ветер, северный ветер, — проговорил Эсон, кулаком ударив о поручень. — Если проглядим, разобьемся о берега Крита — или погибнем, или вновь попадем в руки атлантов. — Прищурившись, он бросил взгляд на небо, на едва проступавший сквозь облака диск солнца. — Лучше бы плыть на северо-запад или на запад. Придется грести.

К закату ветер не ослабел, скорее усилился. Половина людей гребла, остальные спали, распростершись в грязи. На корабле хватало еды, пассажиры и экипаж бежали, не прихватив ничего. Они залили жажду водой, поели хлеба, сыра и темно-зеленых олив. Эсон рухнул на койку в крошечной каюте, не в силах пошевелиться, а Интеб втирал умягчающее масло в его порезы и синяки. Утомление и боль одолели микенца, левая рука его распухла, пальцы казались сосисками. Прижав ее к груди, Эсон провалился в

черную пропасть сна.

Проснулся он в темноте, корабль бросало; доски корпуса скрипели, снаружи выл ветер.

Положив руку на плечо Эсона, Интеб кричал ему в ухо, чтобы микенец услышал его:

— Мы у берега. Слышишь прибой? Гребцы измучены. Едва ли они продержатся…

Эсон потряс головой, пытаясь прогнать одуряющую боль и привести мысли в порядок; шатаясь, он поднялся на ноги и принялся ощупывать привязанные к шпангоутам амфоры.

Пальцы нашли серебряную чашку, тонкой цепочкой прикрепленную к ручке пузатого сосуда.

Зачерпнув, он отпил. В амфоре оказалось вино, а не вода, и, осушив две чашки, Эсон почувствовал себя лучше.

На палубе буря разила, как молот. Дождь прекратился, но порывы ветра срывали с гребней пену и несли брызги вперед. В окружающей тьме ничего не было видно, но между порывами ветра справа по борту были слышны глухие удары.

— Прибой стал громче, — пожаловался Интеб.

— Парус на месте? — спросил Эсон.

— Пришлось приспустить, чтобы не унесло.

— Поднимите снова, на одних веслах нам не уйти от берега.

Пока они поднимали парус, один из людей свалился за борт. Подхваченный ветром, он, коротко вскрикнув, исчез в волнах… Так и для всех остальных конец был совсем рядом — лишь сила их рук и тонкая деревянная скорлупка корпуса спасали людей от голодного моря.

Парус сумели освободить от одного рифа, однако хватило и этого. Помогая гребцам, парус тянул корабль прочь от невидимого берега.

Ночь казалась бесконечной. Гребцы налегали на весла до полного изнеможения и гребли снова после короткого отдыха. Когда в их руках уже не оставалось силы, чтобы поднять тяжелое весло, они принимались вычерпывать воду, потом снова начинали грести.

Рассвет захватил их врасплох. Плотные облака стерли с неба все краски, и с зарей люди просто обнаружили, что начали проступать смутные контуры предметов. Постепенно в серой мгле проявилась и сама залитая водой галера, и гребцы, склонившиеся над веслами.

Их теперь стало меньше, чем на закате предыдущего дня. Невозмутимый Тидей застыл у кормила, где он провел всю ночь. Эйас поглядел на Эсона и растянул рваные губы в ухмылке.

Невзирая на возраст, он был среди тех немно-

гих, кто мог еще грести — медленно, но упорно.

Справа не более чем в двадцати стадиях из волн морских поднималась огромная туша Крита. Позади галеры черный зубчатый берег закрывал горизонт, но впереди он резко обрывался. Оторвавшись от черпака, Интеб поднял на Эсона покрасневшие утомленные глаза, когда тот его окликнул:

Посмотри, там не восточная ли оконечность острова? Интеб присоединился к нему на палубе, стараясь что-нибудь различить в сумраке.

— Трудно сказать: возможно, это действительно мыс.

Скоро узнаем.

— Только бы обогнуть его, тогда впереди окажется море, и пусть ветер гонит нас куда пожелает. Там нет берега, о который можно разбиться.

Не успел он договорить, как послышался резкий треск и линь, поднимавший парус и служивший растяжкой мачте, лопнув, просвистел у них над головами. Всю ночь принимал он на себя весь напор ветра и наконец не выдержал. Оставшаяся без поддержки мачта повалилась, утянутая вперед вздувшимся парусом.

Все произошло мгновенно, и утомленные люди не сразу поняли, что произошло. Эсон опомнился

первым. Выхватив меч, он бросился к туго натянутым линям, удерживающим низ паруса. Но он не успел добраться до них: мачта с сухим треском переломилась и начала падать.

Эсон увернулся, и мачта рухнула рядом, накрыв его складками паруса. Когда он высвободился, все было уже кончено. Удерживаемая канатами мачта свисала в воду, отягощенная парусом; падая, она убила одного из гребцов и расщепила поручень. Теперь, когда они лишились паруса и перестали грести, ветер гнал их к скалистому берегу Крита, и уже были видны высокие пенные гребни волн, разбивавшихся о камни.

Глава 7

Снова пришлось им найти силы в глубине измотанных тел, чтобы взяться за окровавленные рукояти весел. Снова пришлось грести. Ветер гнал судно на скалы, и парус больше не был подмогой. И они гребли. Обрушившаяся мачта и парус замедлили их движение, но они мешали и ветру нести их к берегу: так что они оставили мачту и паруса воде и взялись за весла.

Они гребли. Опустив головы, не останавливаясь… в борьбе за свою жизнь. Корабль продви-

гался вдоль берега, но скалы приближались. Уже были видны камни, утопающие в белой пене, деревья на краю обрыва, высоко над головами. Они гребли. То один, то другой терял сознание от утомления, чтобы, мгновенно очнувшись, взяться за ненавистное весло.

Мыс серой лапой тянулся в море, чтобы схватить корабль, положение становилось все хуже.

Они были уже совсем рядом с белыми валами, пена покрывала воду…

И вдруг впереди галеры оказалось открытое море, берег Крита плавной дугой уходил к другому, меньшему мысу. Обогнуть его было легко.

— Суши весла, — прохрипел Эсон; усталость мешала подняться, чтобы промочить пересохшую глотку.

— Ну а теперь что, горец? — склонившись на весло, спросил Эйас с противоположной скамьи. — Отсюда нам с тобой далеко до дома.

— Теперь? — переспросил Эсон. — Теперь плывем, куда несет ветер. Или ты можешь предложить что-нибудь лучшее?

Пожав плечами, Эйас поглядел на ладони. Даже его одеревеневшая кожа не выдержала ночных трудов и кровоточила.

— Вот что скажу — пока с меня весел доволь-

но. — Он откинулся на борт и опустил обе руки в воду.

Они перекусили на кормовой палубе, жадно запивая еду смешанным с водой вином.

Кто-то принес пифос с оливками, и они горстями черпали плоды из широкого горла. По рукам ходил круг твердого сыра, от него ломали куски и жевали. Простая еда — другой они и не знали. Ели все с жадностью, даже Интеб, голод на время заставил его забыть о боли в натруженных ладонях. Тидея сменили у кормового весла, и он повалился рядом со всеми на палубу.

— Тидей, ты настоящий мореход, — проговорил Эсон, — у твоего отца Агелая был корабль, ты ведь плавал на нем? — Тидей кивнул в ответ, рот его был набит сыром. — Каков будет наш курс и что нам делать теперь?

Прищурясь, Тидей поглядел в море, на удаляющиеся берега.

— Так в Микены нам не приплыть, — проговорил он.

— Не сомневаюсь. А что нас ждет впереди?

— Глубокие воды, чудовища, пожирающие суда… словом, ничего хорошего.

— Что-то да ждет. Мы ведь не в силах даже вернуться на веслах к Криту, чтобы сдаться ат-

лантам, — если, конечно, захотим этого, — ведь остров остался позади. Какие еще острова могут попасться нам навстречу?

— Никаких.

Холодное слово ознобом пробежало по спинам людей. Если плывешь на корабле — плывешь вдоль берега или как там, в Кикладах: от острова к острову. Один остров всегда впереди, другой уходит назад за корму. На ночь или в бурю корабль всегда можно вытащить в подходящем месте на берег. Разве можно плавать иначе? Море — огромная пустыня, но на суше и в самой пустой из пустынь найдутся ориентиры. А на этих просторах? Конечно, в ясный день человек может найти дорогу по солнцу, а что делать в пасмурную погоду?

Никто не покидал безопасного берега — такое считалось безумием. А теперь Крит таял позади, неутомимый ветер уносил их от берегов острова. И впереди не было ничего — только вздымающиеся валы.

— Пропали мы, — проворчал гребец. — Осталось, стало быть, только умереть.

— Ветер утихнет, мы сумеем вернуться.

— А если нет?

— Погодите, — проговорил Интеб, и голоса

умолкли.

Он вынул кинжал и, став на колени, принялся чертить им на палубе.

— Я не кормчий, но знаю, где суша, где море. Я изучал математику и географию. А еще — я родом из Египта, и приплыл в эти края под парусами, и теперь покажу вам, как это было. Здесь мы плыли вдоль берега — вот так. Минуя города и острова, мы добрались до Арголиды, до Тиринфа — вот сюда. — Он начертил на доске петлю, затем полукруг и ткнул в самый центр дуги. — Из Тиринфа мы поплыли на Феру, а теперь мы миновали Крит, и нас уносит в морские просторы. — Молча глядели они на его руку, проведшую на палубе прямую линию к точке, с которой он начал свой чертеж. — Видите: вот Египет, вот Нил и Фивы. Все это по ту сторону моря, если переплыть вот сюда.

Взглядом следуя за движением его ножа, они не видели ничего и повернулись к нему с округлившимися глазами.

— А… далеко плыть? — спросил кто-то.

— Сорок скен, восемьдесят скен. Не знаю. Но если поплывем на юг, обязательно окажемся у этого берега. Да и другого выхода нам не остается. Пока дует этот ветер, мы сумеем вернуться даже

на Крит или Атлантиду. Крит скоро исчезнет из виду… Вы спрашиваете, что нам делать? Нестись вместе с бурей. И молиться богам, чтобы ветер не стих раньше, чем вынесет нас к берегам Африки.

Ничего другого им не оставалось. Море по-прежнему бушевало, частенько налетали шквалы с дождем. Но парус и свесившаяся за борт мачта, словно плавучий якорь, удерживали галеру, и ветер гнал их вперед. День миновал, а за ним ночь, и к рассвету ветер утих, а море успокоилось. Эсон все еще бодрствовал у кормила, когда небо на востоке просветлело.

В разрывах между облаками выступили звезды. Вскоре после этого Интеб поднялся на палубу, удивленно покачал головой — весь горизонт охватил странный кровавый свет.

— Что это? — спросил он.

Эсон ответил:

— Рассвет. Но такого мне еще не приводилось видеть.

Пламенем полыхало все небо. Не один восток, где над горизонтом поднимался багровый диск солнца, — весь небосвод, всюду, куда попадали солнечные лучи. Пламенели исчезающие облака, небесный огонь словно истреблял их… И все молча глядели на небо. Охватившее небо пламя

угасло, лишь когда солнце поднялось повыше.

— Мне случилось однажды в пустыне видеть нечто подобное, — проговорил Интеб. — Тогда была песчаная буря и за облаками песка солнце сделалось столь же багровым. Всю эту пыль, наверное, выбросило с Феры, но ее столько, что трудно поверить глазам.

— Чего только не могут сделать боги, когда захотят. — Эсон устало привалился к кормилу, позабыв про небесные красоты. Интеб озабоченно посмотрел на него.

— А как твоя рука — и раны? — спросил он.

Эсон пошевелил пальцами левой руки. Кожа на ней покрылась черно-багровыми разводами, однако опухоль спала.

— Лучше, все лучше. На порезах, как и следует, уже запеклась кровь, даже голова не болит с утра. Но у нас есть более важное дело, о котором следует подумать. Нет ветра.

— Можно идти на веслах.

— Куда же нам грести? — поинтересовался Эсон.

— Тебе решать. С севера еще дует легкий ветерок; повернув назад, в сторону Крита, придется все время идти против него. А впереди лежит Африка.

— Далеко?

— Я не знаю… могу только догадываться. Как знать: дальше или ближе. Но решить необходимо.

— Я решил уже. Плывем на юг.

Спутавшиеся канаты, мачту и парус обрубили и оставили дрейфовать за кормой. Разделились на вахты, пересмотрели припасы. Если кто и сомневался в мудрости принятого решения, недовольные держали язык за зубами. Половина гребцов были рабы и дети рабов, они умели только исполнять приказы. Прочие были воинами из городов и земель, окружавших морское царство атлантов. Среди них нашлись мужи из Арголиды, Микен, Тиринфа, Асины, с дальних островов Икарии и Самоса, из еще более далеких Библа и Тира. Говорили они на разных языках, принадлежали к различным народам, общее у них было одно: все они бились с атлантами, потерпели в бою поражение и попали в рабство — в колодки на эту галеру. Их, обреченных на тяжелый труд и полуголодную жизнь, прикованных к судну, ждала скорая смерть, а с ней и могила в глубинах моря. Эсон избавил их от этой судьбы, спас и от гибели на Фере, казавшейся уже неминуемой. Он сразу же сделался предводителем, и, простые люди,

они последовали за ним. Поплевав на ладони, они взялись за весла.

Усевшись у открытой двери каюты, Интеб царапал на черепке знаки, составляя список припасов, имеющихся на корабле. Отсюда он мог и приглядеть за курсом галеры; отмечая, как тени падают на палубу, определял сразу время и курс. Если корабль забирал к востоку или к западу, Интеб отдавал приказание, и кормчий поворачивал к югу. Эсон выспался и сидел в каюте, стачивая зазубрины на своем бронзовом мече и остря лезвие. Рядом стояла чаша меда, смешанного с вином, и изюм.

— Изюм, — проговорил Интеб, продолжая перечень. — Ячменные лепешки и сыр, оливки, оливковое масло, сушеная рыба, правда с червями. С голоду не умрем. Вино, вода слегка приванивает. А вот и корабельный припас: нитки, ткань, иголки — чинить парус, которого у нас больше нет, смола — конопатить щели, доски для починки корпуса. Но пока это все ни к чему, сперва надо пристать к берегу. Надсмотрщик раздулся и завонял, из него вышла хорошая затычка, но все-таки гребцы больше не хотят находиться возле него. Еще есть сундучки, принадлежавшие бежавшим кузнецам и капитану.

— Что в них?

— Инструменты халкея, чтобы работать по бронзе. Немного украшений, одежда… еще есть запечатанный ящик, печать я взломал. Там оказались три меча и четыре кинжала — их взяли на продажу. А больше ничего важного.

Эсон поглядел в свою чашу.

— А сколько вина и воды? — спросил он.

— Хватит, чтобы не испытывать жажды.

— На какое время?

— Дней на десять, если экономить — то на двенадцать. Только рыбы к тому времени все равно изъедят труп надсмотрщика, и мы потонем.

— Интеб, ты сегодня жизнерадостен, как никогда. А до берега мы еще не доберемся к этому времени?

— Про то ведает мудрый Гор с головой сокола и ваши боги, глазеющие на нас с Олимпа… А мне-то откуда знать? Берег может оказаться чересчур далеко, мы можем сбиться с пути и только кружить по морю, новый шторм может потопить нас. Не дашь ли мне этого вина? Я чувствую необходимость подкрепиться.

Эсон передал ему полную серебряную чашу. Опустив нос к поверхности вина, Интеб пригубил крепкий напиток, надеясь, что он изгонит из го-

ловы мысли о смерти. Он поглядел в глубь чаши, словно рассчитывая увидеть в ней предзнаменование, наконец допил до конца.

Подметив печаль египтянина, Эсон поглядел на него.

— Ты решил, что конец уже близок? Ты, научивший нас, как теперь поступать?

— Одно дело — решиться на поступок, другое дело — совершить его. Когда меня просят построить стену или гробницу — я рисую план. Я ведь не строю стену своими руками. Могу даже передать свой рисунок другому зодчему, оставить все дело ему. Он присмотрит за тем, чтобы все было правильно. Мне не приходится исполнять собственный план. Вот и получается, что я могу наметить путь, которым еще никто не проходил. Я умею делать такие вещи, но совершить подобное путешествие — дело другое.

— Это новый способ смотреть на вещи.

— Новый для тебя, мускулистый Эсон. Должно быть, для тебя дело и замысел — одно и то же, а мысли о битве начинаются с первым ударом меча.

— Ты говоришь совсем как мой отец.

— Перимед властвует не над одними Микенами, он распоряжается во всей Арголиде именно

потому, что думает не только о битвах. Он заранее думает о союзниках, о высоких стенах и о бронзе для мечей, которыми будут воевать его люди. — Воспоминание заставило Интеба поднять глаза. — Перед тем как отплыть из Микен, я слыхал, что брат отца твоего, Ликос, погиб.

— Как ты узнал? Он ведь был далеко… Но я не должен говорить, где именно.

Поглядев на палубу, Интеб крикнул кормчему, чтобы тот изменил курс, и помедлил с ответом, еще не решив, какую часть правды может открыть.

— Эсон, ты знаешь меня три года. Считаешь ли ты меня другом? Могут ли, по-твоему, рассчитывать на мою помощь Микены?

— Да, я полагаю, что так. Но ведь ты гостил и в Атлантиде…

— Меня послал туда фараон. Я не рассказал им о том, что сделал в вашем городе.

— Верю тебе. И вера моя подкрепляется жизнью двух воинов, которых ты сразил, чтобы помочь мне. Но почему ты спрашиваешь меня об этом сейчас?

— Потому, что я знаю о твоем народе куда больше, чем ты думаешь. На мегарон отца твоего сходятся все Микены. Люди болтают и сплетни-

чают, ни один секрет нельзя утаить надолго. Я знаю, что на далеком острове в холодном море у вас есть копь, откуда поступает все олово Микен. Твоего дядю Ликоса убили там, а копь разрушили. Перимед не примирится с такой потерей.

— Конечно не примирится. У моего отца далекоидущие планы. И его драгоценная бронза играет в них немаловажную роль. Бедолага Ликос, надо же было погибнуть в таком холодном и мокром месте! Я плавал с ним, когда он отправился на этот остров. Но тогда я сразу вернулся на груженном оловом корабле, а он остался и уверял всех, что никто не умеет извлекать олово лучше его. Тогда это дело показалось мне простым. Всю работу выполняли другие. Многие ли погибли?

— Все. Весть принес твой двоюродный брат Форос.

— Значит, погиб и старина Козза, учивший меня владеть мечом. И Мирисати, мы с ним были друзьями. За них следует отомстить, воздав не менее чем вдесятеро. Мы должны обречь мечу весь остров. — И Эсон глубоко задумался, забыв даже про вино; тени тем временем удлинялись.

Они шли на веслах весь день и начало вечера, наконец высыпали звезды. Тогда Интеб указал кормчему на небе заметные светила, научил

пользоваться ими как ориентиром, но скоро тучи затянули небо, и им пришлось убрать весла. А потом все уснули, кроме одного, оставленного на карауле… Утром их вновь разбудили волны и дождь. Новый шторм продлился два дня, но они могли только держаться по ветру да вычерпывать воду из галеры, чтобы она не затонула. На третий день буря выдохлась, но волны оставались высокими. И отчаяние, свинцовое, как облака над головой, охватило корабль. Тогда Эсону пришлось убить раба из Алеппо.

Это был темноволосый человек с оливковой кожей, такой же смуглый, как египтянин.

Длинные черные волосы он связывал в узел над ухом. Там, где он родился, были только холмы и река, а за ними пустыня, простирающаяся до края света. Пока атланты не захватили его, он не видел моря и до сих пор вообще не удалялся от суши. К воде подмешивали вино — этой смеси он прежде не пробовал, — и она тоже творила с непривычной головой странные вещи. Когда они бросили весла и вода из-за борта окатила его ноги, что-то перевернулось у него внутри, изо рта вырвался вопль, и раб вскочил на ноги.

— Гребите! — закричал он. — Гребите назад. На Крит, в Атлантиду. Мы погибнем здесь.

— А куда это — назад? — спросил его Эсон с кормовой палубы. — Грести можно, когда знаешь куда.

— Но мы не можем…

— Нет.

Человек из Алеппо выскочил в проход и запустил в Эсона тяжелым ведром. Ведро угодило в бедро микенца, тот пошатнулся. Эсон был без оружия, меч оставался в каюте.

Но рядом оказался Интеб. Эсон выхватил кинжал египтянина и, когда раб вновь замахнулся ведром, разящим когтем кинжала пропорол горло бунтаря. Эсон крутанул лезвие в ране, чтобы порвать кровяные жилы. Удар отправил раба за борт, и лишь кровь его поднялась к поверхности. После этого Эсон отправился в каюту, надел броню и уже не снимал ее.

Тот день оказался худшим из всех, потому что небо не прояснилось. Но когда стемнело, высыпали звезды, и они принялись грести, обращая корму к северу; все знали, как отыскать звезды, указывающие на север, и принимались ругать кормчего всякий раз, когда тот отклонялся от курса.

Затычка из трупа надсмотрщика протянула еще два дня, наконец вонь сделалась нестерпи-

мой. К тому же дыра начала протекать по краям… Стройный и широкоплечий юноша Пилор с острова Кеа сказал, что нырял за губками, росшими в прибрежных водах его родины, и вызвался осмотреть дно галеры. Его обвязали веревкой, и он нырнул. Под водой он пробыл недолго и скоро появился на поверхности.

— Там целая стая рыб, — сообщил он, — ниже пояса от этого шлюхина сына почти ничего не осталось, только кости висят. Больше от него никакой пользы.

Тидей умел латать суда в плавании, когда не было возможности должным образом заделать течь на берегу; он объяснил, как сделать из парусины заплату, которую следует снаружи подвести к корпусу. Ее сшили из большого куска парусины, прикрепив с одной стороны веревки и ненужную одежду. К четырем углам заплаты привязали канаты и после многих криков, не раз забросив, — Пилору пришлось нырять и нырять, — подвели ее под дыру с выступающими еще из нее останками. Канаты привязали к корпусу. Теперь все было на месте, оставалось только извлечь труп и зашить отверстие деревом. Взятые из корабельного припаса доски отпилили до нужной длины, подогнали по форме отверстия,

соединили бронзовыми скрепами, но браться за вонючий труп охотников не находилось.

— Ну, я возьму его за одну руку. А кто за другую? — спросил Эсон.

Люди отворачивались от его взгляда, а Интеб ухитрился вовремя оказаться в каюте.

Осмеяв чистоплюйство, Эйас растолкал остальных и встал рядом с Эсоном.

— Горец, я обнимал женщин, мальчиков и овец, — проговорил он. — Объятия вонючего трупа мне неведомы, но я решил изведать, что это такое.

Хватило одного сильного рывка, и в окружении стаи рыб труп надсмотрщика закачался в волнах, а Эсон и Эйас отправились отмывать руки за бортом. Через парусину протекло совсем немного воды; деревянную заплату торопливо установили на место, залив щели смолой. Течь после этого почти прекратилась. Никому не хотелось думать о том, что может случиться с доморощенной заплатой, если вновь нагрянет буря.

Дни были неотличимы, и Интеб отмечал их черточками на стене каюты. Он выдавал оттуда воду и еду, а Эсон или находился поблизости, или спал в дверях, чтобы никто не мог войти внутрь. До открытого возмущения дело не доходило;

правда, временами люди перешептывались, сойдясь вместе под покровом тьмы. Один из них попробовал уговорить Эйаса, но кулачный боец без разговоров отвесил ему такую затрещину, что остаток дня неудачливый заговорщик провел без сознания. Запасы воды подходили к концу, и на вкус она сделалась совсем уже гнусной, поэтому Интеб подмешивал к ней все больше вина, которого у них было в избытке. Люди не привыкли к такому питью, на солнце многих развозило, так что приходилось вытаскивать их на скамьи, подальше от лужи на дне, чтобы они не захлебнулись.

На двенадцатый день они заметили вдали темную линию у самого горизонта и сперва решили, что это облака. Но принялись грести без всякого принуждения, а линия росла и становилась темнее, и наконец стало ясно, что перед ними не облако.

— Берег; конечно, берег, — проговорил Интеб, и галера закачалась: люди вскакивали, чтобы увидеть сушу своими глазами.

Впервые после гибели раба из Алеппо Эсон закинул за плечо свой меч в ножнах. Вновь они были едины: вместе пили и хохотали, а все мысли о мятеже остались там — в море, не ведающем

стыда.

Впереди был берег, суша — твердая земля под ногами, а прочее не значило ничего. Бесконечное плавание завершилось, и храбрейшие уже начинали пошучивать. Время, проведенное ими в море, в разговорах успело увеличиться уже раза в два. Ну а память, как известно, улучшается с возрастом.

Тидей-то и заметил парус со своего привычного места возле руля. Сначала он казался точкой, потом — утесом, но непрерывно рос, и он кликнул остальных. Люди глазели, столпившись у борта, наконец Эсон приказал им взяться за весла. Но Эйас оставался на палубе, он словно бы вглядывался в давно знакомое лицо, даже отодвигал рубец с глаза, чтобы лучше видеть.

— Темный парус, да так поставлен. Я знаю — это сидонцы.

— Да, сидонцы, — проговорил Интеб. — Они торгуют — серебряными чашами и тонкими тканями. Сам покупал у них.

Покрытые шрамами кулаки Эйаса сжались, он нагнулся вперед.

— Да, они торгуют с Египтом, — проговорил он. — И с Атлантидой тоже. В Библе мы знали их… как знают и на любом побережье, вдоль которого

водят они свои корабли. Эти торговцы мгновенно превращаются в пиратов. И охотно убьют нас, чтобы забрать припасы из каюты и прихватить пустой корабль.

Глава 8

Корабль сидонцев торопился навстречу, кренясь, словно хищная птица. Для Эсона дело было знакомое. Это не драться обмотанными руками, не вычерпывать воду из тонущего корабля… с оружием, обращенным против него, он умел справляться.

— Интеб, открой тот ящик и раздай оружие тем, кто знает, как им пользоваться. А остальные — быстро заливайте воду в корабль.

Его не спрашивали — почему, просто повиновались. Приказ был ясен, и, пока темный корабль приближался, галера все ниже оседала в воде. Люди с мечами, пригнувшись, попрятались в низкой каюте на корме и под передней палубой. Те же, кто взял кинжалы, остались на скамьях гребцов и спрятали оружие под собой. Эйас отказался взять меч и поднял сжатый кулак.

— Я всегда при оружии, — проговорил он, опускаясь на скамью возле каюты. — Что мы должны

сделать?

— Возьмем их обманом, — отвечал Эсон. — Вложите ноги в колодки и прикройте их. Пусть сидонцы подумают, что вы прикованы. Втяните весла. Прикиньтесь больными — это несложно. Мертвыми, если сумеете. Корабль, лишившийся мачты и паруса, брошенный, с умирающими прикованными рабами. Пусть сидонцы решат, что перед ними спелое яблочко… Они ничего не заподозрят. Когда я крикну — все в бой. Он закончится только со смертью последнего из них. Отсюда уйдет лишь один корабль. Наш корабль.

Эйас, быть может воспользовавшись опытом своих боев на арене, дал целое представление. В поединке с благородными, которых он мог бы убить без всякого труда, ему нередко приходилось прикидываться потерпевшим поражение, и он поднаторел в этом деле. Поникнув на скамье, он хриплым голосом принялся подзывать приближающийся корабль, успевая в промежутках шепотом сообщать новости засевшим в каюте:

— Они приближаются на веслах… парус свернули. Люди перевешиваются через борт, показывают и кричат. На некоторых шлемы, доспехов я не вижу, есть мечи и копья. Они подбирают весла, дрейфуют поближе.

С уже нависавшего над ними темного корабля послышались гортанные крики. На носу и корме вздымались высокие черные шесты, черным был и корабль, и латинский парус, подобранный на наклонной рее. Послышались крики и хохот, галера вздрогнула, когда сидонский корабль стукнулся в нее носом. По крыше каюты застучали ноги, один сидонец спрыгнул с канатом на переднюю палубу, чтобы надежнее привязать галеру. Другие посыпались вниз, только когда оба корабля оказались надежно соединены: высокие смуглые люди с черными бородами и волосами, перехваченными обручами. Но Эсон все еще выжидал. Незваные гости не обращали внимания на рабов, сидевших на скамьях галеры, и он хотел, чтобы сидонцев в галере оказалось побольше. В дверь каюты сунулся мужчина, облаченный в пурпурную одежду — все прочие были в белом, — в руке его был богато украшенный меч.

Вонзив клинок в чрево вошедшего, Эсон отбросил в сторону тело и, перехватив меч из ослабевшей ладони убитого, взревел, как подобает микенскому льву.

Поднявшиеся гребцы убивали тех, кто оказался с ними рядом. Чернобородый воин повернулся в сторону Эйаса, и тот нанес сидонцу столь со-

крушительный удар кулаком, что упавший враг сбил с ног и следовавшего за ним. Прежде чем они сумели прийти в себя, Эйас переправил обоих за борт. Справившись с удивлением, сидонцы отступили и, обнажив оружие, стали спиной друг к другу. Отважные бойцы не оставляли галеру, только криками звали на помощь. Через борт с корабля полезли новые люди, битва разгоралась.

Расчистив мечом заднюю палубу, Эсон не стал спускаться в гущу дерущихся внизу, а перелез на борт черного корабля. Ударило копье, но, опустив голову, он принял удар на шлем. И копейщик не успел отвести оружие для второго удара: Эсон пронзил его мечом насквозь и отбросил тело в сторону, чтобы подняться на палубу. Схватив копье вместо щита, он издал громкий вопль, чтобы слышали все, и, подобно земледельцу, жнущему жито, торопливо начал прокашивать путь по палубе.

Воина в полном доспехе невозможно остановить. Другой воин, вооруженный не хуже, может вступить с ним в бой, и одолеет сильнейший… но никто более не в силах справиться с ним. Копья отскакивали от груди Эсона, мечи от шлема, прочная бронза поножей хранила ноги — их не могли подрубить. Эсон был создан, чтобы убивать:

неотвратимый и бесстрастный, как набегающая волна, холодно и коротко поглядывая вокруг, он разил мечом одного за другим не прикрытых доспехом противников.

Он колол, резал и медленно продвигался по палубе. Оказавшиеся на галере сидонцы пытались вернуться на свой корабль, но их убивали — стоило только повернуться. Уцелевшие сидонцы издавали вопли отчаяния, но не собирались прекращать сопротивление. Могучие воины, искусные мечники, они бились поврозь и вместе. Однако число их уменьшалось, и последний боец их, столь же искусный в воинском деле, как и первый, пал с гортанным проклятием на губах.

Наконец все закончилось, пролилась последняя кровь, убитых раздели и побросали за борт. Экипаж галеры тоже пострадал, но не слишком, порезы промывали маслом и морской водой, пока они не закрывались. Лишь заросший густой бородой молчаливый саламинец получил глубокую рану в живот и теперь сжимал ее края, чтобы не выпали внутренности. Он не пытался остановить кровь. Смерть от потери крови легка, и все это знали. Ему принесли вина, хотя он едва смог омочить в нем губы… Все уселись с ним рядом, разговаривали и шутили… наконец он осел,

и глаза его закатились.

Эсон сам смешал вино с водой и приглядел, чтобы досталось каждому. И пока его люди гоготали, ругались, наслаждались своей победой, обратился к ним с высокой задней палубы.

Решение он принял, когда заметил этот корабль, выжидал только подходящего момента, чтобы сообщить его.

— Я знаю этот берег, — закричал он, — я был возле него. В той стороне, в дне пути отсюда, — Египет. Можете плыть туда, если хотите; вы получите свою долю того, что захватили мы на этом корабле и галере.

Послышались довольные восклицания, желающие уже обыскали корабль и явились с тканями и кувшинами масла, даже с резной слоновой костью, ценившейся повсюду. Эсон слышал радость в их голосах и, когда она достигла предельной силы, указал мечом в противоположную сторону — на запад вдоль берега.

— Плывите туда, если хотите, но я отправляюсь на запад и прошу лучших присоединиться ко мне. Мы пойдем за Столпы Геракла, к острову Йерниев, чтобы отомстить за моего дядю и убитых с ним родичей. Назад мы привезем олово, целый корабль металла, который дороже золота

и серебра, и каждый получит свою долю. И потому я спрашиваю вас, пересекших море, которое еще никому не покорялось, вас, бившихся с людьми Сидона и одолевших их, вас, бесстрашных и сильных. Кто пойдет со мною в края, которые мало кто видел, чтобы вернуться богачом? Кто будет со мной?

Ответ мог быть только один — могучий одобрительный рев, повторяющийся снова и снова. Кто же мог отказаться, если каждый из них был могуч и знал об этом! Уронив меч на палубу, Эсон перебросил в правую руку копье, поймал его и, отогнувшись назад, изо всех сил запустил в сторону заходящего солнца. Оно взмыло вверх, словно стремясь к самому светилу, подрагивая в воздухе, золотые солнечные лучи отражались от бронзового наконечника, и далекой тростинкой исчезло в воде. Люди разразились новыми воплями.

Подобрав свой меч, Эсон распрямился и увидел лицо криво улыбающегося Интеба.

— Значит, это ты и задумал, — проговорил египтянин.

— Да, задумал. Я обдумывал этот план с того дня, когда ты рассказал мне о гибели Ликоса и остальных. Туда нужно отправить корабль — за оловом и чтобы отомстить, — так почему бы не

наш? На возвращение в Микены потребуется несколько недель, потом когда еще выйдем в море. Так зачем возвращаться? Мы и так уже на дороге, ведущей на запад.

Отец много рассказывал мне об олове, и даже я понял, что олово нужно Микенам теперь же, немедленно, пока Атлантида зализывает раны. На Фере погибло много кораблей, возможно, даже сам Атлас, хотя на подобное благодеяние едва ли можно надеяться. Теперь с ними нужно — можно бороться! Ну а для этого нам необходимо олово.

— Ты говоришь прямо как Перимед.

— Он — царь Микен, а я — его сын. А ты, Интеб? Кажется, в общем радостном хоре я не слышал твоего голоса.

— Эсон, ты всегда можешь рассчитывать на мое одобрение, пусть иногда и с опозданием. Мы сейчас рядом с Египтом, там мой дом, и фараон готов осыпать меня почестями. Возвращаться ли мне туда?

— Возвращаться? Зачем? Плыви с нами. Ты сделался моей правой рукой, и я люблю тебя как брата.

— И я люблю тебя, Эсон. — Взяв его за руки, египтянин приложился щекой к грубой щеке Эсона, мокрой от пота, покрытой запекшимися

каплями крови убитых. — Я люблю тебя и последую за тобой куда угодно.

Книга II
Глава 1

Деревья и густой подлесок спускались к самому краю воды, и каждое легкое дуновение бриза доносило до корабельщиков влажное дыхание сырой зелени из зарослей на берегу. Огромным водяным жуком черный корабль полз против течения возле утеса. Весла, шевелящиеся, словно ноги водяного насекомого, с трудом толкали его вперед. Большой парус свернули — небольшой ветерок дул в противоположную сторону. С ругательствами и ворчанием мореходы наваливались на весла, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было не таким сильным.

На противоположной стороне серых вод, за проливом, на севере, темнела серая, до небес, скала — один из Столпов Геракла. Впервые заметив ее, они испытали истинное потрясение и сгрудились возле борта, громкими криками описывая свои впечатления. Но теперь мореходов тошнило уже от одного ее вида. Напрягаясь изо всех сил, они гребли час за часом, но серая громада едва отодвигалась назад. Впереди их ждали холодные

воды западного моря, но, чтобы достичь их, необходимо было грести изо всех сил. Опущенное за борт ведро приносило воду, ею поливали вспотевшие спины и пропеченные солнцем головы. Вода была здесь прохладнее, чем в том море, что сделалось им привычным, и не такой соленой. Чтобы добраться сюда, не пришлось потратить много сил: после захвата сидонского корабля им еще не приходилось так трудиться. И теперь легкие дни и сытная пища выходили обильным потом. Ветер сопутствовал им с того первого дня. Они шли вдоль берега Африки и по вечерам вытаскивали корабль на берег, чтобы раздобыть пресной воды и поспать. Много раз они охотились на берегу и ели добытое мясо. Рука Эсона была самой сильной и меткой: он поражал оленя там, куда другие не добросили бы и камня. Легкое путешествие — просто прогулка. Вечерами все посмеивались над старинными повествованиями о трудах и опасностях, поджидающих корабельщиков в этих краях.

Но потом ветер подвел их. Не только ветры, но и течения обратились против них. Три дня ожидали они на берегу, когда переменится ветер, — но не дождались. Против общего желания, пришлось грести.

Труд этот не приносил им удовольствия. Целыми днями налегали они на весла — от рассвета до сумерек, в конце концов миновали пролив, в котором вода неслась им навстречу, и вышли в открытое море. Здесь они уже могли поднять парус. Но перед закатом бриз совершенно стих, и они вновь принялись грести — уже без особых усилий. Наконец в скалистом берегу обнаружилась уютная бухта. Гребцы с жадностью насытились — они не ели с утра — и быстро уснули.

В каюте Эсон заправил оливковым маслом каменную лампу, опустил фитиль и поджег.

— Пора обдумать, как поплывем дальше, — проговорил он.

— Без карты? — поинтересовался Интеб.

— Ее не было и у Ликоса, однако он умел находить путь и мне объяснил, как это делать. От Столпов Геракла надлежит плыть на север вдоль берега, пока не кончится суша…

— До края земли, где начинается запредельный хаос.

— Ты сегодня в хорошем настроении, Интеб.

— Это легко, когда стоишь у руля, пока остальные гребут.

— Дай-ка налью тебе вина.

Допив, Эсон причмокнул губами и потянулся

так, что захрустели суставы. Весь день он сегодня греб.

— Дай мне тот черепок и штуковину, которой ты скребешь по глине, я нацарапаю тебе карту.

Интеб положил нужное на стол перед другом и выжидательно поглядел на него. Сжав правую руку в кулак, Эсон приоткрыл ладонь и выпрямил большой палец.

— Вот так, — проговорил он.

— Что — так?

— Да карта. — Он приложил ладонь тыльной поверхностью к обожженной глине. — Обведи вот так и почетче.

Увидев точный очерк, Эсон похвалил Интеба и ткнул пальцем вниз, возле мизинца.

— Вот здесь лежит пролив у Столпов Геракла. Большой палец глядит на север. Итак, сперва плывем на запад до костяшки мизинца, а потом поворачиваем на север вдоль сгиба пальцев. Там, где костяшки пальцев, — устья больших рек. Их четыре — и пальцев тоже, и мы должны миновать все… Наконец мы приплываем к большому мысу, здесь нужно повернуть на восток, и мы поплывем вдоль руки к основанию большого пальца. Далее, следуя руке, поворачиваем на север и, в соответствии с изгибом пальца, берем

на северо-запад. Вот все и видно по руке.

— А когда доплывем до конца большого пальца?

— Тогда придется через море поворачивать к острову Йерниев, к земле альбиев.

— Это разные племена?

— Очень разные, сам увидишь.

Эсон стащил тунику и улегся на живот, а Интеб, зачерпнув масла, умастил мощные мышцы на плечах и спине друга. Захрапел микенец еще до того, как Интеб кончил растирать спину. Путешествие вновь сделалось приятным, и дни были похожи один на другой. Они миновали устье большой реки, по ней поднималось какое-то суденышко, но гнаться за ним не стали. Суша стала гористой, но вдоль берега тянулась плодородная равнина. Свои кожаные мехи они наполняли водой из ручьев, охотились на оленей и диких свиней, подкарауливая добычу у водопоя.

Только однажды за весь долгий путь они увидели следы человека. В безоблачное небо поднимался бледный столб дыма. Вытащив на берег корабль, они пустились выслеживать двуногую дичь: неважно, на скольких ногах ходит добыча. Костер был разложен за высоким — в два человеческих роста — курганом, скрывшим

приближение незваных гостей. Вокруг него расположилось целое семейство, они жарили целого быка возле обложенной камнем насыпи… все в ужасе бежали, не пытаясь остановить натиск вооруженных воинов. Потом мореходы с хохотом волокли быка на корабль, раскаты смеха становились только громче, когда из кустов на миг выглядывала очередная недоумевающая физиономия. Отличное путешествие, на редкость удачное.

Когда закончился протянувшийся с севера на юг берег, Эсон тщательно последовал сделанной им самим карте, она привела их в огромный залив, за которым высился мыс.

— Вот и место, — проговорил Эсон. — Я помню форму этого острова. Там есть бухта с песчаными берегами и ручей, из которого мы наполнили мехи водой. Потом мы поплыли от суши.

— Это мы можем, — отозвался Интеб, — не привыкать. Хотя люди не стремились покидать уютные береговые воды, последняя стадия путешествия не вызвала у них особого беспокойства. С тех пор как они захватили корабль сидонцев, плавание было удачным, ветер помогал и волны им не мешали. Дождей не было — они редки в это время года. Легкое путешествие, и в конце его их

ожидает богатство.

Семь дней ветер дул с запада, и они выжидали в крошечной бухте. Набрали пресной воды, проверили снасти, заменили изношенные, замазали течи. Когда все работы закончились, один из людей сплел из бечевок сетку, они принялись ловить жирных пташек, гнездившихся на деревьях. Ели их запеченными в глине на угольях костра. Наутро восьмого дня Эсон проснулся еще перед рассветом и вышел на палубу, чтобы принюхаться к воздуху.

Там, привалившись к поручню, нес стражу Эйас. Послюнив палец через щель в разодранной губе, он высоко поднял его.

— С юга, — проговорил Эйас. — Мы ждем этого ветра?

— Именно. Поднимай всех.

И опять они направились от берега в пустынное море, на этот раз преднамеренно.

Кормчий глядел назад, он вел корабль прямо от суши. Интеб тщательно выверил путь по солнцу, чтобы не ошибиться. Море было спокойным, отлогие валы медленно вздымали и опускали судно. Белокрылые морские птицы следовали за кораблем от берега, то и дело они с отрывистыми криками ныряли за рыбой в белый след за кор-

мой. Подгоняемый ветром корабль пенил воду, никто не обращал внимания на тонкие высокие облака, появившиеся после полудня. Лишь к сумеркам тучи сгустились. Но закатное солнце спускалось в воду, и, оставив его по левому борту, корабельщики начали вглядываться в пустынное море, пытаясь заметить землю, и уже бились об заклад — кто первым увидит ее.

На самом закате неожиданно налетел шторм. Ветер усилился, облака вдруг затянули все небо, поднялись волны. Таких мореходы еще не знали, этим валам ничего не стоило захлестнуть судно. Низкобортная галера давно уже отправилась бы на дно, но даже более крупный и мореходный сидонский корабль мог только идти по ветру. При самом маленьком парусе он начинал зарываться носом в волны, а снасти начинали гудеть и скрипеть.

Стоя у кормила, Тидей, щурясь, вглядывался сквозь пелену дождя в белопенные гребни и направлял корабль, куда нес его ветер. Эсон находился как раз возле него, когда из каюты появился Интеб — ему приходилось цепляться за поручень, чтобы не смыло за борт.

— Иди назад! — прокричал Эсон, рукой поддержав египтянина.

Интеб оперся на него, чтобы не упасть.

— Там только хуже. Весь корабль скрипит и стонет, как перед гибелью. Кажется, он вот-вот пойдет ко дну.

— Мы все еще плывем в нужную сторону, и, пока мы вычерпываем воду, корабль не потонет.

— У тебя меч, — проговорил Интеб, заметив оружие за плечом Эсона — впервые после выхода в море. Брони на микенце не было. Интеб проговорил с внезапной тревогой: — Ты никогда не отправляешься в путь без меча — даже в подземный мир отправишься с ним. Значит, ты думаешь, что мы утонем?

— Я думаю только, что нас ждет очень скверная ночь.

— Конец?

— А Зевс его знает! Скоро узнаем и мы. Ветер гнал нас весь день и часть ночи. Перед нами остров Йерниев, и сворачивать некуда. А теперь ступай в каюту.

— Нет, я останусь здесь.

Жутко было на палубе, у бортов внезапно вырастали черные волны, летела пена, исчезая в темноте, валы шипели, но в каюте было куда страшнее. Каждое падение корабля в пропасть между огромных волн, казалось, кончится тем,

что корабль пойдет ко дну. Это было непереносимо. Интеб вспомнил о солнечном и теплом Египте, обо всем, что осталось там.

Если он погибнет на море, никто не сохранит его тело после смерти для странствия на запад.

И он не сможет попасть в Землю Блаженных — так говорили жрецы. Не бывает смерти хуже, чем на море. Прежде он смеялся над жрецами, но хорошо веселиться на твердой земле. Сейчас он не мог смеяться. Окончилось все внезапно. Перекрывая рев бури, раздался внезапный грохот, прямо перед носом корабля высоко в небо взлетела белая пена. Корабль ударился о скалу и начал разваливаться на куски. Людей выбрасывало в море, они застревали в обломках.

И еще не осознавая, что произошло, Интеб полетел в ледяной океан. Он пытался закричать, но вода хлынула ему в рот и нос, вода была повсюду. Он тонул и не понимал этого.

Новый вал бросил их с Эсоном навстречу друг другу, и египтянин заметил темный силуэт микенца. Закашлявшись, Интеб выплюнул воду, глубоко вдохнул воздух. Нечто темное и громадное обрушилось на них, ударив египтянина по голове.

О том, что произошло потом, он сохранил толь-

ко самые расплывчатые воспоминания.

Эсон был рядом, а может быть, и кто-то другой, он тянул Интеба за руки, одежду… потом под ним оказалось нечто твердое. Большую часть времени голова египтянина находилась под водой, и в те короткие промежутки времени, когда она оказывалась на поверхности, он старался вдохнуть побольше воздуха и слабел с каждым разом. А потом была холодная смесь воды, пены, что-то твердое рвало и терзало его плоть; наконец Интеба перевернуло, и он оставил борьбу, погружаясь во тьму, охотно принявшую его.

Глава 2

Интеб очнулся от кашля и не мог остановиться, горло драло, даже глаза сами закрывались от боли. Он перекатился на бок, извергая соленую морскую воду, наконец рвота отпустила его — в желудке ничего больше не было. Не оставалось и сил — даже чтобы открыть глаза. Впрочем, он был в сознании и ощущал, что лежит на твердой земле и его трясет от холода и истощения. В глаза ему набился песок. Интеб слабой рукой протер их, прежде чем осмелился оглядеться.

Над головой по низкому небу неслись серые

облака. Он лежал на каменистой почве во впадине между кочками, поросшими травой. Он помнил только море, бурю, волны, смыкающиеся над головой. Как он оказался здесь? Конечно, не собственными усилиями. Эсон?

— Эсон! — позвал Интеб, с трудом поднимаясь на колени, и уже почти в панике повторил: — Эсон!

Неужели микенец погиб? Пошатываясь, Интеб встал, потом поднялся на невысокий гребень. Отсюда он видел полосу прибрежного песка, на которую набегали по-прежнему высокие валы. Злые скалы. Интеб не забыл, что случилось вчерашней ночью. И все-таки — как он попал сюда? Интеб закричал вновь, издалека с берега ответил голос. Наконец появился Эсон, он волок за собой что-то длинное и темное. Микенец помахал рукой. Встретились они на мокром песке. Бросив наземь расщепленный кусок плавника, Эсон схватил египтянина за обе руки.

— Скверная была ночь, Интеб, но мы живы — значит, есть чему порадоваться.

— А остальные?

— Погибли. Корабль ударился об эти камни и разлетелся от удара. Мы рядом упали в воду, потом кормовое весло едва не снесло нам головы

— оно падало прямо на нас. Но оно-то нас и спасло. Мы держались за него, наконец нас вынесло на землю. Я кричал, звал, но никто больше не ответил. Потом я оттащил тебя сюда, подальше от ветра, и обыскал берег — посмотрел и в воде, насколько можно было зайти. Никого; должно быть, все погибли с кораблем. Значит, плавать не умели.

Эсон тяжело опустился на песок, склонив голову на колени. Он не спал всю ночь и очень устал. Вождь и предводитель, он отвечал за своих людей. Но все они погибли. Вот и меч холодной тяжестью лег на спину.

— А ты знаешь, где мы? — спросил Интеб.

— Где-то на берегу, точнее не знаю. В тот раз мы плыли вдоль берега, а здесь он такой одинаковый: нет деревень, нет народа. Нет пищи. С корабля не выбросило ничего, только щепки. Надо идти. — Он поднялся.

— Но куда?

— Добрый вопрос. В шторм мы сперва как будто следовали за ветром, но во тьме могли развернуться. Нам идти на восток. Так, наверное, будет лучше.

Кинув прощальный взгляд на погубившие корабль клыкастые скалы, на пустынный пляж,

Эсон повернул налево и направился вдоль берега. Песок был мягок, идти босиком было легко — море сорвало с их ног сандалии. Интеб следовал за Эсоном по песчаному берегу, на котором не было даже тропинки. Шли они недолго и быстро наткнулись на полосу воды, слишком глубокую, чтобы можно было перейти ее вброд. Повернув, они побрели вглубь суши. Повинуясь внезапному импульсу, Интеб нагнулся и, зачерпнув воду ладонью, попробовал.

— Едва солоноватая, — проговорил он. — Должно быть, это устье речки. Если мы направимся вверх по течению, она сделается пресной.

Поток петлял и сужался, ставшая пресной вода бежала по обросшим мхом скалам. Они напились, лежа на животах. Эсон сел, вытирая рукой рот, и внезапно застыл. А потом обнажил меч.

Над приморской равниной поднимались невысокие, поросшие лесом холмы, и в просвете ветвей была видна нагая вершина одного из них. На самой верхушке высилось какое-то округлое сооружение. Людей не было видно. Оглядевшись, Эсон с мечом в руке направился к вершине холма. Миновав густую рощу, они вышли на заросшую тропку, приведшую их на склон перед загадочным сооружением. Сделано оно было из земли,

с одной стороны виднелся ряд каменных глыб. Самая крупная, в центре, напоминала закрытую дверь.

— На гробницу похоже, — проговорил Интеб.

Эсон согласно кивнул, однако, пока они поднимались на холм, держал меч в руке и опустил его в ножны, лишь когда убедился, что людей здесь давно не было.

— Гробница, — проговорил Эсон. — Я уже видел такие. — Он наклонился к щели у края глыбы, закрывающей середину входа, но не смог увидеть за ней ничего, кроме темноты. — Там посреди зал, погребальная камера, она сложена из вертикальных камней, на них положены потолочные плиты… В ней можно найти истлевшие кости, дары покойному, может быть золото. — Он навалился на тяжелый камень.

— Похожа на микенские, только куда проще. Будем открывать? — спросил Интеб.

— Необязательно. Лучше вернемся к берегу.

Солнце пробилось из облаков и грело их спины. Путники шли до полудня. Наконец Интеб, остановив Эсона, указал на загибающийся дугой берег. Воткнув палку в песок, он задумчиво поглядел на тень.

— Мы, кажется, повернули на север, — прого-

ворил египтянин. — И если этот берег будет все так же изгибаться, скоро повернем на запад. Не оказались ли мы на полуострове или мысе?

— Возможно, но я не помню ничего такого. Берег велик — остров огромен. Он тянется на север, неведомо куда. Я мог не видеть этой его части.

— Надо посмотреть, что лежит впереди, — проговорил Интеб, поднимаясь наверх по поросшей травой дюне. Устав от ходьбы, он ощущал лишь пустоту и бурчание в желудке.

Добравшись до вершины, египтянин огляделся и, быстро пригнувшись, сбежал вниз по склону.

— Там кто-то идет вдоль берега. Я сразу же опустился в траву, как только заметил его… Скорее всего, он меня не видел.

— Он один? — проговорил Эсон, извлекая из ножен меч.

— Один. Я видел весь берег. Кроме него, никого.

— Нам нечего бояться одного человека.

Легко размахивая мечом, Эсон зашагал по песку. Интеб плелся следом, не ощущая даже тени подобной уверенности. На скалистом выступе, уходящем в море, Эсон остановился, и Интеб догнал друга. Разбрызгивая воду, кто-то шел по отмели. Высокая волна разбилась о скалу, и с мо-

ря послышалась ругань. Интеб отступил — плеск приближался. Жилы на руке Эсона взбухли, он стиснул рукоять меча. Человек обходил скалу и вышел прямо на них — вздрогнув от неожиданности. Знакомая рваная физиономия в шрамах.

— Эйас! — закричал Эсон и вонзил меч в песок, кинувшись в воду обнимать кулачного бойца.

— Ну и встреча! — вопил Эйас, они обнимались, а зеленая вода подступала к коленям.

— Я думал, что ты погиб вместе с остальными, — проговорил Эсон.

— А сам ты — не вышел из могилы? Если бы я не обнимал тебя своими руками, то подумал бы, что вижу духа. Но теперь нас трое — если только египтянин не вернулся сюда призраком из своих земель на западе.

Интеб начал было хохотать с остальными, но в голову ему вдруг пришла ужасная мысль. А как здесь оказался сам кулачный боец?

— Эйас, — обратился он, — значит, ты шел сюда вдоль берега?

— С тех пор как утром солнце открыло мои глаза. Я лежал один на песке. Вокруг никого не было. Голодный, пить хочется… до сих пор. Пошел вдоль берега, все шел и шел. И не нашел ничего…

— Ты поворачивал?

— Ни разу.

Выйдя на берег, они смотрели на бледного Интеба, тяжело опустившегося на песок.

— Ты понял, что это значит? Мы тоже шли — в другую сторону.

Эсон понял сразу.

— Остров. Мы попали на остров.

— Пустынный к тому же, — проговорил Интеб с безнадежностью в голосе. — На берегу мы не встретили никого, ничего не нашли, кроме того ручья.

— Значит, вы видели больше, чем я. Если вы знаете, где вода, покажите мне дорогу к ней.

— Еще мы нашли гробницу, — проговорил Интеб, поднимаясь. — Это остров Мертвых.

— В глубине суши могут жить люди. — Эсон опустил меч в ножны и первым направился вдоль берега. — Если они здесь есть, мы найдем их. Здесь должны быть люди.

Они не нашли никого. Вдали от моря, среди невысоких холмов, обнаружились другие гробницы, там были совсем древние — ветер даже сдул землю с каменных блоков, закрывавших погребальную камеру. Слов Интеба они не повторяли… но и непроизнесенные, они звучали в ушах. Остров Мертвых. С самого высокого из холмов было

видно море, со всех сторон окружавшее остров, вдалеке на горизонте чернела земля. Вот и все. Когда тени начали удлиняться, они вернулись к ручью у той гробницы, которую обнаружили первой, и напились воды, чтобы притупить чувство голода.

— Что будем делать? — спросил Эйас, и оба они поглядели на Эсона. Тот медленно покачал головой и поглядел в сторону темнеющего моря.

— Думаю, что нам конец.

— Словно морские рыбы на берегу, — проговорил Интеб. — Странно это: уцелеть в кораблекрушении, а потом умереть от голода.

— Пища есть. — Эйас протащил сквозь пальцы длинную травинку и поглядел на зернышки, оставшиеся на ладони. — Не бог весть что. Но мне приходилось есть и похуже. Будем есть эти семена. Ловить птиц.

— Рыбу тоже, — добавил Интеб. — Вода и пища есть — можем выжить.

— Зачем? — спросил Эсон. — Чтобы жить, как дикие звери, без огня и укрытия, пить воду, жевать сухие семена? Зачем? Смерть все равно придет к нам. — И он громко повторил слова Интеба: — Это же остров Мертвых.

Глава 3

Эйас шел, склоняясь под ливнем, вода ручьями лилась с волос и бороды, затекала под и без того мокрую одежду. Он брел возле края волн и волок за собой кусок плавника, толстую расщепившуюся ветвь, которую подобрал на берегу. Разбивавшиеся валы шипели в песке, захлестывали лодыжки. На рифах снаружи грохотал прибой. Эйас шел и шел, наконец повернул внутрь острова по тропе, которую успел протоптать в своих частых хождениях. Тропа эта змеилась между валунов к образующему естественное укрытие каменному навесу. Тут Эйас хранил собранный им плавник: сучья, бревна, ветви, резную скамью, выброшенную морем после кораблекрушения. Она да рулевое весло — вот и все, что напоминало теперь о существовании разбившегося корабля и его команды. Сдвинув дерево в сторону, Эйас освободил себе место, чтобы укрыться от дождя.

Он и сам, собственно, не вполне понимал, зачем таскает сюда деревяшки. Ему не удалось найти ничего пригодного для плота. Не было на острове и ползучих растений, которыми можно связать бревна. Дрова эти можно было бы сжечь, если бы

только им удалось высечь огонь. Но искристых камней, пиритов, тоже не попадалось. А огонь был необходим: здесь, на далеком севере, зима мгновенно погубит их; даже здешнее лето только медленно подтачивало их силы. Эйас поглядел на плетеный кожаный пояс; он день ото дня становился все свободнее. Трава и семена диких злаков — не еда для мужчины. От нескольких птиц, которых удалось поймать в силки, осталось только воспоминание. Когда же это было? Он задумчиво поскреб короткую бороду.

Давно. Египтянин знает. Он — человек ученый, следит за календарем даже в этом заброшенном месте, наносит свои иероглифы на деревянную дощечку. Он вычислил, что настал месяц месори и Нил разлился. Как будто здесь это важно. Словно может быть что-то помимо единственной цели — выжить. Теперь все они ослабели, а египтянин из троих самый слабый.

Наверное, и умрет первым. Хорошо, будет мясо — пусть ненадолго. Эйасу уже случалось есть человечину, тогда она ему не понравилась. Но ведь надо жить.

Через какое-то время дождь утих. Ноги Эйаса онемели. Он выбрался наружу и потянулся — суставы хрустели, мышцы ныли от сырости.

С кустов капало, свинцовое небо нависало над свинцовым же морем. Он обратился к нему спиной и по невысоким округлым холмам побрел к гробнице. Вполне подходящее место для тех, кто скоро умрет, — правда, такая мысль ему в голову не приходила.

Это была та самая гробница, обнаруженная Интебом и Эсоном в первый день. На острове она была самой большой, в ней можно было стоять. Вход был закрыт одним-единственным большим камнем. Не без колебаний они отвалили его и вступили внутрь. В глубине лежала статуя уродливой богини. Повсюду валялись кости. Самые древние крошились в пыль, на свежих еще попадались кусочки присохшей плоти. Они расчистили себе место, сгребли все останки и труху в дальний темный конец похожего на короткий туннель помещения. Среди костей попадалась погребальная утварь: золотые ожерелья, булавки. На острове она ни к чему, но в любом другом месте… Сперва они берегли их, но в тесном помещении те вечно попадались под ноги, и вскоре их выкинули в общую груду. Эйас, правда, оставил себе золотой браслет и носил его на предплечье — чтобы потешить глаз в серых буднях.

Когда Эйас прополз через вход, остальные двое

уже были дома. Согнувшись, они что-то рассматривали.

— Смотри-ка! — окликнул вошедшего Эсон, показывая бурую птаху, ноги которой запутались в силке. Она беспомощно била крыльями, ужас отражался в ее круглых глазах.

— Как делить будем? — Эйас присел на корточки с ними рядом, с не меньшим интересом, чем остальные, разглядывая дичь.

— Нас здесь нечетное число, — проговорил Интеб. Эсон тем временем вытащил меч и потрогал лезвие пальцем. — Помнишь, сколько возни было с последней птицей. Будь нас двое, ее можно было бы разрубить пополам, будь четверо — на четвертинки.

— А на четыре сотни воинов по перышку бы пришлось, — расхохотался Эсон.

Изголодавшиеся люди склонились над еще живым комочком, в котором и мяса-то почти не было. Но желудки жаждали пищи. Поэтому они не сразу услышали звук, заглушавшийся их собственными голосами. Первым насторожился охотник Эсон. Склонив голову набок, он приложил палец к губам. Остальные немедленно застыли, и в наступившем безмолвии послышались далекие рыдания.

Случись такое ночью, они, конечно, решили бы, что это явились растревоженные незваными пришельцами духи мертвых, чтобы прогнать их. В голосах слышалась смерть, так могли бы выть и мертвецы; и волосы на затылках и спинах всех троих мужчин невольно стали дыбом. Интеб поежился — но не от холода.

— Голоса, — прошептал он, — это все-таки люди, плакальщицы.

Голоса приближались, становились громче, и скоро можно было уже разобрать слова.

Эсон попытался понять их и вдруг закивал головой.

— Слышите? Понятно. Это старинный язык сказителей, есть небольшая разница, но все понятно.

В обрядовом напеве снова и снова повторялись одни и те же фразы.

Голоса стали четче и громче, звук приближался — поющие явно шли уже по склону холма.

Назад, назад в чрево матери,
В глубины, в глубины земли и холмов,
Мертвец, мертвец спит в тебе, мати.
Вновь, вновь он будет рожден.

С мечом в руке Эсон пригнулся, чтобы биться

с любым врагом — человеком или нечеловеком. Эйас сжал кулаки — простое, но не менее смертоносное оружие было готово к делу.

Интеб скрючился на полу. Брошенная на песчаный пол птица, отчаянно забив крыльями, сумела освободиться и с громким писком метнулась прямо к выходу из гробницы.

Едва она исчезла в отверстии, голоса снаружи вдруг смолкли. Лишь одно затянувшееся, долгое-долгое, как им казалось, мгновение Эсон выдерживал это молчание. Взревев словно бык, он ринулся наружу. Что бы ни ожидало его, судьбу лучше встретить на открытом месте. Эсон коротко взмахнул мечом. Оказавшись за пределами гробницы, он сразу вскочил на ноги. Эйас следовал за ним.

Вниз по склону разбегались с воплями и визгом люди, бурые спины исчезали в кустах.

Буквально в какой-то миг из всей процессии остались только двое, девушка и старик. У ног седовласого старика, закутанного в коричневый плащ с опущенным капюшоном, лежал длинный сверток. Старик что-то кричал, противился девушке, пытавшейся увлечь его за собой. В страхе она попятилась, но старика не бросила.

— Погребальная процессия. — Интеб выглянул

из гробницы и показал пальцем на опущенный на землю труп, зашитый в сырые шкуры.

— Они испугались еще больше нас. — Эсон опустил меч. — Не вижу среди них воинов.

Он спустился пониже, остановился перед стариком. Девушка перестала тащить его в сторону и беспомощно застыла с ним рядом. В напрасных попытках увлечь за собой старца она сбросила с головы капюшон. Под ним оказались густые черные волосы. Темноглазая, с оливковой кожей… алые губы ее трепетали. Протянув руку, Эсон поднял капюшон над лицом старика. Тот выкрикнул:

— Кто это? Кто здесь? Найкери, что случилось?

Бросив быстрый взгляд, Эсон опустил капюшон. Старца не так давно ударили по лицу чем-то тяжелым и острым. Переносица была сломана, глаза вытекли, все лицо пересекал огромный воспаленный рубец. Эсон молчал, и хриплым от страха голосом девушка принялась шептать на ухо старику:

— Муж… нет, трое мужей появились из гробницы. Они вооружены бронзовыми мечами…

— Кто вы? — перебил ее Эсон.

Старик выпрямился. Прежде он, конечно, был воином, и худощавое тело его было мускули-

стым.

— Я Лер Альбийский. Если ты и впрямь из мужей с бронзовыми мечами, то мог слышать мое имя.

— Я знаю про Лера Альбийского. Мне говорил мой дядя, Ликос. Он говорил также, что твой народ помогал ему в разработке копи.

Держа меч наготове, Эсон огляделся. Что знал он об этих загадочных людях… не они ли и разрушили копь?

Лер вдруг взвыл в муке:

— Ох, умерли, ох, умерли все, перебили их, словно зверей, пролиты реки крови! — Воздев руки к небу, он потряс кулаками и стал рвать на себе одеяние.

Эсон повернулся к девушке по имени Найкери. Успокоившись, она стояла в сторонке: перед ней оказались мужи, а не духи.

— О чем он горюет?

— Это йернии виноваты, они напали на нас, убили всех мужчин. Последним был мой брат, что лежит сейчас на земле; он умирал много месяцев. Отца тогда ослепили. И ваших людей убили, всех, кто попался им возле копи.

Эсон опустил меч в ножны: похоже, враги у них общие. И только теперь, когда ситуация проясни-

лась, он осознал, что принесло им появление на острове этих людей.

Они явились на остров Мертвых откуда-то из другого места. Теперь уцелевшие после кораблекрушения получили возможность выжить.

— Откуда вы? — спросил Эсон.

Найкери показала назад:

— Из дома. Мы всегда хороним здесь своих покойников, во всяком случае знатных. Путь неблизок, но мы совершаем его. Нас не пугает расстояние — остров этот считается у нас священным, потому что наши предки здесь жили когда-то. Многие из них похоронены в этих гробницах. — Она вдруг разгневалась. — А вы открыли могилу и украли из нее приношения… Вот! — Она показала на золотой браслет на предплечье Эйаса.

— Корабль у вас есть? — спросил Эсон.

— Воры, грабители могил! — не слушая, вопила Найкери и, охнув, умолкла, когда Эсон железными пальцами стиснул ее челюсть.

— У вас есть корабль?

Когда он отпустил руку, девушка отступила назад, потирая оставшиеся на щеках белые отметины.

— Мы приплыли в кораклях, круглых лодках.

Сперва мы выгребаем вдоль берега, а потом поворачиваем сюда.

— А еда у вас есть?

Она кивнула. Эсон с довольной ухмылкой хлопнул себя по пустому животу.

— Зови своих, мы никого не тронем. Дайте нам еду — и можете спокойно хоронить твоего брата. Мы голодны, а он нет. Может и подождать.

Эйас громко расхохотался, улыбнулся даже Интеб, выбравшийся из гробницы и приблизившийся к ним. Только Найкери еще сердилась. Об этом говорили насупленные брови и сжатый рот; впрочем, девушка молчала. Повернувшись спиной к пришельцам, она что-то зашептала отцу, успокаивая его, потом усадила на землю возле трупа, зашитого в кожи.

Раскачиваясь в скорби, старик принялся гладить мертвое тело, а Найкери спустилась по склону, призывая к себе попрятавшихся. Одна за другой появлялись испуганные женщины и девушки в одинаковых одеждах из бурой ткани. Мужчин не было, лишь несколько хромых стариков с подозрением поглядывали на незнакомцев подслеповатыми глазами. Ни воинов, ни крепких юношей. Трое пришельцев спустились с холма, и никто не посмел поглядеть на них прямо, все

прятали глаза под капюшоны.

— Отведи нас к вашим лодкам, — приказал Эсон.

Найкери проводила их к берегу, где обнаружилось десять округлых холмиков, похожих на ульи. Все они были вынесены далеко за линию прибоя. Девушка направилась к ближайшему.

— Таких лодок я еще не видел, — проговорил Эйас. Заинтересовавшийся Интеб помог Найкери перевернуть один из челноков. Он оказался легким. Сшитые в полушарие кожи были натянуты на каркас из ветвей ивы. Получилось нечто вроде корзины, обтянутой пропитанными дегтем шкурами — чтобы не промокли. Груз лежал под корпусом коракля на песке: свертки, корзины, широкогорлые кувшины. Найкери протянула Эсону один из горшков, и тот извлек из него короткую колбасу — в ладонь длиной и чуть поменьше в ширину.

— Мясо! — завопил он, впиваясь зубами. Вкусная копченая жирная говядина. Жесткое мясо, великолепное. Они жевали и жевали, пока жир не потек по подбородкам и рукам.

Никто из троих даже не заметил, как исчезла Найкери. Покончив с мясом, они поискали еще, обнаружили стоялую, пропахшую смолой воду

в мехах, попробовали вязкой и комковатой холодной каши. Среди припасов оказалась и смесь дробленых орехов и ягод. Наконец насытившись, Эсон и Интеб разлеглись на прогретом солнцем песке, поглаживая тугие животы и пересмеиваясь, невзирая на резь, которой отвечали на сытость отвыкшие от пищи желудки.

Эсон поднялся и поглядел за море. Первая буйная радость уже улеглась, следовало подумать о том, что их ждет здесь на острове, в ловушке, у них не было будущего — они только существовали, обманывая смерть. Теперь с этим покончено.

Неуклюжие круглые челны способны передвигаться по морю, иначе альбии не смогли бы добраться сюда. Скоро в путь. И тогда можно будет приняться за дело, которое он поклялся выполнить.

На горизонте облаком синел негостеприимный берег. Нужно возобновить работы в копи — Микены ждут олово — и отомстить за погибших родичей.

И все это — с помощью всего одного египтянина, не сведущего в воинском деле, и покрытого рубцами бойца, предпочитающего кулак мечу. Эсон коснулся рукояти меча. Вот она — его опора. С мечом в руке ему некого бояться. Если бы Зевс

восхотел его смерти, он бы давно уже умер в воде, вместе со всеми погибшими при кораблекрушении. Но он выплыл на берег, а теперь его ждет далекая суша — остров Йерниев. Он вступит на нее с мечом.

И эти дикари скоро узнают, на что способен микенец, пусть даже он один.

Глава 4

Интебу сделалось дурно сразу же, как только челны вышли в море. Неуклюжие лодки качались на волнах, вертелись, в них натекала вода. Кроме небольшого количества груза, каждый коракль мог выдержать двух человек, самое большее трех. Эсон с Эйасом скоро приноровились к капризному поведению суденышка, хотя поначалу только кружили на месте, взбивая воду неуклюжими движениями коротких весел, посмеиваясь над собственной неловкостью.

Интеб даже не прикоснулся к веслу; едва утлое суденышко удалилось от берега, внутренности египтянина возмутились и его вывернуло наизнанку. После этого пользы от него было не более чем от груза, он валялся в луже на дне, и гребцы иногда даже опирались на него ногами.

Ему было все равно. Пусть боль… пусть даже смерть, что угодно, только не эта непрекращающаяся дурнота. Небо над головой дергалось и кружилось, и он закрыл глаза, чтобы только не видеть этого.

На переход с острова Мертвых к западной оконечности острова Йерниев ушла большая часть дня, несмотря на то что они вышли в море с рассветом. А потом суденышки медленно потянулись вдоль берега на восток: пришлось плыть еще несколько дней, только в сумерках выбираясь на берег, чтобы поесть и переночевать. Распоряжались в пути старики, и они останавливались, наверное, там же, где это делали прежде из поколения в поколение, — в основном на уединенных пляжах, отгороженных от суши высокими утесами: к ним и подойти можно было только со стороны моря. Скрытность в природе альбиев: они не то чтобы кого-нибудь опасались, просто предпочитали всегда идти своей дорогой.

Дни незаметно сменяли друг друга, после тяжелых дневных трудов люди в изнеможении проваливались в глубокий сон. Даже Интеб потерял счет дням. Но как-то сразу после полудня они свернули к берегу возле устья большого ручья.

— Что случилось? — окликнул Эсон Лера, с

помощью дочери выбиравшегося из своего коракля.

— Все, высаживаемся на сушу. Наш дом неподалеку.

Торопливо разгрузили коракли и перевернули их, поклажу разделили между детьми и девушками помоложе. А когда весь груз был распределен, старики и женщины подняли суденышки, чтобы нести их дальше на себе: фигуры людей исчезали под ношей. Эйас хотел взять коракль, но ему не дали — все-таки свое. Цепочкой они направились по едва различимой тропе вдоль ручья к черной стене леса.

С самого утра собирался дождь, и низкое небо опускалось все ниже и ниже к верхушкам деревьев, пока наконец самые верхние ветви не исчезли в тумане. Мрачные чужие деревья с плоскими заостренными листьями. Густые заросли дуба сменялись буковыми рощами, иногда среди темных стволов белыми копьями поднимались березы. Тропа от ручья направилась вверх по травянистому склону, по впадинам и буграм она повела их от болотистого берега к непроходимому лесу. Люди шли вперед не останавливаясь, терпеливо сгибаясь под грузом; тем временем тропа забирала все выше. В одном месте ручей

небольшим водопадом стекал с каменного уступа в бурлящую стремнину. Здесь подъем стал крутым, и коракли пришлось передавать из рук в руки. Наверху земля вдруг стала иной: бесконечный лес сменился лугами и низинами. Тропа сделалась более четкой, и в воздухе запахло дымком, но разглядеть что-либо было сложно — туман превратился в дождь. Путники шлепали по лужам, скоро все промокли и замерзли. Уже в сумерки из тумана вынырнул первый из огромных курганов, горой вздымавшийся посреди ровного поля. Это погребальное сооружение величиной значительно превосходило те, что остались на острове Мертвых. Цепочка идущих обогнула курган, за ним показался другой — и тут впервые появились дома. Их острые соломенные крыши начинались почти от самой земли, от невысокого земляного вала. Плетеные и обмазанные глиной стены опирались на не очищенные от коры дубовые бревна. Позади домов находились небольшие возделанные поля, обнесенные невысокими каменными стенами. Из отверстий, оставленных под коньками крыш, клубился дымок. Путники приближались к домам, и кто-то тонко и отчетливо просвистел, странной трелью закончив последнюю ноту. По этому сигналу в

дверных проемах появились люди, вышедшие встречать прибывших. Цепочка стала редеть, без прощальных возгласов каждый направлялся своим путем. Эсон остановился, дожидаясь Найкери и Лера.

— А далеко ли отсюда копь? — спросил он.

— Ликосова? Не очень, — ответила Найкери. — Можно сходить туда и обратно за половину дня.

— Пусть нам покажут дорогу.

— Утром. Сегодня поздно, и дождь идет. Вам придется провести там всю ночь — без крыши над головой.

— Мы хотим идти прямо сейчас.

— Это ты хочешь, — возразил Интеб, чихавший и потиравший пальцами нос. — Сюда мы добирались так долго, что еще одна ночь ничего не изменит. А меня лично мысль о жарком очаге только радует.

Сам Эсон отправился бы немедленно — если б только знал дорогу до копи. Однако спутники возражали, он не стал принуждать их и, почти не противясь, позволил отвести себя к дому Лера, одному из самых больших в поселке. Чтобы войти в низкую дверь, микенцу пришлось пригнуться. Очаг уже горел, на углях булькал глиняный горшок. Они опустились на низкие скамейки

— поближе к огню, чтобы просохнуть. Тем временем к ним подошла старуха с мисками, полными каши. Варево оказалось безвкусным, но насыщало и грело своим теплом, и миски скоро опустели. Лер хлебал кашу вместе со всеми, а потом сидел, раскачиваясь, обратив к теплу очага незрячее лицо. Покончив с едой, он велел принести пива, и из ямы в земле извлекли большой закупоренный кувшин. Зачерпнув из него себе и осушив чашу, Лер знаком предложил всем последовать своему примеру. В кувшине оказалось кислое молоко, острый вкус его отдавал горечью, однако напиток пьянил, подобно вину. Здесь, в своем доме, утопив в пиве свои печали, Лер вновь, казалось, стал тем мужем, каким он был когда-то.

— Ты пойдешь к копи утром, — проговорил Лер. — Когдато она была нашей, но Ликос принес многие дары, и мы разрешили ему пользоваться ею. Теперь мы снова будем работать там, в этой земле есть и медь.

— Нет, — без колебаний возразил Эсон. — Она принадлежит Микенам. Ты сам только что сказал это.

— Зачем тебе сейчас этот металл? У тебя нет отроков, чтобы работать, — многие из них убиты, и трудно будет теперь отыскать согласных на

такое дело.

— Но раз Ликос сумел — смогу и я.

Лер зло ухмыльнулся, по собственной слепоте позабыв, что другие еще не разучились видеть.

— Тебе не все известно. Отроков Ликосу подыскивал я, это были дети-донбакшо, они обитают в самом лесу. От нас им нужны топоры — чтобы расчищать свои поля. А за мальчиков Ликос дал мне золотую чашу, и не только ее. Ты принес с собой золотую чашу?

— Ты получишь чашу, получишь больше, помоги только найти отроков.

— Хотелось бы мне сперва подержать эту чашу. Пусть глаза мои не видят, но пальцы сумеют ощутить ее вес. Когда ты дашь мне прикоснуться к ней?

— Скоро.

Опьяневший Лер, покряхтывая от удовольствия, шарил под скамьей. Наконец он нащупал желаемое: топорище из твердого дерева для боевого топора, а потом и сам двусторонний каменный топор, аккуратно высверленный посредине.

— Вот топор, боевой топор, такие мы продаем йерниям. Они не знают, где можно найти этот редкий камень. Йерниям не сделать такого. А

этот даже заслуживает того, чтобы прихватить его с собой на тот свет. Вот, видишь сам, какой он острый. Топор мой ты видел, а теперь я увижу твою золотую чашу. — Он вновь рассмеялся и громко рыгнул.

Эсон крутил в руках жадеитовый топор, отвечать было нечего. Не было у него ни сокровищ, ни чаши. Не было и воинов, чтобы драться. Ничего не было. Но копь следует восстановить, а потом — найти тех, кто убил микенцев. Лер мог помочь Эсону. Альбии обходились без вождей. Но этого старца явно уважали: если у них есть кто-то главный, так только Лер. Выпили еще пива. Взопрев возле очага, мужи завели песню. Старый Лер голосил едва ли не громче всех. Разошедшийся дождь вовсю барабанил по соломенной крыше. Эсон потягивал пиво, вглядывался в чашу, пытаясь увидеть грядущее сквозь завесы тепла и усталости, воспоминаний и ненависти.

Что такое один человек против целой страны?

Голос Лера задрожал и умолк; осев, старик съехал со скамьи. Старуха приблизилась к упавшему и с помощью Найкери отволокла его к невысокому ложу, устроенному у одной из стен. Весь вечер Найкери безмолвно просидела в тени, девушка молчала и слушала, о присутствии ее все даже

забыли. Привалившись к грубой стене, Эйас распевал с закрытыми глазами, он уже был сильно пьян, хотя, блаженствуя, не осознавал этого. Уже неспособный сидеть прямо, Интеб приложился к чаше и над краем ее поглядел на Эсона.

— Ну вот, мы и добрались сюда. Невероятное путешествие, расскажешь дома — никто не поверит.

— В этой глуши некому и рассказать.

— Перимед пришлет сюда корабль, тогда у тебя будут люди, ты сможешь восстановить копь.

— В этом нельзя быть уверенным. Конечно, отец пришлет сюда корабль, но когда? Да и доберется ли судно, сумеет ли оно преодолеть все опасности, которыми угрожает море?

Неужели я буду дожидаться его, кушать кашку, пить кислое молоко? Интеб, неуверенность терзает меня, я сам не нахожу ответа на эти вопросы. Я царевич в Микенах, воин из Арголиды, я готов биться, победить или умереть. Но как воевать без воинов, одним щербатым мечом? Как получить помощь, не имея подарков? Друг мой, ты мудр, можешь ли ты ответить на мои вопросы?

Голова Интеба качнулась, он неразборчиво забормотал:

— Положись на меня, Эсон, я помогу, всегда по-

могу тебе. Дружба моя поможет. Сейчас я мог бы сидеть по правую руку фараона, следить за разливом плодородного Нила… а куда меня завела судьба? И мне не жаль… не жаль. — Он всхлипнул и тут же уснул.

Огонь угасал, густо пахло дымом и перебродившим молоком. Эсон едва мог терпеть эту вонь. Его распирало желание биться — но с кем? Противника не было. Не выпуская из рук каменного топора, он поднялся и толкнул дверь, стукнувшись головой о низкую притолоку.

Снаружи лил дождь, вдали погромыхивал гром. И он слепо вглядывался в дождь, не зная, клясть судьбу или молить богов о помощи.

Вдруг Эсон ощутил, что рядом с ним кто-то шевельнулся. Занеся для удара топор, он мгновенно повернулся на звук. В лесу совсем рядом ударила молния, во время короткой вспышки он увидел, что это Найкери. В наступившей вновь темноте он укоризненно покачал головой: надо же — уже и женщин начал пугаться.

— Я могу помочь тебе, — подходя ближе, негромко проговорила девушка.

— Уходи, — бросил Эсон, поворачиваясь спиной.

— Знаю я вас, микенцев, — продолжала она,

заходя так, чтобы стать лицом к лицу с ним. — Должно быть, в вашей земле нет ни одной здоровой женщины, иначе вы не презирали бы их. Постарайся понять, воин, — здесь у нас все по-другому. У нас женщина не рабыня мужчины. С тех пор как ослеп отец, я говорю от его лица. И я могу помочь тебе.

— Мне не нужна помощь от женщины.

— А другой ты здесь не получишь, — огрызнулась она. — Хочешь — раздувайся от гордости, только тогда копь навсегда останется разрушенной, а ваши люди неотмщенными. Решай сейчас. Так как же?

Она говорит правду, подумал Эсон. Здесь не Арголида.

Странные земли — странные обычаи.

— Почему ты хочешь помочь мне? — спросил он.

— Такого желания у меня нет, но я нуждаюсь в тебе, как и ты во мне, чтобы отомстить, — у меня на это свои причины. Племя мое сейчас не в силах мстить. Мой народ ослабел. Отец мой слеп. Все хотят забиться поглубже в лес, найти место потише. Я не хочу. Мое место здесь. Альбии всегда старались жить в мире со всеми — даже с йерниями. И мы будем жить с ними в мире — но

после того, как умрут виновные. Твои враги — это мои враги, и я помогу тебе погубить их.

— Но сперва пусть будет копь. Ты дашь мне отроков, чтобы начать работы?

— Да. А будут ли у тебя воины, чтобы убить йерниев?

— Множество. Они уже в пути. Микенцы умеют убивать, как никто другой.

— Тогда открывай копь — и убивай йерниев!

Крик ее утонул в близком раскате, молния вновь сверкнула неподалеку. Тьма упала мгновенно, но облик девушки горел в мозгу Эсона. Запрокинутая назад голова с бешеными глазами… вода стекала с ее волос на одежду, облеплявшую соблазнительное женское тело.

Эсон протянул руки, мышцы ее напряглись под его ладонями. Он пригибал девушку к земле, она не пыталась вырваться, но голос ее прозвучал резко и холодно:

— Если ты возьмешь меня, князь, то лишь силой. Или благородные микенцы не умеют брать женщин иначе?

— Нет. — Эсон гневно оттолкнул ее так, что девушка упала в грязь. — От тебя мне нужны только отроки, которые будут работать в копи. Не забудь.

И он захлопнул дверь за собой — там было сухо. Раздосадованный и негодующий — только почему?

Глава 5

Эсон пробудился с рассветом. Зевая и потягиваясь, он выбрался наружу — в рассветный туман. Сразу же за огородом в лесу, насыщаясь желудями, хрюкали свиньи. Небо над полосой тумана было ясным, высоко в нем застыл круглый диск луны. Должно быть, добрый знак. Артемида сторожит и после рассвета. В доме за спиной его послышались движения, повалил дым из отверстия под соломенной крышей — там разожгли очаг. День начался. Быть может, не только день — и будущее тоже. И копь.

Он вернулся в дом и встряхнул Эйаса за плечи. Кулачный боец лишь застонал и перекатился на живот. Эсон отвесил уже крепкий пинок по ребрам. Шатаясь, Эйас с ругательствами поднялся на ноги. Щурясь, он искал кого-нибудь, чтобы ответить ударом. Эсон оставил его и подошел к Найкери, склонившейся у очага.

— Мне нужны сандалии, — проговорил он. — Все ступни изрезал о камни.

— У нас не найдется достаточно больших для тебя, но я могу сплести подходящие. Когда вы уйдете к копи?

— Утром, скоро. Поторопись с сандалиями. Нам потребуется проводник.

— Я покажу тебе дорогу.

Пока они готовились к выходу, почти все проснулись. Только громкий храп Лера доносился из ниши да Интеб еще спал среди одеял и шкур. Эсон там его и оставил, а Эйасу вручил каменный топор дровосека. Следом за Найкери они вышли из дома и направились по тропинке среди полей. Выйдя из поселения альбиев, они миновали расчищенные поляны, на которых бродил длиннорогий скот. За животными приглядывали молчаливые загорелые мальчишки. Следуя неровностям местности, тропинка привела их к лесу, она то поднималась, то опускалась. И когда солнце одолело половину пути к зениту, все уже основательно взмокли.

Эйас простонал:

— Такая дорога не для больного человека.

— Ты расхворался от пьянства.

— Какая разница от чего, главное, что я болен — быть может, уже умираю…

Впрочем, невзирая на жалобы, Эйас не отставал.

Когда они остановились попить возле запруды, у перекрытого бобровой плотиной ручья, Эйас зачерпнул воду пригоршнею, отпил, вздохнул и бултыхнулся в воду. Когда он поднялся из водоема — с тела струилась вода, — боец словно ожил и объявил, что чувствует себя решительно лучше.

Они пошли дальше. Найкери внимательно следила за тропой и все замедляла шаг.

Наконец она остановилась и указала на почву. Наклонившись, Эсон увидел у земли надломленную ветку: ясно было, что здесь недавно кто-то прошел.

— Тут неподалеку обитают донбакшо, — проговорила девушка. — Можно переговорить с ними, узнать, что случилось с отроками, работавшими в копи; может быть, кто-нибудь захочет…

Эсону не хотелось сворачивать. Он пришел издалека, а цель была так близко.

— Зачем обязательно нужны мальчишки? — спросил он. — Можно найти кого-нибудь постарше, рабов, например?

Не понимая, она покачала головой:

— Кто еще, кроме мальчишек, возьмется за это дело? Их много, племени не нужно столько отроков. Чего ты хочешь?

Напрасная трата времени. Быть может, в этой

стране совсем нет рабов. Впрочем, у него нет и золота, за которое их покупают, нет и воинов — чтобы захватить и стеречь. Хочет он или нет — придется следовать за этой девушкой.

— Хорошо. Делай как хочешь.

Найкери явно не желала слышать ноток раздражения в его тоне и повела их в чащу.

В полумраке пробирались они через подлесок, обходя высокие стволы. Было жарко, воздух недвижно замер, лишь докучливые насекомые жужжали над головой. Тропа вела их по пологому склону холма в лощину, к густой роще, где теснились толстые дубы. Здесь стало прохладнее, они неслышно ступали по влажному мху возле извивающегося по склону холма ручейка. Шаги их были настолько тихи, что путники даже спугнули вепря, разрывающего листья в поисках желудей. Не менее удивленный, чем они сами, кабан поднял голову, хрюкнул — к желтым клыкам прилипла черная земля, красные глазки сердито блестели. Эйас заорал и бросил топор, но вепрь крутнулся на острых копытах и исчез в подлеске. Топор пролетел мимо, и Эйас с ругательствами полез за ним в кусты.

Когда они добрались до дна ложбины, спереди послышались четкие удары, как сердцебиение.

Потом звуки умолкли, и буквально через мгновение с треском упало дерево. Они шли дальше — тропа сделалась проторенной — и наконец из леса выбрались на поляну. На склоне холма оказалось невысокое квадратное сооружение с крышей из камыша и глинобитными стенами. Его окружали небольшие поля, где под ветерком гнулись невысокие — до колена — злаки с зелеными колосьями. Три женщины прокапывали междурядья острыми мотыгами из оленьего рога. Оставшись в жару в одних кожаных юбках, они низко наклонялись, нагие груди раскачивались при каждом движении. Подняв головы, женщины уставились на пришельцев. Одна из них что-то выкрикнула высоким голосом.

— Подождите здесь, — проговорила Найкери, — лучше мне переговорить с ними без вас.

Развалившись в тени, Эсон и Эйас разглядывали детей, повысыпавших из дома: с пальцами во рту, они стояли перед дверями. Их было много, разного возраста, все без одежды и в грязных разводах на бледной коже. На склон выскочили двое мужчин с каменными топорами в руках. Они бежали; длинные, до плеч, волосы развевались за спиной. Как и женщины, мужчины были покрыты потом и обнажены до пояса. Заметив,

что опасности нет, они замедлили шаг. Не отводя глаз от двух незнакомцев, они приблизились к Найкери, с которой были знакомы. Женщины издалека наблюдали, как, усевшись на корточки, переговаривались мужчины и девушка. Она настаивала, они бурчали что-то в ответ, качали головами и запускали пальцы глубоко в волосы. Наконец один из мужчин встал, направился к дому и, растолкав детей, ухватил одного из тех, что были постарше. Тот не хотел идти, но мужчина дал ему затрещину и поволок за ухо по склону. Переговоры продолжались, наконец все поднялись, и Найкери оставила их. Оба мужчины бесстрастно смотрели ей вслед.

— С ними сложно говорить. Некоторые из мальчишек вернулись, но другие погибли.

— В этом доме я не заметил недостатка в детях.

— И здесь, и в прочих домах мальчиков хватает. Только цена будет высока. Этой зимой у одного из мужчин сломался топор, ему нужен новый. Чтобы сделать топор, уйдет не один месяц. А другой вообще требует медное тесло за своих мальчишек. Форма для отливки у нас есть, и медь найдется; правда, отец мой будет возражать.

— Но ты не отказываешься…

— Конечно нет. Ты знаешь это.

Эсон верил ей. Он глядел на ее крепкую спину и зад — она вновь вела их из лощины, мышцы так и ходили под бурыми полосами юбки. Волосы и кожа ее были как у деревенских девушек, что трудились в полях возле Микен. Она разве что была ниже ростом. Но здесь она не из простых — из знати. Она говорит с донбакшо, и те ее слушают. Вот и сам он ее послушал и согласился. В такой дали от Арголиды все идет по-другому. Он должен привыкнуть к новым обычаям. Лучше бы, конечно, просто повести на них свое панцирное войско и взять все необходимое. Но нет ни людей, ни доспехов. Придется найти способ, как все сделать.

Из леса они вышли в полдень, в самую жару. Тропа привела их в устье оврага. Тут росли только невысокие кусты да трава поднималась над короткими пеньками: прежде здесь была расчистка, и не так уж давно. Овраг перекрывала земляная насыпь. С тех пор миновало шесть лет, он тогда был еще юнцом, но Эсон сразу же узнал это место. Перед ним была копь.

Оттолкнув остальных, он полез вверх по склону, который помнил еще незаросшим.

Он тогда трудился вместе со всеми, потел, таская землю, чтобы поднять вал повыше. С

вершины насыпи был виден край небольшой долины: именно здесь Ликос добывал для Микен богатство из-под земли.

Теперь там остались руины. Обугленные стены с обрушившимися крышами уже начинали обрастать землей. Рваная рытвина в земле никуда не исчезла, как и груды пустой породы и грязи. Но и на них уже начинала пробиваться трава, скоро она покроет отвалы.

Долбленые бревна, пропускавшие воду ручья под валом, были забиты грязью и листьями.

Лишившись выхода, вода образовала болотистое озерцо, протянувшееся почти до самой копи. Пара уток, испуганных неожиданным появлением человека, тяжело ударяя крыльями, поднялась с воды и улетела.

Эсон не заметил их. Перед глазами его все вставало как было — в деловитом кипении жизни. Он пытался все вспомнить. Дядя, гордый своими делами, водил его тогда за руку и все объяснял. Эсон помнил, как тогда ему было скучно, как хотелось на охоту — люди как раз отправлялись бить оленей. Но, невзирая на собственное нежелание, он усваивал; наблюдал за работой отроков, помогал дяде, загружавшему печи, — последнюю, самую ответственную операцию тот не позволял делать

никому другому.

Несущий олово ручей образовал водоворот в своем каменистом ложе. Ликос много размышлял о том, откуда берется олово в ручье. Он водил племянника вверх по склону, показывая ему черные вкрапления в красноватой скале. Здесь тоже было олово, но добывать его было проще, спустившись пониже. Там, в пересохшем русле, олова было много, его вымывало из мягких, разрушенных водой пород. Оно залегало близко к поверхности, прежде его даже можно было отыскать на самой земле — но оттуда его уже давно выбрали дочиста.

Теперь приходилось закапываться в грунт, до слоя, где черные камешки были перемешаны с песком. Деревянный промывочный желоб оставался на месте, впрочем, он заметно прогнил и нуждался в починке. На дне все еще темнели крупицы олова — там, где вода унесла более легкие частицы. Конечно, олово приходилось добывать с большими трудами. Крупицы металла по большей части были заключены в крупных кусках породы, их разбивали тяжелыми молотами — на скале еще видны были борозды и углубления там, где дробили породу.

Печи тоже никуда не делись. Это было суще-

ственно: Эсон не знал, как они устроены.

На первый взгляд все было просто: каждая печь располагалась в конической рытвине, сбоку шел косой желоб — для мехов. Эсон не знал, как соорудить такую печь, не знал, как она устроена внутри. К счастью, печи уцелели, а загружать их он умел. Значит, можно добыть руду и выплавить олово, Перимед пошлет сюда корабль — рано или поздно царь захочет возобновить работы на копи. И тут окажется, что все в полном порядке и для Микен собран обильный урожай.

— Всех убили, — проговорил Эйас, и Эсон впервые обратил внимание на то, как много костей разбросано повсюду. Человеческие кости, скелеты — все без голов. И ни панциря, ни кинжала — только выбеленные солнцем лохмотья одежды, ткани и кожи.

— Здесь полегли микенцы! — выкрикнул Эсон. — Мы отомстим! — Во внезапном порыве, представив себе горькую погибель сородичей в этих краях, столь удаленных от крепкостенных Микен, Эсон вырвал меч из ножен и взметнул его над головой.

— Мщение! — рычал он. — Мщение! — Давая выход переполнявшей его ненависти, Эсон заскрипел зубами: смерть посетит многих здешних

мужей.

На вершине холма, высоко над ними, в тени буков сидел человек. Тело его почти целиком прятал подлесок, лишь голова виднелась среди ветвей кустарника. Он не шевелился.

Лицо его казалось частью игры света и тени.

Он был безмолвен, как раскрашенная статуя. Кожа его была вымазана мелом, и легкие светлые волосы под белой коркой казались еще светлее. Щеки и подбородок человека были чисто выбриты, но с верхней губы свисали густые усы. Они были зачесаны в стороны и облеплены смесью глины и мела, так что, высохнув, они образовывали нечто вроде рогов зверя или клыков вепря. Губы воина под окаменевшими усами разошлись в ухмылке, он жадно облизнулся. Он пришел сюда издалека, он долго шел и уже почти потерял надежду на обещанное сокровище. Теперь же оно будет принадлежать ему.

Высокий мускулистый мужчина был облачен в одну только короткую юбку — выше колен, — спереди украшенную лисьим мехом. Через плечо перекинут лук с привязанным к нему пучком стрел, в руке охотничье копье.

С довольным смешком он покинул свой наблюдательный пост, скрываясь за ветвями, а потом

пополз в сторону, раздвигая кусты. Оказавшись среди деревьев, он поднялся и побежал на восток — уверенной ровной рысцой.

Звали его Ар Апа, он принадлежал к тевте Дер Дака, обитающей на холмах.

Глава 6

Утомленный, вспотевший, прихрамывая на пораненную о камень ногу, спотыкаясь после долгих дней бега, Ар Апа к полудню завидел вдали стены своего дана. Поблизости оказались два подростка, загонявшие скотину с пастбища. Большие глаза, гладкие шкуры, упругие мышцы животных успокоили воина и заставили забыть об усталости. Он пошел среди стада, называя знакомых животных по именам, оглаживая теплые бока, прикасаясь к длинным острым рогам. Животные отъелись после зимней голодовки, шерсть их лоснилась.

От такой красоты Ар Апа улыбнулся. Один из мальчиков, перебегая за побредшим в сторону теленком, подвернулся ему под руку, и Ар Апа отвесил ему могучую оплеуху. Мальчик упал, спотыкаясь поднялся на ноги и, всхлипывая, побежал вперед. Ар Апа жестом подозвал к себе

другого мальчика, приблизившегося с нерешительностью. Из-под свалявшихся, длиной до плеч, волос выглядывали испуганные и опасливые глаза.

— Воды мне, — приказал Ар Апа, — или получишь столько же, что и этот, — и еще столько.

Вода, целый день находившаяся в кожаном мешочке, успела задохнуться, но он лишь промочил глотку, плеснул себе в ладонь, чтобы смешать с растертым в ней мелом. Усы его растрескались и поломались, следовало свежей смесью придать им положенную твердость.

Сидя на земле, Ар Апа придал усам нужный вид, а остатками белой смеси намазал уже затвердевшую шапку волос на голове. Скот втянулся за стену дана, лишь дымящийся навоз помечал, где прошли их копыта. Ар Апа поворошил пальцем ноги ближайшую лепешку: ровная, крепкая — значит, сыты.

Отлично. Обтерев руки о юбку, он поднял копье, лук и стрелы, обеспечивавшие ему пропитание во время долгой стражи, и отправился за стадом.

Быстрой рысцой он приблизился к плетеным стенам дана и, когда голос его можно было услышать, завопил, чтобы слышали все:

— Ар Апа пришел, муж, бегун и охотник! Сотню

ночей бежал — одну за другой, сотню оленей убил — одного за другим, кровь их пил, мясо их ел — одного за другим. Что за Ар Апа! Славный Ар Апа!

Он блаженно улыбнулся, почти поверив собственным словам, и начал спускаться в ров, понизу окружавший вал, что служил защитой дану, и кратчайшим путем отправился к собственному дому. Если его похвальбу кто-то слышал, никто не обратил на нее внимания, но сейчас это его не волновало. Едва ли за вечерним шумом внутри дана Дер Дака можно расслышать крик самого могучего воина. Пройдя через дверной проем в комнаты матери, он с женского балкона на втором этаже поглядел на то, что творилось внизу.

Там кружили животные, мычали от полноты вымени коровы, овцы с выбеленными меловой пылью шубками путались у них под ногами. Женщины доили коров и овец в приземистые глиняные горшки, покрикивая на младших детей, сновавших между животными и перекидывавшихся кусками навоза.

Ар Апа одобрительно кивал при виде этого изобилия, бурления жизни и смог отвести взгляд, лишь вспомнив, что принес срочную весть. Он перепоясался волосяным поясом, заткнул за

него рукоять каменного боевого топора. А потом неторопливо направился вдоль меловой насыпи, окружавшей дан. Сюда выходили все двери из мужских помещений, расположенных снаружи кольцевого жилища, разорванного лишь главным входом. Над ним, наверху — в самом почетном месте, — было жилище Дер Дака: он мог видеть всех, кто приходит в дан и выходит. Но сейчас его не было у себя. Ар Апа заглянул во тьму и позвал, но не получил ответа. Еще более медленным шагом он пошел по верху вала, мимо входов в мужское жилье. Во многих помещениях разговаривали. Возле следующей же двери на расстеленной волчьей шкуре спал муж по имени Сетерн. Для воина он уже был староват, пора заводить семью, но боец хоть куда. Под правое колено его была подложена отрубленная голова, пожелтевшая, сморщенная, покрытая густым слоем кедрового масла. Несмотря на такую обработку, она изрядно приванивала. Сетерн открыл глаза, покрасневшие и воспалившиеся, и несколько раз причмокнул, словно бы пытаясь прогнать изо рта неприятный вкус. Целый день он провел за питьем эля. Об этом свидетельствовало его дыхание, если для кого-то вид кувшина и небольшой чаши для питья рядом с ним не был достаточно

красноречив. Ар Апа уселся возле него.

— Ар Апа не был дома много ночей, — начал он. — Ар Апа бежал, убивал вепря и гнал оленя.

— Сетерн убил лучшего воина из дана Мовега, — хриплым голосом отозвался лежащий, — Сетерн срубил его на пятнадцатую ночь битвы. Не зная усталости, мы бились посреди реки Стур. Сетерн отрезал голову, вот она. Ты видал хоть раз подобную голову? Лучший воин Мовега.

Ар Апа много раз уже видел ее и поэтому не стал слушать разговоры Сетерна. Заглянув в кувшин, он увидел, что на дне еще осталось немного эля. Он осушил остатки.

— А Дер Дака нет дома? — спросил он. Сетерн покачал головой и буркнул:

— Нет, — со вздохом опускаясь на шкуру.

— А другой, тот, кто там… — имени Ар Апа не назвал, просто повел плечом в нужную сторону.

— Он там, — отвечал Сетерн, не обнаруживая особого желания говорить об упомянутом человеке, и вновь закрыл глаза. Но дело следовало сделать. Ар Апа тяжело вздохнул и, встав, провел по жестким усам костяшками пальцев, перехватил топор и еще более медленным шагом направился по валу к противоположному краю разорванного кольца — к другому почетному ме-

сту возле жилища Дер Дака — и заглянул внутрь. Солнце зашло, в наступивших сумерках ничего не было видно.

— Входи внутрь, сильный Ар Апа, — послышался из темноты голос, произносивший слова со странным акцентом, чуть шепелявя. — Ты пришел, чтобы сообщить мне… нечто действительно важное?

Ар Апа еще крепче ухватил рукоять топора и, моргая, всмотрелся в темное помещение. Оно было завешано тканями, на полу стояли сундуки, чувствовался сладковатый запах, которого ему еще не приходилось слышать. У дальней от входа стены шевельнулось нечто еще более черное, живое. Человек… Тот, кого они звали Темным, если кому-то спьяну приспичивало назвать его вслух.

— Дар… — начал Ар Апа, слова не шли с губ.

— У меня много даров, богатых даров, ты еще не видел таких даров. Найдется дар и для тебя, Ар Апа, если я порадуюсь. Так порадуй же меня. Развесели меня. Ты взял у меня дар, золотом окованный янтарный диск, сработанный искусными мастерами из дана Уалы.

Ты сказал мне, что отправишься на запад, к месту, где были убиты мужи с мечами, и будешь ждать, не вернутся ли они на это место. Так ли ты

поступил? Увидел ли ты их?

— Я сделал так! Я бежал сотню ночей, я убил сотню вепрей, я съел сотню оленей, вот что я сделал! Я был в этой долине. — Приободрившись от звуков собственного голоса, Ар Апа рассказал все, что делал там — или намеревался сделать, или же слыхал, что делали другие, или думал, что такое возможно совершить. Темный человек молча внимал. Наконец Ар Апа сообщил ему о двух мужчинах и девушке, что пришли к обгорелым развалинам… как один из мужчин извлек бронзовый меч и размахивал им, провозглашая мщение. Ар Апа прекрасно слышал его рык со своего холма. Тут голос его сам собой стих и умолк, воин закашлялся и сплюнул через плечо, мельком глянув в сторону входа, где уже высыпали первые звезды.

— Ты сделал все хорошо, очень хорошо, — наконец проговорил Темный. — Ты сказал мне именно то, что я хотел услышать, ты сказал мне и о том, как силен охотник и воин Ар Апа, и об этом я тоже хотел услышать: ведь жить среди столь великих воинов — огромная честь для меня. Получи положенный тебе дар.

Звякнул запор, скрипнули петли. Забыв обо всем, Ар Апа с вожделением шагнул вперед. Про-

хладная ладонь, мягкая, как у ребенка, втиснула в протянутую руку Ар Апы нечто еще более холодное.

— Золото, чистое золото, — сказал Темный.

Ар Апа метнулся к выходу, чтобы глянуть на чудо, очутившееся в его ладони, ясное, блестящее даже в сумерках. Литое золото, тяжелое и драгоценное, со шнурком. Золотой топор с рукояткой во всю ладонь. Чудо… трудно было поверить своим глазам.

Исполнившись счастья, Ар Апа направился к огромному кострищу посреди дана, где слышались крики и громкая речь, где высоко взвивались языки пламени, бросая мечущиеся тени на кольцо каменных столбов, окружавших очаг. Вступая в каменный круг, Ар Апа провел рукой по своему собственному каменному столбу с багровой макушкой. Камень был выше его на пару голов. Прикосновение влило в него силу. На костре целый день жарили быка. Шкура обуглилась и растрескалась, в воздухе висел аромат, наполняющий рот слюной.

Повинуясь указаниям старших, несколько молодых воинов, недавно лишь посвященных, с трудом подняли за оба конца толстую зеленую жердь, на которую была насажена туша. Оступа-

ясь, они подтащили дымящееся жаркое к двум деревянным развилинам. Старшие разразились криками и похвальбой, каждый хотел бы получить почетное право разрезать тушу и забрать себе самый лучший кусок. Это сделает, как всегда, Сетерн — но лишь после того, как скажут свое слово все остальные.

— Я — лучший воин! — завопил Наир. Вскочив на ноги, он ударил топором в щит. Раздались крики протеста — ими он пренебрег, постаравшись заглушить рыком негодующие голоса. — Я должен резать мясо. В набеге на тевту Финмога я закричал ночью возле их дана. Когда выбежали воины, десятерых я срубил своим топором, второй десяток воинов я срубил своим топором и взял их головы, а за ними еще десяток и еще… — С каждым новым повторением голос его становился громче. Он подпрыгивал и топал по земле, пока наконец, взвыв, Сетерн не принялся колотить в свой щит. Он был голоден и не в духе. Сегодня он хотел насытиться, не выслушивая обычной долгой похвальбы, что затянется, пока не остынет мясо.

— Я — Сетерн, я — самый лучший, я — убийца мужей, я — похититель коров, я несу смерть рукой своею и топором… смерть сопутствует мне

повсюду.

Захваченный собственной похвальбой, он закружил, размахивая топором, — сидевшие спереди с гневными криками начали отодвигаться. С горловым ворчанием Наир отступил и уселся в заднем ряду.

— Сетерн — убийца, моргнет Сетерн — и сотня мужей падут бездыханными, а головы их оказываются у моего пояса… сотни сотен мужей убиты Сетерном по ночам, головы их сложены в кучу высотой в мой столб, их коровы — мои коровы, их быки — мои быки… их смерть — дело моей руки. Я — самый сильный, я — Сетерн-убийца, я — Сетерн-губитель, кровожадный, ужасный… Я — Сетерн… великий…

— …мех для воды, надутый воздухом! — выкрикнул Ар Апа.

Послышались одобрительные крики, даже хохот. Взвыв от ярости, Сетерн принялся оглядываться, взглядом разыскивая оскорбителя. Ар Апа выхватил щит у воина, оказавшегося возле него, и протиснулся сквозь толпу. Не раз он выслушивал похвальбу Сетерна и кипел от гнева, как все мужи, но, подобно прочим, молчал — Сетерн был силен не в одном хвастовстве. Но сегодня он не смолчит. Золотой топор ослеплял его взор: воин,

способный заслужить такую секиру, не менее силен, чем этот пустоголовый хвастун.

— Дурак и бахвал! — завопил он; мужи взревели с одобрением — будет поединок. — Я разрежу мясо. Я здесь лучший воин. Я бежал сотню ночей, убил сотню оленей, снес голову сотне вепрей — и все в одну ночь. — Он кружил вокруг Сетерна, тот рычал и сплевывал выступающую на губах пену.

— У Ар Апы безмозглый отец, у него не было матери, Ар Апа не мужчина — у него нет яиц… — Поперхнувшись собственной слюной, Сетерн умолк, и Ар Апа огрызнулся:

— Я — убийца, у меня есть окованный золотом янтарный диск, у меня есть двусторонний золотой топор. Я говорил с Темным. Тебе не остановить меня.

И он сбоку по дуге взмахнул топором, но Сетерн отпрыгнул и отбил удар щитом. Вслух помянуть Темного мог лишь отчаянный храбрец, это понимали все, в том числе и сам Сетерн, только что вновь отразивший удар. Подбегали дети и женщины и кучками сбивались за спинами сидящих мужчин, чтобы посмотреть на поединок. Безмолвные силуэты с круглыми глазами.

— Ар Апа — лжец! — Нанося удар, Сетерн не сумел придумать ничего лучшего, его противник

увернулся.

— Все смотрите, все! — завопил Ар Апа.

Взяв в зубы рукоять топора, он потянулся к поясу, за который был заткнут небольшой сверток. Смотав шнурок с золотого топорика, он высоко поднял украшение. Топорик кровью сверкнул в свете костра, Ар Апа торопливо затолкал его обратно за пояс под одобрительные крики. Бросившийся вперед Сетерн принял удар топора на щит и поплевал на ладонь.

Тут и начался серьезный бой. Сетерн искуснее владел топором, но лучшие годы его миновали, к тому же он слишком много выпил. Ар Апа был крепок и гневен, золотой топорик и восторг от одобрительных возгласов, раздававшихся вокруг, будили в нем жажду крови.

Он обрушил на соперника град ударов, толкал Сетерна и пытался заставить его оступиться, нанося безостановочные удары, словно пытаясь подрубить дерево. Сетерн мог только щитом отражать натиск Ар Апы. Он так и не сумел освободить свой топор, застрявший в щите Ар Апы. Так они кружили возле костра, с грохотом ударов мешались проклятия. В отчаянии, ощущая за спиной костер, Сетерн резко отвел топор назад и рубанул понизу, зацепив бедро Ар Апы. Потекла

кровь, Ар Апа отскочил, мужи завопили еще громче.

Все еще охваченный гневом, Ар Апа не обратил внимания на рану, скорее она его только подзадорила. Ощутив онемение в мышцах, увидев на ноге собственную кровь, он оглушительно взвыл, заставив всех умолкнуть. Даже Сетерн на миг застыл, поглядывая на противника над краем щита.

Могучим движением руки Ар Апа отшвырнул щит в сторону. Перелетев через головы мужчин, он упал там, где стояли дружно взвизгнувшие женщины. Перехватив топор обеими руками, Ар Апа прыгнул в сторону Сетерна и размахнулся для удара. Он все сделал в едином порыве — не задумываясь, охваченный всепоглощающей яростью. Пригнувшись к земле, Сетерн поднял щит, готовясь нанести ответный удар, которого противнику — он знал это — не отразить.

Топор Ар Апы обрушился вниз с такой силой, что ноги его оторвались от земли. Обитый толстой шкурой деревянный щит краем ударил Сетерна прямо в лоб, тот упал. Оглушенный Сетерн попытался подняться на ноги, но не сумел этого сделать. Высоко подняв топор, Ар Апа обрушил полированный камень прямо в лоб Сетерна.

Проломив кость, топор вошел в мозг, на месте сразив воина.

Зрители разразились воплями, с восторгом хлопая друг друга по плечам. Тем временем Ар Апа горделиво выхаживал перед ними и с триумфом размахивал над головой топором — так что с лезвия разлетались капли крови. Потом, отбросив топор, он подошел к поверженному Сетерну, повернул труп и снял с его шеи бронзовый кинжал. Богатая вещь, в их тевте такие есть у немногих, а это самый острый из всех кинжалов. Обхватив рукоять обеими руками, он принялся кромсать и пилить, пока наконец не отделил голову. Почва вокруг была уже пропитана кровью. Ар Апа поднялся и прицепил голову врага к поясу за длинные волосы. Последние капли крови стекали вниз по ноге.

Ошеломленный собственным успехом, он, прихрамывая, подошел к жареному быку и окровавленным кинжалом вырезал себе долю сильнейшего.

Глава 7

— Я уверен — готово, — проговорил Эсон. — Смотри-ка, руды на углях не осталось. — Нагнув-

шись, он поглядел на тлеющую груду, щурясь от дрожащего над ней раскаленного воздуха.

— Потерпи, — посоветовал ему Интеб, стирая сажу с рук. — Не сразу Микены строились, олово тоже не вдруг из камня выплавляется. Мы уже ошиблись на этом в первый раз. Ты ведь помнишь — угли еще светились, когда мы отгребли их?

— Но как можно знать заранее?

— Никак. Но подождать нетрудно.

Терпения Эсона не хватало, чтобы в праздности проводить время возле печи, дожидаясь, пока выплавится олово. Характером воин, Эсон был полностью несхож с зодчим Интебом, способным терпеливо ждать, когда каменотесы обтешут для него камни, когда строители возведут стены. Оставив египтянина возле печи, Эсон направился к ручью, где на траве в глубоком сне развалился Эйас. Впрочем, как выяснилось, это было не так — стоило двоим мальчишкам перестать копать и пуститься в разговоры, как Эйас запустил в них камнем из находившейся у него под рукой кучи. Мальчишка с воплем схватился за бок, и провинившиеся принялись усердно скрести оленьими лопатками. Отбросив гравий в сторону, они наполнили корзину грунтом из нижнего слоя, содержащего темно-серые гранулы. Маль-

чишки волоком оттащили ее к промывочному желобу и перевернули. Вода из ручья бежала по желобу, отроки ворошили кучу руками, чтобы глину уносило течением. Работников не хватало. Этим двоим следовало бы ограничиться рытьем, другие должны были промывать зерна олова, третьи — дробить их. Под пристальным взглядом Эсона мальчики принялись работать быстрее. Камешки покрупнее, величиной с каштан, они раздробят потом.

Повсюду использовались времянки: что еще остается, если нет лишних рук. Будь у него богатство — золото, бронза, что угодно, — можно было бы купить побольше отроков, но ненависти Найкери хватило только на это. Спали все под грубыми односкатными навесами из ветвей и сучьев, пищу готовили на костре, пили одну только воду, но добывали руду и жгли древесный уголь в заваленных дерном кострищах. Если на этот раз они правильно загрузили печь, сегодня будет первое олово. Поборов искушение вернуться к первой печи, Эсон отправился помогать Интебу в грязной работе: они принялись загружать вторую из подготовленных ими печей. Это была просто обмазанная глиной округлая яма с круглой чашкой посредине поперечником в два кулака. Они

уложили горкой древесный уголь, поверх набросали измельченной руды и подожгли. Кликнули мальчика с мехами, оставив первую печь догорать. Так плавил олово Ликос. Эсон помнил, как это делалось. В первый раз у них получилась какая-то смесь древесного угля и руды. А нужно было олово — светлое олово.

Погрузившись в заботы, Эсон не сразу услышал собственное имя. На гранитном валуне, венчающем земляную насыпь, перегораживающую долину, появилась Найкери.

Она была разгоряченной, волосы ее спутались. Задыхаясь, она проговорила:

— Возле дома моего отца заметили йерниев, он испуган и не собирается далее здесь оставаться — собирает все пожитки, чтобы бежать к нашим на запад. Он очень боится: на этот раз могут убить и его, и всех нас. Он говорит, что йернии обезумели, словно олени во время гона, и не хочет оставаться в тех краях, где они способны до него добраться. Пойдем со мной, ты должен остановить отца.

— Пусть уходит. Он нам не нужен.

— Не нужен? — Она словно выплюнула это слово и стиснула в гневе кулаки. — Как нам удалось начать работу, как случилось, что ты смог заняться добычей олова? Только потому, что мой отец

помог тебе своим богатством. Он дал тебе подарки для донбакшо, чтобы они прислали мальчиков. Он дает тебе пищу, даже медное долото сделал. Я обманула его, слепца, и отец отлил долото своими руками — для тебя. А ты пренебрегаешь им. Где убитые йернии — те йернии, которым ты собирался мстить? Где их головы? Ты только берешь и ничего не даешь — и еще говоришь, что отец мой не нужен.

Повернувшись к ней спиной, Эсон сложил на груди руки и, не слушая криков, оглядел копь. Не будь эта женщина столь полезна, он заставил бы ее замолчать. Но этого нельзя делать. Нельзя и унижаться до перебранки с женщиной. Дождавшись, когда она умолкла, Эсон повернулся к ней:

— Какими словами могу я заставить Лера остаться?

— Скажи, что ты защитишь его, скажи, что убьешь йерниев. Скажи, что отомстишь за убитых сыновей и погубленных родичей. Быть может, ты сумеешь пробудить в нем гнев и желание отомстить. Я не в силах этого сделать. Он думает лишь о бегстве.

Эсону это не нравилось. Он был нужен здесь, на копи. Пойдут долгие разговоры с Лером, придется давать обещания, которые он потом не сумеет

выполнить. Бесконечные пустые разговоры и никаких действий — подобное не для него. Но деваться некуда. Если воинов удастся заменить словами, он будет говорить — ведь у него нет войска.

— Я пойду, — отвечал он не без колебаний. — Только сперва нужно объяснить Интебу, в чем дело.

Другого пути не было. Долгим прощальным взглядом окинув угасающую печь, он отправился из лагеря по едва намеченной тропке. Он торопился и слышал, как тяжело дышала за спиной Найкери, старавшаяся не отставать. Эсон улыбнулся. Удаляясь от копи, тропа с поросшей вереском равнины спускалась к краю заросшего болота. Пробираясь по склону, Эсон охотничьим инстинктом ощутил, что за ним кто-то следит. В болотах водились кабаны и олени — но в основном водная птица и звери поменьше.

Однако сейчас за ним следил не зверь. Эсон поглядел вперед и остановился, потянув меч из ножен. Найкери с разбегу налетела на него.

— Почему ты остановился? — выдохнула она.

Эсон указал клинком вниз. Там на краю болотистой чащи в зарослях осоки стоял человек, рядом с ним застыл громадный пес, похожий на волка.

Оба казались вырубленными из камня. Мужчина был невысок и грузен. Мускулы прятал жирок. Было видно, что одет он лишь в набедренную повязку из шкуры рыжей лисы. Ноги его выше колен были покрыты водонепроницаемыми сапогами из кожи, снятой с ног дикой лошади. В одной руке он держал тонкое копье с острым костяным наконечником, под которым раскачивался силок. На поясе в сетке была подвешена выпотрошенная заячья тушка и связка темноперых уток.

— Кто ты? — выкрикнул Эсон, погрозив мечом.

При звуках его голоса человек зашлепал назад, в глубь болота. Отрывисто выкрикнув непонятное Эсону слово, Найкери потянула микенца за руку.

— Убери свой меч, — сказала она. — Этот человек из тех, что живут в глубинах болот, мы зовем их охотниками. Они торгуют с нами, а не воюют, как йернии. Он здесь по делу. Пусти меня, чтобы я могла с ним поговорить.

Эсон опустил меч — но не стал убирать его в ножны, — и Найкери отправилась вперед.

Когда она приблизилась к охотнику, пес глухо заворчал и обнажил клыки. Тот пнул собаку в ребра тупым концом копья и оттолкнул с дороги.

Найкери опустилась перед ним на траву, коротышка, поглядев на Эсона, тоже уселся на пятки. Они говорили долго, и Эсон едва не потерял терпения. Наконец Найкери обратилась к нему:

— Убери свой меч и иди сюда, только не торопись. У него есть что сказать нам.

Охотник и его пес с равным недоверием следили за Эсоном, пока тот приближался.

Микенец уселся на траву, скрестив ноги, в трех шагах от них обоих.

— Это Ческил, — пояснила Найкери, — я много раз встречала его. На нашем языке он говорит не хуже, чем на своем собственном.

Но Ческил не слишком торопился открывать рот. Он рассматривал Эсона. Карие глаза внимательно глядели из-под припухлых век, лицо было плоским, с лишенным переносицы носом, на лоб свешивались черные прямые волосы. Спустя некоторое время Ческил отвернулся от Эсона и поглядел вдаль. Потом наконец заговорил — с сильным акцентом, но все-таки понятно:

— Я — Ческил, она — Найкери, а ты — Эсон, — так она мне сказала. Я — Ческил, я из племени охотников, мы здесь охотились с незапамятных времен, и мы помним об этом. Мы охотились здесь еще тогда, когда в этих краях никогда не

бывало тепло, и мы помним об этом. Пришли альбии и поселились на торфяниках, они жили своей жизнью, а мы своей, — и мы помним об этом. Потом в лес пришли донбакшо — рубить деревья каменными топорами, и мы помним об этом. А потом на холмы пришли йернии со своими коровами, чтобы доить их, и с каменными топорами — чтобы убивать людей, и мы помним об этом. А теперь будем говорить о топоре, которым рубят деревья. — Он умолк, проведя пальцем по лезвию своего охотничьего ножа — набору острых кремневых чешуек, вставленных в олений рог.

Найкери приходилось иметь дело с этими необщительными людьми, она умела говорить с ними. Недоумевающему Эсону казалось, что человек этот безумен.

— Будем говорить, — отвечала она. — Будем говорить и о йерниях, и о топоре. Мы будем говорить о твоем топоре?

Ческил шевельнулся при этих словах и приподнял левую ногу. Под пяткой его сапога из конской шкуры оказался зеленый камень, кусок редкого жадеита, из которого альбии вырезали боевые топоры, топоры для рубки деревьев и долота.

— Это сломанный топор, — проговорила Найкери. — Этот топор сделали альбии. Это твой

топор? — Охотник кивнул. Она продолжила: — Альбии дружат с охотниками. Мы даем охотникам топоры, чтобы они могли делать долбленые челны. Охотники могут ловить рыбу у берега, они помогают альбиям. Они дают альбиям проводников, когда мы идем торговать. Они говорят нам о том, что видели. Ты видел что-нибудь?

— Мы говорим о йерниях. Мы говорим о моем топоре.

— Ты получишь новый сразу же, как только мы его сделаем. Ты придешь в дом моего отца, как делаешь это всегда. Там мы будем говорить о топоре. Но сейчас ты не идешь в дом, ты встречаешь нас здесь. Почему так?

— Мы говорим о йерниях.

Эсона вдруг осенила мысль.

— Они здесь неподалеку? — спросил он.

Ческил повернулся и посмотрел Эсону в глаза.

— Мы говорим о йерниях, которые убили охотника. Которые следят за местом, где вы копаете и пускаете дым. Мы говорим о йерниях, которые прячутся и высматривают…

— Ждут, пока я уйду! — завопил Эсон, вскакивая на ноги. — Они следили за нами, боялись моего меча и ждали, чтобы я ушел! — Он уже бежал по склону, направляясь в сторону копи.

Найкери сказала Ческилу еще несколько слов и заторопилась следом за микенцем.

После первой вспышки гнева Эсон замедлил шаг и заставил себя бежать ровно и мерно — чтобы очутиться у копи, не потеряв сил. Он двигался в тени высоких деревьев и улыбался в предвкушении. Если охотник не ошибся — у него появилась возможность отмщения. Йернии объявились! Он едва сдерживал нетерпение и всем сердцем рвался навстречу врагам.

Приблизившись к копи, он замедлил шаг, стараясь двигаться осторожнее, чтобы не обнаружить себя, если йернии выставили дозорных. Эсон приближался к подножию замыкавшего долину холма, когда на вершину его выскочил один из мальчишек. Он мчался, словно смерть преследовала его по пятам… одновременно Эсон услышал тонкий визг.

— Они здесь! — выкрикнул Эсон и бросился вперед, держа меч наготове. Перед ним открылась долина и копь. В короткое время все здесь переменилось.

Навесы, защищавшие печи от дождя, были повалены и уже горели. Мальчишек не было. Интеб лежал — половина тела на берегу, половина в воде — возле промывочного желоба.

Возле него распростерлось тело чужака, чуть поодаль лежал другой.

Завывая от гнева, Эйас стоял на середине склона и бросал камни в сторону троих йерниев, пытавшихся последовать за ним. Они громко протестовали против неправильного ведения битвы и хотели взобраться поближе, чтобы пустить в ход каменные топоры. Одному из них это удалось, но он немедленно получил все основания пожалеть об этом: Эйас мгновенно спрыгнул к нему, и тот, даже не успев замахнуться топором, получил удар кулаком в висок и полетел вниз по склону. Тем временем Эйас, выкрикивая оскорбления, опять забрался повыше. Впрочем, он был ранен — по груди и рукам текла кровь. Бесшумно приблизившийся Эсон оказался возле них раньше, чем его успели заметить.

Сброшенный Эйасом со скалы йерний тянулся к топору и пытался подняться на ноги. Увидев Эсона, он предупреждающе крикнул, успел занести топор — и умер: острие бронзового меча вспороло его горло. Оставшиеся двое обернулись к Эсону. Улыбаясь, он позволил им приблизиться.

Эсон мог бы немедленно убить обоих, но хотел, чтобы йернии умерли, зная, кто он и почему делает это. На лицах йерниев выступил пот, они

двинулись на Эсона под градом проклятий, которые он на них обрушил. Один попытался напасть, но микенец подрубил ему ноги, так что йерний едва мог встать на колени.

А когда Эсон сказал им все, что йернии должны были узнать перед смертью, то легко убил обоих. Потом вернулся, чтобы убедиться в гибели двух других йерниев, пострадавших от кулаков Эйаса. Ближайший из них лежал с открытыми глазами, сбоку на голове растекся огромный синяк, шея его была повернута под странным углом — он умер сразу. Другой, лежа на спине, перекатывался с боку на бок и держался за голову: Эйас одарил его прямо в переносицу и раздробил кость. Йерний, должно быть, только что очнулся. Он сотрясался всем телом, и, когда Эсон ткнул острием своего меча в основание горла, налитые кровью, затекшие синевой глаза лежащего открылись.

— Кто ты? — спросил Эсон.

Йерний, дико озираясь, потянулся к мечу, но Эсон надавил сильнее, и тот уронил руки.

— Наир, — выдохнул он, задыхаясь от боли.

— Откуда ты?

— Я… из тевты Дер Дака.

Эсону это ничего не говорило. Он гневно потряс мечом и пнул лежащего ногой в живот.

— Что ты здесь делаешь? Почему напал на это место?

— Человек… Темный человек, дары… Темного человека. Он вдруг откатился вбок, оттолкнув клинок. Эсон ударил, но промахнулся, и меч вонзился в землю. И прежде чем микенец успел вновь занести клинок, Наир был уже рядом с ним — удерживая руку Эсона, он рвал с шеи бронзовый кинжал. Эсон перехватил руку воина прежде, чем йерний смог ударить его. Тот не выпускал его руку с мечом. Схватившись лицом к лицу, они напрягали мышцы… изо рта йерния воняло, пахло немытым телом. За спиной воина появился Эйас, готовый ударом кулака снести тому голову.

— Нет! — остановил его Эсон. — Он мой!

Эйас остановился рядом, чтобы в случае чего прийти на помощь. Эсон не пытался вновь воспользоваться мечом — в ближнем бою это было неудобно, — но со всей силой налег на руку йерния, стиснувшую кинжал. Медленно, содрогаясь от усилий, поворачивал он острие от себя к йернию. Глаза Наира выкатились из орбит от ужаса и напряжения. Он изо всех сил старался отвернуть клинок, но тот приближался медленно и неотвратимо. Наконец острие прикоснулось к

коже. Воин и не подумал бросить кинжал, просто сопротивлялся, пока микенец единым движением не вогнал его под ребра Наиру. Дергаясь, тот испустил дух, и только тогда Эсон вырвал из раны кинжал и отступил, давая телу упасть.

Глава 8

Интеб был жив. На голове у него была ссадина там, куда ударил топор, — но египтянин дышал. Найкери появилась как раз вовремя, чтобы увидеть смерть последнего из йерниев: она с удовлетворением смотрела на первую плату, взысканную с них Эсоном: этой мести она дожидалась так долго. И теперь, напевая под нос, девушка перевязывала голову Интеба, промыв рану прохладной водой из ручья.

Эсон устало опустился возле убитого, разминая мышцы руки.

— Они явились, когда ты ушел, — проговорил Эйас. — Следили, значит. Орали и выли, очень были уверены в себе. Они знали, кто перед ними. Интеб был без оружия, попытался бежать. Его срубили. Я вовремя свернул шею напавшему, чтобы он не добил египтянина.

Мальчишки бежали. Я бросил дубинку, попал

йернию в нос. Другой ударил меня. Я тоже бежал. Вверх на склон. Ты вернулся. — Он ухмыльнулся сквозь кровь и, зачерпнув воду пригоршнею, омыл лицо.

— Верни мальчишек, пусть работают, — проговорил Эсон. — Нужно сделать новые навесы.

Он подошел к Интебу и поглядел на него — египтянин лежал с открытыми глазами и недоуменно моргал.

— Йернии… — вяло проговорил он и огляделся.

— Все убиты. Но один сказал мне перед смертью… — (Найкери, подняв глаза, внимательно слушала Эсона.) — Что такое тевта Дер Дака? Так он сказал.

— Дер Дак — это вождь-бык одного из племен йерниев, — отвечала Найкери. — У них пять племен, пять тевт, они все время воюют друг с другом. Йернии покоряются своему вождю-быку. Тевта Дер Дака к нам ближе всех. Эти мужи пришли оттуда… Дан Дер Дака в четырех днях пути к востоку от нас. Почему они пришли сюда? Их послал Дер Дак?

— Он говорил о каком-то Темном человеке. Это один из их вождей?

— Я о таком не слыхала, даже этого имени не знаю. Быть может, это один из их богов?

Застонав, Интеб сел.

— Хвала Гору, ты вовремя вернулся назад, — негромко проговорил египтянин. — Они мертвы?

— Мертвы, но не благодаря Гору. В пути нас остановил муж, один из здешних лесных охотников. Он видел, что йернии следят за нами.

Эсон обернулся к Найкери:

— А почему твой народ не следит за ними? О том, что опасность грозит вашим домам, вы знали, а о копи и не подумали?

— У моих родичей хватает своих дел, чтобы следить еще и за твоей копью. Мы работаем, нам нужно защищать себя. Кстати, о моем отце — ты обещал побывать у него.

— Твой отец! Твои родичи! Как я могу защищать его, их… оборонять эту копь и еще плавить олово… одними своими руками? Я не могу отсюда отлучиться.

— Если ты не поможешь отцу, у тебя не будет больше пищи… и мальчиков, и копи. Выбирай же.

Что выбирать? Помощь альбиев необходима. Но как избавить всех от набегов кровожадных йерниев?

— Почему не остановить их набеги? — Интеб

словно читал его мысли. Эсон обернулся, чтобы послушать. — Девушка говорила, что йернии раньше так себя не вели. Племена их воюют друг с другом и торгуют с альбиями. Весьма разумно. Но кто-то из них потерял рассудок и повсюду рассылает отряды. Нужно найти его и убить. Все тогда прекратится.

— Но кто виноват?

— Дер Дак! — ответила Найкери. — Кто же еще! Люди его тевты не будут воевать без приказа Дер Дака. Все йернии сражаются друг с другом — но всегда поодиночке. В такую даль они не придут без его приказа. Ступай и убей его, все неприятности прекратятся.

— И как я пробьюсь к нему через целое войско? Я могу биться с кем-то одним, но не со всеми его воинами сразу.

— Быть может, тебе не придется этого делать, — проговорил Интеб и, притронувшись к голове, дернулся. — Эти тевты с их быками-вождями словно ваши города в Арголиде…

— Ты смеешь сравнивать благородные Микены или Тиринф с этими вонючими деревнями?

— Не возмущайся, добрый Эсон. Я только сравниваю методы правления. Я жил в разных краях, и, по-моему, люди повсюду одинаковы. У них есть

правители и боги, среди людей есть такие, кто убивает, есть и такие, кого убивают. Воспользуемся моим опытом.

— Я могу вызвать Дер Дака на бой, убить его и тем остановить набеги. — Он глянул на Найкери. — Твои люди понимают их речь? Йернии будут знать, что я говорю? Тот, которого я убил, вроде бы понимал меня.

— Их речь чуточку другая, отличаются некоторые слова, но тебя они поймут. Я могу сказать тебе некоторые слова, чтобы ты лучше понимал их.

— А чем они более всего гордятся? — спросил Интеб.

Найкери ненадолго задумалась.

— Своим воинским умением. Они всегда хвастают этим. Тем, какие они храбрые, как быстро бегают, скольких зверей убили. Ах да — и еще: сколько у них коров и сколько их они украли. Свой скот они любят больше, чем женщин, — так о них говорят. Еще любят драгоценности — золотые гривны и бронзовые кинжалы — и выменивают их. Все они очень тщеславны.

— Ты покажешь мне дорогу, если я выйду прямо завтрашним утром? — спросил Эсон.

— С радостью. Люди Дер Дака убивали моих родичей, и я хочу видеть, как ты его убьешь.

Эйас подошел к ним. В каждой руке его было по боевому топору. С шеи свисал бронзовый кинжал, ее охватывали три витые золотые гривны.

— С тел снял, — объявил он.

— На копь пойдет, — ответил Эсон. — Теперь мы можем обойтись без щедрости Лера.

— Я возьму с собой топоры — они сделаны альбиями, — сказала Найкери. — Ты возьмешь кинжал и все три гривны. Надень их. Только воин, обладающий подобным сокровищем, имеет право вызвать на поединок вождя-быка йерниев.

— Печь, — пробормотал, поднимаясь на ноги, Интеб. — Мы забыли про нее. Плавка должна уже закончиться.

Они поспешили к печи. Интеб отгреб в сторону угли, закрывавшие углубление в дне печи. Египтянин заглянул в него, но, кроме пепла, ничего не увидел. Эсон схватил кусок мокрой шкуры, обернул ее вокруг руки и стал шарить на дне углубления. Раздалось шипение, и он извлек оттуда нечто… потом уронил, чтобы не обжечь пальцы.

Перед ними потрескивал диск серебристого металла, с плоской поверхностью и округлым дном, плотный и увесистый.

— Олово, — проговорил Эсон. — Наконец. Это

может быть только олово.

На рассвете следующего дня Найкери с Эсоном оставили дом Лера. Накануне старик сначала не слушал их и был исполнен решимости немедленно уводить племя в более безопасное место. Найкери то кричала, то просила, и наконец он прислушался к ее доводам. По слепоте ему было бы лучше остаться в знакомом доме… так он и рассудил в конце концов.

Если Эсон победит Дер Дака, набеги прекратятся и альбии смогут жить в мире. Лер хотел в это поверить и дал себя убедить.

Из-под земляного пола вырыли несколько сундуков. Лер принялся искать в одном из них и отложил в сторону небольшой камень, поверхность которого была изрезана формами для отливки из меди топоров и тесел. Потом из сундука появилась шапка с вырванным из гнезда плюмажем, подбитая кожей. Когда ее выменяли, Лер уже и не помнил. Для благородного воина она, в общем-то, не годилась, но выбирать было не из чего. Эсон получил также толстую кожаную куртку и круглый йернийский щит. Но у него был меч — он один перевешивал все остальное.

Найкери вела Эсона через болотистые торфяники по тропе, протоптанной целыми поколениями.

Ночью шел дождь, и воздух пах прелью и вереском. Над поляной беззвучно кружил сокол, потом сложил крылья, камнем упал вниз и вновь взмыл, унося в когтях зверька. Солнце грело, но воздух оставался прохладным — в такой день хорошо путешествовать. Эсон напевал себе под нос. Найкери шла впереди, неся мешок с припасами, взятыми в дорогу. Она шагала ровно и размеренно, ноги не знали усталости, упругий зад оттопыривал юбку, колыхал полосы шерсти, сбегавшие от пояса вниз. Глядя на все это, Эсон ощутил желание, давно не знавшее удовлетворения.

Когда солнце поднялось высоко, они свернули с проторенной тропы и спустились к небольшому ручью — где можно было поесть и попить. Не говоря ни слова, она передала ему кусок вяленного на солнце мяса из своей поклажи. Он прожевал и зачерпнул воды из ручья, чтобы запить. Они ели молча.

Подняв глаза, Найкери поймала на себе его взгляд. Эсон отвернулся.

Эсон знал о мире многое, но многое в нем оставалось тайной. И поступки женщин всегда останутся ею. Найкери оттолкнула его ночью, а сейчас, днем, позвала сама.

Покончив с делом, он отправился омыться. Найкери медленно приводила в порядок одежду. Эсон хотел идти дальше, но она не поднималась с умятой двумя телами травы.

— У тебя есть жена в твоей далекой стране? — спросила она.

— Пора идти.

— Скажи мне.

— Нет, у меня нет жены. Сейчас не время говорить о подобном.

— Самое время. Ты первый обладал мною. И если ты хочешь…

— Я хочу, чтобы ты была моей, когда я этого захочу, и ничего более. Оставь все эти думы. Мы добудем олово, и я вернусь в Арголиду. Я женюсь только на женщине из благородного дома. Таков обычай. А теперь вставай.

Рассерженная, она не хотела подниматься и отодвинулась от его руки.

— Мой род старейший среди альбиев. Ты видел нашу гробницу. Будь у нас цари, я была бы царевной.

— Ты ничтожество, — заверил ее Эсон, резким движением подняв Найкери на ноги.

Когда она заговорила вновь, ее голос не выдавал никаких чувств.

— Значит, я не буду твоей царевной. Но я твоя женщина, и другой ко мне не прикоснется. Я сильная — тебе известно это. Я могу помочь тебе, согреть ночью твою постель.

— Как хочешь. — Эсон уже двигался к оставленной ими тропе.

Найкери бросила в спину ему угрюмый взгляд и, взвалив на плечи мешок, отправилась следом.

Первые дни были самыми легкими. Они поднимались перед восходом и отправлялись в путь, как только становилось достаточно светло, чтобы видеть дорогу. Но на третий день, сойдя с тропы, Найкери повела его через серебристую березовую рощу к вершине холма. Им приходилось пробираться сквозь густой подлесок, а на самой вершине — ползти, осторожно выглядывая из-под ветвей. Прямо под ними начинались открытые места — просторная равнина по большей части заросла травой. На ней паслось стадо темных коров, за ними приглядывали мальчишки. Неподалеку от них спал воин со щитом и топором под рукой. Немного дальше виднелось круглое строение.

— Йернии, — прошептала Найкери, — из тевты Дер Дака — а в той стороне и его дан. Сейчас люди разошлись по полям; где скот, там и воины. Если

нас сейчас заметят, он немедленно об этом узнает и тебе придется биться со всеми ними, раз ты не пришел сюда торговать. Они не любят, когда на их землях появляются чужие.

— Но нам необходимо подобраться к их дану, чтобы я мог вызвать быка-вождя на поединок. Как мы сделаем это?

— Мы будем идти ночью.

Если избегать разбросанных повсюду хижин и круглых загонов, можно было надеяться проскочить незамеченными. Пока они пробирались мимо одинокого двора, залаяла собака, но псы брешут и попусту, поэтому их не увидели. Позже поднялся ущербный месяц, и они смогли быстрее двигаться по коровьим тропам. Найкери бывала здесь днем и без всякого труда находила дорогу ночью. Еще задолго перед рассветом она показала ему на изгибающуюся тень над равниной.

— Дан Дер Дака, — сообщила она.

Прячась в овраге, они подобрались поближе и укрылись за земляным могильным курганом, расположенным в одном броске копья от дана. Дан окружал ров, заваленный всяким мусором. Меловой грунт из рва пошел на сооружение вала высотой в человеческий рост, теперь белевшего в свете луны. На меловом валу высились деревян-

ные стены круглого дома.

Эсон мог видеть только край нависающей крыши и темные ровные стены под ним.

— В наружных помещениях живут воины, — показала Найкери на дом. — В их комнаты входят с гребня вала. Тут обитают мужчины. Скот держат внутри дана, женщины и дети живут во внутренней части помещения на валу — по ту сторону мужских комнат.

— А вход только один? — Эсон указал на отлогую насыпь, ведущую через ров к разрыву в кольцевом сооружении.

— Да. На ночь его закладывают жердями, чтобы не разбрелись коровы. А Дер Дак живет здесь — над входом.

Ворча, Эсон спустился в лощину — ожидать рассвета с обнаженным мечом в руке.

Глава 9

Когда серый рассвет прогнал ночную тьму, Эсон извлек драгоценности, снятые с убитых йерниев. Он повесил на шею самую большую гривну и бронзовый кинжал — на йернийский манер. Найкери подала ему шапку-шлем, который ночью начистила песком. Он засверкал, отразив

золотые лучи восходящего солнца.

— Оставайся здесь, пусть они тебя не видят, — приказал Эсон, обернувшись к Найкери. — Если меня убьют, ты вернешься и предупредишь остальных. Если меня ждет победа — я пришлю кого-нибудь за тобой. В любом случае не показывайся, пока тебя не позовут по имени. Если свита героя — всего одна женщина, над ним будут смеяться, а не страшиться.

Эсон повернулся лицом к дану. Он ждал, безмолвный и неподвижный, пока солнце не встало над горизонтом. Внутри стен уже поднимался утренний шум, Эсон видел суетящихся людей. И с обнаженным мечом в руке пошел к дану — один против всех его воинов.

Эсона никто не замечал, пока он не оказался в нескольких шагах от входа. Женщина с несколькими мальчиками постарше начала было убирать жерди, чтобы выпустить скот. Она подняла глаза и завизжала, а Эсон остановился.

— Дер Дак! — взревел он во всю мощь своих легких. — Дер Дак!

Мальчики и женщина убежали внутрь дома, внутри послышались расспросы и вопли.

На верх вала из своих помещений высыпали воины, подобно выскакивающим из нор бу-

рундукам. Огромный пес со свалявшейся бурой шерстью почуял запах Эсона и, щеря длинные клыки, с лаем бросился на него. Короткое движение меча — и он остался лежать грудой грязной шерсти на земле. Эсон вновь возвысил голос:

— Выходи, Дер Дак, чтобы я прирезал тебя, как твоего пса! Нет, тебя будет легче прикончить. Ты — трус, слепленный из навоза, ты — женщина, подвязавшая спереди козлиный хрен. Выходи — и увидишь Эсона, который тебя убьет.

За ближайшей дверью послышался гневный рев, заглушивший прочие голоса. Упершись ладонями в дверной проем, Дер Дак выглянул наружу. Волосы его вздымались высокой меловой гривой, длинные белые усы спускались до плеч и загибались наружу. Обнаженный воин только что проснулся и кипел гневом.

— Кто там навлекает на себя быструю смерть?

— Я — Эсон Микенский, старший сын царя Перимеда, отца моего. Выходи, убийца! Ты погубил моих родичей, выходи теперь, чтобы встретить собственную смерть. Выходи, трус!

Дер Дак заскрежетал зубами от подобных оскорблений, слюна пеной выступила на губах. Бросившись в свою комнату, он принялся готовиться к битве.

Эсон не обращал внимания на других воинов, но Найкери была обеспокоена. Из своего укрытия она с тревогой следила, как один за другим появлялись йернии. Почти все были с оружием, но пользоваться им не собирались. Собравшись наверху вала, они громко перекрикивались и расталкивали других, чтобы занять место поудобнее. Вмешиваться никто не намеревался. Воины благодушно ожидали зрелища и кричали женщинам, чтобы те принесли меда. Когда появился готовый к битве Дер Дак с огромным каменным топором и щитом на руке, все разразились воплями. Он спрыгнул с вала, и тут Эсон увидел, что было на голове Дер Дака.

Микенский шлем, помятый и неухоженный, потерявший большую часть плюмажа из конского хвоста… но тем не менее настоящий микенский шлем. Он мог достаться Дер Даку только одним способом. Его сняли с одного из убитых у копи — с его дяди или еще кого-нибудь.

Взвыв, Дер Дак бросился вперед.

Бык-вождь был могучим воином. Он оказался достойным соперником Эсону. Прежде вождь бился со многими мужами. Их головы теперь висели над его дверью. Топор его был в два раза больше, чем у всякого другого воина, и у него

хватало сил справляться с таким оружием. Будь у Эсона панцирь, он легко отразил бы такую атаку и просто зарубил бы Дер Дака, как только тот подошел бы поближе. Но сейчас на йернии был бронзовый шлем, и щит его прочностью не уступал бронзовому. Эсон ударил, йерний отразил меч щитом. Тут и микенцу пришлось шагнуть назад и принять на щит тяжелый удар.

Щит громыхнул, Эсон ощутил боль в руке.

Они кружили, размахивая оружием, пытаясь отыскать брешь в защите другого. Шла свирепая схватка, не знающая пощады. Скоро оба начали задыхаться. Сил на проклятия уже не оставалось, тела их были покрыты кровью и потом.

Дер Дак первым нанес рану, наискось отмахнувшись огромным топором. Отскочив от щита, тот рассек руку Эсона. Рана не была тяжелой и на деле ничем не мешала, но кровь текла по руке, и наблюдатели разразились воплями. Ухмыльнувшись, Дер Дак усилил натиск. Эсон отступил, глядя на кровь и открыв рот, и опустил щит, словно его рука ослабела от раны. Заметив это, Дер Дак удвоил усилия и обрушил топор с силой, достаточной, чтобы пробить щит.

Эсон ждал этого удара и был готов к нему. Не пытаясь уклониться или поднять щит выше, он

просто выставил меч над щитом, чтобы принять удар.

Меч вонзился в древко — как раз под самым каменным топором.

Металл дерево рубит.

Каменный топор отлетел на землю, и Дер Дак остался стоять с бесполезной теперь длинной рукояткой в руках. Пока, не веря своим глазам, он глядел на топор, острие меча, как хищная птица, преследующая добычу, вонзилось прямо в солнечное сплетение быка-вождя; меч пронзил тело и уперся в позвоночник.

Дер Дак широко взмахнул руками; щит, соскочив, отлетел в сторону и покатился по земле. С коротким предсмертным хрипом вождь перегнулся вперед и рухнул на землю мертвым. Встав над бездыханным телом, Эсон отбросил в сторону и собственный щит. Найкери говорила ему об обычаях этих людей. Они отрубали головы побежденным. Точнее, отрезали бронзовыми ножами — долго пилили, ведь позвоночник — прочная штука. Он покажет им, как лучше справляться с этой мясницкой работой. Зажатый в двух руках меч со свистом обрушился на шею.

Голова Дер Дака отлетела от тела.

Холодный гнев еще не отпускал Эсона. Бросив

медную шапку на землю, он сорвал микенский шлем с отрубленной головы и водрузил на собственную. За жесткие усы трофей было удобно держать, и, взяв голову Дер Дака, он отправился к воинам на валу. Те, что были с оружием, не подумали поднять его. Встав перед ними, Эсон закричал:

— Мертв Дер Дак! Убит ваш бык-вождь! Кто будет вместо него?

Воины переглядывались, ожидая, что ответит кто-то другой. Все знали обряд выборов быка-вождя. Но объяснять все гневному незнакомцу… Эсон ткнул окровавленным мечом в сторону ближайшего из воинов, и тот пробормотал:

— Мы сделаем это как положено, по обычаю.

— Хорошо. Это не мое дело. Проведите меня теперь к Темному. Теперь он увидит мой меч.

Дверь ничуть не отличалась от прочих дверей в дане. Готовый ко всему, Эсон ногой распахнул ее и вступил внутрь, но комната оказалась пустой. В ней виднелись следы поспешного бегства: пожитки были разбросаны, на полу валялись осколки разбитого глиняного кувшина. Только в воздухе еще витал густой запах благовоний — других признаков бывшего обитателя не осталось. Эсон потыкал мечом в груду мехов. Ничего.

Гнев отступал, и он впервые ощутил рану. А вместе с тем понял, что далее смерти Дер Дака планы его не заходили.

Что же делать?

Воины расступились перед ним, и Эсон направился в помещение Дер Дака, помахивая отрубленной головой вождя. Над входом висели ссохшиеся человеческие головы, среди них — зловонная кабанья голова с полированными камнями вместо глаз. Эсон смахнул все это одним движением меча и пинками отправил в ров. Потом водрузил над дверью голову Дер Дака и уселся под ней.

— Принесите еды и питья, — приказал он.

Воцарилось молчание, и Эсон положил руку на меч. Тогда один из воинов повторил приказ женщине, оказавшейся неподалеку. Расслабив мышцы, Эсон оторвал клок меха и принялся вытирать им меч. Перед ним стояла Найкери.

— Тебе следовало ждать снаружи, — проговорил он.

— Я видела, как все было. Ты победил. Мои родичи бывали здесь, а на женщин здешние воины не обращают внимания.

— Сядь сзади, так, чтобы тебя не было видно.

— Что ты собираешься теперь делать? — спро-

сила она, обходя его сбоку. — Здесь такая вонь.

— Я хочу поесть.

— А потом?

Он заворчал — потому что не знал, как ответить. Подошла девушка, поставила перед ним две чаши. Одну, с кислым молоком, он осушил почти целиком, прежде чем обратиться к другой, наполненной мягким сыром. Эсон отправлял его пальцем в рот, когда один из воинов стал перед ним.

— Я — Ар Апа, — сказал воин и опустился на корточки. Он долго молчал. Не отвечая, Эсон продолжал есть. И воин ударил себя в грудь. — Я — убийца, я — охотник, я бежал сотню ночей и убил сотню оленей. Я сразил Сетерна в битве, которая продолжалась целых десять ночей, и голова его висит над моей дверью.

— Ты убивал моих родичей возле копи? — холодно осадил его недовольный бахвальством Эсон.

Ар Апа развел пустыми ладонями.

— Это дело рук Дер Дака. И других. С ним были воины из дана Уалы. Им дали богатые подарки, чтобы все вместе шли к копи. Многие не вернулись.

— Их вел Уала?

— Уала вел их, но шли они не поэтому. — Ар Апе было не по себе. — Он дал им подарки, еще до того, как они вышли. — Невзирая на все хвастовство, Ар Апа не хотел лишний раз произносить это имя и только кивнул в сторону.

— Темный человек?

Ар Апа кивнул и вновь начал хвастать. Эсон не слушал; в конце концов, слова то и дело почти повторялись, но шепот Найкери сзади он расслышал и согласно кивнул, повторив ее слова вслух:

— Ты хочешь быть быком-вождем?

Ар Апа не дал прямого ответа, чтобы Эсон не смог подумать, что он вызывает его на бой: йерний уже видел, на что способен бронзовый меч.

— Племени нужен бык-вождь.

— Верно. Бык-вождь будет.

Книга III
Глава 1

Лето миновало, ночи делались холоднее, и по утрам иней все чаще серебрил траву.

Только что встало солнце — лучи его пробивались между стволов деревьев, обступивших вырубку и бросавших на землю долгие тени. Воздух был тих, и первая струйка дыма поднималась в безоблачное голубое небо, словно указующий перст. Эйас нагнулся к костру, подложил сухих веток и принялся ворошить палкой уголья. Потом зевнул, почесал под мышкой другим концом палки. Полусонное выражение еще не оставило его лица, порванная губа отвисла еще ниже.

Скрипнуло по дереву дерево: из сменившей навес крытой хижины появился Интеб.

Чтобы выйти из низкой двери, приходилось сгибаться. На плечи египтянина было накинуто одеяло; поежившись, он поспешил устроиться возле огня, рядом с покрытым шрамами кулачным бойцом. Стараясь расположиться поближе к огню, египтянин коснулся одеялом углей, запахло паленой шерстью. Интеб дрожал, смуглая кожа

южанина посерела.

— До зимы еще далеко, а мои кости уже ноют от холода, — пробормотал он.

Эйас криво усмехнулся:

— Пока еще ничего. Днем тепло, солнце греет. Зимой ляжет снег, белый, холодный, — сугробы выше твоей головы.

— Так пусть же Ра в мудрости своей растопит этот снег или пришлет сюда микенский корабль прежде, чем настанет зима. Недобрый край.

— Ко мне он добр, египтянин. Куда добрее, чем был бы Египет. В день — горстка зерна, жара… молодым сдохнешь. А здесь я ем мясо — каждый день. Я его столько в жизни не съел. И женщины. Та, что готовит для мальчишек, — у нее ляжки и зад как у коровы! — В восторге Эйас хлопнул в ладоши. — Есть за что подержаться. А когда вставишь, мычит как корова. Отличная страна.

Интеб брезгливо раздул ноздри и потянул с угольев тлеющий край одеяла.

— Оставайся здесь, Эйас. Не хочу тебя обижать, но ты человек грубый и словно создан для этой грубой страны. Есть такие радости, о которых ты не имеешь представления. Может быть, просто попробовать не удалось. Доброе вино, тонкие яства, милые друзья, цивилизованные развлече-

ния — мне так не хватает всего этого. В мире есть более изысканные радости, чем те, которыми оделяет тебя твоя толстозадая корова.

— Некоторым и такое по вкусу. — Словно в подтверждение своих слов, Эйас густо рыгнул.

— Не сомневаюсь. Но один мудрец сказал: люби мужчину, радуйся мальчику, а женщина пусть делает свое дело. У меня нет обязанностей по отношению к здешним женщинам, а мальчишки — грязны и не доставят никакого удовольствия.

Он не стал добавлять, что его самого в этот край могла привести лишь любовь. Что толку говорить об этом с покрытым шрамами рабом, харкающим и плюющим в огонь возле него. Солнце поднялось над ветвями, лик Ра теплом согрел руки его и лицо. Ранний ветерок взъерошил листву над головой, дубовый листок, покачиваясь, скользнул к ногам египтянина.

Интеб подобрал его и с восхищением принялся разглядывать причудливо раскрашенный осенью лист. Позади него вновь взвизгнула дверь: к сидящим возле костра присоединился Эсон. Кожа его еще несла запах Найкери; Интеб отвернулся, чтобы не ощущать его, потянулся за веткой.

— Самая погода для плавания, — проговорил Эсон, бросив взгляд на небо. — Море гладкое —

грести легко.

Корабль. Только о нем и думали они в эти дни. Эсон выразил общие мысли.

— У нас есть олово для него, — проговорил Эйас, глядя на заброшенный навес, под который складывали серебристые диски, — их было уже больше сорока дюжин. Упорные труды принесли результат.

— Он уже где-то в пути, — сказал Интеб, надеясь услышать слово в поддержку.

— Тебе лучше знать, — отвечал Эсон. — Ты был там, когда к отцу прибыл вестник. А моя память полна его бесконечными рассказами о том, насколько необходимо Микенам олово. Можно не сомневаться: Перимед вышлет сюда корабль, как только сумеет это сделать. Скорее всего, их задержала непогода — мы ведь сами видели, как свирепствует здесь океан.

Корабль придет, и у нас уже есть олово для него. Приплывут халкеи, чтобы работать в копи, воины, чтобы ее охранять. А наше дело будет окончено.

— Значит, мы сможем вернуться на нем — когда корабль пойдет обратно, — произнес Интеб, не слыша страстной надежды в собственном голосе.

Эсон ответил не сразу.

— Конечно. Зачем оставаться в этой холодной земле — на краю света? В Арголиде без нас некому пить вино, некому убивать атлантов. Кто с этим справится без меня? А здесь мне нечего делать.

Он глянул в сторону хижины — из нее появилась Найкери со столиком на коротких ножках в руках. Он был уставлен чашами со слабым элем и ломтями холодной оленины — вчера они изжарили тушу. Она поставила поднос рядом с Эсоном, тот первым взял пищу.

Эйас потянулся к чаше, шумно отхлебнул и блаженно вздохнул. Взяв кусок нежирного мяса, Интеб задумчиво прожевывал его.

— Наступило время самайна, — сообщила Найкери.

— Я не знаю, что это такое, — пробормотал с набитым ртом Эсон.

— Я говорила тебе. В это время йернии сгоняют в даны весь скот и режут часть животных. Мои родичи ходят к ним торговать. Издалека приходят со своим товаром разные люди. Это самое важное время в году.

— Ступай смотреть на этих мясников — мне неинтересно.

— В это время случаются и другие важные вещи. Выбирают быка-вождя. Именно в эти дни Ар

Апа должен стать новым быком-вождем.

Эсон молча жевал жесткое вкусное мясо. Ар Апа будет ждать Эсона, чтобы стать вождем-быком, — возможно, без Эсона он не сумеет этого сделать. Этим варварам неведомы такие вещи, как царская кровь и наследование престола. У варваров все не так, все неразумно. Здесь вождей выбирают за крепкую глотку и могучие руки, если только выбирают вообще. Но лучше, если быком-вождем станет Ар Апа. Эсон знает его, и он знает Эсона. Знает мощь десницы его и устрашится. Пока в дане властвует Ар Апа, Темный не посмеет явиться туда, некому будет подстрекать йерниев к набегам на копь. Эсон бился во многих битвах и знал цену флангам, он понимал, когда о них следует позаботиться.

Дан и пастбища тевты Ар Апы отделяли копь от прочих земель йерниев. Путь любого набега лежал через владения Ар Апы. Пусть же вождем-быком станет Ар Апа. А добывать руду и выплавлять олово можно и без Эсона… Время не пропадет зря.

— Я иду на самайн, — громко объявил он.

— Ты не можешь идти один, — возразила Найкери.

— Это не твое дело, альбийка. Тебя я с собой не

возьму, не рассчитывай.

Она встретила его взгляд с такой же непреклонностью, нисколько не испугавшись гнева Эсона.

— Я пойду туда с родичами, мы всегда торгуем на самайне. Но ты — великий вождь, и о тебе знают. Великий вождь в такие времена не путешествует в одиночку.

Женщина говорила дело, но Эсон не хотел это признать открыто.

— Может быть, ты пойдешь со мной, Интеб? Такое зрелище стоит увидеть.

— Похоже, нас ждет скучный и кровавый день на бойне, но я пойду. У царя должна быть свита. Пусть Эйас будет меченосцем. Я буду глашатаем.

— Эйас нужен здесь, чтобы мальчишки работали.

— Без тебя они все равно не будут усердствовать. Нужно идти всем: мы должны показать йерниям, что длинная рука Микен дотянулась досюда. Напомнить как следует, так, чтобы не позабыли. Мы пойдем при оружии и в доспехах. Кто из йерниев знает, что я обращусь в бегство, едва заслышав шум битвы?.. Или что этот покрытый шрамами бугай безо всякого оружия кулаком уложит насмерть любого из них? Итак, идем все?

— Наверное. Только кто-то должен остаться

на копи.

— Зачем? Если мальчишки убегут — сходим к их родителям и приведем обратно. Олово само по себе бесполезно — пусть лежит, здесь оно не ценнее камней. На этом острове никто не знает, зачем оно нам понадобилось. Эти дикари думают, что мы с ума посходили, что так возимся с ним. Для украшений — тусклое, для оружия — мягкое. Я видел, как они пробовали его на зуб и удивлялись отметинам. Откуда им знать, что нам оно необходимо для изготовления их вожделенной бронзы? Даже если бы и узнали — они же не умеют выплавлять этот металл…

Эсону вдруг пришла в голову мысль, и он остановил египтянина жестом руки.

— А если корабль придет, когда нас здесь не будет? Придется остаться.

— Мои люди следят за берегом, — сказала Найкери. — Они заметят корабль и расскажут приплывшим, где вы. И до дана доведут — если вы не вернетесь.

— Значит, идем? — спросил Эйас.

— Придется, — ответил Эсон.

— Бойня и коронация, — проговорил Интеб. — Кровь и попойка. Пиры и драки. Тьфу!

— Наоборот — здорово! — возразил, ухмыля-

ясь, Эйас. В щели, раскроившей губу, мелькнул белый зуб.

Глава 2

Они вышли ранним утром. На Эсоне был только что покрашенный кожаный панцирь.

Меч у пояса, на левой руке круглый щит с полированными бронзовыми бляхами. На шее, по обычаю йерниев, висел бронзовый кинжал. Снятый с Дер Дака микенский шлем выправили, но потерянных прядей конских волос в этой стране заменить было нечем. У здешних невысоких пони волос был мягок, и на них охотились ради мяса. Но Эсон сразил копьем здешнего вепря. Быстрые и могучие звери были, пожалуй, даже опаснее арголидских, и жесткой щетиной удалось заменить недостающие пряди. В этом не было бесчестья: могучего вепря здесь ценили не меньше, чем благородных коней на его родине. Воины-йернии лепили из своих усов и глины некое подобие кабаньих клыков, по той же причине делали жесткими свои прически. Так что носить на шлеме гребень из кабаньей щетины было даже, пожалуй, почетно.

Эйас тоже производил впечатление в кожаной

броне и медной шапке-шлеме — той самой, в которой Эсон выступил на битву с Дер Даком. Кожаный полупанцирь напоминал доспех Эсона, однако не был настолько богатым. Среди вещей, принадлежавших убитому вождю, они обнаружили бронзовый топор из тех, что использовали для рубки леса. Но ничто не мешает рубить им воинов: для этого топор и взяли с собой.

Как наименее воинственный из троих, Интеб облачился в простую кожаную куртку и взял деревянный щит, обитый толстой кожей. Но каменный топор его был неплохо сработан. Йернии такими гордились. За плечами египтянина находился небольшой мешок с едой. Эсон взял мешок побольше — с подарками для нового вождя-быка.

К ночи все устали и, поев, завернулись в плащи и улеглись ногами к костру. Интеб ночью проснулся — когда Эйас подкладывал сучьев в костер. Воздух стал настолько холоден, что обжигал лицо египтянина: из глаз полились слезы, Интеб заморгал. В черной чаше неба, опрокинутой над головой, до самого окоема горели яркие звезды. Темноту прочертила падающая звезда, беззвучно исчезнувшая за холмами. Подобно погибшей душе, вдали захохотал филин. Интеб поежился и

придвинулся к теплому Эсону, ровно и глубоко дышавшему возле него, черпая силы у могучего друга. Если бы не Эсон, сидел бы сейчас он, Интеб, среди советников у ног фараона в Фивах, как подобает благородному зодчему, а не мерз на холодной земле, на самом краю света. Что за прихоть привела его в эти края? Египтянин улыбнулся и вновь провалился в сон, все еще улыбаясь. К середине четвертого дня они увидели впереди меловой холм и поднимающиеся над ним плетеные стены дана. Дважды в этот день путники обгоняли стада скота, бредущие в ту же сторону. Но пастухи и животные с опаской поглядывали на чужаков и старались держаться подальше. Охранявшие стада воины-йернии хмурились и хватались за топоры. Ближе к дану скота было еще больше, его держали во временных загонах. Всюду вздымались облака пыли.

Тропа, по которой они шли, была густо усеяна коровьими лепешками, она извивалась между невысокими курганами Владычицы, обступившими дан. Погребенные здесь воины всей тевты, возвратившись к Земле-Матери, дожидались, когда Владычица Курганов отведет всех в Обещанные Края. Вокруг некрополя складывалась вся жизнь племени, здесь проходили ежегодные

сходки и прочие важные события, здесь обдумывали набеги на соседей и кражи скота, посвящали юношей в воины и выбирали быка-вождя.

Миновав последний загон, они увидели толпу йерниев, собравшуюся у стен дана. Уже шел какой-то обряд. От тонкого воя ныли зубы. Все перекрывал громкий мужской голос.

Когда путники подошли ближе, им стало ясно — это похороны. Уже выстроен смертный дом — сооружение без стен из одной только крыши: маленькие бревна были наклонно приставлены к поперечине, получалась узкая и длинная домовина для одного тела. Женщины и мальчики не один день разбивали кирками из оленьих рогов твердый мел около смертного дома. Они набили достаточно камня, их работа теперь была закончена, и захмелевшие воины внимали голосу высокого мужчины в белых одеждах, что-то говорившего нараспев. Седые волосы доходили до плеч, лицо утопало в окладистой бороде. Однако на верхней губе волос не было: у йерниев только воины носили усы. У ног мужчины лежал обезглавленный труп; голова его была аккуратно подложена под правую руку, она поблескивала маслом и была прикрыта шкурой вепря. Возле покойника, скрестив ноги, сидел другой человек,

он дул в деревянную трубку, приделанную к раздутому меху. Мужчина пыхтел, лицо покраснело, мехи надувались. Но труды его были бесполезны: воздух попусту выходил через полую кость, в которой сбоку были проделаны дырки. Вспотевший человек то и дело прикрывал то одну, то другую дырку своим пальцем — и возникал этот то усиливавшийся, то спадавший непрекращающийся визг, впрочем не мешавший слышать песнопения.

— Он жил, как подобает воину, доброй жизнью, что никогда не закончится. Умер он в битве, умер он с криком, умер он с оружием — такую смерть назначил Разящий мужчинам. И, умерев так, он не познает смерти, но вступит на тропу воина, что ведет в Мой-Мелл, Медовые Страны, и Владычица Курганов поможет ему в пути. Сейчас он уходит в земли вечной юности, где нет боли, где нет смерти, где нет печали, где нет ни конца, ни начала, где нет зависти, где нет ревности, где нет гордости, где нет страха. Он отправляется в край изобилия, где повсюду стада и гурты, и глаз видит их, но не видит конца им. Там жарят длинных свиней — таких, что и сорока мужам не поднять, и он первым отрежет мясо от этой свиньи. Там чаши полны питьем и никогда не пустеют. Туда

он уходит, туда мы его отсылаем.

Штуковина из мехов и полой кости завыла погромче. Пока труп заталкивали под крышу, воины орали до хрипоты. Когда покойника заложили последними бревнами, они принялись кидать плоскими оленьими лопатками разбитый мел, каждый старался перещеголять остальных. Гора мела росла, могильный дом скрылся под ней, воины шатались от опьянения и усталости. На взгляд Эсона, зрелище было великолепным, он отвернулся, лишь когда рядом с ним появился Ар Апа.

— Ты здесь, — произнес воин-йерний, и в голосе его слышалось более чем просто облегчение. Наследовать вождю-быку — дело нелегкое. Присутствие Эсона укрепляло позиции Ар Апы.

— Кого хоронят? — спросил Эсон, не отводя глаз от церемонии.

— Дер Дака. Вождей-быков хоронят во время самайна.

Эсон с нескрываемым интересом поглядел на образовавшийся курган, который к этому времени увенчала набитая сухой травой шкура быка.

— Я убил его летом. Он давно должен был сгнить.

— Наши друиды знают многое. Они знают,

что было и что будет, умеют исцелять больных. Каждый день они покрывали тело его кедровым маслом, и вот видишь — оно твердое. Пойдем пить.

Эсон остался бы еще послушать, но Эйас громко причмокнул губами, а Интеб решительно обратился спиной к примитивному обряду. Впрочем, подобное грубое бальзамирование в известной степени напоминало знакомый ему изощренный египетский способ, который делал тело столь же стойким к гниению, как прочное дерево. Мимо длинной стойки, к которой были подвешены туши забитых овец, они прошли прямо ко входу в дан.

Там царили шум и смятение: кричали животные, вопили люди. Внутри просторного дана стояла такая же суета, как бывает в день пира в Фивах или на погребальных боях в Микенах. Повсюду были воины-йернии, с мечами и топорами они толкались в толпе, то и дело горделиво оглаживая костяшками пальцев твердые усы. Вокруг толпились женщины и многочисленные грязные дети; самые маленькие из них голышом путались под ногами, гоняя кусочки мела. Но попадались среди них и чужие: смуглые альбии со своими товарами в мешках; круглоглазые донбакшо

тащили на жердях дичь и зайцев. Попадались и другие люди, светловолосые, таких Эсону не доводилось еще видеть. Они были воинами — на круглых шлемах торчали бычьи рога, длинные кинжалы висели на поясах, запястья этих людей украшали золотые браслеты, плащи были скреплены у шеи увесистыми золотыми застежками. Но за спиной они, подобно рабам, тащили большие корзины. У их женщин поклажа была едва ли не еще большей. Корзины опустили на землю, но пока они стояли закрытыми.

Эсон гадал, что за товар доставили в них. В руку ему вложили чашу на ножке, и он жадно припал к элю.

— Смотрите сюда! — закричал Эйас с круглыми от удивления глазами. — Такого я еще не видел.

Странно наряженный человек вспрыгнул на высокий помост из переплетенных ветвей и ивовых прутьев. Еще не окончившие сооружение женщины принялись кричать на него, но он уклонился от тянущихся к нему рук и пробрался к середине помоста, прогибавшегося и потрескивавшего под ним. Кожаная юбка его доходила почти до лодыжек, капюшон оканчивался бахромой прямо на плечах — карикатура на воина в короткой юбке и длинном плаще с капюшоном.

Лицо и руки намазаны черной грязью или сажей, той же краской зачернены волосы, острием вверх уложенные на макушке.

— Друг, друг! — завопила толпа, со всех сторон люди кинулись поглядеть на забаву.

Друг легко вскочил на ноги и вдруг взвыл, словно от боли, и заскакал на одной ноге, удерживая другую руками и вылизывая языком — как собака выкусывает колючку в лапе.

Потом он довольно быстро и очень похоже показал быка, корову, теленка, разыскивающего матку, и воина, разыскивающего теленка. Последняя сценка вызвала восторженные вопли даже со стороны воинов, не намеревавшихся узнавать себя в чванном, важно выступающем и поглаживающем усы шуте. Смех умолк, когда друг извлек из-под оттопыренной юбки несколько вырезанных из дерева яблок. Они были раскрашены желтой и красной краской и ярко блестели в лучах солнца. Он подбросил вверх одно, другое, поймал первое, подбросил еще и еще, удивляя зрителей своим умением держать в воздухе сразу несколько шаров. Эсон вместе с Эйасом радостно вопили, и только Интеб, при дворе Тутмоса видевший еще и не такое, молчаливо потягивал эль.

Когда они наконец устали от представления,

Ар Апа увел их к ямам, где были разложены костры, над которыми коптились туши коров и овец, издавая приятный аромат мяса и жира. Женщины отрезали полосы и ломти мяса кремневыми ножами. Их мгновенно расхватывали жадные руки. Толчками и пинками Ар Апа разогнал толпу и велел вырезать лучшие куски для Эсона и его спутников. Когда они получили мясо, он запустил руку в кисет и извлек из него пригоршню белых кристалликов, перемешанных с крупицами грязи.

— Соль, — горделиво объявил Ар Апа, присыпая куски, которые гости держали в руках.

Эсон ощутил, как рот наполнился слюной. Наверняка кто-нибудь из прибывших привез с собой соль на продажу — следует прикупить. Соленое мясо вновь пробудило жажду — тут же явился и эль. Нетрудно было понять, почему самайн считался главным событием года.

Свирепый лай и рычание отвлекли их внимание. Не оставляя чаш, они присоединились к толпе, собравшейся на противоположной стороне дана. Чтобы оказаться в первом ряду, пришлось потолкаться.

— И это собаки? — спросил Интеб, стараясь не выпускать из рук топор.

Мохнатые и злобные псы оказались величиной с небольшого медведя. Эсон слыхал о них, но видеть еще не доводилось. Йернийских волкодавов натаскивали на волков и вепрей, их привезли для состязаний на погребальных играх. Теперь два пса рвались друг к другу.

Они тянули поводки так, что хозяева едва удерживали их. Ощерив клыки и хрипя от ярости, псы брызгали слюной. Оба хозяина по ходу дела бились об заклад, выкрикивали ругательства… псы рычали, наконец соглашение было достигнуто. Круг разошелся пошире, и огромных зверей спустили. Они набросились друг на друга.

Свирепые псы были примерно равны по силе. Они сцепились, отпрыгнули и, щелкая зубами, попытались укусить друг друга. Потом сцепились снова. Запустив морды в толстые шкуры, они старались добраться до плоти. Наконец один из них сумел пропороть ногу своему сопернику. Хлынула кровь, драка закончилась бы смертью раненого пса, если бы не вмешались хозяева. Псов удалось разнять лишь с помощью рукоятей топоров и древков копий.

Проигравшие уплатили заклады. Послышался громкий визг — проигравший хозяин вымещал неудачу, без жалости избивая побежденного пса.

Невозможно было все увидеть и испробовать. Переплыв через узкий пролив, торговцы-альбии привезли с зеленого острова Домнанн кованое золото и бронзу. Воины-йернии толпились возле них, предлагали за драгоценности все, что пожелают гости. Люди в рогатых шлемах, звавшиеся гераманиями, явились из-за моря с востока, они предлагали не только драгоценную соль, но и теплые куски бурого янтаря. Внутри некоторых таились сказочные насекомые, их можно было увидеть, поглядев через камень на солнце. Еще они торговали бронзовыми кинжалами хорошей работы. Эсон все вертел один из них под бдительным оком владельца, жалея, что ничего не может предложить в обмен. Герамании принесли с собой и египетские бусы. Интеб, усмехаясь, разглядывал их.

— Ох, далеко они залетели от дома, как и я сам, — проговорил он, держа на ладони одну из бусин и прищуриваясь. Потом он молча вернул ее гераманию и, лишь отойдя от торговца подальше, пояснил Эсону: — Скверная работа, плохая глазурь — для Египта не годится, но в этих грубых краях большая ценность.

Яств было много: свежие яблоки, сливы, сладкий мед прямо в сотах. А йернийские колбасы,

которых они до сих пор еще не пробовали, оказались не хуже, чем в Арголиде.

Набитые жиром, мясом, просоленные, сдобренные какими-то семенами, они были дотверда прокопчены над огнем. Был еще мед, сваренный на орехах, пьяный сок вересковых ягод и эль… снова и снова. Прежде чем солнце коснулось горизонта, животы их оказались туго набиты, глаза насытились зрелищами, а уши оглохли от криков.

— Смотри-ка! — воскликнул Эйас, указав на толпу, собравшуюся на другом краю дана. Под его припухлыми веками вдруг вспыхнул радостный огонек.

На расчищенном, посыпанном песком круге сцепились два мужа, пытавшихся бросить соперника на землю. Они старались сделать подножку или бросок и одновременно молотили друг друга кулаками. Разойдясь, они принялись осыпать друг друга могучими ударами, по большей части попадавшими мимо цели. Эйас пренебрежительно хмыкнул. Наконец один из верзил — оба были рослыми и крепкими гераманиями — зацепил другого за ногу и одновременно ударил кулаком, повергнув противника на землю. Половина собравшихся разразилась радостными воплями,

другие, ворча, принялись отдавать заклад. Шагнув вперед, Эйас хриплым голосом завопил так, что слышали все:

— Мешки с жиром, сальные туши! Это не бойцы, а две бабы с титьками на заду. Я плюю на них обоих.

Слова его обрели практическое подкрепление: Эйас и впрямь отвесил по объемистому плевку в сторону каждого из германиев, попав одному в живот, другому в щеку. Разразившись яростными криками, они бросились бы на него, если бы их не удержали друзья.

— Рассердились? Убить меня захотели? — захохотал Эйас. — Ну-ка, давайте сюда! Сразу оба! Обещаю, что повалю обоих. Кто ставит на то, что я не смогу этого сделать?

Желающих нашлось в избытке, Интеб и Эсон никому не отказывали. Их убьют, если Эйас проиграет: они успели прозакладывать все, что они имели и чего не имели вообще.

Но они верили в этого смуглого крепыша, который был ниже ростом каждого из соперников почти на голову. Пока заключались пари, Эйас горделиво расхаживал по кругу и усердно ярил германиев своими насмешками.

Бой начался: по знаку оба германия рванулись

с места, вытянув руки вперед, и Эйас отбежал в сторону. Под гневные крики и насмешки он обежал круг, а разгневанные мужи гнались за ним. Молчание опустилось на собравшихся, когда он вдруг остановился и в воздухе мелькнула рука — словно змея, совершающая убийственный бросок. Кулак угодил первому из преследователей прямо в солнечное сплетение. Охнув, тот перегнулся и лицом вперед повалился на землю.

— Первый готов, — объявил Эйас. — Иди сюда — твой черед.

Второй боец держался теперь куда осторожнее, он пригибался к земле, двигался крадучись, стараясь зацепить Эйаса, прежде чем убийственный кулак успеет поразить его. Но удар сбоку потряс герамания; получив второй — в ребра, — он пошатнулся и едва не упал… Но все же метнулся вперед и успел обхватить Эйаса. Все было сделано точно, и на этом борьба едва не окончилась. Гераманий был явно сильнее. Прижимая руки Эйаса к бокам, он медленно клонил его вниз — неотвратимо и бесповоротно. Эйас изо всех сил старался сбросить невыгодное объятие и, уже почти падая, ухитрился высвободить одну из рук.

Этого оказалось довольно. Криво улыбнувшись толпе, бывший раб коротко взмахнул кулаком

и по короткой дуге направил его в спину соперника: в печень, под ребра. Рослый гераманий содрогнулся и пошатнулся. Прежде чем он успел прийти в себя, кулак вновь поразил то же самое место, и воин взревел, широко раскинув руки. Сделав шаг в сторону, Эйас облегчил муки соперника: тяжелый удар в висок лишил германия сознания прежде, чем тело его успело упасть на землю.

— Вот теперь они кое-что узнали о кулачном бое атлантов, — заметил Эйас. Переступив через оба неподвижных тела, он отправился помогать в сборе закладов. Кое-кто пытался оспаривать непривычный способ, которым была добыта победа, но такие быстро утихали, обнаружив перед носом огромный кулак. Так этот день принес и барыш.

Не прекратился самайн и с закатом. Костры загорелись ярче, дрожащий свет их бросал тени на стены дана и на толпу, толкавшуюся внутри него. Из темных уголков уже слышался визг и смех: женщины йерниев и гостей, которым нечем было торговать, зарабатывали на подарки и украшения товаром, с которым их мать родила. Факелы из горящего тростника освещали золото, каменные топоры и острые кремневые ножи,

бронзовые кинжалы, янтарные диски и вещи более обыденные: мясо, дичь, соль и сладкие плоды. Всякий находил здесь чтонибудь для себя.

Но готовились более важные события. В центре дана, в самой большой яме, разложили костер. Женщины старательно мели вокруг него, наконец земля очистилась от помета и опавших дубовых и лавровых листьев. Два глубоких гнезда очистили от скопившегося за год мусора и под надзором первого друида вставили в них два высоких — в человеческий рост — и толстых столба. Сверху в них были вырезаны полукруглые углубления для короткой горизонтальной перекладины. Когда арка оказалась собранной, сам друид густо обмазал ее жидким мелом, выбелив дерево, словно кость. Пока он был занят этим делом, начали собираться воины-йернии. Они были одеты в альбийские ткани, при всех своих драгоценностях и при оружии. Воины усаживались возле огня. Но не успели собраться все, как один вскочил с места и громким голосом объявил, какой он бесстрашный и отважный боец. Начались выборы быка-вождя.

Когда собрались все, огонь взвился высоко, и в его золотом свете воины, потея, требовали эля, хвастали своими гривнами, браслетами и коль-

цами. Поднялся ровный и громкий шум, никто никого не слышал, но это никого и не волновало. Важно было говорить перед собранием — содержание же всех баек и побасенок было знакомым и давно известным.

Они выкрикивали друг другу громкие оскорбления и один за другим принимались расхаживать возле костра, ударяя топорами в щиты, при этом изо всех сил превознося собственные подвиги. Эсон тоже протолкался внутрь круга воинов и выкрикивал оскорбления, чередуя их с отъявленной ложью: право его присутствовать среди них никто не оспаривал. Интеб следил за происходящим от наружного края круга, потягивая сладкий мед, пришедшийся ему по вкусу… потом он уснул. Эйас с пухлой после дневной удачи мошной, с новыми ранами на покрытой рубцами коже отправился искать успеха уже среди женщин. Он целый день восхищался высокими светловолосыми и полногрудыми женщинами гераманиев и наконец богатыми дарами заманил одну из них в сторону от костра. И там дал ей известные основания вспоминать о нем в своих северных лесах.

К рассвету большинство воинов-йерниев уже повалились спать — прямо в пыль, — другие мог-

ли только кивать пьяными головами. Тогда-то к костру вышел Ар Апа и принялся горделиво расхаживать перед ними, громким охрипшим голосом расхваливая свои деяния и силу рук. Ночью он экономил силы и ограничивался недолгими выступлениями, сохраняя силы для последней попытки, которая должна была произвести решающее впечатление на полусонных и пьяных воинов. Дело близилось к успешному завершению. В предутренние часы он начал свой монолог, перекрикивая всякого, кто пытался его перебивать; одного пьяного воина, непременно желавшего говорить одновременно с ним, пришлось даже утихомирить щитом. Речь Ар Апы была не хуже и не лучше, чем у всех остальных, однако сил у него оставалось значительно больше, поэтому все принимались уважительно кивать головами, прежде чем, засыпая, свалиться на землю. Когда солнце прогнало утренние туманы и поднялось над горизонтом, он все еще с пылом расписывал собственную силу и прочие достоинства. И наконец, глубоко вдохнув, прокричал собственный боевой клич над склоненными головами:

— Ар Апа абу! Время проходить огонь и очищать скот!

Воины-йернии зашевелились, отвечая соглас-

ными воплями. Осушив последние капли эля из чаш, они отправились облегчаться к стенкам хлевов… в воздухе густо запахло мочой. Когда Эсон проснулся, Интеб и Эйас были с ним рядом.

Они отправились наружу, чтобы присоединиться к остальным за стенами дана, и с интересом заметили, что женщины и дети йерниев помогают мужчинам выволакивать огромные плетенки. Поваленные набок, они напоминали огромные неровные корзины, открытые с одного края, но в два человеческих роста. Их бросили снаружи — по обе стороны входа в дан — и оставили до поры… Наконец из хлевов под вторым этажом, служивших и местом заточения, извлекли пятерых жалких пленников. Ноги их оставались связаны, они спотыкались и падали, их поднимали уколами копий. Подняться было сложно — руки были связаны за спиной. Это оказались тоже йернии — об этом свидетельствовали одежда, выбеленные усы и волосы, — но их Эсон в этом дане не видел. Эсон окликнул стоявшего поблизости воина, выкрикивающего проклятия пленным… впрочем, чтобы добиться ответа, пришлось его еще дернуть за руку.

— Это? Воры, подлые воры. Явились красть наш скот, но мы их заметили. Они из дана Финмога, но

сейчас уходят совсем не туда! — Расхохотавшись над собственной шуткой, он вновь принялся закидывать пленников кусками сухого навоза, как это делали все вокруг.

Пленников вывели за стены; там, в кольце воинов, вооруженных копьями и топорами, им разрезали веревки на руках и затолкали в плетеные сооружения — троих в одно, оставшуюся пару в другое. Когда узники оказались внутри, йернии с криками навалились на верхний край огромных корзин, опрокинувшихся под весом вверх дном. Теперь, когда основания плетенок оказались на земле, стало ясно, что они собой представляют.

Это были головы. Отверстия ноздрей обмазаны охрой, вместо глаз нарисованы черные круги с кровавым пятном в центре. Длинные кривые сучья изображают рога. При весьма отдаленном сходстве корзины, несомненно, изображали бычьи головы. Края их заостренными кольями прибили к земле и стали обкладывать снаружи хворостом. Всем распоряжался тот самый друид, что совершал вчера похороны, ему помогали двое мужей помоложе, облаченные в столь же длинные одежды. Пленники хватались за прутья, дикими глазами глядели на кричавшего друида.

Толпа притихла.

— Безмолвными змеями на брюхе приползли вы сюда; горностаями между кочек ползли вы сюда. Духами полуночными ползли вы сюда из дана Финмога — и мы знаем зачем. Скот в дане Финмога зашелудивел, попадал и сдох — и ваши зубы стучат от страха. Вы знаете, что нет лучших коров, чем здесь, нет более жирных коров, чем здесь, нет более сладкого мяса, чем здесь! И вы пришли украсть наших коров, но позабыли о воинах!

Ответом ему был общий вопль, грохот топоров о щиты и проклятия. Не прерываясь, друид продолжал:

— Сотня и сотня воров пришла к нам, сотню и сотню врагов сразили воины и сложили из отрезанных голов груду, что стала выше, чем крыша дана. Но пятерых мы взяли в плен, ибо так было правильно: близилось время самайна, время очищения скота. Вот потому-то вы и здесь.

Раздались крики, немедленно утихшие, когда друид, распрямившись, неторопливо поднял от земли правую ногу, балансируя на другой.

— Одна нога! — выкрикнул он и еще медленнее стал тянуть вверх ногу. — Одна рука! — крикнул он еще громче и указал на заточенных под пле-

тенками. — Один глаз! — заорал он изо всех сил и, зажмурив левый глаз, склонил голову набок. — Смерть им! В огонь! Смерть, смерть, смерть!

Так завершился обряд и началось развлечение.

Воины с пылающими ветвями, взятыми из костров, бросились к плетенкам, поглубже втискивая факелы в сухие сучья. Когда повалил дым, люди внутри закашляли, потом послышались вопли: языки пламени уже начали лизать их ноги. Некоторые лезли вверх, чтобы избежать огня, и наблюдающие снаружи хохотали просто до слез. Потом женщин и детей отогнали подальше от места увеселения, они встали по обе стороны дороги к ближайшему загону. Открыли ворота и мычащий от страха скот погнали вперед в промежуток между горящими плетенками. Тела людей внутри них уже успели обуглиться, крики умолкли. К тому времени, когда последних животных загнали в ворота дана, костры прогорели и развлечение закончилось.

Воины-йернии по одному брели назад к угольям костра совета, выковыривая из зубов мясо, стараясь не опрокинуть чаш с молоком, которые женщины выставили у входа в дан для ублаготворения душ мертвых: с приближением осени им становилось холодно среди курганов и во

время самайна их всегда тянуло поближе к дому, к коровам. Воины громкими голосами требовали эля. Ар Апа возвратился первым и стоял теперь перед выбеленной аркой.

Это было сделано неслучайно. Когда кто-то из воинов подошел слишком близко, Ар Апа замахнулся на него топором. Недолго поколебавшись, муж сел среди прочих. Но, заметив Эсона, Ар Апа жестом позвал микенца к себе.

— Сядешь ли ты со мной?

— А что это значит?

— Если ты сядешь, значит, не хочешь быть вождем-быком. Если ты сядешь рядом со мной — значит, ты за меня.

Немного подумав, Эсон проговорил:

— Я помогу тебе, и ты станешь вождем-быком. Не забудешь ли ты об этом потом?

— Никогда! — С расширившимися от возбуждения глазами Ар Апа грохнул топором в щит. — Память моя — самая долгая, рука моя — самая сильная. Я не забуду.

Никто не стал возражать против избрания Ар Апы вождем-быком: никто не возвысил голоса против союза топора и меча. Новость быстро распространилась, и стала собираться толпа, чтобы понаблюдать за происходящим. Ар Апа

сидел перед хенджем — двумя столбами с поперечиной над ними — и пил, согласно кивая: перед ним расхаживал друид, напоминавший всем о достоинствах, подвигах и деяниях будущего вождя. Таков был обряд. Друид провозгласил одно за другим имена предков Ар Апы, кончая незапамятным прошлым. Воины закивали и разразились воплями, когда речь пошла о более современных событиях, об умении Ар Апы справляться со злыми силами, в том числе с Темным. После этого друид воздал должное достоинствам вооруженных бронзой друзей Ар Апы, и тут сам он поднялся на ноги, повернувшись лицом к друиду.

— Скажи нам, — вскричал Ар Апа, — чем отличается сегодняшний день? Почему он не такой, как другие? Какую честь несет он?

Наступила глубокая тишина, когда, зажмурив один глаз, друид принялся разглядывать облака, поворачиваясь на пятке: он искал знамения в их форме. Должно быть, он что-то увидел, потому что рука его, словно заслоняясь от увиденного, торопливо прикрыла глаз: знак явно был неблагоприятным. Воины похрабрее сами щурились, глядя на небо, но в основном все глядели вниз, сохраняя полное молчание.

— Видел знак, — объявил друид, прикасаясь к хенджу, чтобы почерпнуть из него сил. Он не глядел на Ар Апу. — Знак. Двусторонний топор — наверное, золотой. А за ним тьма. Если сегодня воин с золотым топором сделается хранителем своего племени, он превзойдет всех прочих в боевой доблести. Но жизнь его будет короткой, очень короткой.

Все глаза обратились к Ар Апе, выкрикнувшему ритуальный ответ:

— Что мне до того? Это я воин с двойным топором. Пусть я проживу еще только день и ночь — все запомнят меня: память о деяниях не проходит.

Неторопливым осторожным движением друид погрузил руку в свои просторные одежды и извлек из-под них дубовую ветвь с позолоченными листьями. Он провел ветвью по столику-поперечине, глубоким голосом возглашая:

— Я касаюсь Разящего, трогаю Разрушителя.

Повернувшись, он прикоснулся листьями к челу Ар Апы с возгласом:

— Ар Апа Верцингеториг![4]

Толпа отозвалась общим ревом:

---

[4] Примечания: 4

Верцингеториг — вождь антиримского восстания в Галлии; здесь — верховный вождь.

— Ар Апа Верцингеториг!

Друид коснулся ветвью левой опоры и продолжал:

— Прикасаюсь к Владыке-Волхву, он Творец наш, — Ар Апа Верцингеториг!

И вновь собравшиеся взревели, когда, обратившись к Ар Апе, он тронул ветвью его левое плечо. Закинув голову, стиснув кулаки, тот предавался восторгу.

— А теперь я касаюсь ее — Владычицы Курганов, Земли-Матери, нашей Берегини. — С этими словами друид провел по правой опоре, а затем по правому плечу Ар Апы.

— Ар Апа Верцингеториг! — слышалось повсюду, и, увлеченный общим порывом, новый бык-вождь встал перед ними, купаясь в волнах приветствий.

Эсона потянули за руку, он отмахнулся. Его снова потянули, на этот раз сильнее, и он повернулся, готовый ответить ударом. Перед ним стояла Найкери. Чтобы перекричать рев йерниев, ей пришлось возвысить голос:

— Пришел один из моих родичей с вестью. Два дня назад лодка с рослыми мужами в рогатых шлемах приплыла к копи. Это были германии. Они провели там немного времени и тотчас

уплыли.

— Что ты говоришь? Что это значит? — Холод лег на сердце Эсона. — Что с копью?

— Они ничего не тронули, все на месте. Только забрали весь металл, который ты там оставил.

Олово.

Его украли.

Глава 3

Дни постепенно сокращались… Наконец они стали много короче, чем самый недолгий день в Арголиде. Ночи казались уже бесконечными. Иногда день нельзя было даже назвать днем: облака сплошной пеленой закрывали небо, зябкой моросью орошая и без того вымокший лес. То дождливые, то туманные, но всегда короткие дни уже стали казаться только серыми разрывами в бесконечном мраке. Небольшой запас олова, который удалось скопить после кражи, рос с пугающей неторопливостью. Вымокшие под вечными дождями мальчишки сделались беспокойными и норовили удрать, если их хотя бы ненадолго оставляли без присмотра. Угольные печи заливало дождем, и они гасли, не хватало сухих дров, чтобы топить их.

После возвращения из дана Ар Апы Эсон во многом переменился. Он не признавал поражения — во всяком случае, вслух — и с холодной безжалостностью продолжал работы в копи. Каждый день перед рассветом, взяв самый тяжелый из бронзовых топоров, он уходил в лес рубить дрова для прожорливых килнов, угольных печей. Спал он недолго, часто целую ночь проводил возле плавильных костров, едва ли не выжимая олово из руды могучими руками. Эсон делал все тяжелые работы, только бы плавилось олово, и перестал говорить о Микенах и корабле, который все ожидали. В преддверии зимы нечего ждать гостей — никто не посмеет выйти в океан навстречу осенним холодным бурям. А без корабля все их олово ничего не стоило. Стоят ли еще Микены? Или же союз Атлантиды и остальных городов Арголиды уже победил Перимеда и сровнял с землей его город? Возможно. Все возможно.

Тогда они могут оставаться на краю света и до самой старости, даже смерти, выплавлять свои жалкие слитки, никому не нужные в этой далекой стране. Эсон не заговаривал об этом, но и не оспаривал, когда такое предполагали другие. Эйаса такая жизнь вполне устраивала, но Интеб все не мог примириться со здешними краями.

Мысль о родине больным зубом тревожила его день ото дня все сильнее и не унималась.

— Мы можем здесь умереть, и об этом никто не узнает… Жуткое место для смерти, — задыхаясь, выговорил он, утомленный непривычными еще усилиями при рубке деревьев.

За последние месяцы Интеб неплохо овладел бронзовым топором, научился врубаться в ствол под нужным углом. Он отправился в лес с Эсоном — чтобы помочь и согреться. Дожди наконец прекратились, их сменил белый холод — выпал снег. Его было еще немного: время от времени короткие снегопады оставляли снег в ложбинах и возле стволов деревьев. Он был такой холодный на ощупь, что руки немели. Интеб никак не мог привыкнуть к снегу и ненавидел его холодную белизну.

— Умрем здесь, — вновь пробормотал он.

Не ответив, Эсон обтер об одежду влажные ладони и вновь взялся за топор. Ствол дерева затрещал и переломился, они расступились, чтобы не попасть под ветви. Отбросив топор, Эсон припал к кувшину с элем, который они с собой прихватили.

— Я говорил с отцом Найкери, старым Лером, — продолжал Интеб, чтобы развеять ненавистную

лесную тишь хотя бы собственным голосом. — Прежде, когда он не был слеп, Лер много скитался. Он знает все об этом острове и о другом, Домнанне, что лежит к северу: там в основном и живет его племя. Он даже знает, откуда явились сюда германии. Он говорит, что они из тех, кто торгует с Атлантидой, и я верю ему. Германии привозят египетские бусы и другие подобные вещи. Отсюда на лодках они плывут через море к великой реке, чужестранного названия которой я не запомнил. Они живут в верховьях этой реки. Лер говорит, что по ней, если плыть далеко-далеко, приплывешь к новой реке, текущей в другое море.

Если не врет — а проверить его слова нельзя, — наверное, это Истр, впадающий в Восточное море. Мы знаем, что атланты плавают по этой реке, они добывают там олово, и германии знают, зачем оно нужно. Зачем бы они украли наше олово, если это не так? Конечно же, они продадут металл атлантам. Но если они могут добраться сюда, значит, и мы сумеем пройти этим путем.

Он отодвинулся, когда Эсон повернулся к нему с холодной улыбкой — прежде казалось, что он даже не слушает египтянина.

— Нет, ты не понял меня, Эсон. Слушай, доро-

гой мой, я же не о том, что мы будем торговать оловом с атлантами, — я хочу сказать, что этим путем мы можем вернуться в Арголиду. Просто вернуться. Здесь нам больше нечего делать. Да, мы извлекаем олово из земли, но здесь его некому использовать. Ты ведь хочешь возвратиться в Микены, я знаю об этом. Мы можем это сделать.

Ответом послужил звонкий удар бронзового топора — Эсон перешел к следующему дереву. Грустно вздохнув, Интеб пожал плечами и начал обрубать сучья с только что поваленного ствола. Было уже почти темно, когда они дотащили бревна до расчистки и бросили их возле печей, чтобы утром заложить в них дрова. Дрожавших от сырости и холода мальчишек уже заперли в их помещении. Эйас присоединился к Эсону и Интебу у очага. Все трое с наслаждением вдыхали аромат, шедший от горшка, стоящего на углях с краю. Без всяких напоминаний Найкери, укутанная в многослойные одеяния из ткани и шкур, вынесла большой кувшин с элем.

— Осталось еще два таких, — проговорила она, ни к кому в отдельности не обращаясь.

Так всегда бывало зимой в этих северных краях — припасы постепенно кончались, скоро не останется совсем ничего. Если не будет хорошей

охоты — придется голодать.

— Я видел оленьи следы, — сообщил Эсон, как и все подумавший об этом. — Дров хватит на день-другой. Утром схожу на охоту.

— Я тоже могу пойти, чтобы донести мясо, — предложил Эйас.

— Работай здесь, мне никто не нужен.

Это было именно так. Все они были нужны ему, только пока работали. Обхватив грудь руками, Найкери гадала, почему он больше не приближается к ней. Они были рядом и одновременно далеко друг от друга. Эйас сплюнул в костер через рваную губу. Интеб невидящими глазами глядел в огонь, стараясь увидеть в нем теплые края, оставшиеся на далеком юге.

— Сын сестры моего отца убил медведицу, — сказала Найкери. — С ней были два медвежонка. Теперь у него три шкуры… теплые шкуры. — Она помешала густую похлебку и облизала деревянную ложку. — Еще я слыхала, что почти все воины из дана Уалы ходили на дан Ар Апы, многие убиты, много коров похищено.

Слушал один лишь Интеб. Эти сплетни и сведения зимой и летом переносили путешествующие по острову альбии. Они знали о том, что происходило, — может быть, подвирали, может быть,

говорили истину. Интеб предпочел бы более цивилизованные предметы для разговора, но выбора не было. Найкери он терпеть не мог, а потому не отвечал ей, но слушал.

— Сегодня еще один мальчишка сбежал, — проворчал Эйас.

Никто не обратил внимания на эти слова. Обычное дело.

Однажды вечером после дня, потраченного на рубку дров, Интеб с Эйасом присоединились к Эсону, сидевшему у очага. Зачерпнув чашей похлебку, Эсон подул на нее, прежде чем поднести ко рту. Остальные последовали его примеру. Горячее доброе варево из сушеного мяса, перемешанного с зерном… на поверхности блестели капельки жира. Снаружи выл ветер, под плохо пригнанную дверь нанесло снега. Сумерки уступили место темноте.

Со всех сторон хижину окружал бесконечный черный лес.

Только в ней было светло и тепло.

И, не думая о причинах, при новом сильном ветре все подвинулись ближе к огню. Снаружи послышался шорох, едва различимый за воем ветра. С уверенностью охотника Эсон поднял голову. Он чуть приподнялся, тут дверь распах-

нулась и повалилась вбок — одна из кожаных петель не выдержала удара.

В проеме возник бородатый муж в панцире и бронзовом шлеме, готовый к бою. Длинный клинок алчно блестел в его руке.

Глава 4

Сидевшие у очага похватали оружие, к воину в дверях присоединились другие пришельцы с мечами… но все замерли, когда Эсон выкрикнул одно только слово:

— Атрокл!

Открыв от изумления рот, первый воин медленно опустил меч, моргая в свете очага… Наконец в глазах его появилось некоторое понимание.

— Эсон, родич мой, но ты же убит! — Он чуть не замахнулся мечом, и Эсон расхохотался.

— Меня труднее убить, чем ты думаешь, Атрокл. Как я попал сюда?.. Это долгий рассказ. Но сперва — как там Микены и отец мой? Садись и рассказывай.

Стряхнув снег с белого дорожного плаща, Атрокл подошел к очагу. За ним последовали пятеро воинов, мечи их оставались в ножнах, все здоровались с Эсоном, называвшим по имени каждого.

Найкери безмолвно выставила эль и забилась в свой занавешенный уголок, где обычно спала.

— Ты знаешь, что случилось на Фере? — спросил Атрокл. — Говорили, что ты там погиб.

— Как видишь — спасся. Что случилось с островом? Уж не погиб ли он — и Атлас вместе с ним?

— Если бы… тогда нам оставалось бы только радоваться. На острове погибли многие, корабли тонули сотнями, но Атлас со своим двором благополучно добрался до Крита.

Восемь дней сотрясалась земля, летел пепел, выбивалось из-под земли пламя. Но сейчас все окончилось. Люди вернулись. Жизнь началась снова, но мы слыхали, что земля там до сих пор стонет и жалуется. Атлас в ярости решил, что боги пробудили вулкан, чтобы его погубить. И теперь он воюет со всей Арголидой. Люди его осадили Лериу и Навклею; быть может, ему нужны рабы и сокровища, чтобы задобрить богов, не знаю. Известно, что он ополчился на нас, и Микенам приходится туго. Узнав о твоей смерти, отец оплакал тебя и сразу состарился. Но началась война, и, забыв о скорби, Перимед повел нас в бой. Крови пролито много — мало кого из друзей тебе удастся увидеть. Только к самому концу года нам удалось найти корабль и людей, чтобы отправиться сюда,

на остров Йерниев. Долго мы шли по океанской дороге, дважды приходилось нам вытаскивать на сушу корабль и чинить его. Четверо умерли в пути. Но мы здесь. А ты… как ты сюда попал?

— Я все тебе расскажу, но сперва ответь на один вопрос. Сколько еще людей у тебя на корабле и сколько среди них халкеев?

— Семнадцать, из них трое — халкеи.

— Копь работает, печи горят, есть олово, но немного, жжем древесный уголь. Мы не сидели без дела.

Они проговорили до глубокой ночи. Эль выпили, наконец микенцы завернулись в плащи и уснули на земляном полу. Сорвав одеяло с Найкери, Эсон неожиданно и грубо взял ее, она даже вскрикнула от боли. А он смеялся — как всегда, не считаясь с ней. Интеб не спал и все слышал; он натянул на голову одеяло, чтобы заглушить отвратительные ему звуки.

Эсон встал затемно. Как только забрезжил рассвет, он поднял Атрокла и они вместе вдоль ручья отправились к берегу, к вытащенному на песок большому кораблю. Тут были новые встречи, приветствия и — о чудо из чудес! — согретое сладкое вино из Микен.

Корабль выволокли дальше самого высокого

прилива, и, забрав нужные припасы, все вернулись к копи, оставив двоих воинов охранять судно.

— Теперь все пойдет по-другому, — говорил Эсон, шедший первым по знакомой тропе. — Возьмем больше мальчиков, будет кому рубить дрова, а халкеи пусть присматривают за плавильными печами. К весне наплавим олова столько, что из корабля можно будет выбросить весь балласт. Мы вернемся в Микены, и Арголида снова объединится. Атласа мы сбросим в море, но теперь уже навсегда.

Микенцы жаловались на стужу, но усердно трудились. Эсон впервые отложил свой топор и распоряжался сооружением хижин. Тем временем халкеи качали головами возле печей и прикидывали, как вернее приступить к делу. Дни были ясными, но солнце не грело.

Интеб и Эсон снова сблизились и все обсуждали обратный путь. Найкери ушла в себя и ни с кем не разговаривала. Это замечал только Интеб, и он усмехался ей в спину. Все шло хорошо.

На восьмой день после появления микенского корабля охрана в устье долины подняла тревогу. В новой начищенной броне, блиставшей ярче зимнего солнца, с новым острым мечом — Эсон

вышел, чтобы узнать, в чем дело. С вершины вала он увидел троих воинов-йерниев, нерешительно поглядывавших из леса на облаченных в доспехи микенцев. Должно быть, Эсона узнали, потому что йернии двинулись вперед, едва он вышел на вал. Когда воины приблизились, Эсон узнал Ар Апу и двух воинов из его тевты.

— Эсон абу! — выкрикнул Ар Апа, потрясая топором, опасливо поглядывая на вооруженных микенцев в доспехах.

— Это мои друзья, — откликнулся Эсон. — Бояться нечего.

После этих слов три воина поднялись на вал. Их отвели в дом и накормили. Ограничившись минимумом похвальбы относительно их похода, Ар Апа пояснил истинные причины своего появления:

— Плохая зима. Много было набегов за скотом. Погибли воины. Сперва пришли люди из дана Мовега, что к северу от нас, потом из дана Финмога, они живут еще дальше за нами. Они не враждуют между собой и с даном Уалы, который находится между ними, и пропускают друзей по своим пастбищам к другим тевтам, чтобы красть наших коров и убивать наших воинов.

Пристукнув по утоптанному земляному полу

древком топора, Ар Апа почти прокричал последние слова. Воины, бывшие с ним, притопнули ногами и разразились громкими стонами. У йерниев было положено не скрывать эмоции, и Эсон терпеливо дожидался окончания представления. Выразив подобающим образом свои чувства, Ар Апа провел по жестким усам и наконец продолжил:

— Теперь я знаю, почему это делается. Я знаю, кто виноват в этом, кто засел в дане Уалы, раздавая подарки воинам, чтобы те выполняли его желания. Теперь я знаю. — Он быстро глянул на Эсона и отвернулся.

— Темный человек, — произнес вслух Эсон не дававшееся йернию имя. — Опять раздувает беду? А откуда ты об этом узнал?

Ар Апа уставился в потолок и принялся с огромным интересом разглядывать дыру, через которую выходил дым. Потом потер щит, сколупнул присохшее пятнышко грязи.

Вошел Интеб и, прислушиваясь, остановился у двери.

— Ко мне пришли, — не без нерешительности начал Ар Апа. — Пришел сам Уала с немногими воинами… не за тем, чтобы биться, он хотел говорить. Друид поставил хенджи, которые делают,

когда встречаются быки-вожди, мы увешали их сокровищами, а потом говорили. Уала показал мне дары, которые получил от того… его ты назвал. Мы говорили…

Рот Ар Апы оставался открытым, но слова не шли с языка. Однако Эсон понимал его мысли и сам произнес то, чего не в силах был вымолвить Ар Апа:

— Значит, они собираются предпринять новый набег на копь… Сразу многими тевтами, как и тогда. Ты это хочешь сказать? — (Ар Апа кивнул и отвернулся.) — Ты правильно сделал, что пришел ко мне и не присоединился к ним. Где сейчас Темный?

— В дане Уалы.

Все было просто и ясно. Пусть халкеи занимаются плавкой металла, а у воина свой труд. Темный человек, возмутитель спокойствия… будь он человек или дух, его следует остановить, иначе йернии не оставят копь в покое. Эсон знал, как делаются такие вещи.

— У меня есть люди, которые пойдут за мной, — объявил Эсон, — непобедимые воины в панцирях. Я поведу их против дана Уалы, чтобы убить Темного. Придут ли воины твоей тевты, чтобы биться рядом с нами?

— Темный… — мысль эта столь встревожила Ар Апу, что запретное имя само собой сорвалось с его уст.

— Уала и его люди не выстоят против нас. Мы убьем их. Будет скот, месть, золото и сокровища.

— Мы пойдем с тобой, — внезапно решившись, проговорил Ар Апа.

Он думал лишь о сокровищах дана Уалы, самого большого, самого богатого и самого сильного из всех данов йерниев. При мысли о них рот Ар Апы наполнился слюной, и, сплюнув в костер, он громко расхохотался.

Глава 5

Был имболк, счастливая пора, когда появляются первые знаки того, что зима ослабляет свою хватку. В это время внутри данов под женскими помещениями коровы и овцы доедают последние ветви, срезанные для них осенью. Появляется первая трава. Рождаются ягнята и телята, жизнь начинается заново, а это ли не праздник? Появляется свежее молоко: перебродит — есть чем праздновать. Эль, сваренный из зерна прошлой осенью, прикончили давным-давно, о блаженном пьянстве можно лишь вспоминать. И теперь

снова захмелевшие после долгого перерыва воины грелись на солнце и следили за тем, как женщины выводят обессилевший за зиму скот. После долгой зимней голодовки и неподвижности животные не в силах были ходить, но ничего, зеленая трава быстро вернет им бодрость.

Дан Мовега ничем не отличался от прочих данов йерниев: двери мужских помещений выходили на вал. Здесь около собственного порога было неплохо погреться в добрый денек — а сегодняшний-то и был добрым, — в особенности после перебродившего молока. Воины лежали наверху, посреди распростерся сам бык-вождь Мовег. Он как раз хвастал прошлыми подвигами, походами и убийствами, когда возле дана появились люди в панцирях.

При всей тяжести облекавшего их металла они приближались неслышно. Позади виднелись беловолосые, с кабаньими клыками воины дана Ар Апы. Зрелище неприятное, если не сказать больше. Все знают, что в имболк не принято совершать набеги.

— Ты — Мовег? — спросил Эсон, коротко глянув из-под козырька шлема на мужа с отвисшей челюстью, застывшего возле собственной двери.

— Это он, — присоединился к Эсону подошед-

ший сзади Ар Апа.

Чтобы заставить сидящего встать, Ар Апа пнул его в ребра.

Взвыв от боли, Мовег вскочил.

Чаша, из которой он пил, опрокинулась. Молоко это было надоено у краденых коров. Прежде чем успела завязаться схватка, Эсон оттолкнул Ар Апу в сторону.

Мовега не пришлось долго уговаривать. Он был верен только себе самому. За прежние набеги он получил хорошие дары от Темного. Но это было в прошлом. А будущее выглядело еще более лучезарным: победоносный набег на дан Уалы, заплывший богатством и жиром, гордящийся величиной и силой, сулил еще больше. Да и не сможет дан Уалы выстоять против воинов сразу двух тевт… Тем более если во главе них выступают эти страшные люди в прочной броне. Он вспомнил — без всякой радости, — скольких человек погубили трое таких воинов, защитников копи. А теперь их было — раз, два, три… больше, чем пальцев на обеих руках.

Всю ночь они провели в дане и до последней капли выпили все перебродившее молоко.

Когда халкеи взялись за дело, Эйаса ничего не привязывало более к копи и он присоединился

к отряду, пообещав пользоваться мечом, а не кулаками. Интеб не был воином, но в одолженном ему панцире и египтянин выглядел вполне внушительно. Он даже готов был сражаться, только бы оказаться поближе к Эсону, здесь, пока Найкери далеко. Сидя у огня, они пили умеренно, пока прочие в полной мере предавались радостям имболка.

— Не сомневаюсь в нашей победе, — произнес Интеб.

— Нам необходимо не просто победить. Нужно захватить Темного и убить его. Если он опять сумеет сбежать, тогда его примет какая-нибудь другая тевта йерниев. Со своими сокровищами он долго еще будет тревожить нас. Я хочу, чтобы он умер после битвы.

— Что ты задумал?

Эсон указательным пальцем очертил кружок в пыли.

— Они говорят, что дан Уалы не отличается от остальных данов. Значит, там есть один или два входа и комнаты воинов, каждая со своей дверью. Мы должны застать их врасплох, подойти со всех сторон, чтобы не сбежала ни одна крыса.

— Как ты хочешь добиться этого? Подойти ночью и напасть с рассветом?

— Нет, с таким числом людей этого не сделать. Нас заметят или услышат… их успеют предупредить. Остается идти быстро. Говорят, что отсюда до дана Уалы день ходьбы. Если мы выйдем с рассветом и будем спешить — успеем раньше всякого гонца.

Интеб поглядел на пьющих мужей.

— Едва ли это им придется по вкусу.

— Ерунда. Взять дан, выиграть битву — только половина дела, мне нужен Темный.

Когда они поднялись, небо еще оставалось черным. Слышались стоны и звучные пинки, которыми пробуждали к жизни самых пьяных. Эсон разрешил быстро перекусить и попить, и с первыми лучами солнца они уже оставили дан. Йернии выражали горькое сожаление относительно состояния усов и прически. Эсон обещал им, что перед битвой даст время, чтобы привести себя в порядок. Он сам задал темп — сперва они бежали легкой рысью, потом перешли на размашистый шаг. Легкий утренний дождь также огорчил франтоватых йерниев, но он стих к полудню, когда воины остановились возле реки, служившей границей земель обеих тевт. Холмы окружали ровное плато, тянувшееся до горизонта, и лишь изредка взгляд встречал редкие

деревья. Они добрались до дома одного из отставных воинов тевты дана Уалы, попытавшегося сбежать в дан. Его перехватили и зарубили. Сделали короткий привал, съели все, что нашлось в доме, и отправились дальше. Вдали над равниной поднялась круглая стена дана, над которой завивался дым многочисленных очагов. К досаде Эсона, пришлось сделать еще одну остановку — чтобы йернии могли привести перед битвой в порядок усы и прически. Потом они двинулись дальше.

Воины дана Уалы поджидали их на валу — они успели получить предупреждение. Атакующие йернии остановились, выкрикивая оскорбления стоящим на валу воинам… Гнев мешал Эсону дождаться исхода ритуальной перебранки. Он выстроил своих микенцев в линию — но так, чтобы никто не мог подвернуться под меч соседу, и повел их вперед. Они спустились в ров и направились вверх по насыпи. Их встретил неожиданный град камней — йернии Уалы запаслись ими. Камни отскакивали от щитов и доспехов, не причиняя вреда.

Микенцы поднялись вверх.

Пытавшихся сопротивляться сразу же перебили. Мечи мерно ходили вперед и назад, йернии

гибли под ними. Даже шедший чуть позади Интеб умудрился высунуться из-за спины Эсона и погрузить острие меча в живот йерния. Меч вошел в тело легко, воин выронил топор и со страшным стоном упал на землю. Его руки, стиснувшие рану, мгновенно окрасились кровью. Ощутив легкую дурноту, Интеб решил держаться чуть подальше. И его чуть не сбили с ног союзники-йернии, воспылавшие воинственным духом при виде подобных подвигов.

Сражающиеся распались на отдельные группы, воины кричали, визжали, получали раны и умирали. Воинов дана Уалы было много — больше, чем в двух союзных тевтах, и они сражались отчаянно, спасая собственную жизнь. И победили бы, не будь здесь микенцев, беспощадно расправлявшихся с врагами. Те бились доблестно, но их убивали, и очень скоро уцелевшие не выдержали и обратились в бегство. Некоторые бросились через свои комнаты в женские помещения, победители с воем преследовали бегущих. Эсон ткнул мечом в спину одного из них, но легкий укол только ускорил бегство. Через спальные помещения они выбежали на балкон, вокруг с визгом разбегались женщины. Раненый йерний соскочил прямо на землю, Эсон в тяжелой броне

мог лишь неторопливо последовать за ним по бревну с зарубками. Очутившись внизу, он бросился следом за раненым, укрывшимся теперь за высоким голубоватым камнем, поднимавшимся, подобно колонне, из земли. Скривившись от боли в ране, йерний отбросил топор и, упав на землю, принялся молить о пощаде. Эсон огляделся — битва почти завершилась. Кое-где еще кружили схватившиеся воины — внутри и снаружи огромного полумесяца высоких камней, располагавшихся внутри дана. Но последние воины дана Уалы поняли, что побеждены, и побросали топоры. Битва закончилась.

— Отведи меня к Темному, — обратился Эсон к воину, распростершемуся перед ним на земле, ткнув его кончиком окровавленного меча.

Поднявшись на ноги, воин поглядел на него круглыми и белыми, словно собственные волосы, глазами и направился ко входу в дан. Эсон держался у него за спиной, пока они продирались сквозь толпу ликующих йерниев. Те отпиливали кинжалами головы поверженных соперников. Со всех сторон доносились стенания женщин дана Уалы. Один из воинов-неудачников, так и не сразивший в бою ни одного противника, возмещал неудачу, взгромоздившись на одну из

женщин, — прямо между ранеными и убитыми. Вокруг стояли детишки, засунув пальцы в рот, и наблюдали.

Здесь была такая же черная дверь, как виденная Эсоном раньше, и тот же странный запах, — и хозяина снова не оказалось в комнате.

— Он должен быть тут! — заорал Эсон и, ударив краем щита в лицо, сбил воина на землю.

Тот взвыл и постарался откатиться подальше, торопливо бормоча:

— Он был здесь, я знаю. Вас заметили, нас предупредили — мы взялись за топоры. Может быть, он тогда и убежал… Не бей меня больше — я не знаю, где он.

Гнев начинал отступать, и Эсон обретал понемногу способность думать. Темный человек не мог уйти далеко: предупредили обитателей дана Уалы не так давно. Его нужно преследовать. Но куда он мог направиться? В следующий дан, к северу отсюда, в дан Финмога?

Где еще Темный может найти убежище? Его нужно догнать. И Эсон пинком поднял воина на ноги.

— Вставай, веди меня в дан Финмога. Кратчайшим путем.

На открытой равнине негде укрыться, и Эсон

побежал, острием меча заставляя раненого йерния бежать перед собой. Они поднялись на небольшой пригорок и увидели, как вдали ровным шагом от них уходили три темные фигуры. Эсон издал победный вопль… и рванулся вперед, оставив йерния позади. Он бежал, как еще никогда не бегал, забыв об утомлении и о тяжелой броне, — так раззадорил микенца вид беглецов. Один из них — Темный.

Оказавшись ближе, Эсон заметил, что двое из бегущих — женщины, юбки неуклюже хлопали их по ногам, спины отягощали мешки. Одна из них оглянулась и завизжала. Обе остановились на миг и с криками, побросав мешки, пустились бежать в противоположные стороны. Мужчина метнулся за одной, остановился, бросился к валяющимся на земле мешкам… и остался возле них. Он низко поклонился подбежавшему Эсону, потом выпрямился и, сложив ладони перед грудью, проговорил тонким шепелявым голосом:

— Приветствую тебя, о благородный Эсон, сын царя Перимеда, будущий царь Микенский. Приветствую тебя, Эсон.

Он был немолод и жирен, этот человек с оливковой кожей. Черная борода, в которой пробивалась седина, была завита и напомажена, как и длин-

ные волосы, подстриженные над плечами. На нем была цветастая расшитая шапка без полей, плотно прилегавшая к голове.

Темно-синее одеяние, расшитое черной нитью, доходило ему до лодыжек. С подола его свисали кисти, ими же была украшена накидка, наброшенная на плечи. С пояса свисал богато украшенный меч с самоцветами на рукояти. Когда человек потянулся к мечу, Эсон поднял свой. Но человек, вынув оружие из ножен, бросил его на землю перед Эсоном.

— Кто ты? И откуда знаешь меня? — спросил Эсон.

— Кто не знает Эсона, вершителя великих дел? Я — Сетсус, тот, кто поможет тебе.

— Ты — тот человек, что поднимал йерниев против меня. Пришло время твоей смерти. — Замахнувшись мечом, Эсон шагнул вперед. Сетсус отступил, глаза его расширились от страха, кожа побледнела.

— Нет, Эсон, нет, витязь из Арголиды, выслушай меня сперва. Я многое знаю и многое открою тебе. Вот золото, вот сокровища — они будут твоими. — Он упал на колени возле ближайшего мешка, раскрыл его трясущимися пальцами и протянул Эсону горсть золота. — Все это будет

твоим, я могу быть тебе полезным.

— Откуда ты? И что делаешь здесь со своим золотом?

Сетсус чуть успокоился — смерть на какой-то миг отодвинулась от него. Он поднялся, не выпуская из рук золотых топоров и дисков.

— Я простой торговец, покупаю и продаю и тем зарабатываю себе на хлеб. Я из города Троя, он далек, настолько далек отсюда, что мне страшно думать об этом, тем более что я перестал быть там желанным гостем. Есть вещи, которые не должны беспокоить могучего воина: политика, скажем, или борьба за власть. Теперь здесь будут править другие, йернии не будут видеть в Сетсусе друга: он должен возвратиться домой на край света, чтобы спасти свою шкуру. Я бывал в далеких краях, странствовал по многим рекам, торговал в поселках и городах. И я пришел в эти края, в дан Уалы, где пересекаются торговые пути. С востока и юга приносят сюда янтарь, бронзу и драгоценности. Здесь оканчивается тропа, по которой альбии несут свое красное золото с зеленого острова. Здесь я и оставался, а мое скромное умение купить и продать помогало мне выжить.

— Ты лжешь, шмат грязного сала из зловонной Трои. Я знаю людей вашего города — языки их

подобны змеиным. Правда незнакома вашим устам, ложь каплет с ваших намалеванных губ, словно дождь из облаков. Погляди-ка — или ты считаешь меня дураком? — Протянув руку, он вырвал небольшой топорик из рук троянца. — Двусторонний топор Атлантиды. Ты здесь служишь атлантам?

— Я торгую с Атлантидой, конечно: выгода есть выгода…

— Новая ложь. Ты здесь ищешь золото — сам же сказал об этом. А зачем тогда привез золото с собой? — Сетсус на мгновение потерял дар речи; Эсон сухо улыбнулся, понимая, что угодил в точку. — Пока я не пришел — ты был в дане Дер Дака.

Ты не торговал, ты следил за копью. Зачем тебе понадобилось мое олово? Что ты с ним сделал? — Вместе с воспоминанием о набеге проснулся гнев, и Эсон ткнул мечом в щеку троянца. Вниз поползла струйка крови. — Ты все время следил за копью, а когда я ушел, ты велел гераманиям взять мое олово. — Он сильнее нажал на меч, тот рассек щеку троянца и заскрежетал по его зубам.

— Да! Великий Ваал, спаси меня, я скажу правду, истинную правду! Я знаю: я — дурной человек, только не убивай меня, милостивый Эсон. Я про-

дал весть об олове гераманиям, и они пришли за ним, потому что знают ему цену, знают, что из него делают. Да, я брал подарки от Атлантиды, бедный человек не может отказаться от того, что ему предлагают. Атланты не хотят, чтобы в твоей копи добывалось олово на благо Микен. Но разве можно их в этом винить? Это же политика. Да, я ошибся, мне не следовало помогать им. Я все понял, могучий Эсон. Но я теперь буду другим. Я достаточно умен, чтобы склониться перед тобою, Эсон. Я помогу тебе, я очень полезный, я знаю так много.

— Нет, — холодно бросил Эсон, высоко занося меч. — Быстро же ты забыл о моих убитых родичах. Ты науськал на них йерниев. Умри же, троянец.

Завизжав, словно женщина, Сетсус повалился на спину, стараясь прикрыться рукой.

Меч ударил прямо по запястью — и кисть, еще не выронившая золота, повисла на ленточке плоти. С ужасом троянец глядел на нее, заливаясь отчаянным воем, но повторный удар меча перерубил ему шею.

Глава 6

К тому времени когда тело Сетсуса доставили к дану, стало темно. Чтобы труп можно было тащить, к лодыжкам привязали веревки, но и после смерти Темный внушал страх йерниям, так что они всё быстрее тащили его по меловой равнине. Труп бросили неподалеку от костра совета, но рядом с ним никто не хотел находиться.

Грабеж шел полным ходом. Никогда прежде столько сокровищ не собиралось в одном дане. Победители уже начинали ссориться из-за золота: иные даже исчезали в ночи с награбленным добром. Эсон положил этому конец. Его панцирные воины-микенцы согнали внутрь дана всех йерниев, победителей и побежденных. Здесь, не слушая недовольных, Эсон приказал собрать добычу. Победители сохраняли отрубленные головы и украшения, которые сняли с убитых. Все прочее складывалось перед Эсоном. Скрестив ноги, он восседал перед костром на черной медвежьей шкуре и попивал эль, заедая холодной жирной бараниной.

Утомленный событиями дня, Интеб находился возле него. Зодчий не верил своим глазам, погля-

дывая на груду янтарных дисков, чаш для питья, золотых оплечий, браслетов, гривен, крученой проволоки, блях, заколок, медных кинжалов, частей бронзовых доспехов, бусин и фигурок.

— Здесь обрабатывают и золото, и медь, — сообщил он Эсону. — Я видел мастерскую в том круглом доме у задней стены. — Интеб показал в разрыв круга высоких столбов из голубого камня. — Там есть кузница, инструменты — все почти как в Египте; правда, без того размаха и изобилия. Они умеют обрабатывать и камень. Видишь — один из стоячих камней еще не обтесан до конца.

Эсон жевал мясо. Хороший день. Темный человек мертв, вражеское войско разбито.

Убит и Уала — его сразил в поединке Ар Апа, теперь повсюду расхаживавший с отрезанной головой и громко хвастався ею перед каждым встречным. Уала был стар, особой доблести, чтобы его победить, не требовалось. В дане не стало быка-вождя, и уцелевшие воины уже начинали ссориться из-за этого места. Пусть препираются. Теперь по праву сам он, Эсон, может назвать себя предводителем йерниев — всех до единого. Они шли за ним — а те, кто был против него, погибли. Он добыл себе мир.

Интеб подошел к ближайшему камню, ярко освещенному огнем костра, и провел рукой по его поверхности. Она была обработана, неровности сглажены: неплохо, если учесть величину камня. Он высоко вздымался над головой египтянина и был надежно укреплен в земле — зодчий пригляделся, — ну, по крайней мере, достаточно надежно. Верхний скругленный конец был вымазан красным; впрочем, густая обмазка местами раскрошилась и отскочила за время дождей. Два ряда камней образовывали разомкнутые круги. Годы труда. И камень-то не из местных. Взглядом зодчего Интеб успел подметить на равнине огромные камни. Серовато-белые, совсем иные, чем здесь. Интеб обошел вокруг вздымавшегося в небо монолита и едва не споткнулся о воина, сидевшего спиной к камню.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросил Интеб.

— Мой это камень, мой собственный, — пробормотал воин.

— Подойди-ка сюда, чтобы я мог тебя видеть.

Подволакивая ногу, йерний переполз поближе и сразу же привалился к камню. Это был один из побежденных воинов Уалы. Усы его были разбиты, лицо осунулось. Он получил удар по ноге,

кожа почернела от запекшейся крови. Интеб полюбопытствовал:

— А что это значит — твой камень?

— Мой! — отвечал йерний и с возвратившимся отчасти присутствием духа приступил к обязательной похвальбе: — Я — Фан Фална, тот, кто убивает, тот, кого нельзя убить, тот, кто ел медведя, оленя, вепря и лошадь — и сразил их своею рукой. Это мой камень. Камень воина. Он стал моим, когда я отрезал первую голову врага. И я положил голову на этот камень, повесил на него мои драгоценности и раскрасил его. Женщины трепещут перед ним, они боятся взглянуть на него — он такой же большой, красный и твердый, как у меня… — Указав на чресла, он устало вздохнул и опустился на землю. — Я — Фан Фална, — пробормотал он с унынием, вспомнив о поражении.

— А у всех ли воинов есть такой камень?

Йерний не ответил. Интебу пришлось, схватив за волосы, стукнуть его головой о камень.

— Только у лучших из лучших. — Воин вздохнул. — Уала был моим родичем, я видел, как он погиб. Скоро похороны, но голова его теперь будет глядеть со стен чужого дана.

Интеб вернулся к Эсону и сел возле него. Тот

сидел, уставясь в огонь. После выпитого перебродившего молока глаза его налились кровью.

— Мы пробудем здесь до весны, когда корабль можно будет загрузить оловом, — сказал Эсон. Интеб поднял брови, но промолчал. — Халкеи работают, я там не нужен.

— Конечно, ты нужен здесь, — отвечал Интеб, положив руку на бедро Эсона, на теплую твердую плоть. Найкери далеко, она не придет. — Ты прирожденный воин, подобных тебе еще не знали на этом острове. Ты захватил здесь сокровища вождя. За тобой пойдут три тевты. Со своими йерниями ты сможешь добиться чего угодно, теперь они не будут тебе помехой, — напротив, они будут лишь превозносить тебя. Оставайся здесь, удерживай их от бесчинств. Темный человек мертв. Но эти дикари — просто большие глупые дети и могут многое натворить. Оставайся.

Снаружи, от костра поменьше, послышались стоны и крики, перед огнем замелькали фигуры.

— Что там? — спросил Эсон.

— Это друид Немед. Он взывает к Матери-Земле, — проговорил Ар Апа. — Просит забрать мертвых, которые теперь принадлежат ей. Мертвые отправляются в путь, и Владычица Курганов ведет их в Мой-Мелл.

— Приведите сюда друида, — приказал Эсон.

Воины-йернии отступили и повернулись лицами в темноту, словно бы не слышали его.

Микенцы дружно расхохотались, и двое из них отправились за стариком. Немед не сопротивлялся — это было бесполезно, — но с ненавистью глядел на ухватившие его руки. Он был седовлас, длинное белое одеяние оттопыривалось круглым брюшком. Волосы удерживало толстое золотое кольцо — не чета кожаным ремешкам, которые носили на головах другие друиды, — но никто из йерниев не посмел покуситься на такое сокровище. Стоя перед Эсоном, он глядел поверх головы микенца — во тьму.

— Я знаю тебя, — вдруг заговорил Немед. Поблизости все умолкли. — Ты приплыл издалека по морю, муж с длинным бронзовым ножом. Ты убил Темного, это хорошо. И поэтому я не проклинаю тебя за все, что ты сделал здесь…

— Ты никогда не проклянешь меня, — негромким голосом произнес Эсон, опуская руку на рукоять меча. — Ты будешь повиноваться мне… Я ведь не из ваших клыкастых вояк и выпущу тебе кишки при первой же пакости.

Друид молчал, что само по себе говорило о многом.

— Ваш бык-вождь погиб. Это место теперь зовется не дан Уалы, а дан Мертвеца.

Обступившие воины разразились хохотом при грубой шутке. Выражение лица друида не изменилось, он глядел куда-то вдаль.

— Будет новый бык-вождь, — ответил он наконец. — Он будет из рода Уалы… из него мы выберем вождя, таков у нас обычай.

— Таков у вас был обычай. Но так больше не будет. Это я, Эсон Микенский, назначу нового быка-вождя. Я имею право на это. Иди и вой дальше.

Друид разгневался. Выпрямившись, он поджал одну ногу.

— Одна нога! — закричал он, и молчание охватило дан. Сейчас раздастся пророчество, проклятие, предсказание… — Одна рука! — продолжал он. — Один глаз!..

— Ты будешь говорить — но только после меня! — вскочив на ноги, вскричал Эсон и выхватил меч. Оружие остановилось, когда между ним и животом друида нельзя было бы просунуть и древесного листка. — Хорошенько подумай, прежде чем говорить. Ты не проклянешь меня. Этот меч сегодня губил воинов, он охотно заберет и одного друида. Ты не сможешь остановить его. Не забудь

об этом, друид, когда будешь открывать рот.

Наступило продолжительное молчание, друид все стоял на одной ноге. Наконец он вымолвил:

— В этой тевте состоялся конец. А теперь начнется начало.

Но и у этого начала будет свой конец. Улыбнувшись, Эсон опустил меч.

— Правильно сказал, седовласый. В меру — не слишком много. Все кончается — так и должно быть. А теперь иди.

Друид ушел не оглядываясь, а Эсон с холодной улыбкой опустился на шкуры.

— Мужи пьянеют, — проговорил Интеб. — И вливают семя в женщин, куда ни глянь. Ночь будет тревожной, если не принять мер.

— Ты мудр, мой египтянин, ты необходим мне.

— Я рад этому, Эсон, — ответил зодчий.

Ночью было не до сна. Еще не остывшие после победы воины пили, ели и хвастали, прославляли собственные подвиги. Побежденные, побитые телом и приунывшие духом йернии по одному тянулись в свои комнаты, раненых обихаживали сестры и матери. Эсон сидел с быками-вождями двух победивших тевт, но они были готовы лишь пить, бахвалиться и разговаривать о пустяках, пока все еще не будет совершено должным образом.

Одно дело — поспешный набег на дан Уалы. Теперь настала пора обсудить более важные вещи, но для этого нужно кое-что сделать. Когда стало светать, послали за главным друидом. Немед, в свою очередь, послал за работавшими в лесу дровосеками. Они убрали мусор из дыр, в которые ставился хендж быка-вождя, и к утру опоры уже стояли. Вождь-бык дана всегда восседал на этом месте, здесь лицо его освещали первые лучи солнца нового дня, а на закате всем приходилось щуриться и прикрывать глаза, обращаясь к нему. Раз в дане находились быки-вожди еще двух тевт, им тоже полагались хенджи — только поменьше, по бокам от главного хенджа, более почетное место — справа. Для них вырыли ямы, достали из кладовой ошкуренные бревна.

Их густо покрывал налипший навоз, но белая краска скроет оставленные им следы.

Интеб ночью спал, пока остальные пили, и теперь бодрствовал вместе с парой мутноглазых микенцев, назначенных в утренний караул. Египтянин с большим интересом следил за возведением хенджей. Все сооружения, которые он видел на острове Йерниев, были чрезвычайно примитивными — в Египте они сгодились бы разве что для курятника. Взять хоть сами даны

— ничего сложного. Деревянный каркас поддерживался прочными бревнами, вертикально врытыми в землю по кругу. Поперечины опирались на насыпь, расстояние между ними определяло ширину одной комнаты. Не слишком-то прочное сооружение скреплял деревянный пол второго этажа. Стены между опорами делали из плетеных жгутов, место они занимали, но прочности сооружению не добавляли. Так был построен и дан Уалы, только он был побольше других. Как и в прочих данах, бык-вождь обитал на втором этаже над широким входом. Нависающая крыша позволяла укрыться от непогоды и защищала от дождя.

Внутри дана располагалось два круглых сооружения. В них обитали мастеровые: кожемяки, кузнецы и плотники.

В отличие от прочих тевт, здесь умели обрабатывать и камень. Конечно, работа была несложная — обтесанные камни устанавливались в выдолбленные в твердом мелу гнезда, — но и это было уже существенно. А вот что здесь действительно умели — это обрабатывать дерево. Интеб с интересом следил, как йернии обтесывали столбы для хенджей.

Каменными молотками и клиньями они сперва

скалывали одну сторону бревна. Когда поверхность его становилась ровной, ее еще сглаживали бронзовыми долотами. Другие мастеровые тем временем обрабатывали концы стояков. Самую точную часть работы делал один старик с узловатыми ладонями. Быстрыми точными ударами короткого топора он обрабатывал торцы бревен, оставляя на них выступы величиной с кулак. Сделав это, он распорядился, чтобы к нему перекатили бревно, предназначенное для поперечины. Тщательно все промерив, с помощью молотка и обломка бронзового кинжала вместо стамески он вырубил гнездо, отвечавшее выступу.

Под надзором друида Немеда поставили опоры первого хенджа. С шумной перебранкой их укрепили, забив куски мела между столбом и краями ямы. Установка поперечин оказалась более сложным делом. Пришлось составить из бревен козлы, с которых и устанавливали обычно перекладину. Бревно закатили на козлы, плотники полезли наверх. По команде Немеда они взяли бревно, приподняли повыше и насадили на шипы. Раздались победные крики, а строители принялись горделиво выхаживать возле хенджа, ощущая себя героями.

Пока шло возведение хенджей, начали сходить-

ся воины-йернии. Когда в деревянных корытах принесли воду и мел, воины оттолкнули строителей и взялись за пучки травы.

Немед указал каждой тевте свой хендж. Воины тут же принялись белить столбы, отбирая друг у друга пучки травы, не забывая при этом намазывать белой смесью усы и волосы на голове.

После полудня состоялась сходка, и Эсон начал с того, что напомнил всем, кто выиграл битву. С церемонными жестами он подвел Ар Апу к правому хенджу, а потом собственными руками подвесил на поперечину его щит. Аналогичным образом он отвел налево Мовега.

И теперь все обратились к центральному хенджу, к пустующей арке, возле которой прежде сидел Уала. Во всеобщем молчании Эсон направился к ней, на ходу извлекая из ножен меч.

Потом неторопливо оглядел всех собравшихся: воиновйерниев, микенцев, друидов, мастеровых из дана. И могучим резким движением вбил меч в опору хенджа. Меч глубоко вонзился в дерево и задрожал.

— Мой, — объявил Эсон и уселся перед хенджем.

Никто не попытался поднять голос, оспорить право Эсона сидеть у хенджа, право говорить

за всех воинов тевты. Он победил, и до выборов нового быка-вождя все будет свершаться по его слову.

Быки-вожди начали раскладывать трофеи — воины отвечали громкими воплями одобрения. На поперечинах повисли отрубленные головы, разные украшения. Прежде чем сесть, оба вождя повесили на свои хенджи по топору на волосяной перевязи. Топоры были остры, кинжалы блестели, драгоценности ослепляли.

Сокровище Эсона было самым богатым: с хенджа свисал его собственный панцирь, рядом блестел его щит, лучился острый меч. Золотой поток тек на землю с белой поперечины. Но выше всего — там, где ее видел всякий, — висела голова Темного, взлохмаченные волосы трепал ветер.

Обряды совершались много дней, едва прерываясь на ночь: всегда находился очередной знатный воин, желавший похвастать собственной удалью. Настал и черед йерниев побежденного дана, позор поражения уходил в прошлое, они снова были воинами. Они уже хвастали и собственными подвигами в недавней битве, и прежние их враги не находили в этом ничего странного.

Потом начались споры из-за добычи. Каждая из тевт считала, что билась лучше и вправе рассчи-

тывать на большую долю. Когда воины начали гневаться и послышались оскорбления, Эсон ограничился тем, что указал на двоих микенцев, сидевших возле него в полной броне, напоминая, кто именно принес победу. Добычу делили неторопливо, все споры так или иначе разрешались, право владеть одной особо красивой гривной из витого золота было определено в кровавом поединке. Эсону вспомнились погребальные игры в Микенах: там подобные споры улаживались в состязании на колесницах: пришедший первым получал собственность убитого воина из рук местного царька. Таким способом его отец объединял Арголиду, заменив бескровными поединками войны между городами, обратив мечи арголидцев против одной лишь Атлантиды.

Здесь можно было бы попытаться заменить скачки состязаниями в беге. Впрочем, Эсон не был уверен в успехе: ни один бык-вождь не имел права так распоряжаться трофеями и не смог бы настоять на своем.

Никто уже не помнил, сколько дней и ночей миновало, когда случилось непредвиденное и нежеланное. Началось с того, что работавшие возле ворот дети и женщины с криками бросились врассыпную. Поднятый ими шум встревожил

воинов, сидевших снаружи круга: поворачивая головы, они начали окликать бегущих, спрашивать, что случилось.

Тут смятение добралось и до центра церемониального круга, где Ар Апа как раз требовал возвращения тридцати двух коров, украденных из его дана. Раздосадованный помехой, он заскрежетал зубами и топнул в землю. Хлынувшую наружу толпу остановили воины, расчищавшие дорогу двоим неуверенно продвигавшимся вперед путникам.

Первой шла Найкери в грязной и разодранной ветвями одежде. В руке ее был ремень.

За другой конец его держался ковылявший следом за ней мужчина. Он мог держаться только одной рукой, вторая была отсечена — и недавно: на обрубке запеклась кровь, покрывавшая грубую повязку. Он был слеп — пузыри на щеках и лбу свидетельствовали, что глаза его выжгли. Ноги его были босы, от одежды остались жалкие лохмотья; Эсон не сразу узнал его и, вскочив наконец с места, выкрикнул имя:

— Атрокл!

Остановившись, микенец обратил на звук незрячее лицо.

— Атланты пришли, — хриплым голосом про-

говорил он и качнулся, едва не упав.

Глава 7

Слепого микенца отвели в помещение Эсона над входом в дан, прежде принадлежавшее быку-вождю Уале. Эсон велел Атроклу молчать, пока они не оказались за закрытой дверью, перед которой он выставил своих воинов. Атрокл лежал недвижно, кожа его побледнела, грудь вздымалась так, словно каждый вздох мог оказаться последним. Найкери попыталась заговорить, но, подняв руку, Эсон остановил ее. Став на колени возле Атрокла, он приподнял его голову, поднес чашу к губам. Атрокл с жадностью отпил, и Эсон опустил его на мягкие шкуры постели.

— Я умираю, родич, — спокойно сказал Атрокл.

— Все мы умрем. Но сперва назови тех, кто сделал это.

— Для этого я и пришел сюда. В этом мире нет места для воина из Микен, лишившегося правой руки и глаз. Когда я скажу тебе все, что знаю, ты покончишь со мной.

Это не был вопрос, и Эсон отвечал с тем же спокойствием:

— Я сделаю, как ты просишь. Что случилось с

родичами, оставшимися на копи?

— Убиты или в плену. Добрая была битва. Все случилось через несколько дней после твоего ухода… нас предупредили альбии, лесные жители. Пришли два корабля с воинами, они уже были близко. Я послал гонца, чтобы известить тебя, но было поздно, и его сразили на моих глазах. Мы взяли оружие и выстроились. Враги подошли на копейный бросок, и мы увидели, что их действительно два корабля: на каждого нашего приходилось трое или четверо. Я приказал воинам с доблестью умереть, забрав с собою в могилу побольше атлантов.

Все вскричали, что так и будет, гулко ударили мечами в щиты и преградили дорогу врагу.

Мы славно бились, даже халкеи, но все погибли — кроме единственного халкея, оставшегося возле печей. Атланты убивали на выбор, по слову; так много их было, что они могли выбирать: убивать нас или щадить. У них было много копий, и этот ливень они обрушили на нас.

Потом мы сошлись в круг и стали, прикрывшись щитами: многие из атлантов пали тогда от наших мечей. Они не дали мне умереть: сбили копьями и затолкали щитами. Я упал, меня обхватили. Я сопротивлялся. Но руки мои завели

за спину, под локти заложили копье и связали. Так меня отвели к атланту, что сидел поодаль в доспехах, но не вступал в битву. Его звали Темис.

— Но Темис, царевич атлантов и сын Атласа, мертв, — проговорил Эсон, поглядев на ладони. — Я сразил его вот этими руками.

— Нет. Он жив. Он назвал твое имя и сказал, что некогда ты победил его подлым ударом. Когда Темис заговорил об этом, лицо его побагровело, он стал заговариваться, на губах выступила пена. Он снял шлем и показал мне голову, на ней теперь нет волос, их обрили… а под льняной повязкой была золотая пластина. Он произнес тогда много слов, которых я не знаю. Но Темис жив — в этом я могу тебя заверить.

— А рана на его голове была в этом месте? — спросил Эсон, кончиками пальцев прикоснувшись к голове Атрокла.

— Тут.

— Значит, Темис жив. Но это был смертельный удар.

— Он много кричал об этом — о боли, о том, что не может теперь драться на кулаках и биться, что приволакивает при ходьбе ногу, что теперь он старик и что таким его сделал ты. Еще он говорил о лекарях Атлантиды, которые высверлили

поломанную кость и удалили ее, но всех слов я тогда не понял.

— Эх, жаль, сильней не ударил! Но и такого удара хватило бы, чтобы насмерть уложить всякого обычного человека.

— Не сомневаюсь, только сделанного не вернешь. Едва ли Темису нужно было захваченное им олово; по-моему, он не станет разрабатывать копь. Просто под руку подвернулось. Он явился сюда за тобой…

— Он будет мой, — тихо проговорил Эсон, взяв Атрокла за руку.

— …и больше ничего ему здесь не нужно. Как сын царя Атласа, он командует обоими кораблями и, чтобы разыскать тебя, провел их через весенние бури. Я был связан, и он мучил меня — делал все, что мог, чтобы я заговорил. А ведь я тоже благородный, как он сам, и не лгал. Он не поверил мне и стал грозить, что отсечет мне правую руку, если я не скажу правды. Я вновь повторил те же слова, и тогда один из его людей сделал это огромным топором, а потом перетянул рану, чтобы я не истек кровью. Но Темис снова сказал, что я лгу, и я перестал говорить. Тогда он подошел поближе, и, собрав слюну пополам с кровью, я харкнул прямо ему в лицо. Тогда он

сделал вот это с моими глазами, а потом велел девушке отвести меня к тебе, чтобы и ты узнал: он пришел сюда за твоей жизнью. Только я надеюсь, что это ты убьешь его.

— Да будет так, — с этой клятвой Эсон нагнулся и поцеловал кровавые пузыри на месте глаз родича.

— Все, что следовало сказать, — сказано. — Спустив ноги с ложа, Атрокл, шатаясь, поднялся. — А теперь где твой меч, добрый Эсон? Ты расскажешь в Микенах, что я умер с честью?

— Никто не умирал столь доблестно.

Достав меч из ножен, Эсон выставил его перед собой и, взяв слепца за руку, положил его ладонь на острие. Тот задрал кверху голову, оскалив зубы, выкрикнул: «За Микены!» — и упал на клинок. Он умер прежде, чем Эсон опустил тело на землю.

Выйдя из комнаты, Эсон велел двоим микенцам забрать тело Атрокла и приготовить его к погребению. А потом с края насыпи поглядел через равнину — на кроваво-красный диск солнца посреди сгущающихся облаков. Громко перекликаясь, мимо пролетели два черных ворона и опустились в ров — рыться в отбросах. Знамение — но как его истолковать? Отвернувшись, он заметил, что Найкери дожидается его, присло-

нясь к стене спиной. Поймав взгляд Эсона, она поднялась и прижала ладонями одежду, чтобы Эсон мог увидеть ее округлившийся живот.

— Атланты воевали только с твоими воинами. Им нужны рабы, они сказали, что поэтому оставляют нам жизнь. Но если бы они знали, что я ношу твоего ребенка, то убили бы и меня.

Эсон направился в сторону и остановился, лишь когда она с воплем бросилась за ним и схватила за руку.

— Я знаю, что тебе этот ребенок не дорог, но мне он нужен, запомни это!

Он замахнулся, чтобы ударить ее, но она выпустила рукав, и кулак его остановился.

— Слушай же, — проговорила она, — слушай же, что я тебе скажу. Пусть я женщина и ничего не значу для тебя, тем более что я не микенка… Но я могу быть полезной тебе. Я рожу тебе сына, он будет таким же великим воином, как ты. Атрокл не все знал об этих атлантах, он не все мог тебе сказать.

— Он умер.

— И живой он не мог этого сделать. С атлантами пришел человек, которого я уже встречала. Он вел их по тропе от берега и всю битву простоял за спиной Темиса. Он уже приходил этим путем,

но не с атлантами… с гераманиями. Он был среди тех, кто похитил олово.

Развернувшись, Эсон ухватил ее за подбородок.

— Знаешь ли ты, что говоришь? — вскричал он.

Найкери улыбнулась в ответ, улыбка ее превратилась в гримасу под пальцами Эсона.

— Конечно знаю. Мы наслышаны о том, что Темис явился сюда, на край света, чтобы убить тебя. Он слишком громко кричал об этом. И гераманий привел его сюда, он знал, где искать тебя, где искать олово.

— Темный человек. Сетсус! Я убил его слишком быстро. Есть и более долгие способы умереть. Даже мертвый, он все вредит мне. Он забрал не только олово, но и жизни всех тех, кто явился сюда добывать этот металл. Олово отправилось в Атлантиду, а вместе с ним и весть обо мне.

— Я с тобой, — проговорила Найкери, обнимая его за плечи.

— Темис должен умереть. Мы вернем копь. — Эсон и не замечал, что она рядом.

— Я помогу. Альбии будут следить за ними. Скажут тебе, когда атланты ослабеют или разделятся.

— У меня есть микенцы и воины трех тевт.

— У тебя есть я.

— Мы должны напасть на атлантов. Прямо сейчас.

— Я всегда буду с тобой.

Не обращая на Найкери внимания, Эсон оттолкнул ее в сторону и заспешил прочь.

Отлетев спиной к плетеной стене дана, Найкери провожала его взглядом. Будет ли конец этому смертоубийству? Или оно закончится, когда на всей земле не останется ни одного мужчины?

Вороны с громкими криками взлетели, и она закрыла глаза, чтобы не видеть птиц.

Глава 8

Летнее солнце припекало; ветер, дувший над равниной, жег, словно раскаленное дыхание плавильной печи. Ночью становилось прохладнее, но ненамного — лишь в недолгие предутренние часы делалось полегче. А потом свет озарял восток, звезды меркли, и огромное раскаленное солнце, подрагивая в потоках жаркого воздуха, медленно восходило над горизонтом. Дождя не было уже тридцать дней. Трава выгорела до желтизны, ручьи пересохли. Дважды в день скот

водили на водопой к узкому ручью, оставшемуся от Эвона.

Коровы разбивали берега, месили ил, и наконец река превратилась в грязную лужу, посреди которой узкой полоской текла вода.

Женщины, ходившие за водой для дана, вынуждены были подниматься далеко вверх по течению. Только там вода еще оставалась чистой. Вот и сейчас они возвращались, изнемогая под весом кувшинов, которые носили на головах. Их недовольные высокие голоса доносились до Интеба, лежавшего в тени на гребне. Внутри дана царило молчание. Животные невозмутимо жевали жвачку, присмирели даже дети. Из-за жары медники не зажигали печей и потому тоже лежали в тени, пожевывая травинки, переговариваясь низкими голосами.

Один из камнерезов натянул шкуры на деревянную раму и сидел теперь под навесом, ровняя поверхность столпа из голубого камня. Высоко замахиваясь каменным молотом, он отбивал от камня мелкую крошку. Чуть переждав, наносил новый удар. Нечастые мерные удары да еще ровное гудение мух только и нарушали тишину. Зевнув, Интеб прогнал насекомых с лица. Он уже жалел, что не пошел на копь вместе с Эсоном. Но

Эсон решил, что он должен быть здесь, должен хранить дан до его возвращения, и Интеб не стал возражать.

Все-таки он не воин, он всегда это признавал. Не то чтобы здесь нужно было что-то делать.

Воины ушли далеко, и жизнь в дане текла размеренной чередой. Один день не отличался от другого. Скрипнула дверь. Приподняв голову, Интеб увидел Найкери, выходящую из комнат Эсона над входом — прежде принадлежавших Уале. Найкери жила там, и никто не видел в этом оснований для возмущения. Она подошла ближе; Интеб отвернулся, изображая интерес к стаду, которое как раз гнали внизу. Услышав, что она присела рядом, зодчий закрыл глаза.

— Надо поговорить, — сказала она.

Интеб не ответил.

— Ты ненавидишь меня, я это знаю, но поговорить надо.

Интеб с удивлением обернулся к ней. Невысокая темноволосая женщина, более чистоплотная, чем йернии, во всяком случае не лишена была известной привлекательности в своей бурой одежде и золотых украшениях. Впрочем, живот ее уже заметно увеличился, а груди налились.

— Зачем мне ненавидеть тебя, альбийка? Ты

мне безразлична.

— Но ты любишь Эсона. Я видела, как ты целуешь его и прикасаешься к нему.

— Я люблю его, это не тайна. Но твой язык лишь пачкает все. Не будем об этом говорить.

Как женщина, она знала толк в запретных темах.

— Ты ненавидишь меня, потому что я люблю его так, как ты не можешь любить. Я ношу его сына.

Улыбнувшись, Интеб прихлопнул муху.

— Для дикарки родом с края света неплохо, но твои слова не более интересны, чем если бы кошка заговорила. Слушай себя сама — а к мужчинам не приставай. Женщины ревнуют мужчин. Так и должно быть, потому что им самим не добиться любви от воина. Родить ребенка, в крови, выкормить его — это вы можете, для этого и предназначены. Такое в порядке вещей.

— Но не в этой земле, чужестранец, — прошипела она. — Быть может, так живут в тех странных краях, откуда ты родом. Для моего народа личность есть личность, мужчина ты или женщина, а женщины моей крови среди альбиев выше прочих. Мои люди умолкают, когда я говорю. Я приказываю — они повинуются. И мы сейчас в

этой земле, а не на берегах твоего Нила, о котором ты тут всем рассказываешь… И Эсон тоже здесь, и ему нужна помощь. И вдвоем мы поможем ему больше, чем поодиночке, ненавидя друг друга. Мы могли бы…

— Ничего мы не могли бы. Я говорю тебе это и закрываю глаза. Когда я открою их, тебя не должно быть рядом со мной. Ты — самка: твое дело рожать щенков и выкармливать их молоком. Тебе подобает ходить на четвереньках вместе с коровами, а не говорить с мужчинами, пытаясь убедить их в том, что ты умеешь говорить.

И он действительно закрыл глаза на последнем слове — впрочем, один только прищурил — на случай, если она ударит его. Интебу уже приходилось иметь дело с женщинами. Найкери недолго посидела с ним рядом, а потом неторопливо поднялась и ушла. Интеб улыбнулся и, наверное, не открывал бы глаз, если бы внизу пастухи вдруг не разразились криками. Они подпрыгивали, пытаясь вскарабкаться на спины своих подопечных, чтобы лучше видеть, и показывали на горизонт. Со своего более высокого места на валу Интеб легко мог разглядеть далекое облачко пыли и темные точки, движущиеся по направлению к дану. Люди.

— Форус! — закричал он, постучав в соседнюю дверь. Изнутри донеслось недовольное ворчание. — Надевай панцирь. Сюда идут воины.

Он нащупал свой собственный доспех, торопливо надел его. За тонкой стеной раздавалось тяжелое дыхание и брань микенца. Топор йерния раздробил ему коленную чашечку, и теперь воин мучился от боли. Он да Интеб — вот и все войско до возвращения Эсона.

В панцирях и при оружии они ожидали наверху вала. Чтоб облегчить боль, Форус привалился к стене.

Вдали огоньком сверкнул бронзовый доспех. Интеб почувствовал, как заколотилось сердце. Неужели атланты? Неужели войско Эсона разбито? И все они погибли? А теперь атланты пришли, чтобы добить оставшихся врагов. Дневная жара рождала в его голове кошмары, заставляла трепетать воздух, скрывая лица идущих. Прикрыв глаза, Форус удовлетворенно буркнул: «Микенцы», — и опустился на землю, вытянув вперед ногу.

Убедившись в этом, и сам Интеб снял тяжелый доспех и отправился навстречу воинам.

Пришли только одни микенцы — возвратились немногие. Лица осунулись от усталости,

из-за жары все шли без шлемов. Первым, как и положено, шагал Эсон, замыкал шествие Эйас, поддерживавший одного из раненых.

— Воины йерниев пришли? — коротко спросил Эсон, заметив Интеба.

— Вы первые.

Эсон кивнул и, не говоря ни слова, отправился дальше — прямо в собственные комнаты, где Найкери встречала его у двери. Ощутив острый укол ненависти, Интеб повернулся к Эйасу:

— Раненому помогут другие. Пойдем — я напою тебя новым перебродившим молоком.

— Клянусь великим рогатым быком, я не слышал еще речи приятнее, — надтреснутым голосом отозвался кулачный боец.

По покрытому пылью лицу кое-где стекали струйки пота. У входа в комнату Интеба он сбросил панцирь и вылил на голову целый кувшин воды. Потом единым духом выпил чашу перебродившего молока и, рухнув на ложе, устроенное возле стены, принялся потягивать молоко из второй чаши. Интеб опустился с ним рядом.

— Изрядная вышла драка, египтянин, — проговорил Эйас, — но без особой выгоды. Это как если в бою столкнулась пара равных бойцов. Много ударов, никаких ран, нет победителя. Вот будь у

нас раза в два больше людей — наша взяла бы. Но на каждое следующее утро йерниев оставалось меньше, чем вечером ложилось спать у костров. Им же эти срубленные головы нужно принести в свои даны. И сокровища тоже. И так уже воевали слишком долго. Словом, на мечи атлантов им идти не хотелось. И когда дошло наконец до битвы, с нами осталось по горсточке воинов из каждой тевты. Они бежали, только завидев бронзовые мечи. Так что линию атлантов нам не удалось прорвать. Тогда мы укрылись в лесу. Когда они пошли вперед, мы ударили снова. Отогнали их назад. Никто не выиграл, никто не проиграл. Наконец Эсон это понял, и мы бросились сюда, чтобы успеть до возвращения воинов.

Голова Эйаса поникла, и кулачный боец уснул, не проснувшись даже когда чаша выпала из его руки, залив ноги липким напитком. Глубоко задумавшись, Интеб глядел на равнину. Таким и нашел его на закате Эсон.

— Эйас мне все сказал, — проговорил Интеб, потягиваясь и разминая затекшие конечности.

— Атлантов было слишком много, и йернии бежали. Копь не нужна им, никто не хочет получить мечом в брюхо. Это не победа.

— Но и не поражение, — возразил Интеб, пыта-

ясь взглянуть на дело с более оптимистической точки зрения, чем угрюмый Эсон.

И тут он вдруг понял, что говорит чистую правду — гораздо более существенную истину, чем прежде представлялось и ему самому, и Эсону. К кругу совета внутри двойного кольца голубых камней он шел, глубоко задумавшись, не проронив ни звука. Из-за жары огонь развели самый маленький. Они уселись подальше от жара — Эсон, как и подобает, возле своего хенджа.

— Мы чересчур много думаем о копи, только о ней, — проговорил Интеб. — Эта мысль застилает наши глаза туманом, мешает видеть все остальное.

— Нет ничего остального. Микенам необходимо олово. Его добывают в этой копи.

— Так говорил твой отец, и он не ошибался. Но есть и еще кое-что. Микены не падут без этого олова — во всяком случае, не сразу. Ты получишь олово, но сперва нужно сделать иное — нужно преобразиться.

— Ты сегодня говоришь загадками, египтянин, а голова моя и так одурела от этой жары.

— Подумай тогда, и сердце твое забьется чаще. Перед тобой земли йерниев, богатая страна: люди, овцы, коровы, зерно, чтобы варить эль; борти,

чтобы собирать мед для пьянящего напитка; сладкое молоко, вкусный сыр, поселки, у которых для торговли собираются пришедшие издалека люди. Нет в этих краях племени воинственнее йерниев, и они будут властвовать надо всеми прочими, только одна тевта будет сильнее остальных. Дан этой тевты самый большой и богатый, возле него скрещиваются торговые пути. А ты, Эсон, — царь в этой стране.

— Говори дальше, египтянин, — потребовал Эсон, когда Интеб остановился. В голосе вождя слышался интерес.

— Сказать еще можно много. Ты можешь стать вождембыком в этом дане, и никто не посмеет прекословить тебе. А став быком-вождем, ты можешь сделать здесь то, что твой отец делает в Арголиде.

— Объединить все тевты в одну?

— Это можно сделать. Ты способен на это. Чтобы не было быков-вождей, а был царь. Такой властелин может отбить копь у атлантов. В такой богатой стране есть кем править, и, став царем, ты сможешь помочь Перимеду. У него будет не только копь, но и союзник.

— Какая в нем польза? На таком расстоянии…

— Это расстояние не помешало Сетсусу навре-

дить Микенам. А ты отсюда сможешь помочь своему городу. Германии не пылают любовью к Атлантиде, в них нет вражды к Микенам: как и все люди, они любят лишь себя самих. Возможно, они смогут доставлять олово в Микены… Или же проведут тебя к оловянным копям атлантов. Они могли бы сделать многое — под рукой царя. Только бери.

— И я возьму! — вскричал Эсон и расхохотался. Микенцы, сидевшие возле костра, заулыбались, видя своего вождя в таком расположении духа.

Появившийся из темноты первый воин-йерний с удивлением поглядел на Эсона.

— Ты должен объединить племена, — сразу же заторопился Интеб. — Пусть у них будет одно племя, одна тевта — народ. Пусть они соорудят город, возведут стены из камня, как высекли из скалы свои города микенцы.

Эсон улыбнулся при этой мысли.

— Интеб, мы далеко от дома, здесь не Микены, не Фера, в этой земле нет Фив. Грубый город из дерева — вот и все, что есть у нас.

— Его можно сломать — здесь умеют работать с камнем.

— Насколько же? Скажи мне: если мы используем каждый камень из этих двух кругов, можно

ли возвести стену города или хотя бы заложить основу его?

— Конечно, ты прав, — расхохотался Интеб. — Но на этой равнине я вижу Микены. Не совсем Микены, конечно, — просто высокое каменное кольцо. Пусть у каждого быка-вождя будет свой камень. А вокруг них мы можем возвести круг каменных столпов. Пусть будет круг внутри круга — как каналы на Фере, и у каждого великого воина будет свой камень. Пусть здесь встанут камни всех быков-вождей, и они будут собираться возле них, а ты станешь править над ними.

— Мне потребуется свой камень.

— Ты получишь его, могучий царь. Самый высокий, самый большой, какого еще не видели эти люди. Отовсюду будут сходиться — чтобы только поглядеть на него. Я установлю его сам, как лишь одни египтяне умеют делать. И когда ты будешь сидеть у костра совета, все будут удивляться, глядя на твой столп.

Интеб взволнованно обернулся и указал между опорами хенджа на ровную землю за спиной Эсона. И вдруг замер, открыв рот. На лице его изобразился истинный восторг. Отдавшись ему, египтянин хлопнул в ладоши и, обхватив Эсона за плечи, заставил повернуться.

— Погляди сюда, — вскричал он. — Видишь эту дурацкую арку из деревянных столбов, которую так ценят эти люди: белят, украшают, — жалкий хендж ничтожного похитителя коров. Это же ничто. Но представь себе, что он вырос, стал выше, прочнее, потянулся к небу… в рост человека… в два, три, может быть, даже четыре человеческих роста. Не обхватишь, не дотянешься до верху, не сдвинешь с места. От такого хенджа у них подбородки отвалятся до пупа, а глаза вылезут на лоб.

Руками он очертил контур в небе, так что Эсон едва не увидел его.

— И не из дерева, — проговорил Интеб. — Из камня, прочного доброго камня. Каменный хендж, что будет крепче всех прочих. Тут будет и твое царство, и твой город, Эсон. Прямо здесь. И я построю его!

Книга IV
Глава 1

1477 г. до Р. Х.

Не в силах справиться с возбуждением, Интеб разбудил Эсона с рассветом. Египтянин долго тряс его за плечи, пока не заставил вынырнуть из глубины сна. Оставшаяся в постели Найкери с осуждением поглядела на них, но ничего не сказала. Было еще прохладно, и на востоке над равниной горела утренняя звезда. Интеб отвел Эсона недалеко — к месту, где в изобилии лежали огромные камни. Поспешив к ближайшему, зодчий оглядел его со всех сторон, в одном месте даже принялся рыть по-собачьи, чтобы изучить уходящую под землю часть камня. Эсон улыбнулся и, зевая во весь рот, уселся на камне.

— Что ты видишь? — спросил Интеб.

— Камень.

— Правильно — и ничего больше, но это потому, что ты воин. Но как ты видишь в человеке, умеет ли он обращаться с мечом, видишь его силу и выносливость, так и я вижу то, что скрывается под поверхностью камня. Помнишь стены Микен

и ворота со львами?.. Ты не забыл их?

— Никогда не забуду. И я знаю, кто их построил.

— Я построил их, и в словах моих ты услышишь сейчас истинную правду. Посмотри, как лежат эти камни, — их словно разбросали специально для нас.

— Это великая тайна…

— Вовсе нет, в Египте мы знаем это. Твердый камень всегда лежит внизу — его только сверху прикрывает земля. Дождь и ветер потрудились для нас, открыли камень, над которым можно работать. Посмотри на форму, на прямые края, на эти тонкие линии…

— Они ничего не значат.

Ошибаешься. Этот камень похож на дерево, и в умелых руках будет колоться так же, как оно. Отсюда мы возьмем два длинных столпа, обтешем их и доставим в дан, где я вкопаю их за камнем говорения. Потом придется потрудиться над третьим камнем — пусть ляжет на них поперечиной. И тогда все будут дивиться делу наших рук.

— А как же ты сделаешь это? — Эсон с недоумением поглядел на громадный каменный блок — явно непомерно тяжелый.

— Умением, Эсон, тем самым умением и ма-

стерством, с помощью которого возведены были стены Микен. Начнем прямо сегодня.

Эсон дремал, улегшись на еще прохладную после ночи скалу. Тем временем Интеб бродил между огромных белых камней, только что не обнюхивая их, словно пес. Наконец он подозвал Эсона к длинному камню, выступавшему из земли на половину человеческого роста.

— Этот подойдет, — хлопнул египтянин ладонью по глыбе. Эсон с сомнением глядел на него.

— Интеб, ты искусный зодчий, я знаю это, но что можно сделать с такой скалой — она же величиной с целый корабль, больше самого большого камня в стенах Микен?

Интеб лишь улыбнулся в ответ, и они залезли на камень, вздымавшийся перед ними.

Он не только величиной, но и формой напоминал корабль. Широкая в середине скала сужалась к концам. Интеб вымерял камень шагами: в самом широком месте было четыре шага, длиной он был в десять шагов.

— В рост пятерых мужей, — с гордостью проговорил Интеб. — Видишь — сверху он ровный, почти ничего не придется стесывать. Будем надеяться, что и снизу камень окажется таким же. Подрубим торцы, стешем выступ посередине.

— А жизни нашей на это хватит? — с сомнением поинтересовался Эсон. — Ты полагаешь, что камень можно обработать прямо здесь, без инструментов и устройств, которыми ты пользовался в Микенах?

— Я сделаю все это, Эсон, если хочешь, прямо сегодня.

Эсон с недоверием посмотрел на зодчего, склонив голову набок: он пытался разглядеть в нем лукавство или шутку. Обмана не было. Убедившись в этом, Эсон взревел с одобрением.

Он обнял Интеба, положив ему руки на плечи.

— Если ты сумеешь это сделать, то я, конечно же, осилю более легкое дело: я захвачу эту землю и буду править над нею как царь. Йернии еще не знают этого, но сегодня началось их будущее.

— Мне потребуется много помощников, сильных мужей, и каменотес из дана.

— Бери всех, кого нужно. Ты — моя правая рука. Твои приказы — все равно что мои приказы.

Они вернулись в дан за едой и питьем и принялись строить планы на будущее. Прислуживающая им Найкери прислушивалась, но молчала, не понимая, о чем речь. Когда они все продумали, Эсон облачился в новый полированный доспех и отправился за людьми. Интеб палочкой чертил

на земле схемы, потом разыскал каменотеса.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Старик оглянулся по сторонам, чтобы убедиться в том, что обращаются именно к нему, и опустил глаза. Интеб повторил обращение в более резкой форме, и йерний, стиснув расплющенные кулаки, нерешительно выговорил:

— Дарсан.

— Кто еще в дане, кроме тебя, умеет тесать камень?

Дарсан оглянулся, но возможности избавиться от смуглого иноземца, говорившего так, что его только едва можно было понять, не представилось. Пришлось отвечать. Он свел руки вместе и пробормотал, что в этой работе ему помогают еще двое. Интеб послал за ними.

Ожидая, он водил рукой по голубому камню, который обрабатывал Дарсан.

— Откуда этот камень? — спросил египтянин. — На всхолмьях я такого не видел.

— Это далеко.

— Знаю, иначе не стал бы и спрашивать. Постарайся же объяснить мне, откуда вы их берете.

После словесных понуканий ему удалось вытянуть из Дарсана, что камни доставляют с далекой горы, где они дожидаются воина, способ-

ного на такое дело. Все было похоже на правду: простодушный старик не мог придумать столь замысловатую ложь. Воин брал с собой людей, вместе они спускали камень с горы к морю, грузили его на бревенчатый плот.

Выгрести из бухты и проплыть вдоль берега было делом нелегким — океан здесь частенько бывал неласков в любое время года. Путешествие по морю заканчивалось в устье реки. Камень поднимали вверх по течению, потом по суше перетаскивали к другой реке, Эвону, протекавшему возле дана.

Огромный труд. Интеб подивился усилиям, которые способны потратить эти люди ради почестей.

— Но почему камень берут именно с этой горы? — поинтересовался Интеб. — Наверняка хороший камень можно отыскать и поближе.

— Таков обычай. И они так делали, когда мы их прогнали отсюда во времена моего отца.

— Кто они?

— Донбакшо. Они пасли скот, но не умели драться. А теперь их скот у нас, и они отдают нам зерно. Раньше здесь торговали донбакшо, теперь мы торгуем. При них кто-то всегда обитал на той горе, откуда мы берем камни, — они следили, не

плывут ли альбии с Домнанна, ведь с ее вершины виден весь пролив. А теперь альбии приносят сюда свою медь и золото и торгуют с нами, и нам не нужна стража наверху горы. — Воздавая дань воинскому искусству йерниев, Дарсан пренебрежительно фыркнул. А потом показал на большой камень, почти полностью погрузившийся в землю. — Видишь, вот наш камень говорения. А знаешь, как он попал сюда? Это сделал мой отец. У донбакшо этот камень был самым высоким из стоячих камней, это был столп вождя, и всякий хотел прикоснуться к нему. Мой отец вырыл яму и опрокинул в нее камень. И теперь мы стоим на нем, попираем донбакшо.

Скоро появились помощники Дарсана; по лестницам и шестам с зарубками сверху, с балконов, спустились воины-йернии.

И дан вдруг сделался похож на растревоженный муравейник. Воины расхаживали, перекликались, поглаживали боевые топоры, прикасались к усам. Женщины держались поодаль, но им тоже хотелось знать о причинах поднявшейся суматохи. Все знали только, что микенцы обошли дан по валу и, стуча мечами в каждую дверь, выкликали воинов на совет. Собрались все. Те, у кого был собственный столп, привалились к прохладному

камню или устроились в тени. Потом появился Эсон во главе отряда микенцев. Йернии, как всегда, восхищенно провожали взглядами мужей, с ног до головы закованных в бронзу, в сверкающую, ослепительную бронзу… мужей, что шли с бронзовыми мечами и медными щитами на боку. Возле камня говорения они разошлись кружком вдоль кольца голубых камней, стали позади Эсона. Он поднял меч, и шум сразу же стих.

— Я стою на камне говорения, чтобы сказать вам: сегодня вы увидите такое, чего вам еще не приходилось видеть. Сегодня вы увидите чудо, о котором будете рассказывать вашим детям. А они расскажут об этом детям ваших детей, и не будет конца рассказу. Сегодня вы увидите, как сделается такое, что не может быть сделано. А когда это свершится, вы услышите такое, что никогда не думали слышать.

Голос Эсона потонул в общем гуле, толпа возбужденно зашевелилась. Никто не мог знать, что крылось за его словами, но все понимали, что вот-вот произойдет нечто необыкновенное. Слова Эсона не расходились с делом, все успели уже убедиться в этом. Он вновь обратился к собравшимся, и все умолкли.

— Следуйте за мной. — И отправился прочь

от камня к выходу из дана, сопровождаемый микенцами.

Идти пришлось недалеко — к развалу камней. Там Эсон взобрался на выбранный Интебом плоский монолит. Египтянин встал рядом с ним, потом наклонился и взял из рук Дарсана тяжелый булыжник. Когда Эсон заговорил, все умолкли.

— А теперь внемлите Интебу. Он обещал сделать великое для меня.

Интеб тронул ногой округлый зеленоватый камень и указал на него. Воины вытягивали шеи, чтобы видеть.

— Это молот, — объявил он, и все устремились поближе, чтобы разглядеть камень во всех подробностях, как будто не встречали такие в дане на каждом шагу. — Этот камень твердый. Он тверже всех остальных. Такими камнями Дарсан и его помощники обтесывают столпы воинов. Они это делают так.

Нагнувшись, зодчий двумя руками поднял камень — должно быть, в треть собственного веса — и, приподняв до уровня пояса, уронил вниз. Со знакомым глухим стуком валун ударил в поверхность белого камня. Интеб откатил его в сторону и пальцем смахнул щепотку белой пыли.

— Так действует молот. Ударил раз — отколол

от камня несколько зерен. Много раз ударил — поверхность камня сделалась ровной или ты сделал в ней желобок или вмятину. Много дней уходит на то, чтобы обтесать даже небольшой камень. Но ничего другого не остается. Но теперь будет не так. Сегодня вы увидите кое-что новое.

Он медленно прошел вдоль большого камня, вернулся назад. Собравшиеся не сводили с него глаз. Интеб указал на огромную скалу и сказал то, чему трудно было поверить:

— Сегодня мы разобьем пополам этот камень — я и воины. Потом мы доставим его в дан, и он станет камнем Эсона. Мы обтешем его, передвинем и поднимем. Такого камня еще не ставил никто из воинов. Потом будет кое-что еще, но я говорю вам пока только об этом камне.

Кто-то расхохотался, и Эсон рванулся вперед, отодвинув Интеба в сторону. Он ткнул мечом в сторону толпы, так что ближайшие попятились.

— Слова Интеба — мои слова. — В голосе его слышалась смертоносная ярость. — Кто смеется над ним — смеется надо мной. А я отрублю голову всякому, кто посмеет хотя бы улыбнуться. Все слышали?

Оказалось, что расслышали все: женщины прятали лица, иные из детей пустились наутек.

Мужчины остались — они же воины, — но лица их были столь же бесстрастны, как поверхность камня перед ними.

— Лишь самые могучие из воинов способны помочь мне изваять камень Эсону, — проговорил Интеб, нарушив молчание. — Молот будет у каждого воина, и чем тяжелее он будет — тем сильнее воин, тем больше ему будет чести потом. Вот молоты, Дарсан найдет еще.

Теперь были задеты гордость и честь. Заткнув топоры за пояс, воины с криками, расталкивая друг друга, бросились искать камни покрупнее. По большей части они выбирали неподходящие камни — можно было воспользоваться лишь зелеными валунами — и с бранью бросали их, когда Интеб указывал на ошибку, чтобы тут же отправиться на поиски нужного камня. По одному, вспотевшие и недовольные, они возвращались назад с молотами. Когда молоты оказались человек у двадцати, Интеб остановил их.

— Для остальных нет места. Честь достанется этим воинам, которые сделают небывалое.

Сперва они столпились вокруг камня, потом полезли наверх, на ходу хвастая перед оставшимися без дела. Все взяли с собой молоты. С помощью микенцев Интеб разместил воинов в

линию вдоль всего камня. Стоя плечом к плечу, они напряженно слушали объяснения Интеба. Дело не было сложным, но они не привыкли работать вместе и вообще никогда ничего не делали одновременно. Трудно было даже уразуметь, как возможно такое. Он заставил их повторять движения снова и снова, много раз, пока им не удалось все сделать правильно. Наверх передали небольшие камни — в кулак человека, — и они приступили к учебе. Интеб провел углем две черные линии в шаге друг от друга и возобновлял их, когда воины затирали черный след своими ногами. Некоторые ворчали под нос, жалуясь на жару и дурацкое дело, но никто не подумал улыбнуться. Интеб охрипшим голосом все повторял свои наставления:

— Так, в линию, все в линию, ноги на черте. Не перед ней, не за ней — на черте. Хорошо. Подняли молоты над головой, держите, держите, пока я не скажу. Потом вместе — бросайте!

Камни упали вразнобой возле черты, покатились в сторону, некоторые свалились вниз.

Микенцы отогнали толпу, но мальчишки подобрали упавшие камни — уж они-то наслаждались представлением — и подали наверх.

— Нет, поднимать не надо, — приказал Ин-

теб. — Сбросьте вниз и остальные. Теперь берем молоты.

Послышались оживленные крики — воины, перекликаясь, сбросили вниз голыши и подобрали молоты. Картина была впечатляющей: рослые, мокрые от пота воины плечом к плечу стояли от края до края глыбы. За ними находился Интеб. Толпа стихла.

— Подымай! — приказал Интеб, и йернии пригнулись, поднимая над головой зеленые камни.

— Держи, держи! — завопил зодчий; кое-кто замешкался, а один вовсе выронил камень прямо на ногу и ругался. Наконец все валуны оказались над головами.

— Бросай!

Тяжелые глыбы рухнули с громовым рокотом, воины отпрыгнули назад.

Ничего не случилось. Интеб хриплым голосом распоряжался, покрывая недовольный ропот.

— Плохо, не все разом, не на линию. Делайте правильно, тупоумные твари, или ничего не выйдет. Вместе взяли… вместе подняли… Бросай!

И снова ничего. Среди воинов и в толпе послышались недовольные возгласы. Микенцы подняли мечи и щиты. Вспрыгнув к Интебу на камень, Эсон принялся расхаживать за спиной

воинов.

— Значит, у вас хватает силенки, только чтобы убивать псов! — завопил он. — Здесь дело потруднее, чем махать топорами. Делайте правильно, иначе я перебью всех до единого. Вы сделаете как нужно!

Силой своей воли он вынудил воинов оставаться на камне. Громко протестуя, они поднимали и роняли молоты, но безрезультатно. Плоскостью меча Эсон подбадривал тех, кто не прочь был убежать. Он ругался сразу на трех языках. Наконец все снова подняли молоты.

— Над головой, выше, пожиратели коровьих лепешек! — вопил он. — Выше, выше, держите… все держите, делайте, что я говорю, делайте правильно, чтобы на этот раз они упали вместе и точно на черте…

С гневными криками воины-йернии выронили камни, скала под ногами дрогнула.

С оглушительным треском глыба развалилась надвое, засыпая бросившуюся врассыпную толпу обломками камня.

Ошеломленные воины глядели на дело своих рук. Громадный камень расселся по всей длине — там, где Интеб начертил линию.

Глава 2

Случаются такие события, в которые нельзя поверить, даже если ты видел своими глазами, как все произошло. Так и воины не могли уразуметь, что именно их увесистые молоты и раскололи огромный камень. Им легче было поверить, что с неба ударила молния: кто не видел расщепленные деревья и убитых животных… силу громового удара знали все. Как и свою собственную, несравнимую с могуществом стихии. А потому не могли поверить в то, что сами все и совершили. Попрыгав вниз, воины, растолкав толпу, принялись с открытыми ртами рассматривать белую поверхность скола, подбирали осколки с земли. Их крутили перед глазами, разглядывали, постукивали, лизали, словно бы вкус мог поведать то, что скрывалось от глаз. Но это были только обломки камня, простые камешки — и они не ломались. Некоторые пытались разбить их молотами, однако дело закончилось несколькими разбитыми пальцами на руках и ногах. Камень — подчинившийся им, расколовшийся, остался камнем: прочным, несокрушимым и крепким.

— Слушайте меня, — воззвал Эсон, поднявшись

на глыбу. — Этот день вы должны запомнить, сделанное сегодня да останется в памяти. Великий камень Эсона сделали мы сегодня. Пусть будет высоким пламя в костре совета, пусть жарятся коровы и овцы. Будем пить эль, и все воины будут сидеть рядом со мной.

Послышались громкие возгласы одобрения. Когда крики утихли, Эсон продолжал:

— Сегодня вечером перед этими воинами пусть нарекут меня быком-вождем этого дана, что станет зваться теперь даном Эсона.

Раздались громкие вопли. Недовольны были только те, кто принадлежал к семье погибшего Уалы, из которой прежде полагалось выбирать быка-вождя. Никто, однако, не посмел протестовать. Тевту, которой предводительствует воин, подобный Эсону, ждут одни только почести и победы. Он был среди них самым сильным — грозный воин, по слову которого расседаются камни. За таким вождем-быком пойдет каждый.

— Можно бы обить и вторую сторону, — позабыв о политических тонкостях, проговорил Интеб, заново ощутивший привычную власть над камнем.

— Не стоит, — заверил его Эсон. — Довольно чудес на сегодня. Пусть женщины приготовят пир,

а друиды сделают свое дело. Для трудов отведем завтрашний день.

Пока воинов не было, донбакшо продолжали сносить в дан зерно в качестве дани. Женщины готовили напиток в приземистых широких горшках. В такой жаре эль быстро настаивался и зрел. Изрядное количество этого напитка уже охлаждалось в тенистых уголках.

К месту убоя подволокли упитанную корову: почуяв кровь, она мычала, в страхе выкатывала глаза. Первый мясник — уродливый общинник, косоглазый и мускулистый, направился к животному в своем пропитанном кровью кожаном фартуке, с тяжелым топором на плече. Он подождал, пока двое мужчин пригнули пониже рога, и опытной рукой обрушил меткий удар — прямо в лоб. Животное рухнуло на землю, оно погибло мгновенно. Старухи немедленно перерезали глотку корове острыми кремневыми ножами, под вытекавшую струю крови подставили глиняные горшки. Подтаскивали других животных, приготовления к пиру шли полным ходом. И задолго до темноты воины расселись возле костра. Начался пир.

Обряд возведения в быки-вожди совершал друид Немед. Если он еще и испытывал неприязнь

к Эсону, то помалкивал. Друид облачился в свое лучшее платье: на нем был высокий колпак, слегка сужавшийся кверху. Настоящее чудо — выкованный из золота, длиной в локоть, он был покрыт узорами из кругов и линий. Сложив руки, друид стоял между костром и Эсоном, выжидая, пока притихнет толпа. И когда все умолкли, он начал нараспев высоким бесстрастным голосом, в котором постепенно начала проступать увлеченность. Издавна памятные строчки повторялись и сочетались по-новому, что лишь усиливало одобрение воинов. Заслышав знакомые слова, все принимались кивать.

Гром грохочет, ветер бушует,
Ломается камень.
Скала расседается, земля разделяется,
Уши глохнут.
Я слышал звуки битвы.
Щиты, ударяясь, грохочут,
Бьют барабаны, трещат топоры,
Проламываются черепа.
Какая битва была,
Грозные крики героев.
Вопли гнева сошедшихся в битве.

Суровые дикие мужи, быки-вожди.

Там был Эсон,

В середине там был Эсон, быстрый орел.

Пес кровавый, ищущий крови,

Муж с длинным ножом, бык ревущий.

И они встретились,

И ударил Эсон. Скосил голову Уолы,

Рассек его до пупа

И перерубил потом на три части.

Немед перевел дыхание в общем молчании и закончил уже не останавливаясь, без единой паузы:

Алый от крови, серый от мозгов,

Отрубил он:

Челюсть от головы,

Голову от тела,

Руки от тела,

Ладони от рук,

Пальцы от ладоней,

Ногти от пальцев рук,

Ноги от тела,

Голени от ног,
Ступни от голеней,
Пальцы от ног,
Ногти от пальцев ног.
И разбросал во все стороны.
Словно пчел разбросал их,
Жужжащих на солнцепеке.

Послышались громкие вопли одобрения, началось жужжание, наконец Немед перевел дух и повторил отрывок о пчелах. Речитатив оказался длинным, он был интереснее воинам-йерниям, чем Эсону. Любимые отрывки друид повторял. Что толку в этой лжи — не было такого и быть не может, — и к тому же все это знают. Так шло долго. Немед умело создавал напряженность и наконец, повернувшись, показал на Эсона.

— Ты хочешь спросить? — прокричал друид.

— Я хочу спросить. — Эсон поднялся перед своим хенджем. — Для чего предназначен этот день? Чем он отличается от других?

На этих словах пара друидов подволокла к Немеду слабо сопротивляющегося человека. Пленник ли, провинившийся… и за что? Эсон не знал, это его и не волновало. Мужчину развернули спиной к Немеду, подали острый бронзовый

кинжал. Друид коротко кивнул, жрецы отступили, и, прежде чем человек мог сделать хоть шаг, Немед погрузил кинжал в его спину. Вверх, под ребра — прямо в сердце. Тот упал, содрогаясь всем телом, и, корчась на земле, попробовал дотянуться до кинжала. Снова вздрогнул и испустил дух.

И пока пленник корчился на земле в муках агонии, Немед стоял над ним с напряженным лицом, читал знамения в движениях тела и в том, как именно он наконец разбросал руки и ноги. Движения человека, уже наполовину прошедшего ворота смерти, говорят намного больше, чем облака или полет птиц. Увиденное, должно быть, удовлетворило друида — он выпрямился и указал на Эсона. А потом начал задавать ритуальные вопросы, которые сделают Эсона быком-вождем. Свершилось.

— Египтянин, ты встаешь с первым светом, — окликнул Интеба Эйас со своего ложа.

Над равниной висел туман. Просыпались начинавшие свой разговор птицы.

— С первыми лучами зари в камне можно увидеть то, что он скрывает в себе.

— Знаю. Дело в тенях.

Интеб остановился и вопросительно поглядел вверх.

— Для кулачного бойца ты хорошо знаешь дело каменотеса.

— Став рабом, я познакомился со многим, для чего нужна крепкая спина, но не голова. Кулачный бой избавил меня от труда. Я успел побывать не только на галерах, но и в каменоломнях Черного Холма[5].

— Песчаники Киццуватны, — пренебрежительно фыркнул Интеб. — Их зубами откусить можно. Пойдем, я покажу тебе, что такое настоящий камень.

Утреннее солнце разогнало туман, бросило свои лучи на камень. Интеб переходил от одного конца глыбы к другому, бормотал под нос, делал пометки угольком. Эйас наблюдал, чесался, позевывал — этой ночью он не спал.

— Этот край дастся нам легче, — пробормотал Интеб, — здесь камень тоньше, и он чисто обломится.

Йернии узнали, что их труд окажется не напрасен; возможно, теперь удастся заставить их поработать вместе.

— Кнут, вырезанный из шкуры водяного коня, способен справиться с любым прекословием.

---

[5] Примечания: 5

Черный Холм — современное турецкое название этой местности — Каратепе.

— Эйас, они не рабы и не крестьяне. На этом острове таких нет. Если я попробую кнут на йерниях — живо получу удар топором. Вот когда придет время окончательной отделки, придется поискать работников — быть может, донбакшо, которые пасут стада. Дело простое, нужны только крепкие руки и терпение — чтобы работать от восхода и до заката.

Мальчишки, выгонявшие скот на пастбище, заметили у камня Интеба. Весть разлетелась быстро. Все воины, которые держались после вчерашнего на ногах, поспешили из дана.

Впереди были те, кому вчера не удалось поработать молотом. С хохотом они полезли наверх, улыбаясь в ответ на ругань Интеба: своими ступнями они стерли все его отметины. Воины ощупывали каменные молоты, как знатоки обсуждали их достоинства. На каждый молот нашелся воин, скоро собралась толпа. Эйас отправился за Эсоном, чтобы тот увидел самый главный момент.

— Для каждой стороны монолита достаточно одного скола, — пояснил Эсону Интеб. — Я хочу не только сберечь силы и время, следует проявить мастерство, которым владеет не каждый. — В этих словах не было хвастовства, и Эсон согласно

кивнул. — Камень будет шире у основания, уже вверху, так, как сделано в храме Ни-весер-ре у Нила или во дворе Саху-ре. Подобная форма вызывает восторг, я предпочитаю ее прямолинейным стенам и колоннам храма царя Хефрена. Ты достоин лучшего — я не стал бы копировать те стелы, даже если бы имел возможность так же обработать камень. Твой обелиск должен получиться живым, теплым; его неотполированная поверхность должна вырастать из земли… Итак, начнем.

На этот раз воины были внимательны, они вслушивались, стараясь все понять и запомнить. Теперь они знали, что небывалое возможно. Толпа наблюдателей отодвинулась подальше, чтобы лучше видеть, некоторые забрались на скалы. Эйас помог Интебу точно расставить людей и руководить их движениями. На упражнение с голышами на этот раз ушло меньше времени. Когда дело дошло до молотов, один из воинов выкрикнул: «Эсон абу!» Остальные присоединились к боевому кличу. Дожидаясь сигнала, воины высоко воздели молоты и в нужный момент обрушили их на плиту.

С резким треском камень раскололся, от него отвалился огромный неровный обломок.

Наблюдавшие на миг онемели: все помнили вчерашнюю суматоху и не ожидали быстрого результата. Потом они разразились воплями и бросились вперед, чтобы увидеть новое чудо. Посреди битого камня, обломков, брошенных молотов лежал столп Эсона, ровный и аккуратный.

— А теперь нужно передвинуть его, — проговорил Интеб. — И нечего кивать на вчерашний пир, работа должна быть сделана.

— Да будет как ты сказал, — согласился Эсон. — Только я не представляю, как можно сдвинуть подобную гору.

— Но я знаю, как это делается, а потому и служу тебе. В Египте мы в незапамятные времена научились работать с камнем. Человек тогда еще не знал письма. Но наше искусство неизвестно чужестранцам, а я мастер-зодчий. Мне нужны лишь кое-какие материалы и рабочая сила.

— Охотники поработать найдутся. Воины уже готовы драться за право помочь тебе. Они устанут, я в этом не сомневаюсь, но их сменят другие — положись на мое слово. Какие материалы тебе нужны?

— То, чего мало на этой безлесной равнине. Прочные деревянные брусья толщиной в твою ногу. Бревна, много бревен… и веревки — больше,

чем есть на всем острове.

— Ну, лес отыскать несложно. Дан сложен из дерева — ты получишь необходимое до последней щепки.

— Но это еще не все.

— Тогда — разбери мое жилище. Над входом лежат бревна подходящей длины, те, из которых сделаны стены и пол, тоже годятся. Нести прямо сейчас?

— Сразу же, как только их разберут.

Новому приказу обрадовались все, за исключением плотников и Найкери. Ругаясь, женщина принялась швыряться вещами в тех, кто явился разбирать помещение, остановилась она, лишь когда явился Эсон и прогнал ее вместе с пожитками. Плотники, чьими трудами возводился дан, с еще меньшим энтузиазмом смотрели на то, как рушится их работа.

Но комнату разбирали, невзирая на их недовольство, так что они тоже включились в работу и стали распоряжаться, чтобы все шло должным образом и сооружения разбирали в обратном порядке.

Интеб оставался в дане и распоряжался рытьем ямы под новый камень. Здесь, как и повсюду на этой равнине, твердый мел начинался сразу

под тонким слоем почвы, и выкапывать яму было нелегким делом. В мел тяжелыми камнями загоняли заостренные оленьи рога, ими как рычагами отделяли куски. Это нужно было повторить много раз. Но когда с дана опустили первые бревна и брусья, ямы уже были готовы, перед ними разместили большие камни.

— Эту балку мы используем как рычаг, — объяснил Интеб. — Вам незачем знать, каким образом это происходит, но рычаг увеличивает силу человека, позволяет ему совершать немыслимое. Этими длинными рычагами мы поднимем камень, но сделаем это не сразу, а понемногу. Когда камень чуть поднимется, каждый раз мы будем подкладывать под него эти бревна, чтобы он не опустился обратно. А потом будем подкладывать бревна с другой стороны. Таков первый шаг. И сейчас мы его сделаем.

Интеб с помощью Эйаса распоряжался людьми у рычагов: он поместил их руки в нужные места, несколько раз повторил, что именно нужно делать. Вместе с двумя микенцами Эйас разместился у камня — чтобы подпихивать под него бревна, — дело требовало мгновенной реакции и для йерниев было слишком сложным.

Двенадцать человек встали к трем длинным

рычагам и восемь — к четырем коротким. Вцепившись в брусья, они ожидали команды Интеба, проверявшего приспособления.

Услышав наконец слова египтянина, они нажали на рычаги. Конечно, йернии все сделали вразнобой: одни тянули бревна вверх, другие толкали их вниз. Одна из жердей подгнила и переломилась, мужи повалились в пыль, посыпался град насмешек. Пристроили другое бревно, и после новых разъяснений шестеро микенцев продемонстрировали, что нужно делать. Поплевав на ладони, йернии взялись за дело.

На сей раз раздались взволнованные крики — громадный камень дрогнул и чуть накренился. В щель быстро вставили бревна. Работу пришлось прекратить — все заглядывали в черную щель и со смехом ловили разбегавшихся жуков и других насекомых. Каменные опоры сместили вперед, заменив валунами повыше, и огромный блок медленно поднялся в воздух.

— Довольно, — приказал Интеб. — Несите бревна.

Йернии не решались подходить близко к глыбе, опасаясь, что она в любой момент может упасть на землю или повалиться набок и прихлопнуть их. Бревна пришлось подкладывать Эйасу и ми-

кенцам. Следуя приказу Интеба, они не оставили под камнем пустого места. Торцы бревен круглыми колесами торчали из-под глыбы. Солнце стояло низко, близился вечер, когда Интеб наконец одобрил сделанное и велел опускать камень на катки.

— Давайте, только медленно, — приказал он, — понемногу, как поднимали. Если камень сорвется, то разнесет бревна в щепки. Тогда придется начинать все сначала.

Потрескивающие рычаги вновь подняли невыразимую тяжесть, по одной удалили опоры. Когда убрали последнюю, весь вес пришелся на застонавшие бревна. Попав на неровности, некоторые из них с треском переломились, но остальные держали.

Интеб не позволил бы взволнованным йерниям тратить попусту время на беготню вокруг камня и восхищенные охи, но, не слушая зодчего, они предавались восторгу, становились на колени и заглядывали под камень — пытаясь разглядеть просвет с другой стороны.

Следуя распоряжению египтянина, перед тонким концом камня друг к другу уложили новые бревна. Чтобы командовать следующим этапом работы, Интеб поднялся на камень, здесь к нему

присоединился Эсон.

— Мы подвинем этот камень, — объявил Интеб, — передвинем прямо сегодня — только на несколько шагов, чтобы все видели: это воистину можно сделать, а утром камень будет доставлен к дану. Подведите рычаги.

Вновь под камень подвели мощные брусья — на сей раз сзади, а не сбоку. По сигналу люди навалились на них — и огромный камень стронулся с места.

— Еще… дружнее!

Они навалились изо всей силы, и каменный блок пополз вперед — на первое бревно, на второе… Сзади из-под глыбы появилось бревно. Огромный блок сдвинулся на две ладони.

— Началась его дорога, — с гордостью объявил Интеб.

Глава 3

Вести о том, что происходит в дане Эсона, быстро доходили до других тевт. Слухи достигали и земледельцев-донбакшо, живших посреди лесов на полянах, доходили в редкие поселения альбиев. Стояло сухое время года. Урожай был уже убран, животные отъелись. Самое время увидеть

это новое чудо света: и многие отправились в путь. Каждый день, когда начиналась работа, не было недостатка ни в наблюдателях, ни в желающих помочь, если в том случалась необходимость. А это требовалось постоянно: чтобы доставить камень Эсона на нужное место, нужно было изрядно потрудиться.

Дорогу до ворот дана следовало сгладить. Разобрали на бревна еще несколько стен — чтобы выровнять путь и заполнить впадины. Теперь от каменной россыпи до дана пролегла дорога, по которой камень мог совершить свой путь.

Все было подчинено строгому порядку. Каждый лоскут кожи — из шкуры ли домашнего скота или дикой лошади — пошел на веревку. Одной из них обвязали камень поперек, к ней прикрепили два толстых каната, смазанных салом, — чтобы были мягкими и гибкими. Привязали и другие веревки, чтобы камень могло тянуть сразу побольше народа. Глыба была настолько массивна, что продвигать ее вперед удавалось или рычагами, или усилиями многих людей, налегавших на веревки. Словом, когда собрались все желающие тащить глыбу к дану, йернии не умели даже сосчитать, сколько их оказалось.

— Мне тоже не сосчитать, — признался Эсон. —

Неужели в самом деле тебе нужно столько народа?

— Да, — невозмутимо ответил Интеб, не хотевший показывать свою неуверенность: хватит ли собравшихся? Он вроде бы все сосчитал точно, неоднократно проверил. — Чтобы камень шел легко, потребуется не менее пяти сотен мужей, а ведь его еще нужно втащить на невысокий подъем.

— Трудно даже представить столько народа, — вырвалось у Эсона.

— Попробуем это сделать. Всех пальцев на руках и ногах у человека двадцать. У пяти мужей всего будет сотня пальцев. Значит, нам нужно столько людей, сколько пальцев у двадцати пяти человек.

— Это очень много.

— Вообще-то нам нужно еще больше. Чтобы камень продвигался вперед, нужно переносить бревна — по двое людей на бревно, в одиночку такие не поднимешь, — для этого потребуется еще две сотни. Они должны забирать бревна сзади и переносить их вперед: когда камень снова наползет на бревно, оно опять станет катком. Все нужно делать очень четко. Я буду приглядывать за теми, кто тянет, Эйас проследит, чтобы бревна вовремя

переносили вперед, ну а кому-то придется ехать на камне, приглядывать и распоряжаться.

— Это мое дело.

— Высочайшее место, Эсон, никто не осмелится покуситься на него. Итак, начинаем?

Несмотря на то что к делу приступили с рассветом, солнце уже подошло к зениту, когда наконец Интеб сам разложил на земле веревки — чтобы тянули в правильном направлении.

Перед камнем уложили катки, позади него собрались люди, готовые подхватить первое показавшееся бревно. Интеб поднял ладонь, и Эсон вскричал:

— Начинаем!

Люди, пригнувшись, взяли канаты, приняли их на плечо и, как и было им приказано, остановились, дожидаясь дальнейших распоряжений. Интеб подошел к краю камня, проверил, правильно ли выстроились люди, и стал распоряжаться:

— Крепче держите канаты. Качнитесь вперед. Но не тяните, просто налегайте на канаты всем весом. Ощутите за собой камень. Не тяните руками, ваши ладони только удерживают канат — всю работу сделают ноги. Ну, гнитесь, сгибайте колени, готовьтесь… Ну же… сейчас… Медленно толкайте ногами — тяните. ТЯНИТЕ!

И они потянули. Веревки напряглись, бревна под камнем затрещали.

Задрожав, глыба стронулась с места.

Тут некоторые упали, кое-кто оглянулся, остальные же изо всех сил тянули, так что жилы взбухали на лбу. Эсон велел всем остановиться. Действие повторили.

После многих неудачных попыток удалось добиться необходимой координации, и камень наконец ровно и размеренно пополз вперед. Из-под заднего конца его одно за другим появлялись бревна, их подхватывали ждущие руки и несли вперед. Другие тянули веревки, потели и напрягались; Интеб следил за всеми, глыба двигалась понемногу, и Эсон ехал на каменном корабле — прямо в ворота дана, по его ровной внутренней площадке к уже подготовленной яме возле костра совета. Когда прозвучал сигнал остановиться, иные попадали от усталости, другие же потребовали пива, чтобы утолить жажду. Эсон тоже уселся отдыхать в тени огромного камня. Он ощущал его всей спиной — как продолжение себя самого. Он ел пищу, принесенную Найкери. Она хотела поговорить с ним о новом жилище, но Эсон отмахнулся. Все мысли его заполнял камень.

— Продолжим? — спросил он обливающегося потом Интеба, едва тот вылез из ямы и опустился возле него на землю.

— Немедленно, пока никто не передумал. Я как раз проверил размеры; все как надо, камень войдет точно. Видишь — Дарсан и его помощники слегка скруглили основание, обили его. Теперь мы можем установить камень в яме, покачивать его и наклонять, даже повернуть можно, если понадобится.

— Повинуясь какому волшебству этот камень попадет в яму?

— Не по волшебству, а по мастерству. Видишь, эти стенки ямы сделаны с наклоном, а дальняя — ровная и отвесная. Мы поставили возле нее большие брусья, чтобы, когда камень окажется в яме, он не мог разбить мел, погубив все наши труды. А пока мы только слегка подвинем камень вперед, так, чтобы низ его выступил над ямой — с той стороны, где уклон. Когда конец его перевесит и на катках останется меньшая часть, камень сам собой скользнет на место.

— Значит, этот красавец будет стоять под углом — половина в земле, половина наружу.

— У тебя глаз зодчего, Эсон. Ты прав. Когда камень станет в яму, я смогу поднять его верти-

кально — прислонив к противоположной стене. Мы будем удерживать камень, а пространство между ним и стенками ямы заполнится камнями и кусками мела. Так поднимется твой первый столп. Первая опора хенджа, та, которую друиды зовут Землей-Матерью, с которой все начинается.

Интеб тщательно подготовил камень к спуску в яму. По мере того как глыбу подвигали все ближе и ближе к земляному гнезду, зодчий велел подкладывать бревна потолще — и камень понемногу поднимался повыше. Это было важно, как по опыту знал Интеб, и он не один раз все промерил и пересчитал, прежде чем продолжать работы. Зодчий осмотрел камень со всех сторон и примерился. Вновь к работе приступили, только когда камень чуть развернули вбок. Сделать это было труднее, чем катить, и возле рычагов то и дело слышалась брань. Наконец Интеб остался доволен. По его сигналу взялись за канаты и осторожно потянули вперед. Камень стронулся с места.

Положив руку на поверхность глыбы, Интеб наблюдал за ее перемещением. Конец камня уже нависал над ямой, когда зодчий остановил движение. Принесли тяжелые деревянные балки.

Их спустили вниз у самого края ямы. Крайний каток миновал их, его быстро извлекли из-под камня — прежде, чем бревно успело упасть в яму. Камень вновь двинулся вперед, следующий каток приблизился к брусьям и остановился. Но камень продолжал двигаться, опускаясь в яму передним концом.

Другой конец его стал подниматься. Толпа расступилась. Камень опускался в яму, поворачиваясь в воздухе, и мужи, бросив канаты, пустились наутек. Камень завис на мгновение, огромная тяжесть влекла его вниз, мел на краю ямы крошился и осыпался на дно. Опорное бревно едва не расплющилось в щепки. И вдруг единым движением камень разом взметнулся в воздух, одновременно с грохотом скользнув вниз — в приготовленное гнездо.

Под ногами содрогнулась земля, взметнулось огромное облако пыли.

Под углом наклонившись к земле, столп, словно палец гиганта, указывал в небо.

Пока йернии ликовали и плясали возле громады, Интеб снова взялся за работу. Набрал из толпы помощников и с помощью Эйаса расставил их по местам. Распорку заготовили уже давно, ее принесли и положили возле отвесного края ямы,

напротив наклонившегося камня.

Она состояла из четырех бревен, соединенных достаточно замысловато: две длинных ноги далеко расходились на земле, но наверху скрещивались и были прочно связаны. В локте от пересечения между двумя ногами была врублена прочная перемычка. Другая, подлиннее, соединяла стойки возле земли. Здесь важно было точное расположение обеих поперечин.

Прежде чем поднимать деревянную раму, для ее нижних концов вырыли ямы, чтобы они прочно удерживались на месте.

Снова Интеб приступил к работе, которую, кроме него, никто не мог сделать, — он протянул канаты в нужном направлении. К вершине наклоненного камня почти на самом верху привязали толстое бревно. От верхней поперечины распорки через него перекинули канаты. Этими веревками будут поднимать раму, но прежде к самой верхушке рамы подвязали канаты от камня.

Уже просто оторвать от земли эту деревянную махину было достаточно тяжело. Две группы воинов тянули за веревки, что были привязаны к бревну на вершине камня, другие поднимали раму, толкая ее вверх шестами, когда руки уже не дотягивались. Опора медленно поднялась вер-

тикально, встав над землей. Канаты, с помощью которых ее поднимали, привязали к бревну за камнем. Все было готово к началу подъема.

Сто семьдесят пять человек тянули на себя вершину деревянной рамы, а веревки, привязанные к верхней поперечине, должны были поставить камень вертикально. Чтобы не ошибиться, Интеб приказал натянуть канаты и, только проверив буквально все, повернулся к Эсону.

— Мы готовы, — проговорил он.

— Начинай.

Приняв на себя вес камня, деревянная рама заскрипела, люди умело налегали на веревки. Огромный камень шевельнулся, оторвался от уклона и стал вертикально.

— Стоп! — крикнул Интеб, когда камень прислонился к отвесной стенке ямы. — Держите, не отпускайте!

Напрягаясь и обливаясь потом, воины тянули. Тем временем Интеб подошел к камню и приложил к поверхности его странный инструмент, сделанный по указаниям зодчего плотниками. Только сам Интеб знал его назначение. Половину небольшого полешка выдолбили в лохань — такую же, как для мелового раствора, только маленькую, — прикрепили к длинной ручке. В

лоханке была вода, и Интеб прижимал долбленую деревяшку к камню, читая по воде таинственные знаки: наверное, так и друиды указывают судьбу по позе заколотых пленников. Все дивились, даже пыхтящие мужи, с трудом удерживающие камень.

Интеб понимал, как им трудно, знал, что долго они не выдержат, но камень следовало установить вертикально. Поверхность воды говорила ему все необходимое.

Он велел врезать в дерево глубокую борозду; когда поверхность воды совпадала с ней, палка стояла вертикально. Тщательно и терпеливо зодчий промерил положение камня, потом велел людям отклонить столп рычагами, чтобы выровнять его. Они навалились с одной стороны, с другой, вернулись обратно. Интеб громко распоряжался, Эйас подкреплял его слова проклятиями. Ослабевшие оставляли канаты, их сменяли свежие воины. Наконец Интеб удовлетворился.

— Живо, — велел он, — засыпайте яму!

С громкими криками йернии принялись валить в яму грязь, куски мела, камни, обломки молотов — лишь бы только заполнить ее. Свежая насыпь сровнялась с землей, ее утрамбовали тяжелыми

бревнами, досыпали еще, снова утрамбовали, прозвучал долгожданный приказ, и утомленные люди выпустили веревки.

Колонна горделиво стояла, и тень от нее огромным указующим перстом прочертила дан.

Глава 4

Едва стемнело, взошла луна, осветив дан. Пир был в самом разгаре. Сияние ночного светила как бы дало сигнал к новой вспышке восхищения колонной Эсона — в лунном-то свете ее никто еще не видел, все принялись промерять шагами колоссальную тень. Наиболее отважные воины подходили к глыбе, даже прикасались к ней. Эсон прислонился спиной к камню и ничего не опасался. Ему подносили эль, и он пил, не сходя с места. Женщин не было — кроме тех, что разносили питье, — их присутствие в столь важный момент не допускалось.

Эсон не обращал внимания на женский голос, настойчиво звавший его. Наконец Найкери появилась прямо перед ним, все еще выкрикивая его имя.

— Прочь! — приказал он, занося руку для удара, на случай, если презренная рискнет подступить

поближе.

— Ты должен знать — получены важные вести.

— В другой раз.

— Нет — сейчас, это очень важно. Можно мне подойти или ты предпочтешь говорить подальше от костра?

Эсон метнулся, чтобы схватить ее, но она увернулась. Не скрывая гнева, он следовал за ней от костров.

Наконец она повернулась к нему. Живот Найкери холмиком выдавался вперед. Поглядев на него, Эсон притих, подумав о своем будущем сыне.

— Есть вести об атлантах, — проговорила Найкери. — Впрочем, теперь, наверное, камень для тебя важнее, чем они.

Не обращая внимания на колкость, он обернулся, чтобы полюбоваться на столп под новым углом.

— Ну, что ты там узнала об атлантах?

— Они идут сюда от копи, чтобы напасть на тебя. Их ведет мой родич.

Впервые за многие дни позабыв про камень, Эсон поглядел на нее. Все эти волнения с камнем как-то вытеснили из его памяти отряд врагов.

— Говори все, что знаешь, — бросил он.

— Наконец решил обратить на меня внимание? Оказывается, ты даже можешь говорить со мной, когда я тебе нужна. А во все прочее время ты обращаешься со мной так, слов…

— Говори об атлантах, женщина, — перебил ее сквозь зубы Эсон. — Дашь волю языку в другое время. Что случилось?

Настроение Найкери вдруг изменилось, обхватив Эсона, она прижалась к нему лицом.

— Я хочу только помочь тебе, — прошептала она. — То, что я делаю, я делаю лишь для тебя, мой царь. У меня не было никого до тебя, не будет и после, обещаю тебе. Я понесла твоего сына и хочу только одного — родить его.

Тронутый словами женщины, Эсон поднес мозолистую руку к ее голове, к мягким волосам. И, приникнув к нему, она шепотом рассказала обо всем, что знала, и обо всем, что сделала:

— Мужи-атланты глупы, они думают лишь о рабах. Большая часть донбакшо, что жили неподалеку, уже разбежалась. Теперь, когда атланты ловят донбакшо, то надевают им ошейники и запирают, чтобы те не убежали. Но они знают, что альбии — торговцы, а раз так — альбии полезны атлантам: могут принести пищу, сведения о других племенах. Нас они не делают рабами.

Пока. Им помогает Тури, двоюродный брат моего отца, ты видел его в нашем доме. Он рассказывает нам обо всем, что делают атланты, от него я знаю об их планах. Этот Темис потребовал, чтобы Тури повел их против тебя, но брат боялся, что его убьют. Тогда атланты дали ему кучу подарков, и он согласился. Тури поведет их, но семья его вместе со всеми остальными альбиями сразу же отправится на север, потому что он приведет атлантов через лес туда, где будешь прятаться ты со своими воинами. Он пойдет первым, вы пропустите его, а все остальные пусть будут убиты.

— Когда это будет? — спросил Эсон, сохраняя спокойствие, невзирая на охватившее его волнение.

— Через три дня; ты знаешь эту долину, за лугами дана Ар Апы, где мы с тобой отдыхали. Мой родич встретит тебя и покажет тропу, покажет двоюродного брата отца моего, чтобы он не был убит.

— Ему не будет вреда — а атлантам пощады. Если мы захватим их врасплох, перебьем всех до единого. Выходим нынче же ночью, ведь нужно прийти вовремя.

Возвратившись к пирующим, Эсон вновь прислонился к камню спиной, упорно обдумывая то,

что надлежит еще сделать. Здесь были воины его тевты. Но и не только они.

С севера с одиннадцатью воинами пришел сам Маклорби, толсторукий и коренастый. Все помогали ставить этот камень. Были воины из дана Финмога, был Ар Апа со своими людьми.

Если эти воины вместе выйдут в бой, в его распоряжении окажется войско, какого Эсону еще не удавалось собирать под свою руку. Они пойдут с ним. Эсон был уверен в этом. Быки-вожди получат сегодня дары от него, они захотят пойти. Он расскажет им о длинной цепочке воинов, идущих по лесу, расскажет, как нападать на них и убивать, расскажет и о том, как потом разделит доспехи. Сейчас только у каждого десятого найдется бронзовый кинжал, чтобы отрезать головы врагов. Как же они будут ценить мечи! Эсон понимал — нападение может удаться. Он научит йерниев, как биться и победить, они последуют за ним..

— Слушайте меня, — провозгласил Эсон, делая шаг вперед, — слушайте то, что я должен сказать. — Он подождал, пока все притихнут, и начал объяснять, что теперь следует делать.

Возле дана Мовега они оказались как раз с рассветом, там напились и отдохнули. Когда Мовег увидел войско, узнал о задуманном, он немедлен-

но надел волосяную перевязь с топором и взял щит. Так поступили и все его воины. Опытные охотники и прекрасные следопыты, они понимали: одно дело атаковать крепость прекрасно вооруженного врага и совсем другое — перехватить в густом лесу цепочку воинов. И вышедшее навстречу атлантам войско сразу увеличилось. Они шагали по равнине, первыми шли микенцы в броне, следом воины из дана Эсона. Все прочие шли как вздумается, вместе или поодиночке. Иные шли параллельными тропами, другие то тащились сзади, то поспешно нагоняли… Не войско — расползшаяся толпа мужей, соединенных алчностью и воинственностью.

На край равнины они вышли на следующий день. Там на опушке их ждал невысокий темноволосый мужчина. Он двинулся навстречу Эсону, с опаской поглядывая на топоры и мечи.

— Я — Гвин, сын тетки твоей Найкери, — торопливо проговорил он. — Я ждал тебя по ее слову.

— Не бойся ничего — пусть страшатся атланты. Они уже в пути?

— Отстали от меня на день — не умеют быстро ходить по лесу. Идут по этой тропе. Их ведет Тури, он боится, ждет смерти.

— Жизнь его в моих руках, и я сохраню ее.

Когда собралась его не знающая порядка армия, Эсон поднялся на большой валун.

Воины обступили его плотной толпой. Ближе всех были микенцы с Эйасом и быки-вожди, со всех сторон напирали воины.

— Отсюда придут атланты, — показал Эсон. Мужи зашевелились, принялись разглядывать брешь в сплошной стене леса. — Здесь густые деревья, вот холм, на который нелегко подняться, ручей и болото. В пути атланты растянутся по тропе. Мы затаимся в лесу по обе ее стороны. Они пойдут мимо и не увидят вас. Вы можете спрятаться, вы — охотники, вы умеете становиться невидимыми. Вы будете лежать в засаде и только по сигналу броситесь в атаку. И не потому, что я убью любого жадного воина, преждевременно бросившегося в бой, — я сделаю это, не сомневайтесь, — но потому, что так нам удастся захватить атлантов врасплох и перебить их. Они пройдут между нами, и, когда первые окажутся здесь, вы услышите мой боевой клич — тогда бросайтесь в атаку. Каждый воин повторит его, вступая в бой.

С криками одобрения йернии потрясали в воздухе топорами. Эсон направился в лес, воины двигались следом. Это было их дело, они хорошо умели его делать. Время хвастовства и

бахвальства прошло. Как огромные хищники, воины бесшумно шли вперед: могучие, грозные, знающие битву, ничего не боящиеся. Этот огромный остров принадлежит им одним, йернии властвуют здесь. Пусть сюда заявились люди с бронзовыми мечами и в бронзовых панцирях. Воины-йернии уважают их, но не боятся, как не страшатся и самой смерти в бою. Последовав за Эсоном, они по его приказу укрылись в выбранных им местах, среди деревьев возле тропы. Эсон спустился с холма к болоту, и воины за его спиной исчезали в тени деревьев. Они умели спрятаться даже среди кочек. Раздвигая тростник так, чтобы не поломать ни листа, ни стебля, йернии опускались в мутную жижу. Эсон приглядел за тем, как исчез из виду последний, и направился обратно. Его микенцы тоже укрылись между деревьями, рассеявшись по одному, чтобы отвлечь атлантов от легковооруженных йерниев.

В лесу воцарилось молчание, лишь только ветер перебирал сучья высоко над головою.

Ничего не было слышно. Йернии ожидали, безмолвные, словно деревья. Только Эйас и Гвин остались возле тропы.

Вместе с Эсоном они спрятались в лесу, опустившись на прохладный мох за стволом огромного

дуба. Гвин припал к земле, Эйас задремывал, что-то бормотал во сне и, вздрогнув, просыпался, принимаясь оглядываться вокруг. Медленно миновал день.

Вдали послышался крик.

Эсон тихо сел, склонив голову, чтобы лучше слышать: не показалось ли ему? Но и вокруг все встрепенулись и вслушивались в тишину не менее внимательно. А потом крик повторился, мужской голос кого-то окликнул, ему ответили — далеко внизу.

— Идут, — шепнул Эйас, подбирая каменный молот.

Он видел, как им орудует мясник, тяжелое короткое орудие смерти понравилось бывшему рабу. Он даже отдал мяснику за молот отличную медную булавку. Молот напоминал ему кулак — куда более привычное, чем меч, и столь же смертоносное орудие.

Все трое бесшумно подобрались поближе к тропе и залегли за густым кустом боярышника. Понизу под толстыми ветвями было прекрасно видно. Послышался другой голос, потом топот ног. Внизу на тропе что-то мелькнуло: за бурым одеянием альбия показался вооруженный атлант.

— Первый — Тури, — шепнул Гвин.

Прошли и ничего не заметили. Значит, вся цепочка атлантов уже протянулась по лесу между спрятавшимися воинами. Ловушка готова была захлопнуться. И когда шедший за альбием атлант миновал его, Эсон поднялся из-за куста и рванулся вперед.

Он был еще на полпути к тропе — Эйас чуть отставал, — когда первый из атлантов увидел его и закричал, поднимая тревогу и вырывая меч из ножен. Одновременно с ним молчание нарушил Эсон:

— Беги, дурак, беги!

Альбий побежал при первом же звуке — он был готов к засаде. Сопровождавший проводника атлант запоздал, и меч его рассек один только воздух. Он бросился было за предателем, но, поняв, что Эсон уже совсем рядом, повернулся, чтобы защищаться. Обрушив на атланта меч, Эсон изо всех сил выкрикнул:

— Эсон абу!

Меч его ударил в щит атланта, тут же сам Эсон принял его удар на свой щит. И коротким движением ударил его в живот… Эхо боевого клича Эсона еще гуляло по лесу. Эсон абу!

Слова эти подхватил один голос, другой, они

доносились с обеих сторон тропы.

— Здесь Эсон! — успел выкрикнуть атлант и умолк. Меч вонзился ему в живот — удар пришелся прямо под панцирь.

Из леса доносились вопли и звон металла. Эсон выдернул меч и приготовился защищаться. Все оказавшиеся поблизости атланты и не думали обращать внимание на показавшихся из леса йерниев. Они бежали к нему. Пятеро… шестеро. Мечи, копья, стена щитов.

Он отступил, прижавшись к дереву.

— Ко мне! Ко мне! — закричал Эсон, и на зов его ответили. Рядом крутил огромным молотом Эйас. Позади него набегали воины из дана Эсона. Нужно было только продержаться. Именно он был нужен атлантам, именно его ненавидел Темис, ради него пришли они в эту невообразимую даль. Атланты напали на него одновременно. Посыпались удары. Рухнул один… другой — оба были сражены сзади. Им не устоять. Еще немного.

Но его время истекло. Меч ударил о меч Эсона — атлант бил всей силой, всем весом.

Эсон встретил щитом другой удар.

Копье ударило из-за плеча ближайшего атланта, подобно терзающему клыку.

Эсон дернулся в сторону, но опоздал.

Бронзовый наконечник копья ударил в горло, пробил шею, пригвоздил ее к дереву.

Кровь хлынула в горло; он не мог крикнуть. И все закончилось.

Глава 5

Черными силуэтами на фоне облаков в бледном небе кружили два сокола — каждый сам по себе, но рядом друг с другом. Самец заметил, что внизу в траве что-то пошевелилось, и, быстро трепеща крыльями, завис в воздухе. Движение повторилось. Добыча. Со сложенными крыльями сокол камнем упал вниз и только в самый последний момент остановил падение, выставив вперед когти. Так и не коснувшись земли, он забил крыльями и взмыл вверх — в когтях шевелился бурый комок. Самка подлетела поближе, чтобы осмотреть мышь. И словно листья, гонимые ветром, птицы исчезли в серой дали над равниной.

Прохладный осенний ветер срывал с ветвей и настоящие листья: багровые, желтые, бурые. Они скапливались в низинках, летели над равниной к стадам, подъедавшим последние остатки травы. Ветер нес их дальше — к плетеной ограде дана, поднимавшейся над равниной. Дуновения

его еще не были ледяными, но уже несли в себе напоминание о близкой зиме. Даже легкое прикосновение ветра, вид бледного ясного неба заставляли покрасневшие глаза Эсона слезиться. Он заморгал, смахивая влагу. Невысокое ложе, на котором он лежал, устилали теплые мягкие шкуры, другие укрывали его сверху. Он подумал о днях и ночах, полных боли, вспомнил о том, как просыпался и тут же снова засыпал. Он долго болел. Неподалеку негромко напевал женский голос. Осторожно повернув голову, он увидел Найкери, что сидела, скрестив ноги, возле него. Она раскрыла ворот своей одежды и, поддерживая рукой полную грудь, кормила младенца. Тот усердно чмокал и слегка поводил крошечными кулачками. Найкери раскачивалась взад и вперед, напевая песню без слов. В дверях возникла тень; пригнувшись, вошел Интеб.

— Эсон, ты проснулся? — проговорил он, заметив, что лежащий открыл глаза.

Эсон кивнул и показал на чашу с медом, стоявшую на деревянном сундуке. Египтянин передал ему чашу, и, приподнявшись на локте, Эсон пригубил напиток.

— Вчера ты добрался до двери, — проговорил Интеб, принимая обратно пустой сосуд. — Может

быть, выйдем сегодня на балкон?

— Не надо ему еще столько двигаться, — раздраженным тоном возразила Найкери.

Сосок выдернулся изо рта младенца, тот, забулькав, ловил ртом воздух, а потом разразился сердитым криком.

— У него голос льва, — заметил Интеб.

Крик разом прекратился — младенец вновь припал к груди. С помощью Интеба Эсон ухитрился подняться на ноги. Перед глазами все шло кругом, пришлось покрепче опереться на египтянина, чтобы головокружение прекратилось. Только тогда рискнул он сделать первый неуверенный шаг, за ним второй. Он не ощущал под собой ног и прекрасно знал, что исхудал. Но мясо можно и нарастить. Пора начинать. От усилий на лице Эсона выступил пот, но он шел — через свою, затем через смежную комнату. Пинком Интеб распахнул выходящую на балкон дверь, перед ними под лучами осеннего солнца раскинулся двор дана, где вовсю кипела повседневная жизнь. Бродили животные, играли дети, мастера работали возле своих дверей: сто и одно дело, без которых жизнь дана невозможна.

Но было кое-что новое — Эсон только слыхал об этом, но не видал еще. Пальцы его впились в пле-

чо Интеба, микенец выпрямился и улыбнулся, не веря своим глазам.

Там, где минувшим летом из земли поднимался только один камень, теперь высилось два. Белые и сверкающие, одинаковые и прекрасные. Две огромные могучие колонны, вырастая из земли, стремились к небу. Основания их были рядом, они почти соприкасались, но кверху камни сужались и расходились. В столпах была крепость, мощь и величие, они словно бы дышали могуществом.

— Да, — хриплым голосом проговорил Эсон, пальцы его легли на горло — на багровый неровный рубец.

Он хотел сказать многое, очень многое, но говорить было больно. Правда, эта боль была лишь воспоминанием о той, что так мучила его, но тем не менее она не исчезла. Эсон почувствовал усталость, Интеб помог ему опуститься на высокий сундук. Вождь привалился спиной к стене, радуясь свету, теплым лучам солнца.

— Мы сделали много больше, чем видно отсюда. — Интеб указал на верхушки каменных столбов. — Вот если бы ты поглядел на них сверху, то увидел бы — верхушки обтесаны. Старый Дарсан не слезал с помоста, даже стал говорить, что вот-вот зачирикает. Но кроме него, никто не

мог бы этого сделать. Он обил края камней, оставив в центре выступ. Как в деревянных хенджах — йернии привыкли так делать.

Моргая на ярком свете, Эсон пригляделся внимательнее. Действительно, на макушке каждого камня виднелся выступ — словно на стояке деревянного хенджа.

— Перекладина уже почти готова — видишь, ее обрабатывают возле дальней стены. Ее обтесали прежде, чем доставить сюда, а теперь долбят гнезда. Я велел женщинам сделать плетенки — ты слышал, наверное, как они визжали, когда мы заставляли их лезть наверх по лесам, — эти корзинки в точности повторяют форму выступов и расстояние между ними. И теперь люди Дарсана долбят молотами гнезда. Работа почти закончена.

— А каким… колдовством поднимешь ты эту глыбу в воздух?

— Трудная проблема. — Интеб расхаживал по балкону, сложив перед собой руки. — У нас в Египте это было бы несложно сделать. В моей родной стране что-что, а песок изобилует повсюду. Его сгребают, переносят, из него можно сделать насыпь — дорогу, по которой поднимают камень. Но здесь так не сделаешь. Белый мел

ломается очень плохо. Чтобы заготовить нужное количество, нам пришлось бы работать целый год. Есть и другой способ, но для него потребуется лес, много леса, почти целая роща.

— Или целый дан?

Интеб медленно повернулся, приглядываясь к домам и стенам дана.

— Да, здесь много дерева, но ведь потребуется все, что есть. А как же люди — куда им деваться?

— Пусть ставят дома рядом с даном, как женатые воины. Тяжелее жить им не станет. Но прежде чем я велю ломать дан, расскажи, что ты задумал.

— Такой способ мы называем подъемом. Им пользуются внутри гробниц или храмов, чтобы поставить на место большой камень или статую. Я буду рычагами поднимать камень — как это делается, когда подкладывают катки. Но вместо катков мы соорудим прочную платформу, вот так. — Он повернул руку вверх ладонью. — Теперь камень на платформе, его вновь поднимают рычагами, делают новую платформу из бревен, укладывая их поперек. — Интеб положил на ладонь вторую, скрестив под прямым углом пальцы. — Получается прочная опора, на ней легко работать — и мы все поднимаем и поднимаем

камень, подкладываем новые ряды бревен и так наконец поднимаемся до самого верха колонны. Потом сдвигаем камень вбок — на место. Но, как ты сам понимаешь, на все нужно много дерева.

— Ты получишь его. Пусть ломают весь дан, если это необходимо. Тогда у меня будет каменный хендж, и я созову здесь пять тевт. Вся сила вернется ко мне, и я буду говорить о том, что следует делать, и камень своею силой будет говорить вместе со мной. Он будет говорить громче меня. — Лицо Эсона внезапно сделалось жестким. — А как атланты? Что слышно о них?

— От альбиев нет никаких вестей об атлантах. После того как незваные гости погубили многих из них, альбии перебрались подальше от копи. И некоторые во всех бедах обвиняют тебя.

— Найкери мне уже рассказала. Она говорит, что это не важно.

— Может, и так, только теперь нам не от кого узнавать об атлантах. Воины, которые ходят к копи бросать камни и браниться, говорят, что внешний вал стал еще выше, на нем даже поставили частокол.

— Подготовились к осаде. Они знают, что йернии не умеют штурмовать стены. — Во внезапном гневе Эсон ударил в ладонь кулаком. — Ох, эта

рана! Если бы меня не повалили, мы сразу направились бы к копи, взяли ее и расправились с остальными атлантами.

— Кто пойдет без тебя? Не забывай, что перехваченные нами в лесу атланты погибли до последнего человека. Мы гнали их по лесу, как оленей. Каждый воин получил голову, панцирь или меч. Но это твоя победа, Эсон, и они это знают, — теперь йернии пойдут за тобой куда угодно.

— Я поведу их, как только это хилое тело вновь наберется сил. Тогда я объединю йерниев, сведу тевты воедино. Но будет ли закончен к самайну мой каменный хендж… завершишь ли ты строительство ко времени, когда загоняют скот и приходят торговцы?

— Сделаем, даже если придется работать по очереди, как мы делали прежде. Кто-нибудь всегда работал при свете факелов. Все будет готово.

— Тогда разошли весть не мешкая. Я собираю все тевты йерниев — здесь, перед камнями. И это будет началом. Как ты думаешь, они придут?

— Они ждут лишь твоего слова.

— Тогда передай им — Эсон сказал.

Глава 6

В подлеске кто-то возился, с хрустом ломались сучья. Выставив копья, пригнувшись, люди ждали, готовые прыгнуть, нанести меткий удар. Быстрый вепрь — зверь приземистый и коварный — может ударить в любую сторону. Один только поворот массивной головы — и белые клыки выпустят кишки зазевавшемуся мужу, пропорют ему ногу. Страшнее вепря нет зверя в лесу. И вот выгнанный из леса кабан прячется в рощице посреди просторной равнины.

— Он же подранен, — проговорил Эйас, прячась в кустах и внимательно наблюдая за зверем, как и все остальные. Вместо копья в руке его был молот.

— Царапина, — бросил, задыхаясь, Эсон. Он охотился впервые после ранения. Охота была легкой, но он и здесь не мог угнаться за остальными. Горло драло. Эсон с трудом проталкивал воздух в легкие, но не обращал на это внимания. Главное, чтобы сил прибавлялось.

— Вепрь! Вепрь! — закричал кто-то по другую сторону кустов.

Послышались крики, гневный визг. Вновь

затрещали кусты, и темной молнией кабан метнулся из-под кустов прямо на копья воинов, он метался из стороны в сторону, вилял, отбрасывая острыми копытами комья земли. Хрюкнув, зверь развернулся и бросился прямо на Эсона.

Времени на удар не оставалось, можно было только отпрыгнуть. Так Эсон и поступил, грубая шкура прикоснулась к ноге, послышался вопль Эйаса, ставшего на пути вепря.

Быстр был кабан, но кулачный боец оказался быстрее; молот по короткой дуге угодил в лопатку зверю, кабан повалился на бок. На одно только мгновение вепрь оказался на спине, взбрыкивая черными копытами, но Эсон успел ударить. Копье вождя вошло в бок вепря, пригвоздив зверя к земле. Кабан взревел от страха и боли, попытался дотянуться до древка; яростный, налившийся кровью глаз был устремлен на Эсона. Ударило еще одно копье, потом другое. Зверь задергался, и все было кончено.

— Клыки твои, — проговорил Эйас, когда, тяжело дыша,

Эсон опустился на землю.

— Нет… твой… был первый удар, — выговорил Эсон.

— Убил вепря ты, царь. Зачем рабу клыки? Я

возьму себе хвост — он более подобает такому, как я.

Взяв у Эсона кинжал, Эйас отрезал изогнутый хвост у основания и разгладил кисточку на конце. Потом заткнул его сзади за пояс.

— Ну вот, теперь я в лесу в безопасности, — сообщил он, — кабаны примут меня за своего.

Йернии разразились хохотом, хлопая по ляжкам и по спинам друг друга. Даже Эсон слегка улыбнулся — дыхание начинало успокаиваться. В лесу о дерево застучал острый камень — кто-то из охотников уже вырубал жердь. Другой тем временем связал ноги кабана полосками кожи. Эйас ткнул толстым корявым пальцем в бок вепрю.

— Жирный, нael белое сало на желудях. Я уже чувствую, как тает оно в моем рту. Мед, эль, свинина. Ты правишь доброй землей, великий Эсон.

Опираясь на древко копья, тот поднялся на ноги, и они отправились в обратный путь — к дану. Продев шест под ногами вепря, охотники несли за Эсоном добычу, они хохотали и бахвалились на ходу, сравнивали свои белые изогнутые усы с клыками кабана. И, завидев дан, принялись, как всегда теперь, удивляться происшедшим в нем переменам. В жизни йерниев такие события случались редко, и о подобной новости следовало

говорить и говорить — целыми днями, чтобы привыкнуть. Перемены и впрямь были изрядными. Частокол из высоких бревен целиком разобрали вместе с комнатами и помещениями, примыкавшими к нему. От дана остался лишь прорезанный входом кольцевой вал. Сохранили только мастерскую. Вдоль вала, а кое-где прямо возле него, настроили хижин и разного рода укрытий, где обитали воины с семьями и общинники.

Было тесно, случались драки, но по-настоящему йернии не протестовали. Они построят новый дан, Эсон обещал, а пока можно и потерпеть. Неважно. Главное — новое сооружение вознесет Эсона над остальными вождями-быками, а их самих — над воинами всех прочих тевт.

Два камня уже указывали в небо, третий, поменьше, еще только поднимался к нему, повинуясь колдовству египтянина. Завидев каменную громаду, йернии вновь разразились восторженными криками, хотя штабель бревен скрывал ее почти целиком.

Интеб дожидался Эсона у подножия огромного деревянного сооружения.

— Мы готовы, — проговорил зодчий.

Эсон первым полез наверх по высокой лестнице; уходившие вниз бревна слой за слоем

были скреплены вместе, образуя прочное основание. На самой верхней платформе покоилась каменная перемычка. Возле нее и на ней сидели работники, поднявшие камень на эту высоту. В нижней поверхности камня были выбиты гнезда, хотя сейчас их и не было видно, — они точно лягут на выступы в стояках. Эсон с восхищением погладил оба стоячих камня, прикинул, сколько же нужно было отбить, чтобы получить такие выступы.

— Обрати внимание на верхушки колонн. — Интеб встал позади Эсона. — Видишь, они скошены — и перемычка сама точно ляжет на камни сверху. Ее не потребуется поправлять или поворачивать.

— Огромная работа, — восхитился Эсон.

Верхней части столпов почти не было видно, бревна трех последних слоев уже ложились прямо на вершины, как и на остальную платформу.

— А сейчас мы сдвинем перемычку, — произнес Интеб, приказав подавать наверх кожаные ведерки с жиром. Животный жир размешали, сделав его пожиже. Первую пригоршню на бревна бросил сам Интеб.

— Положите сюда, — проговорил он, — на бревна и на помост. Только с краю не мажьте, иначе

все вы, дураки, попадаете на землю. Мажьте путь камню, а не себе. — Передав ведерко, он принялся проверять исполнение.

Когда жир нанесли ровным слоем, Эсон с Интебом отступили в сторону, а работники взяли длинные прочные жерди, в верхнем ярусе помоста проделали отверстия, в них и уперли жерди. За ними разместили длинное бревно — чтобы можно было опереть рычаги.

Установив шесты, чуть налегая ими на бревно, все выжидали. Когда все оказались на местах, Интеб затянул нараспев — так он делал уже не раз, чтобы люди работали в унисон:

— Вставляй рычаг, крепче держи.

— Бу! — выкрикнули в ответ воины.

— Берись, готовься, скоро нажмем.

— Бу!

— Жми и жми, жми и жми.

— Бу!

Под ритмичные крики они налегли, помост затрещал. Камень чуть сдвинулся. Это повторялось снова и снова, и наконец между опорным бревном и рычагами показалась вполне заметная полоса дерева. Сдвигаясь, камень все больше и больше заходил на смазанный жиром участок и передвигался все легче.

Когда люди дошли до смазанной жиром поверхности, Интеб послал за ведерками с песком — забросать его. Чтобы сдвигать такие камни, нужно твердо упираться ногами, не говоря уж о том, что падение с такой высоты грозило смертью. Работа продолжалась. Перекладина неторопливо приближалась к своему будущему месту. Интеб бегал взад и вперед, заглядывал под камень, выкрикивал распоряжения. Камень приподнялся с одного бока, потом с торца.

Интеб ползал вокруг, вымеряя точность направления. Наконец, удовлетворившись, он приказал сделать перерыв.

— Остался последний шаг, — вытирая пот со лба, объяснил зодчий Эсону. Руки Интеба побурели от коры и от жира. — Вынимаем опоры из-под концов камня, вместо них ставим тесаные плоские доски. И пока камень лежит на них, начинаем опускать его, как поднимали, только наоборот. Поднимаем конец, вынимаем доску, опускаем. То же самое делаем на другом конце. И камень как перышко сам опустится на нужное место.

И, пробормотав молитву какому-то звероголовому египетскому богу, зодчий приступил к завершению всего дела. Начиналась самая тонкая работа.

Когда брусья приняли вес камня, опорные бревна вытащили и спустили на землю. А потом осторожно приподняли плиту и начали извлекать доски.

Все случилось очень быстро. Перекладина осела, и верхушки шипов уже начинали входить в гнезда. Десять мужей удерживали рычаг, двое придерживали доски, третий извлекал верхнюю…

Раздался внезапный треск, кто-то вскрикнул.

Люди, удерживающие рычаг, попадали. Длинный брус сорвался и упал вниз на кучу досок. Вытащенная наполовину доска качалась, застряв нижней частью.

С треском и грохотом поддерживающая перемычку пирамида пошатнулась и развалилась. Всем своим весом глыба рухнула на колонны.

Грохот был сокрушительный и громоподобный. Полетели осколки камня, пошатнулся громадный деревянный штабель. Вздрогнул и камень — столп Эсона.

Все вокруг затряслось, задрожало, словно заколебалась сама земля. Люди кричали и падали, один сиганул вниз с деревянного помоста, решив, что все рушится.

И время, только что мчавшееся, почти остано-

вилось. Мгновения нерешительно капали — как вода с оплывающей на солнце ледяной глыбы. Мир дрожал и колебался.

И замер. Перепуганные люди смотрели друг на друга, подмечая на лицах соседей только что пережитый ужас, но земля более не дрожала, и они с трепетом огляделись.

С одного конца платформа разрушилась. Каменная плита удерживалась в неустойчивом равновесии немногими сохранившимися брусьями. С другого конца поперечина легла на одну из каменных опор. Выступ погрузился в гнездо.

Пронзительный вопль вдруг заставил всех вздрогнуть. Интеб рванулся вперед.

— Опоры! — закричал он. — Поставьте опоры, прежде чем тот край рухнет! Прыгай же, прыгай!

Стоны не умолкали. Эсон заметил, что один из рабочих попал под камень — тело и голова его были раздавлены. Этот молчал. Он умолк навеки. Но другой был еще жив, он-то и кричал без перерыва. Рука его оказалась под камнем, когда перемычка рухнула. Расплющенная рука была зажата между обоих камней.

Случившееся и без того встревожило всех, а вопли только мешали тонкой работе. Во избежание новой трагедии Эсон шагнул вперед, извлек

меч из ножен и рукоятью ударил раненого в висок…

По сравнению с огромной болью это был всего лишь комариный укус, и, не переставая кричать, несчастный только дернулся. Во второй раз Эсон не был столь мягок. Бронзовая рукоятка обрушилась тяжелым ударом, и человек мгновенно затих.

Из щели между камнями выступила кровь — совсем немного, настолько плотно стиснута была рука — почти вся до локтя. Оторвав кожаный шнурок, Эсон перетянул руку несчастного выше локтя.

— Подержи, чтобы не упал, — приказал он ближайшему йернию. Проверил помост над собой, убедился, что под ногами нет жира, и занес меч над головой. Размашистый удар пришелся прямо в сустав, раздавленная рука отделилась от тела.

Тело не пришедшего в себя человека содрогнулось от удара.

— Унесите и спустите на землю, — приказал Эсон.

— Теперь все в порядке, — проговорил бледный Интеб.

Он все еще дрожал. Эсон обнял друга за плечи.

— Потери есть всегда, не думай о них.

— На мгновение мне показалось, что все сейчас…

— Камни устояли. Ты — умелый зодчий, Интеб. Каменный хендж почти окончен.

— Кровь… И рука… Эти кости останутся здесь навечно…

— Кровь на камнях — дело обычное. У нас в Микенах с каждой стороны ворот над столбом лежит по рабу, чтобы камни крепче держались. Не тревожься. Ты продолжишь работу.

Интеб отодвинулся; стиснув руки, он старался унять дрожь.

— Да, конечно. Дело должно быть закончено. Сейчас и немедленно — осталось сделать немногое.

Некоторые воины не хотели снова приступать к работе, но Эсон только молча показал им свой окровавленный меч — оружие говорило без слов. Осторожно, медленно, доски по одной вытащили из-под другого конца перекладины. Наконец вытащили последнюю, камень заскрежетал о камень и встал на место. Интеб положил руку на поперечину.

— Вот, Эсон, твой каменный хендж, он готов для самайна.

— Такого еще не было. Ты будешь царем, Эсон.

Мужи-йернии не понимали смысла того, что происходит, но вполне постигали величие сделанного ими. Они кричали, выкрикивали свой боевой клич, пока наконец не охрипли. На земле внизу творилось то же самое. Лишь сброшенные с самого верха останки раздавленного йерния безгласно лежали у основания хенджа.

Глава 7

Темный силуэт был издалека виден над равниной, он высоко поднимался над округлым холмом. Хижины, лепившиеся снаружи, только подчеркивали его величие. Завидев его, воины из других тевт издавали изумленные вопли, быки-вожди начинали трогать усы и покусывать губы. Это был хендж! Шедшие с мешками за спиной альбии восхищались им; они-то умели работать с камнем и сооружали громадные гробницы. Донбакшо, с товарами на продажу или без них, приходили, только чтобы взглянуть на него. Даже осторожные охотники по ночам пробирались по равнине, разыскивая укромное место, откуда можно все высмотреть днем, и, досыта наглядевшись, возвращались к своим лесам и болотам.

Цепочкой шли рослые герамании, мужчины

и женщины — иногда еще более рослые и сильные, чем мужи, оставив корабли на берегу, они уже знали, что в этой земле появилось нечто невиданное.

Настал самайн. Год оканчивался, зима была не за горами, и тевты собирались. Настало время забивать скот и пировать, время торгу и пьянству, время возводить в быки-вожди и сжигать пленников в клетке. Время для всего.

И для сбора всех тевт йерниев, обитавших на холмах. Этого не было еще никогда. Над этим думали и думали. Но быки-вожди получили теплое золото и мягкие янтарные диски в знак того, что Эсон ждет. Каждого уверяли, что прочие просто рвутся прийти. Так предложил Интеб, знавший толк в интригах: это сработало, преодолев все сомнения быков-вождей.

Разве может один противиться объединенной воле всех остальных? Они начистили украшения, отполировали бронзу и выступили в путь, прихватив с собой все, что было припасено для торговли. Племена, торговавшие прежде с другими данами, направились теперь к дану Эсона. Приходили все новые и новые. Никогда еще не было такого самайна, никто не помнил ничего подобного.

Вокруг костра воздвигли еще четыре хенджа для быковвождей четырех тевт — два по одну руку от хенджа Эсона, два по другую. Эсон был благороден: для хенджей гостей взяли самые высокие бревна из дана, их снабдили подходящими поперечинами. И теперь каждый из быков-вождей мог восседать под величественной аркой, что была раза в два выше, чем делалась прежде.

Ну а над ними гордо возвышался хендж из белого камня. Ворота в Мой-Мелл, в Землю Обещанную… Новый друид вождя увенчал хендж сушеной бычьей головой, увенчал оружием, золотом, головами врагов. Трудно было поверить глазам: хендж из камня, а не из дерева, камня твердого, как боевой топор. И быки-вожди сидели и пили — в молчании, потому что стоило поглядеть в сторону, рано или поздно взгляд обращался к этим вздыбленным глыбам… все выше и выше.

В своей новой круглой плетеной хижине снаружи вала Эсон надевал панцирь, блестящий и полированный. Пока он завязывал кожаные шнурки, яркая штука заинтересовала лежавшего на полу младенца, тот довольно загукал. Эсон ногой пододвинул к нему щит, чтобы крошечные руки могли потрогать блестящую поверхность.

— Бык-вождь Маклорби допоздна беседовал с

друидом Немедом, — проговорила Найкери. — Я не видела этого, но женщины передали.

— Разговоры жен мне неинтересны.

— Еще как интересны: Немед постоянно говорит с людьми из рода Уалы и читает знаки для них.

— Бык-вождь мертв и более не опасен мне.

— Но живые всегда опасны, тем более если они спрашивают совета у мертвых.

— Я не боюсь ни живых, ни мертвых, ни быков-вождей, ни друидов. У меня есть зуб, опасный для каждого. — И Эсон хлопнул по мечу.

— Но лучше и проще знать все заранее. Ты стал здесь быком-вождем вместо человека из рода Уалы. Они не забудут, что прежде были высокими, а теперь стали ничем.

Водрузив шлем на голову, Эсон вышел, не потрудившись ответить. Младенец завопил, когда отец забрал яркий щит. Найкери подняла дитя и прижала к себе.

Остальные быки-вожди уже сидели у хенджей. Когда появился Эсон, от костров принесли мясо. Он должен сделать первый надрез, взять долю самого сильного, тогда и начнется пир. До ноздрей его донесся дивный запах: огромную тушу свиньи, дымящуюся и истекающую жиром,

поместили на козлы. Ее поймали этим летом и обильно кормили, пока она не стала похожа на толстый древесный ствол. Поросят ее давно уже съели, теперь пришел черед и дородной мамаши. Эсон извлек кинжал и пальцем попробовал острие.

— Я — Маклорби, — поднявшись, провозгласил быквождь самой северной тевты. — Чтобы прийти на этот пир, я прошел сотню миль и еще сотню. Со мной пришла сотня мужей. Над дверью моей прибито столько голов, что не счесть и ста воинам. Сотню воинов сразил я в битве: я первым разрежу мясо.

После этих слов упало молчание. Маклорби провел рукой по усам и ударил себя в грудь… невысокий, но крепкий, мышцы бугристой корой вздымались на его теле. Руки у него были толще, чем ноги у многих. Он был знаменитый воин и теперь вызывал Эсона на бой возле собственного очага. Найкери была права — вот и повод для беспокойства. Эсон оглядел безмолвные лица и понял, что от поединка нельзя отказаться. Он не хотел крови, но если так — Маклорби придется умереть.

— Мясо режу я. — Эсон поднял кинжал.

Маклорби в первый раз поглядел на него.

— Я — Маклорби, мужи трепещут, слыша мое имя. На ночь я подкладываю себе под колено голову вождя-быка. Сегодня я усну, положив ногу на голову Эсона.

Вызов был сделан. И, оставив кинжал, Эсон извлек меч из ножен. Не отводя глаз от Эсона, Маклорби указал на хендж за собой.

— Вот мое золото, оно висит на хендже, чтобы каждый мог видеть его. Я брал в боях шлемы и панцири — вот они, пусть все видят. Я бился с морскими людьми и отбирал у них оружие. Я бился, как положено йернию: волосяная перевязь через плечо, на шее кинжал и гривна, в руке топор, грудь — открыта, и ноги босы, и волосы на лице моем белы, как подобает йернию. Так мы воюем. Так бьется бык-вождь йерниев. Мы — йернии.

Воины тевты Маклорби отвечали громкими воплями одобрения, хлопали себя по ляжкам. Кое-кто в кругу поступил так же, другие же бормотали и оглядывались.

Эсон ощутил, как кожу тронул невольный озноб. Поздно — ничего не сделаешь. Теперь он все понял. У него есть враги в дане, и они хорошо продумали свой план. Эсон еще не пришел в силу после ранения, а сильнее Маклорби среди

йерниев не было никого. В броне и с мечом Эсон победил бы любого. Но сейчас он обрек себя на поражение. Он стал быком-вождем йерниев и, принимая вызов, должен биться как положено йернию, и никак иначе.

А они сражались нагими — лишь с волосяным поясом на чреслах, без брони, взятой в бою у микенцев. И если он хочет остаться быком-вождем своей тевты, придется биться без панциря. Нет другого выхода, если хочешь стать царем йерниев. Герой наг. Враги хорошо все продумали. Эти мысли мгновенно пролетели в его голове, и Эсон понял, как надлежит поступить. Нельзя отговариваться раной — вождь-бык всегда могуч. Нет отговорок, нет возможности отказаться от поединка.

— Маклорби прибежал к моему порогу и затявкал, как собака в жару, — проговорил Эсон. — Маклорби хочет усесться у моего очага и резать первым мое мясо по праву сильного. Я скажу всем, что будет с Маклорби. Он не будет впредь есть, ему более не суждено пить — потому что я убью его и ножом отрежу голову, чтобы сегодня ночью положить ее под колено.

С этими словами Эсон опустил меч и щит на землю и рванул шнурки на панцире и поручнях,

отбросил их в сторону, за ними последовал шлем. Наконец на Эсоне остался только шнурок с кинжалом. Тогда он взял щит и, вдев в петли руку, провозгласил:

— Я Эсон Микенский. Я — йерний Эсон из дана Эсона, и вот мой хендж. Я — убийца мужей. Я убью Маклорби топором. Пусть приблизится друг мой Ар Апа из дана Ар Апы — я хочу оказать честь его топору и зарубить им Маклорби.

Вскочив на ноги, Ар Апа перебросил топор через огонь.

Эсон в воздухе подхватил его.

— Маклорби абу! — вскричал Маклорби и, ударив в щит топором, бросился вперед.

— Эсон абу! — отвечал Эсон, делая шаг вперед. Топор ударил в щит, и битва началась.

Уже после первых ударов стало ясно, кто победит. Маклорби был сильнее. Когда топор против топора — исход решает сила. Каменное лезвие ударило в щит Эсона, рука микенца ощутила удар. Собственный удар его был отброшен и перехвачен. Рука Эсона не отошла еще после первого удара, когда на щит обрушился второй и третий. Эсон отступал, но безжалостный как сама смерть Маклорби следовал за ним, нанося удары сильной, не знающей усталости рукой, словно рубил

дерево. Сейчас он рубил человека, и с каждым новым ударом Эсон ощущал, как оставляет его сила. Он задыхался, пытаясь выстоять. Эсон не был достаточно быстр и точен в движениях: принимая следующий удар, он не успел подставить щит — топор Маклорби задел плечо Эсона, пролилась первая кровь.

Завидев ее, все воины взревели, а Маклорби остановился и, отступив назад, потряс топором и щитом над головой, провозгласив свой боевой клич.

Эсон чувствовал рану, она была неглубокой, но кровоточила, и с каждой каплей сила понемногу оставляла его тело. Оставалось умереть?.. Но Эсон не хотел умирать. Маклорби повернулся и снова издал боевой клич. Тогда Эсон освободил руку от петель щита и взял его за край.

— Эсон абу! — хрипло вскричал он, бросаясь вперед. Расставив ноги, Маклорби стоял на месте и улыбался, дожидаясь Эсона, так что видны были желтые зубы. Эсон широко замахнулся топором, метя в бок Маклорби. Бык-вождь повернул щит, чтобы отразить удар, и тогда Эсон метнул свой щит ему в лицо.

Край щита угодил прямо в зубы Маклорби. Взвыв от боли, тот отшатнулся. Топор Эсона от-

скочил от щита и ударил йерния по руке, выбив топор из руки Маклорби.

Прежде чем Эсон успел нанести новый удар, Маклорби отбросил свой щит и кинулся вперед, впившись пальцами прямо в горло Эсону.

Боль едва не лишила микенца сознания. Как в тумане, мелькнуло перед ним лицо Маклорби, сплевывавшего зубы вместе с кровью. В голове гудело, и Эсон попытался замахнуться топором, но противник был слишком близко. Микенец выронил топор, ударил вперед кулаками, но без успеха. Вокруг кричали, орали, один голос был знаком — он ревел громче прочих: Эйас что-то советовал, что-то о кулачном бое — Эсон едва разбирал слова. Но когда смысл дошел до измученного болью и дурнотой мозга, Эсон послушно выставил руки вперед. Не к горлу Маклорби протянулись они — в честном поединке двух сил сейчас он слабее, — но к лицу. Пальцы поползли вверх по скулам. И большие пальцы Эсона впились в глаза Маклорби.

Так поступали рабы, когда их заставляли биться без оружия. Воину такое обычно не могло прийти в голову. Пальцы погружались в глазницы, ковыряли, слепили.

Боевой клич Маклорби превратился в вопль бо-

ли, и руки его, выпустив горло Эсона, прижались к погубленным глазам.

Эсон сорвал с шеи кинжал. И единым движением погрузил его прямо под ребра противника — в сердце.

Задыхаясь — голова еще кружилась от боли, глаза застилал туман, и Эсону приходилось моргать, чтобы видеть, — микенец нагнулся над трупом. Вокруг гремело «Эсон абу!» — клич повторялся снова и снова, а он пилил, пока голова не отделилась от тела. Руки были по локоть в крови, кинжал выскользнул из пальцев Эсона. Ухватив голову за длинный ус, микенец распрямился и неторопливо направился к своему каменному хенджу. Бросил голову между вертикальных камней, пустыми глазницами она уставилась на костер совета.

— Я — Эсон, вождь-бык йерниев, — хриплым голосом провозгласил он, привалившись спиной к прохладному камню — чтобы не упасть.

Глава 8

Эсон с жадностью припал к элю, потом густой мед принес некоторое облегчение его горлу. Потихоньку боль отступала. Трое остальных бы-

ков-вождей в молчании пили, огромная свинья нетронутой остывала на козлах. Подошли воины из тевты Маклорби, они хотели унести тело. Эсон не позволил и приказал им вернуться на место. Потом Эсон встал и вырезал свою долю мяса. Начался пир — и лишившийся головы труп служил йерниям безмолвным напоминанием.

Но, невзирая на присутствие трупа, угощение и напитки быстро подняли общее настроение. И уже скоро у костра зазвучали привычные хвастовство и бахвальство. Стемнело, в костер подложили смолистых сосновых поленьев, в воздух с треском взвились искры.

Освещенный огнем, каменный хендж сделался еще более внушительным; быки-вожди и простые воины не могли противиться искушению потрогать зернистую поверхность камня. Эсон заметил это и, когда настало время, встал и сам прикоснулся к хенджу. Все умолкли.

— Я — Эсон. Я убил сто раз по сто мужей. Я убивал быков-вождей. Я убивал атлантов. Я убивал всякого зверя, что бродит по суше, я ловил каждую рыбу, что водится в море. Я бык-вождь в этом дане. Я построил этот хендж.

Правда была более внушительной, чем любая ложь. Он в самом деле совершил все это.

Огромные камни подтверждали его слова. Никто не посмел возразить.

— Сегодня на этом самайне впервые сошлись вместе пять тевт йерниев. Вы здесь потому, что вы — быки-вожди в ваших данах, — и так будет впредь. Но мы здесь не только воины, все мы йернии. И когда мы вместе, никто не посмеет противостоять нам. Я прошу вас присоединиться ко мне, пусть будет союз пяти тевт. Я прошу вас сделать это здесь, в дане всех йерниев, в дане, какого еще не было. В каменном дане. Присоединяйтесь ко мне, и мы низложим ваши деревянные хенджи — вы поставите на их место каменные, как это сделал я. Так будет.

Все поглядели на деревянные хенджи и на огромные камни за Эсоном; умственным взором быки-вожди уже видели за собой такие же каменные арки. Вот это будет вещь! Сидя перед деревянным хенджем, Ар Апа увидел, ощутил эти камни. И с восторгом вскричал:

— Ар Апа абу! Эсон абу!

— Эсон абу! — слилось вместе множество голосов, и, когда крики стихли, Ар Апа спросил:

— Эсон, ты будешь быком-вождем всех йерниев?

Положив ладони на камень, Эсон отвечал:

— Я буду.

Раздались новые громкие крики, все как будто бы одобряли план. Ни быки-вожди, ни тевты ничего не теряли, но приобрести могли многое. Там на севере, за лесами, жили племена, совершавшие набеги на юг за скотом. Теперь на них можно будет навалиться всей силой. Будет большая добыча. А хендж останется хенджем. И когда они проявили наибольший энтузиазм, Эсон вновь потребовал тишины, указав на Интеба.

— Вот Интеб-египтянин, он — зодчий. Он огранил эти камни и возвел их. Он расскажет вам о том, что будет здесь сделано.

Сперва Эсон усомнился в плане Интеба, но чем больше думал, тем более привлекательной казалась ему мысль египтянина. Нужно не только заключить союз с вождями-быками, но и заручиться поддержкой воинов. Интеб знал, как это сделать.

— Здесь встанут пять хенджей для пяти быков-вождей, — указал Интеб, и все оборачивались, следя за его рукой. — А вокруг будет каменный дан для воинов. Будет кольцо камней, поверху перекрытых плоскими глыбами, в стене этой будут ворота, чтобы воины входили и выходили.

Вокруг заохали, послышались возгласы одобре-

ния. Интеб подождал, пока все снова стихло.

— Как у всех воинов дана Эсона есть здесь свой камень, так и самые отважные воины всех данов получат свои врата в этом каменном дане. Они повесят на перекладины отрубленные головы, во время пиров увешают его добычей и сокровищами. Таким будет дан всех йерниев, таким будет он высечен из камня.

Тут уж никто не мог сдержаться. Послышались возгласы, боевые крики, взметнулись вверх топоры… похвальба заглушалась другой похвальбой. Посреди общего шума и возбуждения Ар Апа подошел к Эсону и уселся рядом. Они выпили, Эсон возвратил топор.

— Ты был рядом, когда я нуждался в тебе, — проговорил Эсон.

— Ты хорошо поработал моим топором, об этом будут вспоминать. Но я хочу спросить у тебя кое о чем. Твой египтянин не сказал, сколько дверей будет в каменном дане.

— Никто не спросил его.

— Верно. Но я думал о моем дане и вратах для его воинов, думал обо всех воинах, собравшихся здесь. Каменный дан будет огромным?

— Конечно, но не чересчур. Переставим голубые камни, возведем кольцо. Всего будет тридцать

дверей, так сказал мне Интеб. Это большой труд.

— А тридцать — это много?

Эсон растопырил пальцы на правой руке.

— Вот пять пальцев. Тевт тоже пять. — Он приставил к пятерне большой палец левой руки. — А это шесть. Каждой тевте будет отведено шесть дверей. Если шесть взять пять раз, то и получим тридцать.

Хмурясь, Ар Апа поскреб землю пальцами.

— В моей тевте не шесть воинов.

— Так. Но почести будут принадлежать лишь шестерым. Это будут твои родичи, самые сильные из воинов. Каждый будет гордиться, владея дверью. Воины будут усердно трудиться, чтобы стать одним из шестерых. Они будут стараться, помогая тебе. И ты всегда будешь знать, что можешь рассчитывать на их поддержку.

Хорошенько подумав, Ар Апа кивнул и едва не улыбнулся. Остаться вождем-быком подчас сложнее, чем стать им. Раздоры и соперничество в тевте никогда не утихали. И эти шесть дверей помогут ему, очень помогут. Он вернулся назад к своему хенджу и снова выпил, радуясь: сход всех йерниев принес удачу.

Эсон спокойно пил, с благодарностью прислонясь к своему хенджу. Он устал, горло все еще

болело. Но Интеб оказался прав — все были за него. Хенджи будут построены.

Ночь шла, воины постепенно пьянели. Эсону хотелось лечь спать, но он не мог этого сделать, пока шел пир. Явился Интеб, опустился рядом с Эсоном, отпил эля из чаши.

— Приключился несчастный случай, — объявил египтянин. — Умер друид Немед.

— Приятно слышать. — Эсон кашлянул. — Как же он умер?

— Его нашли лежащим, голова друида оказалась на камне. Упал, должно быть, — разбил голову и умер.

— Вот не подумал бы, что у него такой тонкий череп. Интересно, не отправил ли его кто-нибудь в это путешествие?

— Такое всегда возможно. Но говорить об этом вслух не будут. Они с Маклорби замыслили погубить тебя. Но вместо того погибли в одну и ту же ночь. Я думаю, хитроумные утихомирятся на какое-то время.

— Я тоже так считаю. Но друида надлежит похоронить с почестями после погребальных ристалищ.

Эсон поглядел через костер в сторону Эйаса. Сидел ли бывший раб на своем месте весь вечер?

Эсон не помнил. А сейчас кулачный боец пил, чаша казалась маленькой в огромной ручище. Этим кулаком можно сломать челюсть, убить… можно проломить голову. Впрочем, лучше не допытываться. Главное, что друид более не будет злоумышлять против него.

— Великий Эсон, я принес янтарь с севера. По тропам несли мы его через великий лес, вниз по реке Рен, через узкое море — чтобы ты увидел солнечные камни своими глазами.

Подняв глаза, Эсон увидел, что перед ним склонился один из гераманиев, разворачивавший на земле сверток. Гераманий опустился на корточки, поправил на шкуре куски и пластины разноцветного янтаря.

— Меня зовут Гестум, за мной следует клан.

Эсон потрогал камни, поглядел сквозь лучшие на костер.

— Хорошо. Пусть мои мастера увидят этот янтарь.

— Так. Я показываю тебе их, чтобы поговорить. На нас глядят многие. Не тянись к своему запятнанному кровью кинжалу, чтобы погрузить его в мое сердце, когда я скажу тебе, что я служил атлантам.

Эсон все еще держал в руке янтарь, но больше

не смотрел на камень. Муж-гераманий был высокого роста. Длинный плащ на шее удерживала изогнутая золотая застежка, тяжелая и драгоценная. Концы ее сверкали в складках ткани. На руках пришельца были золотые браслеты. Золотые бляхи украшали и рогатый бронзовый шлем. За пояс герамания был заткнут бронзовый меч, бронзовый топор лежал рядом на земле. Холодными глазами глядел он на Эсона и не обнаруживал трепета.

— Ты знаешь, что я воюю с атлантами?

— Поэтому я здесь, хотя остальным это не нравится. Я скажу тебе: народ мой помогает атлантам — иначе мы не можем. Они добывают олово в наших долинах и плавят его. Атланты слишком сильны, мы не можем враждовать с ними. Но, помогая им, приобретаем и мы. Теперь мы сами делаем бронзу, наши торговцы странствуют по рекам к востоку и западу. Мы знаем, что Атлантида воюет с Микенами. Это хорошо. Мы знаем теперь, что ты, микенец, объединил племена йерниев.

— Вы знаете много, — холодно отвечал Эсон. — Должно быть, троянец Сетсус о многом поведал вам… Вы помогали ему?

— Да, это было так.

Гестум распрямился следом за Эсоном, они стояли лицом к лицу.

— Не стану лгать тебе, — проговорил Гестум, — я делаю только то, что идет на благо гераманиям. Мы продавали вести троянцу, помогали ему, мы забрали и твое олово. Теперь он погиб. А ты стал силой на острове, поэтому мы будем помогать тебе. А ты можешь помочь нам.

Быть царем не такое уж и счастье. Эсон-воин, зная все про Гестума, охотно вонзил бы меч ему в нутро. Но Эсон-правитель не мог этого сделать. Человек этот говорил правду. Они могут помогать друг другу и иметь от этого выгоду. Даже олово можно отправлять по Истру в Микены. Дан Эсона заплатит за это своим золотом.

— Садись рядом и пей со мной, — проговорил Эсон. — Твой янтарь восхищает меня.

— Я буду пить. Твое решение восхищает меня.

Глава 9

— Ар Апа абу!

Кричали воины тевты Ар Апы — и все прочие последовали их примеру, когда повалилась огромная пирамида из бревен, открывая могучие камни нового хенджа. Сделанный из того же об-

тесанного камня, он стоял по правую руку от врат Эсона. Новый каменный хендж был чуть пониже, такое лишь справедливо — но над равниной высились теперь два гиганта.

За погасшим костром совета поднимались столпы третьего хенджа — перемычки сверху еще не было. Когда крики приутихли, издали донесся стук камня о камень, четкий в сухом и холодном воздухе.

В низинах уже белел снежок, небо цвета шифера грозило разразиться новым снегопадом.

Ар Апа молчал — он просто не мог найти нужных слов — и приплясывал от радости на месте, потрясая топором над головой. Все понимали, что творится у него на душе. Зима была полна непривычных трудов, но жаловались только рабы. Повседневно совершавшееся чудо — мощь камня, покорившегося воле и руке человека, — по-прежнему завораживало воинов. Они приходили из данов других тевт, приводя с собой рабов, нагруженных припасами на целую зиму. Забивали скот, вялили мясо, варили эль. До весны делать было нечего, развлечься можно только на охоте, а эта возня с камнями приносила куда большее удовлетворение. Они сбивали себе пальцы, отдавливали ноги, четверо воинов погибли — но

это не значило ничего. Йернии бились с камнем и побеждали.

Но приходилось думать и про другую войну.

— Атланты рассылают охотничьи отряды, — проговорил Эсон. — Так говорят альбии и охотники и те йернии, кто следит за копью.

— Они хорошо вооружены и осторожны, — отвечал рассеянным тоном Ар Апа, не отводивший глаз от своих камней.

— В лесу йерниям они не соперники. Атлантов можно захватить врасплох — только лучше подождать, когда они повернут обратно.

Ар Апа расхохотался:

— Подобное могло прийти в голову одному тебе, Эсон. Взять не только их головы и мечи, но и добычу.

Радостная зима, такая запомнится надолго. Труды над камнями прерывались только ради набегов на атлантов. Приятные хлопоты. Пока атланты не стали наконец держаться осторожнее, их отряды было даже легче выследить, чем лесную дичь, — такая охота приносила сразу и мясо, и головы. Отличная зима. Вот придет весна и потеплеет — придется возвращаться в свои даны, к обязанностям и делам. И воины старались пробыть у огромных камней как можно дольше.

Работа шла быстро. Когда были закончены пять хенджей, йернии с прежним усердием взялись за установку внешних камней — врат воинов. Потом из них сложится целое кольцо, но сейчас на это еще ничто не намекало. Каждый воин сам выбирал себе место для своих ворот и куда они будут обращены. Двадцать четыре уже поставленных камня весьма неровным кольцом обступали хенджи. Три вместе, три порознь и восемнадцать рядом. Установили только шесть поперечин. Их было труднее обтесать и поднять, а потому лишь пять уже лежали на месте, шестую поддерживала бревенчатая опора. Работа была в разгаре.

Утро ничем не отличалось от прочих, дело шло само собой, привычной чередой; все сделалось привычным, после того как установили первый камень. Эсон услышал вдалеке крики — кажется, его окликали по имени. Но близкие голоса наверху деревянного штабеля заглушили далекие вопли. Осторожно спускали на место одну из перемычек внешнего круга. Камни эти воистину были обтесаны с невиданным мастерством: в них не только были выбиты гнезда, отвечающие выступам на вершинах стояков, — каждая пара поперечин соединялась с помощью впадин и выступов. Ставить их на место было нелегким

делом. Крики вдали раздались снова, на этот раз Эсон расслышал собственное имя. Он обернулся, смахнул со лба капли пота и поглядел на равнину.

Трое мужей появились в служившем входом разрыве вала. Двое воинов принадлежали к его собственной тевте. Вдвоем они полунесли, полуподдерживали между собой облаченного в бурые одежды альбия. Голова его качалась из стороны в сторону, он совсем изнемог.

Это был Тури, двоюродный брат Найкери. Заметив наверху Эсона, один из воинов, поднеся ко рту ладонь, выкрикнул:

— Атланты!

Эсон бросился к лестнице и слетел вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Воины бежали к дану, не жалея сил, и теперь задыхались. Альбий повалился на землю сразу же, как только его отпустили.

— Мы нашли его утром, — проговорил воин. — На равнине. Хромая, он брел в эту сторону. Сказал только, что сюда идут атланты, и назвал твое имя.

— Хорошо бы, — проговорил Эсон. — Мы потеряли много хороших воинов, пытаясь пробиться за построенную ими стену. — Он понимал, что

с такими силами атланты не могут представлять опасности, но волнение невольно стиснуло желудок в комок. Но, должно быть, случилось нечто неожиданное, иначе Тури не бросился бы бежать сюда.

Изможденный альбий припал к воде, отпил половину чаши. Подняв ее над головой, вылил на голову остатки.

— Сюда… идут атланты, — выдавил он наконец. — Прямо по нагорью, их ведут сюда.

— Мы поприветствуем их, — проговорил Эсон.

— Нет… приплыли новые… они высадились и идут сюда.

— Новые приплыли… сколько же их? Корабли пришли? Сколько?

— Вот. — Тури растопырил пальцы на одной руке и приставил еще два.

Семь кораблей. Эсон выпустил альбия, и тот осел на землю. Семь кораблей. Сколько же людей они привезли — закованных в панцири, вооруженных мечами воинов морского царя? Явились по велению Темиса. Так вот почему царевич атлантов отослал назад захваченный микенский корабль с небольшим экипажем. Об этом Эсону доложили альбии — но тогда он не придал этому значения. Конечно, на него погрузили и олово, но

нужны Темису были воины.

Эсон ощутил, что вокруг воцарилось молчание и что воины не сводят с него глаз.

— Ты, — он обратился к ближайшему воину, — беги туда, где мы добываем камни. Скажи вождям-быкам Ар Апе и Мовегу, что я желаю их немедленно видеть.

Воин немедленно отправился за вождями, а Эсона обступили и воины, и рабы, понимая: случилось что-то необычное. Оглядев всех, Эсон быстро пришел к решению. Он подозвал к себе двух воинов.

— Коми, ты умеешь выслеживать человека и зверя. Корм, я слыхал, что ты можешь насмерть загнать оленя. — И движением руки он остановил уже готовую вырваться похвальбу. — Вы должны сделать так. Я узнал, что сюда приближаются атланты, вам еще не приходилось видеть сразу столько воинов Атлантиды. Они хотят захватить нас врасплох, но в такую игру могут играть двое. Говорят, они идут от копи — по нагорью. Вы знаете эту тропу?

Знали оба. Расспросив их, Эсон узнал, каков там путь.

— Быстро они не пойдут — дорога неровная, воинов много. И вы поступите так: возьмите

с собой мяса и мех с водой. И тихо, как лис на охоте, отправитесь по тропе. Атланты не должны вас увидеть. Вы увидите их — и пойдете, пока они не станут лагерем на ночь. Тогда ты, Коми, останешься следить за ними, а ты, Корм, должен возвратиться сюда. Тогда мы выйдем навстречу им. Поняли?

Когда каждый повторил полученный приказ, Эсон отпустил их. Воины взяли с места бегом. Появились Ар Апа и Мовег, пробились через взволнованную толпу. Кончив возиться с камнем, вниз спустился Интеб. Секретов здесь не было: все действия тевты воины обсуждали сообща.

— Что там с атлантами? — поинтересовался Ар Апа.

— Идут сюда, их много, — ответил Эсон. — Пришли корабли, привезли воинов. Они уже в пути, хотят напасть на наш дан.

Раздались яростные вопли, послышалась кровожадная похвальба, сулившая незваным гостям страшную участь. Эсон дал гневу воинов утихнуть, прежде чем снова потребовал внимания.

— Они пришли издалека — чтобы умереть здесь, — провозгласил он. Послышались вопли одобрения, но скоро голоса стихли, чтобы каждый

мог слышать речи быков-вождей. — Они пойдут по холмам, пойдут не быстро. Может случиться, что они придут сюда еще до темноты, но едва ли. Скорее всего, они остановятся на ночлег. Я послал двоих воинов, чтобы они дали нам знать об этом. Надо послать за всеми воинами-йерниями, выступаем немедленно — со всеми, кто под рукой. Мы найдем место, где остановились атланты. И как волки, мы нападем ночью на лагерь. Мы — лесные охотники, мы — охотники на мужей… Мы — убийцы мужей…

Слова его потонули в громких боевых кличах, грохотали топоры, ударяя в щиты.

Обычно йернии ночью не воевали, но битва всегда радость, и они изливали восторг.

Разослали гонцов. Эсон позвал быков-вождей в свой дом. Интеб следовал за ними — сейчас будущее беспокоило его одного. Их ждала Найкери, Эсон приказал ей подать эль, мясо и соль. Вожди сели, Найкери поставила перед ними подносы. Они макали мясо в соль и ели, передавали друг другу чашу и пили. Тут, вдали от толпы, Интеб ощутил, что неясное будущее томит Эсона не менее, чем его самого.

— Я — тот, которого стремится убить Темис-атлант, — объявил Эсон. Вожди согласно кивнули.

Рассказ о засаде и битве уже передавали из уст в уста. История постоянно делалась все более впечатляющей. Все слышали ее неоднократно, только еще не успели наслушаться вдоволь. — Я вызову его и убью перед воинами.

— Нет, — отвечал Ар Апа. — Сейчас Темис — хромой калека, он больше не муж. Темис не будет биться. Нам придется биться со всеми.

— Это моя битва.

— Это наша битва! — гневно вскричал Мовег. — Атланты пришли на нашу землю, они нападают на даны, они хотят смерти вождя-быка. Это наша битва. — И он свирепо впился в мясо, так что захрустели хрящи. Ар Апа согласно кивал. Все было решено.

— Сколько кораблей пришло?

— Тури сказал, что семь.

— Это очень плохо.

— Этого следовало ожидать.

— А нужно ли с ними биться? — спросил Интеб.

Эсон удивился:

— Конечно. А что же еще остается?

— Много чего! — закричала Найкери; она лишь сделала шаг назад, когда Эсон жестом велел ей умолкнуть. — На этом острове можно отыскать

лишь того, кто хочет, чтобы его нашли. Пойти атлантам навстречу — значит самому искать смерти. Это просто безумие…

— Тихо, женщина!

— Ты найдешь одну только смерть. Ведь можно поступить иначе.

Быки-вожди йерниев жевали мясо, поглядывали на дверь. Женщинам не положено открывать рот в подобном обществе. Найкери обратилась к Интебу:

— Помоги мне, египтянин. Нет, не мне — ради меня ты рукой не пошевелишь. Помоги Эсону. Ты знаешь тайные кривые пути, найди другой способ управиться с атлантами. Ты умеешь это.

Нерешительно кивнув, Интеб повернулся к Эсону:

— Я знаю, что йернии, как и мужи Арголиды, презирают женщину. Но мы, египтяне, знаем, что устами женщины, случается, говорят не только они сами, и тогда мы слушаем их. С атлантами можно воевать и не врукопашную.

— Ночью мы захватим их сонными и перебьем, — проговорил Ар Апа.

— Хорошо бы — на лучший результат нечего даже надеяться. Но разве ты уверен в победе? А если погибнут не все, если их войско многочис-

ленно и сильно, то утром уцелевшие…

— На этот раз я не могу воспользоваться твоим советом, — ответил Эсон. — Настало время битвы.

Быки-вожди торжественно склонили головы.

— Опять убивать! — отчаянно закричала Найкери, с размаха бросив на пол чашку. Чашка разбилась, во все стороны брызнул эль. В соседней комнате жалобно заплакал ребенок. — Убивать! Умеете ли вы делать что-нибудь другое? Неужели это все, на что вы способны? Мы, альбии, обходимся без ваших войн и вечных убийств. У нас в жизни есть еще кое-что… А у вас? Мечи, топоры, смерть… есть же в мире что-то другое?

Оскорбленный словами Найкери, Эсон повернулся спиной к женщине, а вожди обнаружили нечто весьма любопытное за распахнутой дверью. За всех ответил Интеб — тоже разгневавшийся:

— Есть и другое, но что в том — пусть все будет как будет. Мужу дано благородство, которое неведомо низшим животным. И в жизни воина, в битвах оно проявляется самым высоким образом. Благородство, женщина, — (слово это прозвучало плевком), — такая вещь, которой тебе не понять.

— И понимать нечего. Это безумие. Вы как оле-

ни весной… они бьют друг друга рогами, а потом погибают. Сцепятся рогами — и погибли оба. Не хочу понимать. Убийства…

Эсон вскочил на ноги. Схватив за плечи, он вытолкал Найкери из комнаты и захлопнул за ней дверь. В словах ее звучало проклятие, и на мужей словно пал мрак.

— Эсон — ты воитель, — невозмутимо произнес Интеб. — Муж битвы стоит во главе прочих мужей. Ты стоишь выше всех воинов. Сотни витязей кидаются исполнять твое слово. Куда же ты поведешь нас?

Эсон коснулся рукояти меча.

— Конечно, на битву. Если нам суждено умереть, встретим смерть, как подобает воинам.

Эпилог

Первым шел невысокий смуглый мужчина в бурой одежде — как те стволы, среди которых вела их тропа. Рядом с ним шагал воин в бронзовом панцире. Муж немолодой, но еще стройный, не согнувшийся под весом доспехов и длинного меча. Позади из леса появлялись все новые и новые воины, шедшие легко, не чувствуя ни веса брони, ни тяжести заплечных мешков, они перекликались и пели песни. Золоченой змеей извивался отряд по равнине, в нем было более сотни воинов. Когда солнце достигло зенита, они остановились, чтобы подкрепиться и утолить жажду, и после короткого отдыха направились дальше. Наконец стемнело, и проводник, мужчина в белой одежде, указал на холм посреди равнины. Над ним вился дымок костров и серыми тенями поднимались огромные каменные глыбы. Отряд шел вперед, люди перекликались, обсуждая странное зрелище. Оказалось, что холм имеет форму кольцевой насыпи.

Воины направились к прорезавшей ее выемке и нестройной толпой миновали узкий вход.

К внутренней стороне вала жались деревян-

ные хижины, небольшие домишки. Из дверей выглядывали испуганные лица. Появились мужчины с каменными топорами, они отступили, заметив появление все новых и новых воинов. Предводитель велел отряду остановиться и один направился к кольцу каменных ворот, за которыми вздымались еще более могучие каменные арки. Их было пять: величественных, вселяющих трепет. Рядом с ними предводитель отряда казался себе карликом.

— Во всем мире ты не увидишь ничего подобного, — послышался рядом голос, и воин быстро обернулся, привычно хватаясь за меч.

Навстречу ему ковылял одетый в лохмотья невысокий смуглый человек, похожий на приведшего их проводника.

Предводитель опустил меч. Старый шрам натягивал кожу на лице подошедшего, изувеченная нога мешала ему ходить.

— Ты не атлант, — проговорил он. Чистый голос и четкая речь не вязались с лохмотьями. — Будь добр, скажи мне, кто ты и зачем пришел сюда.

— Я — Форос Микенский. Мои люди родом в основном из Микен, есть еще из Асины и Тиринфа, из других городов Арголиды.

— Тогда приветствую тебя, приветствую. Твое

лицо сразу показалось мне знакомым: мы встречались. Я — Интеб-египтянин.

— Зодчий? — Форос пригляделся и покачал головой. — Похож, только…

— Много лет миновало, много всяких бед приключилось со мной. Сядем? Нога не дает мне стоять. Вон туда — на этот длинный камень. Некогда его называли камнем говорения. Поговорим же.

Следуя за прихрамывающим Интебом, Форос снова покачал головой. Судя по разговору египтянина, душа его была изранена столь же, как и тело. Они сели, глядя на возвышающиеся над головой камни.

— Моя работа, — сказал Интеб, и в голосе его прибавилось силы. — Я поставил эти камни для Эсона. Место это зовется дан Эсона, дан йерниев.

— А где сам Эсон? Мы ищем его. Торговцы с севера, герамании, донесли весть о нем царю Перимеду.

— Ты опоздал.

— Войны были, и путь неблизок.

— Войны есть и были всегда… война — дело мужское. Мы здесь воевали с атлантами. И я в том числе — видишь эти благородные раны? Великая была битва, пусть мы и проиграли ее.

— Эсона убили?

— Нет, захватили живым, но перед этим он успел сразить многих. Я видел, как его уносили, раненого, потерявшего сознание. Потом я узнал, что он был еще жив, когда атланты уплыли отсюда. Они увезли его на своем корабле. Так что сейчас он, конечно, мертв.

— Когда это случилось? — негромко, чтобы скрыть волнение, спросил Форос.

— Когда? Я потерял счет месяцам. — Зодчий огляделся. — Сейчас у нас сухой месяц пейни, по египетскому счету. Значит, это случилось месяцев тринадцать назад — в месяц эпипи.

Поднявшись на ноги, Форос стал взволнованно прохаживаться.

— Мы мечтали найти его живым, но, мне кажется, и сам Перимед уже не надеялся на это. Мы знали, что атланты послали сюда отряд, поэтому я взял семь кораблей. Но атланты давно уплыли, лишь небольшой отряд оставался на копи — все они мертвы. Значит, они увезли Эсона с собой в Атлантиду?

— Куда же еще идти кораблям атлантов? — вопросительно произнес Интеб, потирая ногу.

— Действительно, куда? Если ветер был попутным, они успели вовремя. Эсон, брат мой

двоюродный, мертв, но он принял благородную смерть, зная, что Атлантиду ожидает неизбежная гибель.

— Ты говоришь загадками, а я очень устал.

— Тогда слушай, египтянин. Ты знал его…

— Любил.

— Тогда узнай, как он умер. Мир стал другим. Был день огня, солнце побагровело и стало черным, земля содрогалась, и в Микенах с неба сыпался пепел. А когда мы спустились к морю, оказалось, что воды вздыбились и смыли в море все города, что были на побережье. Люди еще не видали подобных волн. Пострадали и далекие города, до самой Трои.

Все корабли погибли, все побережье было разрушено. Мы построили корабли и поплыли на Крит. Нет больше Феры, священной отчизны атлантов. Берега Крита опустошены, корабли утонули. Микены правят теперь Атлантидой и Арголидой, могучие Микены правят всеми со своего утеса, далекого от моря.

— Не понимаю…

— Не понимаешь? Разве тебе не ясно, что захваченный атлантами в плен Эсон погиб на Крите вместе со своими врагами, зная, что смерть их дарует Микенам жизнь? Он встретил свою победу.

— Он погиб. Что в том, как это случилось? После него остались эти арки, эти хенджи из камня. Они будут жить после его смерти и напоминать о нем. Мужи будут видеть их и помнить, что некогда здесь произошло великое. Ты возвратишься в Микены?

— Без промедления. Надо обо всем известить Перимеда.

— Возьмешь ли меня с собой? Думается, я хорошо послужил Микенам. А теперь я мечтаю вновь увидеть зеленый Египет. За свой проезд я заплачу Перимеду настоящим сокровищем. Его внуком.

— Неужели Эсон здесь женился?

Интеб криво усмехнулся:

— По обряду здешних людей он был женат на местной царевне. Мы с ней любили Эсона и в конце концов сумели забыть о прежней ненависти друг к другу. Она спасла мне жизнь. Семя Эсона вновь ожило в ней, но я не сумел отплатить ей тем же за жизнь, которую она мне вернула. Она умерла, и с ней дочь Эсона. Но сын его жив. Вот он за камнем — тот, что посмелее йернийских мальчишек. — Он громко позвал: — Атрей, подика поближе. Это твой родич.

Мальчик медленно подошел. Если он и был испуган, то не обнаруживал этого. Широкоплечий

и крепкий, как отец, с таким же настойчивым взглядом.

— Я учил его микенскому языку, — сказал Интеб, — надеясь, что день этот все-таки настанет.

Мысли его отвлеклись, зодчий задумался. Скоро он оставит эти края. Скоро увидит дом свой, золотой Египет, но часть его души — Интеб понимал это — все равно останется в этих краях. Эти великие камни принадлежат Эсону. Если где-то сейчас живет частица его — так именно тут. Интеб медленно хромал между камней, прикасаясь к их ровной поверхности, ему вспоминались боевые кличи йерниев, грохот топоров о щиты. Все. Кончено. Наконец-то впереди встреча с домом. Неровные шаги привели египтянина к камню, над которым он так долго трудился. Восхитительно твердым был этот камень. Рука его погладила поверхность колонны. Собственными руками совершил он это. Каменным молотом, обломком медного меча вместо зубила — металл стерся о камень. Но чем тверже камень, тем дольше сохранит он на себе знаки.

— Эсон, — проговорил Интеб.

Перед этим камнем и пал его друг. Зодчий провел пальцами по кинжалу, выбитому, выгравированному им на поверхности камня.

Длинный узкий микенский кинжал с крестообразной рукоятью. Царский кинжал Эсона. Знак Микенского царства.

Охваченный усталостью, Интеб повернулся к нему спиной и захромал прочь — крошечная фигурка среди гигантских блоков. Больше он не оборачивался. Он оставил и дан Эсона, и остров Йерниев. Оставил йерниев, сильно поредевших в числе и рассеявшихся, потерявших свою силу.

И пала тогда тьма на остров, и длилась она долго.

Послесловие
Глава I

В этом романе много крови и жестокости — так и должно быть, если пишешь об истории бронзового века в Европе. Примерно таким и был мир за полторы тысячи лет до Рождества Христова, таким изображал его Гомер. Конечно, Гомер прославлял отвагу и храбрость воинов: они были не единственной составляющей общества героического периода, но ведущей.

Все, кто изучает времена Гомера, прекрасно понимают это. Возникает вопрос: что означают 20–30 бронзовых клинков, обнаруженных в одной из микенских гробниц, и как добывал себе пропитание их владелец? Ответ ясен без слов. В поэтических произведениях, созданных по заказу вождей, встретится много поэтических преувеличений, вне зависимости от того, связаны ли эти сказания непосредственно с Микенами или нет. Но, невзирая на любые преувеличения, нельзя сомневаться в том, что век Стоунхенджа — это век героев.

Наш роман начинается с цитаты из «Крития», с

отрывка, в котором Платон повествует об истинно первой мировой войне на нашей планете. С одной стороны выступал союз греческих городов Арголиды. Противостоял им царь Атлантиды, нами названный Атласом, основатель империи атлантов, называемой историками минойской, — империи, погибшей под ударами микенских греков и погрузившейся в волны Эгейского моря, над которым она господствовала.

В этой войне участвовали почти все древние страны — от Трои до лесной глуши Центральной Европы, от маленьких крепостей-дворцов Арголиды до величественной Атлантиды. Война эта велась за сырье не менее важное, чем то, от которого получил имя наш нефтехимический век. Тогда это было олово, теперь — нефть. Без олова не было бы бронзового века. Уже на заре металлургии стало ясно, что чистая медь слишком мягка, из нее не получается надежных инструментов и оружия. Чтобы получить твердый сплав, требовалось олово — металл, нечасто встречающийся в природе. Одна его часть, прибавленная к девяти частям меди, превращает ковкую, повсюду встречающуюся медь в твердую бронзу. Если олова слишком много, бронза становится хрупкой, как и сама отверждающая компонента этого сплава;

если слишком мало — бронза останется мягкой, как и сама медь. Но олово встречается редко, тем более что древние не так глубоко вгрызались в землю, как это делаем мы. Они искали комочки касситеритов в ручьях, протекающих через оловоносные земли.

Нигде теперь на всей земле не встретишь эти комки, похожие на орех, наши предки давным-давно освободили поверхность ее от этих самородков.

В настоящем романе мы используем сведения о древних способах добычи руды и примитивных методах плавки. Мы ничего не придумывали, так все и делалось, так выплавляли олово, ковали медь, плавали под парусами, тесали камень, так ставили камни Стоунхенджа, так делали все прочее… Приведенные нами технические подробности основаны на истинном знании, полученном с помощью археологии.

Что же касается персонажей — борьбу за олово ведет герой, представитель той группы населения, которой оно необходимо, — царек бронзового века и его воины. Обе соперничающие стороны ищут ценный металл далеко от собственного дома и в свою борьбу втянули всех, кого только можно. Атланты из Средиземного

моря направлялись в Черное, поднимались до середины реки Дунай, там были их оловянные копи. Другая сторона искала олово в западных пределах, за Гибралтарским проливом в Атлантическом океане — в Британии, в оловянных копях Корнуолла.

Другой стороной были микенцы, и Стоунхендж был построен в ходе войны их с атлантами почти три тысячи пятьсот лет назад. Его не могли не построить. Он был необходим — в качестве оборонительной меры против атлантов.

Это историческое повествование? Да. Построенное на истинных фактах — да, в том смысле, что мы не опустили ни одного факта и не придумали ни одной недостоверной детали ради развития сюжета. Но это не исторический роман, это роман об истории. Мы нигде не вышли за пределы того, что действительно могло произойти. Выдуманы сами личности героев, их поступки — но облик культур, представителями которых они являются, оставил свои следы в камне. Вся приключенческая интрига построена на строгих фактах. Рассмотрим некоторые из них.

Глава 2

В 1953 г. в Стоунхендже на внутренней поверхности одного из пяти трилитов, входящих в это каменное сооружение, было обнаружено изображение кинжала. Археологи усмотрели в этом изображении аналогию с кинжалами, обнаруженными в царских гробницах Микен. Таким образом, было предположено, что возведение Стоунхенджа отражает связи со Средиземноморьем, — так утверждали заголовки газетных статей об уникальном открытии.

По ряду соображений создание кольца мегалитов было датировано примерно 1500 г. до н. э.

Дату определили следующим образом. Во-первых, было установлено сходство между весьма отчетливым изображением кинжала в Стоунхендже и оружием того же типа, обнаруженным в царском захоронении в Микенах возле Львиных ворот. Там среди погребальной утвари обнаружены предметы из Египта, в том числе и керамика, которая поддается точной датировке, поскольку различные типы сосудов соотносятся с современными им записями, содержащими даты египетского солнечного календаря. Оказалось,

что в микенских шахтовых царских могилах рядом с бронзовыми кинжалами находится египетская керамика середины второго тысячелетия до н. э. Форма этих кинжалов в точности соответствует изображению на внутренней поверхности камня номер пятьдесят три. Таким образом, можно предположить, что эта фаза развития комплекса Стоунхенджа, с ее массивными трилитами и сарсеновым кольцом, соответствует именно этому времени. Позже дата нашла подтверждение с помощью радиоуглеродного анализа: было исследовано органическое вещество — роговой наконечник, обнаруженный у подножия одного из камней. Позже радиоуглеродная хронология была пересмотрена, и, в соответствии с новым, более сложным эталоном, все даты отодвинулись в прошлое. Теперь Стоунхендж оказался датированным 2000 г. до н. э.: другими словами, было предположено, что он возведен за пять столетий до возвышения Микен и прочих городов Арголиды (Микенского союза, именуемого по своему главному городу).

Однако потом археологическая мысль совершила свой полный оборот. Помимо изображения на камне были обнаружены другие свидетельства связей с Микенами: на юго-западе Британии

возле оловянных месторождений был найден настоящий микенский кинжал и слиток микенского образца, не говоря уже о ребристой золотой чаше из Риллатона, расположенного неподалеку, подобной тем, что были обнаружены в шахтных погребениях. Возможно, что радиоуглеродный метод дал здесь ошибку — связи со Средиземноморьем значительно более достоверны. Можно заключить, что в 1500 г. до н. э. микенцы действительно присутствовали у Стоунхенджа.

Примерно в этот же период катастрофическое вулканическое извержение на острове Фера в Эгейском море погубило столицу островного царства минойцев, известного и под именем Атлантида. Невзирая на все облако тайн, которым окутано это государство, легендарная страна, описанная Платоном, давно приобрела реальный облик: начиная с 1909 г. некоторые археологи видят в ней изображение минойской державы, что тоже явилось объектом для броских газетных заголовков. Эта вполне респектабельная старинная новость была позабыта за волной новейших оккультных фантазий; тем не менее она до сих пор в ходу в научной литературе. Итак, факты гласят, что морская держава атлантов располагалась на двух островах, Фере и Крите, первом

— маленьком и округлом, втором — большом и прямоугольном, — так писал Платон. Она существовала одновременно с Микенским союзом и конфликтовала с ним. Основываясь на этом, мы в романе воспользовались предположением, что резное изображение кинжала на поверхности камня и даже сам Стоунхендж возникли в результате стечения обстоятельств во время продолжительной войны Микен и Атлантиды.

Фантастика? Ни в коей мере. Свидетельство Платона о существовании у египтян записей о долгой войне с Атлантидой историкам не кажется удивительным. Они оспаривают представление об Атлантиде, созданное трудами любителей разных тайн. Эту загадку можно легко разрешить, если предположить, что Платон допустил элементарную ошибку в дате. В результате явной описки переписчика, которую старательно не замечают все, кто рассчитывает воспользоваться ею в тех или иных целях, у Платона суперцивилизация Атлантиды процветает как раз в те времена, когда человечество на всей земле еще не вышло из стадии охоты и собирательства. Историю Атлантиды Платон узнал от Солона, тот — от египетских жрецов. В соответствии с сообщением Солона, жрецы утверждали, что Атлантида

погибла за 9000 лет до его посещения Египта, где греческий мудрец изучал библиотеку храма Нейт в Саисе, столице Нижнего Египта. Подобная датировка отодвигала события к окончанию плейстоценового, или ледникового, периода. Ни одна человеческая культура еще не сделала тогда революционного шага от собирательства и охоты, характерных для древнего каменного века, или палеолита, к земледелию и скотоводству, ставшим преобладающими в новом каменном веке, неолите, не говоря уж о развитии городов. В то время не существовало даже самой египетской цивилизации, а тем более — жрецов, способных зарегистрировать это событие.

Подобно египетской, цивилизация Атлантиды принадлежала бронзовому веку — с его парусниками и торговлей, металлургией и дворцовыми ремесленниками, величественными дворцами и храмами, монументальными общественными сооружениями. Солон легко мог принять сотни за тысячи — типичная ошибка, если имеешь дело с египетскими числительными.

На самом же деле жрецы называли 900 лет, а не 9000. Эта дата более правдоподобна: тогда война должна была происходить около 1477 г. до н. э.: именно тогда, как утверждают геологи,

случилась катастрофа на Фере.

Действие нашего романа начинается за три года до этой даты. Столько лет потратил наш герой — средиземноморец, микенский царевич Эсон, на возведение Стоунхенджа как сооружения, необходимого для войны с Атлантидой.

Жившие в дельте Нила египтяне имели все основания надолго запомнить гибель Атлантиды, они были потрясены этим событием. Взрыв Феры сопровождался землетрясением, приливными волнами, выпадением пепла. Он был мощнее извержения Кракатау.

Предполагается даже, что евреев в их исходе через пустыню, лежавшую почти на уровне моря, преследовала именно армия Тутмоса III, уничтоженная волнами цунами, распространявшимися к югу из Эгейского моря. Но Египет уцелел, а второй главный остров Атлантиды, Крит, подвергся разрушениям. Огромный дворец в Кноссе был разрушен, последующий этап в истории Крита оказался микенским, как это следует из смены алфавита дворцовых надписей. Падение Атлантиды позволило микенцам занять и перестроить Кносс, далее на пути их в восточное Средиземноморье лежала Троя. Запечатленное Гомером падение Трои, в свою очередь, знаменует оконча-

ние микенского периода в истории Греции.

Глава 3

От Гомера мы переходим к другим культурам европейского бронзового века: культуре Унетице на территории нынешней Чехословакии, родине наших гераманиев, и уэссекской культуре юга Британии, созданной йерниями, завершившими строительство Стоунхенджа. Микены, а к северу от Альп Унетице и Уэссекс — вот точки наивысшего развития в Европе тех времен. Минойскую культуру Атлантиды можно считать вариантом микенской — пусть и более сложным, — но война между ними засвидетельствовала равенство соперников, о чем сообщает Платон; в тяжелой борьбе сходятся только равные. В обоих государствах записи велись на табличках из необожженной глины; сохранился лишь хозяйственный архив. Отзвуки истории Микен нашли место в произведениях Гомера, созданных около 750 г. до н. э., через несколько столетий после падения этой культуры, уже на грани железного века, в самом начале классического периода греческой истории. Из Центральной Европы до нас не дошло никакого подобия этому эпосу, однако

в известном смысле Гомера можно считать и североевропейским поэтом. Героический быт благородных воинов бронзового века одинаков повсюду, вне зависимости от того, воюют они бронзовыми мечами (Микены и Унетице) или каменными боевыми топорами (Уэссекс). В конце концов, каменные топоры эти являются копией металлических. Воины Уэссекса предпочитали выбирать драгоценные породы камней для своих двусторонних секир, полировка придавала такому камню металлический блеск.

Параллельно героической традиции Европы развивается цивилизация на Ближнем Востоке: шумерская в междуречье Тигра — Евфрата и египетская — на узкой полоске плодородных земель, вытянувшихся вдоль Нила. Обе традиции восходят к бронзовому веку, но каждая по-своему. Конечно, обе цивилизации порождены неолитическим производством, использующим одомашненные растения и животных. Такая культура имеет два варианта — или оседлое земледелие, или кочевое животноводство. Последний вариант традиционен для древней Европы, которую заселили пришедшие с востока люди культуры боевых топоров; их родиной, родиной всех индоевропейцев перед расселением были степи

Южной России, Украины. Люди культуры боевых топоров, родоначальники индоевропейцев, первоначально были неолитическими племенами со смешанным типом сельского хозяйства, а уже потом сделались кочевниками-пастухами. Почему это случилось, пока непонятно. Возможно, причину следует искать в состоянии почв региона. Первые земледельцы начали сводить лес, деревья на заброшенных расчистках не вырастали, и лесные края стали степью, и постепенно земледелие было заброшено, сменившись чистым животноводством. В то же время эти племена испытывали воздействие шумерской цивилизации, возникшей тогда на далеком юге — в Месопотамии, — цивилизации, почти уничтоженной ими в процессе окончательного становления воинственных кочевых пастушеских племен, известных как люди культуры боевых топоров. Они воевали каменными топорами. Оружие это в камне воспроизводило форму бронзовых боевых топоров шумеров. Точнее сказать, предметом для подражания являлись боевые топоры, поставлявшиеся в Шумер в качестве товара общиной богатых кузнецов, жителей Кавказа, где был расположен один из двух самых древних центров металлургического производства на нашей

планете. Другой находился в Хорватии в отрогах Восточных Альп, где имеются месторождения олова и меди.

После миграций и захватов, в конных повозках и боевых колесницах, эти племена пришли в Западную Европу и Британию, неразлучные со своим каменным боевым топором даже после освоения металлургии. Люди боевых топоров распространились повсюду. Говорили они на общем индоевропейском языке, позже разделившемся на санскрит, греческий, кельтский и сотню других. Вступив в хараппскую Индию, они сделались ариями, сокрушителями городов, их эпос — «Ригведа». В Греции люди боевых топоров стали микенцами, Гомер воспел их. В Западной Европе они сделались предками кельтов. Итак, люди боевых топоров явились общими предками и микенцев, и уэссекских воинов — наших йерниев, построивших Стоунхендж. К этому времени колесницы еще не успели пересечь Ла-Манш. Это событие состоялось уже в железном веке. В Европе они образовали военную аристократию, осевшую среди местных земледельческих, еще неолитических племен, создав внутриплеменное деление на героев-воинов и производителей сельскохозяйственной продукции. Возникшая

политическая система в обществе героического периода характеризовалась сосредоточением власти в руках вождей.

Племена возглавлялись выборными вождями, а не королями-династами. По сути дела, царь Перимед не был царем, не были городами и Микены — как и дан йерниев. Это была крепость-дворец, в которой восседал Перимед, распределяя добычу, захваченную в сухопутных и морских набегах; в основном он копил сокровища для себя, а часть раздавал в виде даров приближенным, воинам и вождям-соперникам. Подобный дипломатический обмен уже подводил его к истинно царской власти, позволял положить начало династии. Этой политической эволюции содействовала война с Атлантидой, требовавшая ото всей Арголиды единства действий, как от одного царства, подчиняющегося единому властелину. Развитие подобных отношений во всей остальной Европе еще не заходило так далеко, в лучшем случае образовывались весьма непрочные союзы между племенами. Всюду речь шла об обладании драгоценными металлами. Вожди создавали свои отряды ради грабежа, воинская потеха и угроза мести укрепляли их власть.

Герои-вожди варварской Европы не похожи

на цивилизованных владык подлинных царств, располагавшихся на Ближнем Востоке. Там цари и фараоны также стремились заполучить драгоценные для цивилизации металлы, однако решали этот вопрос как государственные мужи, покровительствуя торговле в широких масштабах. Частично объяснение этому следует искать в том, что в пределах Шумера и Египта отсутствуют месторождения полезных ископаемых. Руды металлов добывались в Европе, возле первых рудников началась и металлургия. Поэтому основной заботой древних царей были непрекращающиеся поиски олова и меди: владыки рассылали купцов, лазутчиков и воинов-авантюристов далеко от дома. Их добыча служила искусству царских плотников, скульпторов, ювелиров; на нее содержались солдаты и придворные. Здесь возникает еще один контраст с европейскими племенными государствами, где воины образовывали не армию, но слой аристократии, а ремесленники скитались, следуя традиции бродячих медников. Еще более разительное отличие заключается в том, что цари Шумера и Египта обитали в истинных городах, где городская жизнь проявилась уже во всех известных нам аспектах, а не в населенных ари-

стократами поселках. Города существовали за счет окружающих неолитических земледельческих поселений, за счет налогов вырастали из таких поселений. Городской жизни отвечала государственная организация, ориентированная на потребности элиты культура, — все это отсутствовало у племенных государств, и в Европе, узнавшей железо, все они покорились наследникам царств бронзового века, когда те приступили к территориальным приобретениям.

Здесь я имею в виду расширение территории Римской империи, покорение Галлии Цезарем. Будущий император молниеносно разгромил героев-воинов, предпочитавших индивидуальные поединки, руками обученной дисциплинированной армии. К счастью, он описал уничтоженную им культуру, используя при этом свидетельства классических авторов. Среди них следует выделить грека Посидония, умершего в 51 г. до н. э., ко времени написания собственных записок Цезаря. Посидоний описывает келтов, обитателей Галлии; нам они известны из классической истории под именем кельтов. Археологически этим племенам соответствует последний горизонт доримского железного века, так называемая латенская культура.

Железный век в его римском воплощении принес не только дешевое железо для оружия и орудий труда, он дал алфавит, монеты, гильдии свободных ремесленников, связь с помощью конной почты. Дешевые доступные мечи и доспехи уничтожили военную монополию аристократии бронзового века; стало возможным появление организованных армий; алфавитное письмо покончило с монополией на грамотность, находившейся в руках жрецов-писцов, служивших царям бронзового века; монеты сделали возможной мелкую торговлю, сменившую колоссальные обороты царей, дешевые инструменты сделали возможным независимое существование ремесленников под защитой гильдий. И новые правители железного века вели другую политику — имперскую по образу мысли.

Граничившая с Римом латенская Европа тем не менее социально не слишком отличалась от предшествовавшей ей Европы бронзового века. Посидоний описывает нам кельтских воинов с железными мечами, выходивших на героический поединок — не на общую битву. Цезарь обнаружил в Британии колесницы — как у героев Гомера. В источниках по истории кельтской Европы отсутствуют сообщения о династиче-

ских королевствах, тем более об империях; ремесленники были независимы — гильдий не существовало — и странствовали, работая то у одного, то у другого племенного вождя. Функции жрецов исполняли друиды; они не пользовались письмом: все знания, в том числе генеалогии и подвиги вождей, запоминались ими и пересказывались. Если отнять железо — получим гомеровские Микены.

Даже крупная конфедерация племен, находившаяся под властью военных предводителей, по словам Цезаря, выступившая против него, появилась, скорее всего, в результате реакции на нападение внешнего врага. Таким врагом была и Атлантида для враждующих крепостей микенской Арголиды, в которой правил выдуманный нами царь Перимед, прототипом для которого явился ополчившийся против Трои Агамемнон. Лишь ради такой цели города-крепости могли оставить взаимные набеги и похищение скота. Это те же самые воины-пастухи, которые построили Стоунхендж в бронзовом веке в Британии; их двойные каменные боевые топоры с просверленным отверстием, а также захваченные драгоценности обнаруживаются в курганах возле этого мегалитического сооружения. В радиусе

двух миль от него находится около 460 таких курганов. И если кельты проводили племенные сходки на кладбищах, окруженные своими мертвыми героями, значит, и окруженный погребениями Стоунхендж мог служить подобной цели. Действительно, и уэссекские воины, создатели монумента, и центральноевропейские витязи, погребенные вместе с бронзовыми мечами под курганами Унетице, археологической науке известны под общим именем протокельтов. Наши йернии и герамании — просто бедные родственники героев Гомера. И мы вполне оправданно прибегаем к проекции некоторых базовых элементов кельтской культуры железного века в прошлое, во времена их непосредственных предков, современников бронзового века. В кельтах мы можем видеть кое-что от наших протокельтских уэссекских воинов, йерниев, если угодно, тех, о ком не дошло ни письменных, ни изустных исторических свидетельств.

Глава 4

Полученные от очевидцев сведения о жизни и обычаях кельтов использовались греческими авторами — такими, как географ Страбон, исто-

рик Диодор Сицилийский и более всего этнограф Посидоний. Страбон говорил о кельтах: «Они обожают войну, вспыльчивы и драчливы». Можно не сомневаться, такими были и йернии, такими мы изобразили их в нашем романе.

В пятом столетии нашей эры последнюю уцелевшую твердыню кельтской культуры святой Патрик обнаружил в Ирландии. Это был пережиток индоевропейской культуры времен Гомера и «Ригведы»: с колесницами, кражами скота, постоянными войнами, громогласными хвастунами-героями, основными добродетелями которых являются отвага и боевая удаль. Изустные повествования превозносили такие деяния. Христианские монахи записывали эти сказания, в том числе и «Похищение быка из Куалнге».

Военная аристократия, ее набеги и бои — единственное, что интересует Гомера и создателя «Похищения». Описывая обычаи галльских кельтов на пирах, Диодор делает прямую ссылку на Гомера: «Возле них находятся пылающие очаги и котлы, и вертела с огромными кусками мяса. Храбрых воинов почитают лучшими кусками — так, по словам Гомера, приветствовали Аякса вожди, когда победил он Гектора в единоборстве — „…Но Аякса-героя особо хребтом бесконечным

сам Агамемнон почтил“»[6].

Посидоний видел нечто подобное. И его описания в более драматической форме предстают в ирландских сагах.

Иногда за обедом кельты затевают поединок. Взяв оружие, они наносят друг другу легкие удары и отражают их, но иногда случаются раны, и раздражение, вызванное ими, может повести даже к гибели соперников, если их не разведут очевидцы. А в прежние времена пекли целиком заднюю часть свиньи, и самый храбрый вырезал из туши лучший кусок; тот, кто возражал, поднимался, и они бились насмерть.

В ирландских героических сагах доля сильного называется curadmir. Буквально — это кость состязания или раздора. Но как же определить сильнейшего? В «Повести о свинье МакДато» воины один за другим требуют права разрезать свинью на пиру: каждый уступает сопернику после взаимных оскорблений и хвастовства. Наконец силач из Коннахта, Кет мак Матах, собирается резать жаркое, посрамив нескольких соперников. Тогда в зал входит Конал Кернах, и разыгрывается та же самая сцена, которую за ты-

---

[6] Примечания: 6

Гомер. Илиада. Пер. Н. М. Гнедича.

сячу лет до того видел в Галлии Посидоний. Разве можно лучшим образом подтвердить архаизм ирландской традиции! Жива латенская культура!

«...В то время как он с ножом в руке уже готов был приняться за свинью, все увидели Конала Победоносного, входящего в дом. Одним прыжком очутился он среди собравшихся.

Великим приветом встретили его улады. Сам Конхобар снял венец со своей головы и взмахнул им.

— Хотел бы и я получить свою долю! — воскликнул Конал. — Кто производит дележ?

— Пришлось уступить тому, кто делит сейчас, — сказал Конхобар. — Кету, сыну Матаха.

— Правда ли, — воскликнул Конал, — что ты, Кет, делишь свинью?

— Верно, — отвечал Кет.

— Эй, отойди от свиньи! — воскликнул Конал.

— А у тебя какое право на нее? — спросил Кет.

— У тебя есть право вызвать меня на поединок, — сказал Конал. — Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор как я взял копье в руку свою, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы

коннахта.

— Это правда, — сказал Кет. — Ты лучший боец, чем я. Будь здесь Анлуан, брат мой, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

— Он здесь, вот он! — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса.

И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от свиньи, и Конал занял его место»[7].

Повествование о свинье Мак-Дато — лишь одна из героических саг, к которым относят и «Похищение», совместно именуемых уладским циклом. Общим героем их является король Конхобар, аналог гомеровского царя Агамемнона. Богатырем является Кухулин, ирландский Ахиллес. Ирландскими троянцами можно назвать людей короля Коннахта, одним из которых является Кет мак Матах. На самом деле «Илиада» достаточно точно иллюстрирует жизнь кельтов Галлии и Ирландии. Гомеровские Микены представляют собой отнюдь не городской элемент индоевропейской культуры, вправленный в средиземноморскую оправу. Скот есть форма богатства, приобретение его является целью многих набегов и битв улад-

[7] Примечания: 7
«Повесть о свинье Мак-Дато». Пер. А. А. Смирнова.

ского цикла.

Это мера благосостояния у Гомера: захваченный панцирь оценивается не менее чем в девять — до ста голов скота, ради такого стоит рискнуть.

Быть может, единственное различие заключается в том, что саги уладского цикла, с не меньшим восторгом описывающие придворный церемониал, чем делал Гомер, предпочитают окончание церемоний самим церемониям, которые греческий аэд описывает в развитии. Самые благородные ирландские герои забывают о достоинстве ради юношески живой драки, невзирая на обилие ритуальных тонкостей, соблюдаемых в пиршественном зале, центре дворцовой жизни. Кельтские пиры у Посидония и старинные ирландские саги населены хвастливыми рыгающими вождями, наделенными сильной рукой и крепкой глоткой, предводителями гнусных шаек несовершеннолетних гангстеров. При любом надуманном оскорблении все хватаются за мечи: с губ под сальными усами срываются угрозы, брань, хвастовство — в самой напыщенной форме. Создатели Стоунхенджа действительно могли быть такими грубыми варварами. Конечно, ирландские саги дают более точные описания,

чем Гомер. Впрочем, не следует забывать, что греческий аэд прославляет отнюдь не городское общество, а героическое. Куда более отталкивающей, чем плохие манеры и хвастовство, чертой общества йерниев являются человеческие жертвоприношения. Мы здесь также воспользовались кельтским обычаем. В одном из самых ярких эпизодов «Записок» Цезарь так говорит о человеческих жертвоприношениях в Галлии:

«Некоторые племена употребляют для этой цели чучела, сделанные из прутьев, члены которых наполняют живыми людьми: они поджигают их снизу, и люди сгорают в пламени»[8].

У Страбона человеческие жертвоприношения осуществляются и сожжением, и ударом кинжала: «Обреченного на смерть человека они закалывают, ударяя в спину кинжалом, а по конвульсиям его читают будущее. При жертвоприношениях не обходится без друида. Об их человеческих жертвоприношениях говорит и другое; в обычае их сбивать людей стрелами и сажать их на копья в храмах, или же делают они огромную фигуру из соломы и прутьев, загоняют туда скот, диких животных и человеческие суще-

[8] Примечания: 8
Записки Юлия Цезаря. Пер. М. М. Покровского.

ства и сжигают приношение».

Жертвами этого жуткого обряда становились военнопленные, он напоминает разнообразные ирландские повествования о мести, где жертвы сжигались в домах. Однажды подобное жертвоприношение прекратила сверхъестественная женщина, приведшая в качестве замены корову. История эта имеет параллели в традициях индийских ариев, где в свое время человеческие жертвоприношения были заменены закланием животных. Однако в ирландской ветви индоевропейской культуры они сохранились. Сам Цезарь не находил ничего экстраординарного в подобных обычаях. С его точки зрения, галлы просто сохраняли древний обряд человеческого жертвоприношения, практиковавшийся и в его родной Италии вплоть до первого века до н. э.; однако Цезарь не мог знать, что этот обряд был установлен пришедшими туда индоевропейскими воинами. Подобные жертвоприношения совершались и в начале существования Римского государства.

Охота йерниев за головами тоже основана на кельтском обычае. Вот описание поведения кельтов в битве из труда Диодора: «В путешествиях и боях пользуются они двуконными колесницами, несущими колесничего и воина. Встречаясь

в бою, они бросают дротики во врага, а потом, спускаясь с колесницы, вступают в бой на мечах. Некоторые настолько презирают смерть, что идут в бой нагими, в одной набедренной повязке. Когда сходятся два войска, они выходят из рядов и вызывают самых отважных на поединок, потрясая при этом оружием, чтобы устрашить врага. Когда вызов на бой бывает принят, они начинают громко превозносить деяния и отвагу предков и расхваливают собственное мужество, стараясь одновременно оскорбить и унизить соперника, заранее лишить его боевого духа. Они отрезают головы врагов, убитых ими в битве, и вешают на шеи лошадей. Эти кровавые трофеи они передают щитоносцам и увозят в качестве трофеев; воспевая пеан, победную песню, они прибивают эти плоды войны к своим домам, так же как и головы диких зверей, которых удалось добыть на охоте». Этот текст прекрасно согласуется с ирландскими сагами.

В «Похищении быка из Куалнге» воины отправляются на битву в колесницах, вызов на единоборство имеет здесь столь же важное значение, как в «Илиаде». Герой Кухулин, стоящий в своей двуконной колеснице со щитом, мечом и копьем, — это же просто кельтский герой По-

сидония.

Об охоте за головами упоминает и Страбон, видевший в этом «…варварскую жестокость, особенно характерную для северных народов, которые покидают поле боя, привязав к шее коня головы убитых врагов, и по возвращении домой приколачивают эти замечательные предметы к стенам своих домов».

Кельтское общество представляет собой героическое общество аристократических племенных государств, занимающееся войной, а отрубленные головы, любимая тема кельтского фольклора, являются самыми почетными боевыми трофеями. Подобное характерно и для ирландского эпоса.

В соответствии с данными археологии, классической истории и индоевропейской эпической литературы мы имеем право в культуре ирландских кельтов-латенцев усматривать аналогию культурного ландшафта Британии бронзового века в 1500 г. до н. э. — времени, когда протокельты-йернии строили Стоунхендж. В Галлии латенская культура вымерла к началу христианской эры, в Британии — к концу первого ее столетия. Ирландские латенцы восходят к галлам, и культура их исчезла бы примерно к

150 г. н. э. — если бы римское завоевание дотянулось и до этого острова. Но этого не произошло. Римляне, во всяком случае в лице своих легионов, не вступили в Ирландию, и латенская культура, последний доримский горизонт железного века, сохранилась там в изоляции в качестве последнего уцелевшего осколка кельтской культуры. Такой и обнаружил ее в пятом веке н. э. святой Патрик.

Рим все-таки пришел в Ирландию, но в лице монахов, позже записавших там героические сказания, основывавшиеся на устной традиции, сохраненной бардами от прихода латенцев в Ирландию до четвертого столетия н. э. Сами кельты как отдельный народ появились в Западной Европе в лице людей боевых топоров с их племенными государствами.

Их коровьи вожди добились власти над местными неолитическими земледельцами. По дороге в Хорватии они познакомились с производством бронзы у тамошних металлургов, что, подобно жителям Кавказа, жили выменивая металлургическую продукцию на ближневосточные продукты. Итак, бронзовый век в Европе начинается с появления протокельтов — хотя в это время металлические вещи еще редки (йернии носят

бронзовые кинжалы в качестве украшения), — со своим любимым оружием, чтимым привязанностью и традицией: каменным боевым топором. Незадолго до 1500 г. до н. э. только что сформировавшиеся кельтские племена появляются в Южной Британии, где начинают доминировать над неолитическими земледельцами (донбакшо в нашем романе); для них Стоунхендж, чьи руины мы видим сегодня, олицетворял символ власти вождя. Запечатленная своими бардами дохристианская Ирландия железного века моложе на тысячу лет — достаточно долгий срок в истории консервативных культурных традиций. Вспомните, что временной разрыв между кельтами Посидония и Ирландии куда меньше. Социальное и политическое развитие протокельтов прекрасно описывается ирландскими сагами, если убрать из них технику железного века. В уладском цикле и Конал, и Кухулин бьются железными мечами, пару раз упоминается огамический алфавит, созданный не без некоторого влияния римского. Ирландские герои разъезжают на боевых колесницах бронзового века, не на верховых лошадях, их повозки подобны тем, которые описывал Гомер в микенские времена. Уберите железные мечи — и увидите, что героические саги Ирлан-

дии описывают деяния героев бронзового века. Теперь уберем еще и колесницы — получим протокельтские племенные государства Уэссекса в Южной Британии, существовавшего во времена, когда йернии строили Стоунхендж.

Более того, как уже говорилось ранее, Стоунхендж расположен в центре огромного кладбища. Здесь под курганами похоронены герои-воины со своими боевыми топорами, бронзовыми кинжалами, с кувшинами пива и награбленными сокровищами. О функциях этого монумента свидетельствует уже само его расположение; вне сомнения, он служил местом племенных сходок, такой вывод можно сделать, воспользовавшись примером классических кельтов, воины и вожди которых регулярно собирались на кладбищах. О подобных сходках в дохристианской Ирландии нам известно из героических сказаний и сводов законов христианских времен, где упоминается об этом древнем обычае, связанном с периодическими ярмарками, где вожди объявляли законы, а барды славили вождей. Всех свободных людей привлекали подобные периодические сходки, где происходили и разного рода состязания, в том числе гонки на лошадях. Не знавшее городов население собиралось под открытым небом, ча-

сто возле старинных могильных курганов или у священных колодцев, в которые бросали отрубленные головы.

Одним словом, без особого труда можно предположить, что подобные периодические сходки существовали и у протокельтов Уэссекса, там избирали новых вождей, когда прежние низлагались по старости или были убиты в бою. В соответствии с общей индоевропейской традицией выборы короля или вождя происходят на советах родственной ему знати. По древнейшей части старинного Брегонского законодательства, в подобных мероприятиях участвовали четыре поколения родственников, естественным образом увеличивая конкуренцию. Генеалогические корни играют существенную роль при определении права на лидерство, этот неотъемлемый аспект любой устной традиции в военно-аристократических государствах находился в руках специалистов. В Галлии эту роль исполняли друиды, поддерживавшие древний, уже по свидетельству Цезаря, обычай. Они также рассчитывали по ритуальному календарю время наступления ежегодных праздников и сходок. И старинный племенной кругооборот жизни уэссекских воинов, здесь именуемых йерниями,

весьма возможно, был связан с ритуальным годом классических кельтов. Они подразделяли год на две основные части: холодное и теплое время, наступление их разделялось праздниками самайн и белтин. Последний из них был пастушеским праздником, начинавшим теплое время, когда скот из стойл выгоняли на пастбища. В нашем календаре он приходится на 1 мая, но кельты праздновали его в предшествующую ночь. Реликты кельтского исчисления времени сохранились в ряде слов английского языка, а также в праздновании сочельников, новогоднего и Рождественского, а также кануна Дня Всех Святых.

Слово «белтин» переводится как «огонь Бела», иначе Белениуса, одного из старейших кельтских богов, почитавшегося по всему континенту. Ход белтина описывался в «Глоссарии» Кормака. В девятом столетии Кормак, архиепископ Ирландский, записал смысл устаревших слов галльского языка. На пути к летним пастбищам стада и люди проходят между двух костров, разложенных друидами неподалеку друг от друга; целью обряда являлось предохранение от заболеваний в грядущем году. В самайн зажигались другие костры — для жертвоприношения детей и животных,

если, конечно, верить Кормаку. Его сообщение может быть сопоставлено с сожжением плетенок с людьми и скотом по свидетельствам Цезаря и Страбона.

У ирландцев еще два сезонных праздника — имболк (1 февраля) и лугнасад (1 августа). Имболк соответствует пиршеству Святой Бригиты по британскому календарю. Имя ее, родственное санскритскому «бхрати» («возвышенная»), являет еще один пример культурной неразрывности всего индоевропейского ареала — от арийской Индии до языческой Ирландии. Имболком называется овечье молоко, это время отела суягных овец, время начала дойки. Лугнасад — это пир Луга, бога урожая, праздник, совпадающий со временем пастушеской экономии посреди летнего перегона скота. Праздник явно принесен в Ирландию более поздними аграрными поселенцами. Имя Луга отразилось в наименовании Лиона и других континентальных городов.

Наиболее ярким среди всех истинно архаических праздников являлся самайн, сбор или сход всего племени, приуроченный к окончанию сезона выпаса скота. В дохристианской Ирландии регулярная ежегодная сходка именовалась «оснах», она и была главным событием самайна

— осеннее возобновление связей внутри туаты, или племени. «Книга Бурой коровы», составляющая часть уладского цикла, говорит, что оснах «был временем, которое улады каждый год отводили для праздника самайн, справлявшегося на равнине Муртемне; в это время они только состязались и играли, проводили время в удовольствиях и развлечениях, ели и пировали, а более ничего не делали».

Эти ярмарки посещали люди из различных кланов, племен, иногда из обитавших в достаточно далеких краях, вечные войны на это время прекращались, наступало священное перемирие, как это было в Греции во время Олимпийских и Истмийских игр. Как и ярмарки древней Ирландии, что служат нам историческим напоминанием об индоевропейской традиции, частью которой является уэссекская культура, племенные форумы, происходившие на Стоунхендже, включали не только состязания и игры, но и торговлю. Конечно, неотъемлемой частью осеннего забоя скота являлись пиры, но особую роль должна была играть торговля — учитывая, что Стоунхендж расположен на перекрестке важных древних торговых маршрутов. Антропологическое изучение примитивной экономии часто связывает

торг с более широким общественным, зачастую праздничным, содержанием, чем это имеет место в контексте нашей рыночной практики. Более того, этот каменный монумент мог возводиться в ходе праздника — постепенно, год за годом. Всем делом обязательно распоряжался могучий и пьяный боевой вождь с жареной говядиной и пивом в руке, власть его получала сверхъестественную санкцию от друидов, ее подтверждали духи убитых в бою предков, чьи курганы окружали место сбора. Это следует уже из самого слова «оснах». Во-первых, оно означает «воссоединение» (а значит, и встречу или сходку), а во-вторых, «кладбище» — то есть место, где они происходили. Игнорировать тот факт, что Стоунхендж расположен посреди обширного кладбища, на котором похоронены многие поколения воинов-пастухов и их вождей, — значит отделять сам монумент от наиболее важной из особенностей его расположения. И тогда возникает возможность самых разнообразных спекуляций.

Глава 5

Итак, все, что мы знаем о кельтах и о варварской Европе к югу от Альп во времена Гомера,

свидетельствует, что Стоунхендж представляет собой памятник героического периода. Он не мог быть астрономической обсерваторией — как предположил Джеральд Хокинс в своей работе 1965 г. «Разгадка Стоунхенджа», — построенной для определения зимних и летних солнцестояний и предсказания затмений; утверждать подобное — значит переносить интересы вавилонян четвертого столетия до н. э., если не наши собственные научные интересы, — на весьма архаическое прошлое.

К тому же пастухи ранней Европы свои знамения искали, обратившись к земле, и о начале зимы или весны судили по состоянию травы, так они определяли наступление самайна и белтина по кельтскому календарю, Дня Всех Святых и Майского праздника — по нашему.

Самайн обозначал наступление нового языческого года, поворот к осени, когда кельты загоняли домой коров, которых они могли прокормить зимой, и забивали на мясо лишних.

Праздник этот, когда домой являлись и души умерших, был христианизирован при Карле Великом, около 813 г. н. э. в виде кануна Дня Всех Святых.

К тому времени новогодний сочельник уже

сдвинулся к середине зимы, в 1 января, в соответствии с римским календарем, зафиксировавшим сельскохозяйственный календарь первых лет существования Рима. Учитывая разницу между цивилизованным и варварским обществами древности, мы полагаем, что пастухи-йернии собирались на День Всех Святых; тогда и происходило в Стоунхендже великое собрание всех пяти племенных государств.

Установленная связь с Микенами позволила нам драматизировать события с помощью Эсона, усмотревшего в сооружении Стоунхенджа способ объединить йерниев, дать их воинственным государствам политический центр и место сбора и, таким образом, отвлечь от постоянных набегов на оловянную копь его отца Перимеда, расположенную в западной части Корнуолла. Он совершил героический подвиг в войне между Микенами и Атлантидой, но исход ее был решен взрывом Феры. От незавершенного Стоунхенджа остались только руины, которые мы видим поныне.

Глава 6

Но что это за руины! В Великобритании Стоунхендж представляет собой второе по привле-

кательности зрелище, которое посещает около миллиона туристов в год.

Во все более увеличивающемся количестве они посещают руины начиная с 1740 г., когда антиквар Уильям Стакли опубликовал свой «Стоунхендж: реставрированный храм британских друидов». Эта книга не только впервые сделала монумент популярным, но и создала образ друидов в национальном сознании британцев.

Конечно, Стакли имел в виду друидов кельтской Британии, а не древний орден друидов, своим появлением на свет обязанный его писаниям. Не имея на то никаких оснований, псевдодруиды присвоили белые одеяния и ритуал вольных каменщиков, и в середине лета их можно встретить среди камней Стоунхенджа, одновременно привлекающих к себе и маньяков от астрономии.

По каким-то непонятным причинам интеллектуалы, чтобы дискредитировать этих ложных друидов, старательно уверяют, что реальные друиды не имеют со Стоунхенджем ничего общего.

Конечно, Стакли не имел представления об истинной древности монумента, однако он обладал бесспорной проницательностью, позволившей ему понять природу создавшего монумент обще-

ства, в котором жрецы — шаманы или друиды — служили политическим нуждам вождей.

И хотя он видел в Стоунхендже «храм», а не «форум» или, точнее, нечто вроде парламента, как это делаем мы теперь, вполне очевидно, что если в кельтские времена воины и жрецы совместно правили классом производителей, то аналогичные отношения должны были складываться уже в протокельтском обществе.

Если возле Стоунхенджа обитали воины бронзового века, похороненные вокруг него со своими боевыми топорами, значит вместе с ними существовали и друиды бронзового века.

Так было устроено общество в индоевропейских племенных государствах повсюду от Индии до Ирландии. В арийской Индии мы встречаем браминов, а в кельтской Европе — друидов. Обнаруженные Цезарем в Галлии общественные структуры известны ирландским героическим сагам.

С ними мы сталкиваемся и в Пенджабе времен вторжения ариев. Их существование отражено и в прославляющих победы ариев гимнах, созданных как раз во время сооружения Стоунхенджа.

Таким образом, жрецы-друиды, воины и неолитические общинники составляют основу

социального порядка всех племенных государств в индоевропейском ареале. В качестве обобщения можно привести следующую таблицу:

	Жрецы	*Воины*	*Производители*
Арийская Индия	брахманы	кшатрии	вайшью
Кельтская Галлия	друиды	всадники	плебе
Кельтская Ирландия	друи	ри	айре

Более того, слово, обозначающее друидическую мудрость и знания, сходно во всех трех языках: санскрите, галльском и староирландском.

Санскритское слово «веда», присутствующее в обозначении ведических гимнов, обозначает знание или, дословно, видение, умение зреть и связано с галльскими и ирландскими словами, обозначающими мудреца или друида.

«Ригведа», самая священная книга индуизма, окончательно записанная британскими колонистами в начале 1800-х гг., многие столетия

передавалась в устной традиции потомками захватчиков-ариев, погубивших хараппскую цивилизацию на северо-западе Индии.

Книга эта написана на санскрите, языке, являющемся мертвым для всех на земле, кроме браминов, которые пользовались им только в устной речи, позже и в письменной форме.

Брамины в арийской традиции соответствуют друидам, поэтам-панегиристам, и до сих пор прославляют героев-богов, некогда вторгшихся в Пенджаб, а позже обожествленных. По сути дела, «Ригведа» состоит из 1028 стихов, восхваляющих разных богов, вождем которых является Индра, громовержец и колесничий, — именуемый у римлян Юпитером, у греков — Зевсом и Тором — у скандинавов. В Индре мы видим апофеоз индоевропейского вождя-воина. «Как птиц небесных, разметывает он достояние врагов». Он — «тот, который властвует над лошадьми, колесницами, деревнями и скотом». Более того, он «разрушитель городов», как и Одиссей, носящий почетный титул «полипторос» — «штурмующий города». В качестве бога Индра мечет молнии с колесницы, в другие моменты обходится стрелой и луком.

В бой за боем ты вступаешь храбро,

Крепость за крепостью ты разбива-

ешь…

Ты убил Каранджу и Парною

Острейшим ободом колеса Атитхичвы…

Ты вместе с Сумравасом, оставшимся без сторонников,

Этих царей народов – два десятка пришедших,

Шестьдесят тысяч девяносто девять воинов, о знаменитый,

Поверг ниц колесом от колесницы…[9]

«Риг» на санскрите означает хвалебную песню, а «веда» означает знание, слово это родственно английскому «вит», обозначающему ум, разум и в конечном счете восходящему к индоевропейскому корню слова «видеть». В эту категорию попадает и слово «видео». Слово, обозначающее происходящее на экранах телевизоров. Восходит к корню, обозначающему священное знание у браминов Индии и кельтских друидов…

Кельтские мудрецы в записках Цезаря именуются по множественному числу галльского наименования: друиды — «трижды зоркие». К

---

[9] Примечания: 9

Ригведа. Мандала 1 «К Индре», 53. Пер. Т. Я. Елизаренкова.

корню «ид» или «вид» (видящий, мудрый) присоединяется усилительная приставка «дру», или три, отсюда и «трижды мудрые», галльская форма друи. Число три служило интенсификатором во всех индоевропейских языках, ср. французское «tres» и английское «terrific».

Индоевропейские божества образуют триады: Брама, Шива и Вишну у индусов; Зевс, Посейдон и Аид у греков. Боги эти олицетворяют универсальные принципы, правящие небом, землей и подземным миром: создание, разрушение и сохранение. Можно предположить, что трилиты Стоунхенджа также символизировали эти космические основы.

Подобный смысл им могли приписать друиды, связанные с уэссекскими воинами, чьим политическим монументом и является Стоунхендж. Архитектура его, безусловно, должна согласовываться с функциональной ролью памятника, выполняющего роль центра хорошо спланированного некрополя.

Деяния нашего героя, друида Немеда, полностью согласуются с классической моделью. В героическом обществе друиды и брамины легитимизируют политическую власть воинов над классом производителей, хранят в памяти генеа-

логии вождей и если не воспевают их доблесть, то освящают места племенных сходок, соблюдают обрядовый календарь, совершают жертвоприношения и читают знамения. Друидические обряды в латенской Европе требовали человеческих жертвоприношений; обреченные в жертву закалывались кинжалами или сжигались, так свидетельствует Посидоний, однако нынешние псевдодруиды и их романтически настроенные почитатели предпочитают не задумываться об этом.

В той же мере подлинны и воинственные йернии. В нашем романе они изображены как герои, а не солдаты. В эпической литературе героев уподобляют диким зверям. Кухулин именуется «кровавым псом», воины у Гомера «хищные львы» или «шакалы». Действительно, герои сами выбирают себе соответствующий символ, они ценят особую свирепость в диких животных. О многом говорит описание внешности галлов, приводимое Посидонием: «Галлы высоки, плоть их бела и водяниста, они не только светловолосы от природы, но еще усиливают это качество искусственными способами. Для этого они мочат головы в известковом растворе и откидывают их со лба к макушке и на шею, в итоге получа-

ется нечто похожее на голову Сатира или Пана, волосы делаются от такой обработки настолько жесткими, что напоминают лошадиную гриву. Некоторые сбривают бороды, другие носят короткие, аристократы же выбривают щеки, но дают усам полную свободу, и они закрывают рот. Поэтому за трапезой усы попадают в пищу, а когда они пьют, жидкость попадает в рот через нечто вроде цедила».

Латенское искусство оставило немало изображений загнутых вверх кельтских усов и зачесанных со лба волос, вне сомнения отвердевших. О волосах Кухулина говорили, что они окрашены в три цвета и торчат остриями кверху, так что яблоки, падая с деревьев, накалываются на них. Подобное описание соответствует внешности кельтского воина с выбеленной головой. Следует заметить, что у воинов латенской культуры глаза всегда велики и навыкате. Быть может, это глаза пастуха, вечно оглядывающего далекие горизонты, подобно «дальнозрящему» Зевсу Гомера.

Усы кельтов в латенском искусстве зачастую подобны клыкам дикого вепря. Это не первая культура из тех, что пользуется охотничьей символикой для отображения воинской доблести. Лев, медведь и орел до сих пор сохраняют место в

геральдике всех западных наций.

Охота, потеха королей, не дает того удовольствия, когда объектом ее является слабый зверь.

Охотясь на дикого вепря на горе Парнас, Одиссей получил рану в бедро. Шлемы из голов вепря упоминаются в «Одиссее», фрагменты их обнаружены при раскопках в Микенах. Римские легионеры носили шлемы со стоячим гребнем из конских волос, однако их стоячая грива имитировала скорее кабана, а не дикую лошадь. В кельтской культуре изображение вепря характеризуется стоячей гривой и длинными изогнутыми клыками. Длинные изогнутые усы кельтских воинов и зачесанные назад шевелюры, без сомнения, символизируют кабана.

Различие между кельтскими усами и римским шлемом заключается в том, что усы вырастают на теле воина, а шлем представляет собой изделие из части тела животного-символа. Усы сочетаются с устной культурой, а шлем — с письменной. В культуре, лишенной письменности, существует лишь произнесенное слово, и воспоминания остаются незаписанными, отраженными в украшениях тела. Воин, украшенный усами-клыками, на голове которого по-кабаньи щетинятся волосы, сам является знаком, говорящим о воинской

удали племени. Римский шлем с кабаньей гривой, часть правительственного обмундирования, является знаком организованной армии государства, в которой геройство отдельных воинов уступило место массовому истреблению врагов. Там, где римский шлем сталкивается с маской воина, трофеем становилась не отсеченная голова, а захваченная территория. Война как дело личного престижа и обогащения через убийства и ограбления уступила место войне за территориальные приобретения, которую вели легионы Цезаря. Вражда и грабеж — дело воинское, покорение земель — уже труд солдата.

В любом случае в кельтском обществе усы носили одни только воины. Друиды должны были сбривать усы, но они отращивали бороды. Наши современные псевдодруиды носят и то и другое — обычно наклеивая оба атрибута — и допускают в этом ошибку. Не правы и те, кто из чистого снобизма отрицает связь истинных друидов со Стоунхенджем. Как в протокельтском, так и в кельтском обществе друиды играли важную роль, в этом нельзя усомниться.

Глава 7

Посетители Стоунхенджа видят лишь то, что в романе построил Интеб: трилиты и сарсеновое кольцо. Однако эти внушительные камни представляют собой финальную стадию развития монумента, называемую Стоунхендж III и датирующуюся (опять) 1500 г. до н. э., но строительная деятельность на этом месте началась за 900 лет до этого. Настоящее послесловие нельзя закончить, не упомянув об этом.

Первоначально Британию населяли охотники и собиратели, жившие в покрывавших весь остров лесах. Примерно в четвертом тысячелетии эти края посетила неолитическая пищевая революция в лице мигрантов из-за пролива. Они делали в лесу расчистки для своих полей, их пасущийся скот усиливал эрозию лесного покрова, что привело к образованию знакомых нам лишенных леса нагорий. В результате земледельцы начали склоняться к пастбищному животноводству, осталось место и для аборигенов-охотников и собирателей, уцелевших до времени Стоунхенджа III; в настоящем романе они называются «охотниками».

Подвижность и знание троп в лесных чащобах предоставили им новые перспективы для жизни. К охоте добавилась торговля — топорами из ирландского жадеита, золотом и бронзой.

Тем временем появившиеся пастухи, известные под названием людей из Виндмилл-Хилла, возводили земляные укрепления, называемые стоянками насыпного типа. Они располагались на вершинах невысоких холмов (образцом послужил Виндмилл-Хилл) и состояли из двух или трех концентрических валов, имеющих два или три разрыва. Похоже, они являлись местами сбора самостоятельных хозяев, приуроченного ко времени осеннего забоя скота; таким образом, превратившийся в День Всех Святых праздник самайн может оказаться древнее кельтской и протокельтской традиции. Существование подобных земляных сооружений облегчило впоследствии воинам культуры боевых топоров вторжение в эти места и завоевание их. Однако еще до того, как это случилось, люди из Виндмилл-Хилл упростили свои стоянки и стали строить их уже на равнинах в виде одного округлого вала и рва с одним только проходом вовнутрь. Их называют хенджами, наиболее заметным из всех является Стоунхендж, внутри которого имеется сарсено-

вое кольцо.

Стоунхендж I и представляет собой земляное сооружение подобного вида, к которому строители Виндмилл-Хилла добавили ямы Обри (ямы-кострища) и пяточный камень. Это они начали хоронить своих покойников под курганами, в данном случае имеющими продолговатую форму, такие курганы укрывают погребения семьи или клана, округлые курганы с одиночным погребением появились одновременно с героями. Первыми героями были люди культуры кубков, пришедшие через 800 лет, которые внесли дополнения в сооружение, получившее вид, ныне именуемый Стоунхенджем II.

Люди культуры кубков (названной по большим пивным кувшинам в погребениях; с ними находят бронзовые кинжалы и комплекты принадлежностей для стрельбы из лука) являются представителями культуры боевых топоров в их западноевропейском варианте, уже позаимствовавшими в Хорватии искусство обработки металла. Тамошние мастера изготавливали металлические орудия на продажу. Потом люди культуры кубков продолжали миграцию на запад, уже располагая собственными кузнецами. Они не только перебрались в Британию, но и

вышли по Иберийскому полуострову к Атлантическому океану. А потом повернули обратно. В Иберии они как будто бы столкнулись с еще одной группой металлургов; по крайней мере, так утверждает одна из теорий, и мы попытались ее использовать, так как только она объясняет присутствие в тогдашней Ирландии мастеров, знающих секрет бронзы, с ними торгуют охотники, получающие от них бронзу и золото, в то время как йернии в Уэссексе получают металлические изделия также и из Унетице от гераманиев. Этот народ кузнецов, начинавших с обработки меди, медленно продвигался вверх по Атлантическому побережью Европы, потом он перебрался в Ирландию, Домнанн нашего романа. Эти торговцы и изыскатели были родом из Средиземноморья, поддерживали редкие контакты с Микенами.

Их гробницы — громадные, поставленные на ребро валуны, перекрытые необработанными массивными плитами, — называются дольменами, уже они одни отмечают движения этого народа. Оказавшись в Домнанне, они повторно изобрели бронзу.

Остров, у берегов которого разбился корабль Эсона, усеян их дольменами. Сейчас он известен под названием островов Силли и представляет

собой не один остров, а несколько, так как уровень моря с тех пор поднялся. Строители гробниц, альбии романа, обитали в Корнуолле и Девоне, где находятся оловоносные ручьи, из-за которых придуманный царь Перимед вступил в войну с Атлантидой. Разыскивавший для Микен олово дядюшка Ликос должен был только осмотреть медные рудники альбиев; иногда оба металла обнаруживаются вместе.

Во всяком случае, люди кубков возвели в Стоунхендже почти полный двойной круг голубых камней (которые, возможно, были доставлены с горы Присцилл в Уэльсе; впрочем, вопрос этот до сих пор с жаром обсуждается геологами). Люди, которыми они правили, относились к неолитической пастушеской культуре Виндмилл-Хилла; наследниками их, создателей Стоунхенджа I, являются донбакшо. Через сто лет, к моменту появления Эсона, положение изменилось. Культура кубков процветала и превратилась в уэссекскую: с ней связывают разборку Стоунхенджа II и возведение Стоунхенджа III с его монументальными сарсеновыми камнями строго местного происхождения, которые мы видим здесь сегодня. Воинов обеих культур — кубков и уэссекской — хоронили неподалеку в круглых курганах. Это

кладбище является частью монумента в той же степени, что и сами стоячие камни.

Глава 8

Действительно, и сами камни, и их расположение обладают погребальным символизмом, подобающим монументу, расположенному посреди огромного кладбища. Отсюда ни в коем случае не следует, что Стоунхендж является храмом, где отправлялся культ мертвых.

Определенные черты погребальной архитектуры, позаимствованные из интерьера окружающих гробниц, могут попросту служить для освящения места собраний племен под открытым небом. Вспомните, что христианские церкви служат местом коронации королей. Епископы и короли, друиды и вожди-быки — этот тип взаимодействия прослеживается во всей западной культуре. Погребальный с точки зрения архитектуры монумент может воплощать военную и светскую власть вождей; политическая власть обретает сверхъестественную поддержку религиозных авторитетов, друидов, обеспечивающих потустороннюю поддержку мертвых, а также прочих сверхъестественных и космических сил.

Поэтому связанные с культом мертвых черты погребальной архитектуры трилитов проявляются в политическом монументе.

Трилиты — сооружения, состоящие из двух каменных столбов и поперечины над ними, — получили свое имя от Уильяма Стакли; пять трилитов находятся внутри сарсенового кольца в центре Стоунхенджа. Как уже указывалось, они могут воплощать триаду космических принципов, силу троицы индоевропейских богов: созидателя, разрушителя и обладателя. Племенные государства индоевропейцев от Индии до Европы несли в себе расслоение на жрецов, воинов и крестьян-производителей: и мудрецы повсюду изобретали богов, ведающих определенными департаментами, чтобы выразить тем общественную реальность различных прослоек; подобным образом они объяснили обществу его состояние, заставили его работать. В арийской Индии богом друидических жрецов, формулировавших и проповедовавших эти взгляды, был Брахма, воинам покровительствовал Шива, торговцам — Вишну.

Вишну является мужским божеством, в образе женщины он только отнимает у асуров амриту, добытую после пахтанья океана. В мифологии

Северной Европы это Один, Тор и Фрейя. В данном и в прочих случаях они олицетворяют мудрость, силу и богатство: поучительную мудрость священников (брамины то или друиды), эротическое плодородие богатства, заключенного в животных и растениях неолитического земледелия. И когда индоевропейские племенные государства исчезли как социальные структуры, их боги остались жить в качестве мифического идеала, воплощая, например, средневековую социальную идею трех сословий: священства, рыцарства и простонародья.

Во всяком случае, мифология является весьма древним способом постижения космоса в целом. Так дело обстояло и в Стоунхендже. Здесь в одном из круглых курганов героических времен обнаружен жезл вождя, выполненный в форме стилизованного боевого топора, с головкой из редкого и драгоценного камня, деревянная рукоять его (сгнившая к нашему времени) была украшена зигзагообразными костяными кольцами, воплощающими мотив вспышки молнии. Это же молот Тора? Во всех ветвях индоевропейской мифологии у боевых топоров были свои боги, бог-громовик всегда воин. Он известен под многими именами: Тор, Донар, Юпитер, Тауранос (кельт-

ский Зевс), Тешуб — бог погоды у хеттов, и Индра. Знаменитый молот Тора Мьоллнир, воплощающий разрушительную силу небес, гром и молнию, представляет собой не что иное, как мистическое преображение боевого топора. Таков космизм уэссекских воинов в понимании их друидами. Это в отношении неба, но друиды занимаются и подземным миром. В Стоунхендже имеются сооружения, в точности подобные трилитам, куда меньшего размера и с более широким дверным проемом, они расположены внутри долгих курганов и служат входом в трансепту, то есть дверным проемом, ведущим в погребальные камеры из главной галереи (круглые курганы с их индивидуальными погребениями содержат единственную камеру). В окрестностях Стоунхенджа наиболее заметной среди подобных гробниц, сложенных из крупных камней и потому именуемых мегалитическими, является длинный курган Уэст-Кеннет. Он представляет собой пятикамерный могильник, за пятью трансептами его — входными проемами в форме трилита — расположено пять погребальных камер, служивших для захоронения пяти различных семей или кланов. Эта гробница относится к неолитическим временам и являлась центральной в Уэссекском регионе,

месте возникновения Стоунхенджа III. Пять трилитов явно соответствуют неизменной форме местной социальной организации. Повсюду на Британских островах мегалитические гробницы обозначают границы общинных территорий, подкрепляют право на владение землей. Курганы не просто гробницы для мертвых, это и пространственные ориентиры для живущих. Площадки перед ними завалены объедками, оставшимися от ежегодных пиров, самайна и ему подобных. В ирландском фольклоре курганы — обитель фей и эльфов, это старинное воспоминание о пирах, служивших ритуальным подкреплением права на священные племенные земли. Большое кладбище Стоунхенджа, впрочем, свидетельствует не только об этом. Здесь явно находился фокус межплеменных контактов, осуществлявшихся в широком регионе, здесь погребена не только местная знать — детали художественного оформления погребений характерны для пяти различных областей. Пять трилитов снаружи знаменуют реалии той же самой политической географии. Арки, уводящие в различные камеры мегалитической гробницы, были увеличены и поставлены над землей, трилиты представляют собой стилизованные трансепты и являются

знаками пяти династических быков-вождей, встречавшихся за внутриплеменными делами в Стоунхендже, парламенте героев. Каждый вождь находился перед своим порталом, свидетельствовавшим о его происхождении, напоминавшим о предках, имена которых назывались друидом.

Эта картина заставляет оживиться воображение, стоит только посмотреть на карту: кроме Стоунхенджа в Уэссексе существует еще четыре крупных могильника, а всего их пять.

Каждое связано с мегалитическим местом схода. С севера на юг они расположены у Лэмберна на Беркширских плоскогорьях, Эйвбери на плоскогорье Мальборо, у Стоунхенджа на равнине Солсбери (здесь самые обширные пастбища), у Крэнбери-Чейз на плоскогорье Оукли в Дорсете и у Дорчестера — также в Дорсете. Эти места соответствуют нашим пяти родовым государствам йерниев: дану Маклорби, дану Финмога, дану Уалы (потом дану Эсона), дану Мовега и дану Дер Дака.

Пять трилитов, пять могильников. Один из трилитов расположен в середине подковы, он мощнее и выше остальных четырех. Могильник у Стоунхенджа также обширнее прочих. Огромные арки, прежде уводившие к погребальным

камерам различных родственных единиц, теперь ведут наружу к семействам вождей, объединенным племенным союзом и общим кладбищем на квазидинастическом могильнике сильнейшего партнера. Об этом свидетельствуют региональные погребальные группы, четко различающиеся могильным инвентарем.

Подобные отношения свидетельствуют, что пять трилитов в известной мере символизируют силы, в древности соперничавшие в пяти пастбищных районах юга Британии, «договором меча» — слова эти встречаются в ирландских сагах — соединенных под влиянием одного выдающегося военного предводителя. В настоящем романе роль подобной энергетической личности исполняет Эсон, помогающий здесь отцу в войне с Атлантидой.

Но он приступает к задаче, погружаясь в местные дрязги, используя локальную религиозную идеологию для достижения политического единства. Его зодчий, Интеб, понимает значение деревянных сооружений, которые йернии называют хенджами. Друиды возводили эти деревянные трилиты ради прославления боевых подвигов своих вождей. Такую вещь нетрудно представить, поскольку известные нам каменные

трилиты сооружены по плотницким принципам: шипам наверху опор отвечают выемки в перемычках. Подобное представляет собой пример перенесения на камень техники обработки дерева; объяснить эту странную особенность можно тем, что трансепты гробниц сперва сооружались из дерева; так поступали и позже там, где камня было мало.

Чтобы перевести разговор на язык средневековой Ирландии, предположим, что в Стоунхендже один «верховный король» доминировал над четырьмя ему подчиненными королями. В ирландской мифологии пятерка имеет священное, а также политическое значение.

Число это связано с делением Ирландии на пять частей: четыре четверти и axis mundi[10], поворачивающаяся там, где восседает центральная власть. Быть может, проемы меньших дверей в сарсеновом кольце символизируют военные отряды меньшей величины, союзные большой пятерке, привлеченные с периферии к союзу уже во время сооружения Стоунхенджа. Хотя нам остается лишь спекулировать относительно парламентских функций Стоунхенджа, едва ли

[10] Примечания: 10
Ось мира *(лат.)*.

можно сомневаться в символическом значении пространственного расположения самих трилитов. На наш современный взгляд, все пятеро расположены в форме подковы. Это интересный факт. В соответствии с популярными суевериями этот предмет следует прибивать над дверью амбара в качестве доброго талисмана — таково наследие индоевропейского пастушеского общества. Подкова была добрым талисманом именно потому, что ее обращенные вверх края напоминают рога быка; и подкову прибивают, заменяя ею натуральные рога, как делалось прежде. Кельты носили подкову на шее — золотая гривна и есть подкова. Расположенные в том же порядке трилиты символизируют рога быка.

Остатки рогов и копыт найдены в некоторых неолитических длинных гробницах близ Стоунхенджа. Возможно, прежде их увенчивали головами и даже чучелами животных. По сообщению Геродота, могильные курганы скифских царей украшали чучелами коней. Но так было на прародине индоевропейцев, когда уже была одомашнена лошадь — значительно позднее, чем овцы, козы, свиньи и крупный рогатый скот.

В плейстоцене лошадь была распространенным объектом охоты, однако в послеледниковое

время кони обитали практически только в евразийских степях. Люди культуры боевых топоров приучали их не к верховой езде, а впрягали в повозки и колесницы. Повозки использовали для перевозки добычи, награбленной с помощью колесниц. Верховые воины и всадники появились, только когда в позднеримское время была выведена новая, более крупная порода лошадей. В торговых перевозках и для обработки земли коней начали использовать в еще более позднее время. В романе йернии все еще охотятся на лошадей, одомашненная порода еще не вступила в Британию вместе с народом кубков.

Тем не менее поклонение лошади сохранилось у европейцев гораздо дольше, чем поклонение корове. Благородный человек стал называться не господином коров, а всадником: кавалером, кабальеро, шевалье, рыцарем. После изобретения автомобиля объектом поклонения сделался автомобиль, самобеглая колесная повозка. Но до лошади почет приносило обладание коровами. Героическая аристократия индоевропейских племенных государств, которую мы превосходно знаем по Гомеру, своим благосостоянием обязана скоту, традиция эта следует со времен культуры боевых топоров, на чьем еще не разделившемся

перед миграцией языке pecunius обозначало собственность в коровах, слово «военный отряд» — орду, разыскивающую коров, корень в слове «защита» — охрану коров. Титул вождя — «господин коров» — определялся его способностью забить животное для гостей.

Исходя из изложенного, советуем читателю воздержаться от смеха, представив себе чучела коров на перемычках трилитов Стоунхенджа. Наши йернии не дураки. Картина эта весьма разумна, если рассматривать ее с исторической точки зрения. Уже отмечалось, что на поверхности длинных курганов в окрестностях Стоунхенджа и в иных местах обнаруживались коровьи рога и копыта. Перед могильниками обнаружены кучи коровьих костей, что свидетельствует, что забитые там животные служили пищей не только живым. В кельтской мифологии потусторонний мир именуется Обещанной Землей; это Мой-Мелл, где павший воин будет пировать посреди нескудеющих стад коров и пить из остающихся полными кувшинов пива. В Мой-Мелл всегда изобилие. И если с архитектурной точки зрения Стоунхендж является могильником под открытым небом, мы вполне вправе предполагать, что и его украшали эмблемами скота, целыми ту-

шами или просто рогами. Их могли прибивать к деревянным пробкам, на три дюйма уходившим в поперечины сарсенового кольца: гнезда под ними обнаружены совсем недавно. Астрономы предпочитают считать их предназначенными для установки точных визиров. Мы же полагаем, что они несли на себе всякую бычью эзотерику — быть может, даже позолоченные овечьи рога или их бронзовые копии. Символические бычьи рога самым широким образом прослеживаются во всем европейском неолите. Наиболее известны рога, послужившие для украшения критских дворцовых сооружений. Крито-минойская культура является результатом отличной от индоевропейской эволюции той же самой неолитической основы, и мы ничего не выдумали, описывая архитектуру атлантов.

И все же мы должны спросить себя: что все-таки кроется за этим бычьим символизмом? Ответ здесь дает Демокрит, объяснивший, как растут рога у животных. За этим образчиком древней естественной истории кроются еще более древние предположения и представления о природе. Рога, как считает Демокрит, вырастают потому, что жизненная сила тяготеет к голове и мозгам; то, что вырастает на голове, есть проявление за-

ключенного внутри нее, порождение жизненной субстанции. Рога растут, их увлажняет телесная влага, исчезающая со смертью; «сухим» (так, по Гомеру, называются мертвые) она поставляется возлияниями. Значит, рога являются проявлением заключенной в мозгу жизненной силы. В индоевропейских языках слова, обозначающие рога и мозг, родственны (например, латинские «comi» и «cerebrum»). Отделенный от головы рог изобилия, снабжающий потусторонний мир едой и пивом, является другим воплощением этой созидательной и восстановительной силы, в первую очередь вызывающей рост рогов.

Символические коровьи рога на выстроенных подковой трилитах Стоунхенджа приличествуют месту, где коровьи вожди различных отрядов собираются, чтобы заключить новые союзы и отпраздновать это событие. Коровы — ценная собственность, они — предмет набегов и мера богатства. Что может быть важнее для героев пасторального общества, чем владение скотом? Какой символ им подобает более, чем рога, знак силы, порождение жизненной субстанции? Воины ищут добычи, они ждут, что вождь поведет их за ней; в «Ригведе» слышатся их вопли, выражающие решимость — добыть корову, добыть

скакуна. Что делать им, когда предводитель вместо походов хочет заключать союзы и прекратить вечную войну всех со всеми? Где найти развлечение? Где взять добычу? Об этом и думал Эсон, захватив дан Уалы. У него был зодчий, его Интеб, способный поставить трилиты, символические ворота в потусторонний мир Мой-Мелл. Каждый вождь вставал на племенном форуме перед своим трилитом, добивался сверхъестественной поддержки, раздавая одновременно обещания проявить щедрость в этом мире пиров и пьянства, помогавшие удерживать в узде воинов.

И теперь сами вожди вынуждены были следовать за верховным королем, царевичем микенским, желавшим ликвидировать помехи делу своего отца со стороны йерниев. При этом он воздействовал на местную культуру способом, породившим Стоунхендж, столь привлекательный для современных туристов. Сооружение так и осталось незавершенным, что свидетельствует о том, насколько скоротечной была природа варварских королевств на самой границе гомеровского мира и сколь шатки были альянсы между ними.

Глава 9

Насколько нельзя было избежать сцен насилия в реалистическом повествовании об этих временах, настолько же следует уклониться от любых ссылок на астрономические теории и другие неприемлемые объяснения причин возведения Стоунхенджа. Рассматривать астрономические теории может лишь человек, не знающий Гомера, не говоря уже об известных археологических реалиях. Общество в древней Британии времен Стоунхенджа III не было цивилизованным, его нельзя считать городским. Там не было городов, не было даже сельскохозяйственной основы для их существования, не говоря уже о таких обитателях городов, как математики и астрономы, нуждающихся в письме и библиотеках. Британцы, завершившие создание последней фазы Стоунхенджа, были пастухами, известными археологической науке как воины из Уэссекса, принадлежащими к протокельтской ветви культуры боевых топоров, связанной с областью обитания индоевропейцев, простирающейся от Индии до Ирландии, от Северной Европы до Средиземноморья. Боевые топоры уэссексцев

покоятся вместе с ними на просторных погребальных полях, окружающих Стоунхендж: их подвиги в битвах и краже скота находят отражение в устной литературе, посвященной любому индоевропейскому воинугерою, о чем свидетельствуют «Илиада», «Ригведа», «Похищение быка из Куалнге». Гомерова «Илиада» была составлена в восьмом столетии до нашей эры на основе устных преданий о микенских героях Греции бронзового века, живших около 1500 г. до н. э. «Ригведа» описывает вторжение в цивилизованную Индию воинственных колесничих, осаждающих города, любителей красть коров. Вторжение, происшедшее примерно в то же самое время. Эпическая поэма была старательно сохранена браминами в устной традиции (за тридцать пять столетий не было забыто ни единого слова!) и зафиксирована во время британского правления. А в «Похищении» описывается героический характер соперничающих индоевропейских племенных государств, уцелевших в изолированной Ирландии, не затронутой римскими завоеваниями до прихода христианских миссионеров в пятом столетии нашей эры. Мы в долгу перед монахами, примерно в седьмом столетии записавшими «Похищение», поскольку они сохранили для

нас устную традицию, которая, как это ни невероятно, открывает нам окно в протокельтское прошлое и вдыхает жизнь в кости уэссекских воинов, умерших около 1500 г. до н. э., примерно в одно и то же время с героями гомеровских Микен. И если в Микенах, наиболее развитом из европейских героических обществ того времени, нет солнечно-лунной обсерватории для расчета затмений, то незачем искать их и в варварской Британии того же периода. Стоунхендж астроархеологов или археоастрономов — они еще не решили, как себя называть, — в действительности не существует. Чтобы представить Стоунхендж астрономическим инструментом, необходимо фальсифицировать археологические данные, поскольку необходимо создать впечатление, что монумент был построен в один исторический момент, одним народом, для одной цели. На самом деле он возводился в течение тысячи лет тремя различными культурами: Виндмилл-Холла, кубков и уэссекской. Астрономический Стоунхендж представляет собой наложение всех трех стадий. Действительно, четыре оси Стоунхенджа II (прямоугольное расположение камней и курганов) совпадают с гнездами Обри Стоунхенджа I, но ведь все части должны объединяться в еди-

ный механизм. Более того, эта идея оказывается сомнительной уже со статистической точки зрения. Дуглас Хетти, преподающий математику и астрономию в Эдинбургском университете, определил это в своей книге «Мегалитическая наука», вышедшей в 1982 г. Из 240 визирных линий, обнаруженных Хокинсом в Стоунхендже, 48 должны были чисто случайным образом совпасть с направлениями на то или другое положение Луны или Солнца, однако он обнаружил только 32 значимых визирных направления. Итак, чистый случай предоставляет больше возможностей.

Повторные вычисления показали, что лишь 25 направлений дают ошибку, укладывающуюся в 2° азимутальной дуги, что, по мнению Хокинса, необходимо для астрономических наблюдений.

Мы надеемся, что наше собственное произведение послужит доказательством правды об историческом Стоунхендже, каменном хендже, который точнее будет назвать коровьим.

Леон Стоувер, доктор философии,
доктор литературы, профессор антропологии.
Иллинойсский технологический институт

Гарри Гаррисон
Время для мятежника

Глава 1

Главная Окружная дорога бетонным кольцом опоясывает столицу Соединенных Штатов Америки. Шестью рядами широко разливается она среди лесов Виргинии, захватывает спальные кварталы Александрии и через Потомак перебрасывается в Мэриленд. Здесь, на сравнительно дешевой земле, оседают правления фирм и бездымные заводы, вдруг вырастающие на лесных просеках по сторонам дороги. Примерно в этих местах отходит от Окружной на боковую магистраль съезд 42. И как раз перед знаком остановки уходит за деревья проселочная однорядка.

У дорожного знака старый «понтиак» свернул на проселок. За первым же поворотом стоял большой белый дом без окон. Водитель не обратил внимания ни на дом, ни на знак, приглашающий в лабораторию номер два компании «Уикс электроникс». Водитель направился дальше по дороге, пока здание не скрылось из виду, и лишь затем свернул на поляну и заглушил двигатель.

Водитель вышел из машины и аккуратно, без щелчка, закрыл дверцу. Встав спиной к радиатору, он посмотрел на часы, явно равнодушный к

первым проблескам багрянца и золота в листве осеннего леса. Им владела какая-то мысль, и она привлекала его внимание к часам. Случись здесь наблюдатель, он увидел бы высокого мужчину ростом чуть больше шести футов, с не слишком привлекательным лицом, которое портил чересчур острый нос. Однако этот дефект с лихвой искупался ровным загаром кожи и благородной сединой на висках, придававшими незнакомцу вполне достойный вид. Он сосредоточенно глядел на часы. Одет он был в неопределенного вида плащ, темно-синие брюки и черные ботинки.

Наконец человек удовлетворенно кивнул, нажал кнопку на часах, повернулся и пошел между деревьями. Двигаясь быстро, но бесшумно, он дошел до поваленного бурей дуба — поваленного совсем недавно, ибо листья его только начали вянуть. Здесь человек припал к земле и прополз под прикрытием дерева не меньше пятнадцати футов. Потом он поднялся на ноги и поспешил вперед.

Через двадцать ярдов лес обрывался узкой, глубокой, заросшей травой канавой, окружавшей фундамент ограды. За оградой начиналась парковая лужайка с редкими деревьями, сквозь листву которых проглядывал угол здания «Уикс электро-

никс». Человек спустился в канаву — и быстро выбрался из нее под защиту деревьев. Минутой позже с другой стороны вдоль ограды прошел охранник в униформе с немецкой овчаркой на коротком поводке. Едва они скрылись из виду, человек поспешил вдоль канавы, натягивая на ходу пару кожаных перчаток. Не останавливаясь, он вскарабкался на ограду, балансируя на самом верху под двойной полосой колючей проволоки. Он согнул колени, удерживая равновесие вытянутыми руками, потом мягко перепрыгнул через проволоку на другую сторону и рванул к ближайшей группе деревьев. Но не успел. Откуда-то вынырнул джип и, разрывая шинами дерн, резко затормозил перед бегущим. Охранник, сидящий рядом с водителем, поднял карабин и наставил его на чужака. Тот остановился и поднял голову. Охранник молча смотрел, как высокий человек медленно вскинул руку, взглянул на часы и нажал кнопку.

— Шесть минут девять и три десятых секунды, Лопес.

Охранник равнодушно кивнул и опустил оружие:

— Да, полковник.

— Плохо, черт побери, совсем плохо. — Человек

уселся на заднее сиденье джипа. — Поехали в караулку.

Они объехали здание лаборатории, направляясь к низкому строению, не видному с дороги. Возле дома стояли люди в униформе. Они молча смотрели, как подъехал джип, и седой охранник с нашивками сержанта выступил вперед. Из джипа вышел полковник и показал на часы:

— Ваше мнение по поводу шести минут девяти и трех десятых секунды, в течение которых я шел незамеченным по лесу от дороги до объекта?

— Мне это не нравится, полковник Маккалоу, — ответил сержант.

— И мне тоже, Гринбаум, мне тоже. Я уже был на полпути к лаборатории. Нарушитель мог многое успеть за это время. У вас есть что сказать?

— Ничего, сэр.

— Вопросы есть?

— Нет, сэр.

— Совсем нет? Вас не интересует, как я прошел до самой ограды необнаруженным?

— Интересует, сэр.

— Отлично, — полковник Маккалоу кивнул, словно разговаривал с дебильным ребенком. — Но ваш интерес несколько запоздал, сержант. Ровно на одну неделю, если быть точным. Именно

тогда я обратил внимание, что свежеповаленное дерево блокирует часть поля зрения одной из дистанционных телекамер. Ровно неделю я ждал, пока вы или кто-нибудь из ваших людей это заметите. Не заметил никто. Поэтому я и устроил эту демонстрацию дыры в вашей охране.

— Я обеспечу ее ликвидацию, полковник…

— Не вы, Гринбаум, а кто-нибудь другой. Вы лишаетесь своих нашивок, ваше жалованье соответственно уменьшается, а в ваше личное дело будет записан выговор…

— Не будет, Маккалоу. Плевал я на эту работу. Все, я смываюсь.

Полковник кивнул:

— Совершенно верно. Вы именно смываетесь, как дезертир. На службу вам наплевать. Прослужить в армии двадцать лет и вот так…

— Это я дезертир? Не вешайте мне лапшу, полковник! Извините за выражение. — Гринбаум, вне себя от злости, сжал кулаки. — Не на службу мне плевать, а штабных вонючек я видеть не могу. Вы главный в службе безопасности этой лаборатории, а значит, вас прежде всего должна интересовать безопасность. А вы из мелкой пакостности целую неделю молчите о дыре в охране. Мы должны работать вместе, а не играть

в индейцев и разведчиков. Играйте без меня.

Он повернулся и широко зашагал прочь. Полковник молча смотрел ему вслед. И только когда сержант скрылся из виду, обратился к молчавшим охранникам:

— Письменный рапорт о происшедшем от каждого. Утром ко мне на стол. — Он махнул рукой Лопесу, приказывая ему выйти из джипа, и занял его место. — К моему автомобилю, — сказал он водителю и повернулся к охранникам. — Зарубите себе на носу, незаменимых среди вас нет. Кто залупится, как Гринбаум, вылетит следом за ним.

В джипе Маккалоу ни разу не оглянулся.

Пока джип, доставив Маккалоу, разворачивался, полковник снял плащ и положил его в багажник своей машины. Под плащом был мундир без знаков различия и орденских планок, но с серебряными орлами на плечах. Из багажника полковник достал берет, плотно надвинул его на уши, вынул черный дипломат и захлопнул крышку багажника. Несколько минут спустя он уже ехал по бульвару Мак-Артура, направляясь в город.

Поездка была недолгой. Через несколько минут автомобиль въехал на стоянку филиала окружного банка в большом торговом центре. Маккалоу

запер автомобиль и вошел в банк, прихватив с собой дипломат. Визит был кратким. Не прошло и десяти минут, как он вернулся к своей машине — под пристальным наблюдением человека из черной «импалы», припаркованной через два ряда. Человек в «импале» поднес к губам микрофон:

— «Дорога-один» к «Дороге-два». Джордж уезжает со стоянки и сворачивает к югу, на Мак-Артура. Принимай его. Прием.

— Принимаю. Конец связи.

Человек положил микрофон и вышел из машины. Это был тощий блондин в непримечательном сером костюме, в белой рубашке с темным галстуком. Он пересек вестибюль наискосок и остановился перед секретаршей.

— Моя фамилия Рипли. Мне нужно видеть менеджера. Я бы хотел поговорить с ним о возможных инвестициях.

— Разумеется, мистер Рипли. — Девушка сняла трубку. — Я узнаю, свободен ли мистер Брайс.

Менеджер встал навстречу посетителю и пожал ему руку через стол.

— Рад быть полезным вам, мистер Рипли. Чем могу служить?

— Государственное дело, сэр. Будьте любезны,

взгляните на мое удостоверение.

Из нагрудного кармана он достал книжечку в кожаном переплете. Брайс посмотрел на золотое тиснение удостоверения, на пластиковую карточку в окошке и кивнул.

— Итак, мистер Рипли? Чем могу быть полезен Федеральному бюро расследований?

Он сделал движение, намереваясь вернуть документ, но агент его остановил.

— Я бы просил вас проверить подлинность удостоверения, сэр. Полагаю, у вас есть телефон для таких случаев.

Брайс кивнул и открыл верхний ящик стола.

— Да, есть. Однажды я им уже пользовался. Минутку…

Менеджер набрал номер и назвал себя абоненту на другом конце линии. Потом прочел вслух номер удостоверения и прикрыл микрофон рукой.

— Они хотят знать, по какому делу.

— Скажите им: расследование «Джордж».

Менеджер повторил эти слова, кивнул и повесил трубку, затем протянул агенту ФБР его удостоверение.

— Я получил указание сотрудничать с вами и предоставить в ваше распоряжение всю имеющуюся у нас информацию об одном из наших

клиентов. Но должен заметить, что этим нарушаются все обычные…

— Я это понимаю, мистер Брайс. Но в данный момент вы принимаете участие в чрезвычайно важном расследовании, связанном с вопросом безопасности. Если вы отказываетесь от сотрудничества, я обязан обратиться к вашему начальству…

— Нет, вы не поняли! Я не это имел в виду. Разумеется, я готов сотрудничать. Я просто хотел сказать, что информация о клиентах всегда строго конфиденциальна — при нормальном ходе событий. Но конечно, вопросы национальной безопасности — это совсем другое дело. Так чем я могу вам помочь?

Брайс прервал сбивчивую речь, машинально достал носовой платок и вытер вдруг вспотевший лоб. Агент, без малейшего намека на улыбку, кивнул:

— Понимаю вас, мистер Брайс. Надеюсь, и вы понимаете, что в силу вашего добровольного согласия на сотрудничество вы по закону несете ответственность за разглашение содержания наших переговоров и даже просто за упоминание о них.

— В самом деле? Я не знал, но, конечно, я ни

одной живой душе не скажу.

— Прекрасно. Итак, несколько минут назад из вашего банка вышел человек, совершивший некую сделку. Его имя — Уэсли Маккалоу, он полковник армии Соединенных Штатов. Нет, не записывайте. Это легко запомнить. Вы найдете банковского работника, который его обслуживал, и принесете сюда записи о сделке или сделках этого полковника. О причине своего интереса вы не скажете никому.

— Разумеется!

— Мы ценим вашу добрую волю, мистер Брайс. Если вы не возражаете, я подожду вашего возвращения.

— Да, конечно, будьте как дома. Я ненадолго.

Меньше чем через пять минут менеджер вернулся с папкой в руке. Он тщательно закрыл и запер дверь и раскрыл папку.

— Полковник Маккалоу совершил покупку…

— Он платил чеком или наличными?

— Наличными. Купюрами большого достоинства. Он покупал золото и платил наличными. Восемь тысяч пятьсот тридцать два доллара. Золото он забрал с собой. Это та информация, которую вы хотели получить, мистер Рипли?

— Да, мистер Брайс. Это именно то, что я хотел

узнать.

Глава 2

Сержант Трой Хармон ехал в метро от Пентагона, ломая голову, что бы могло скрываться за его новым назначением. Второпях ему абсолютно ничего не сказали. Кроме того, что ему надлежит как можно скорее прибыть по указанному адресу на Массачусетс-авеню возле станции метро «Юнион». Транспортные средства не предоставляются.

Он ехал в метро, поглядывая на тяжелый запечатанный пакет в руках. Его собственное личное дело, история девяти лет в армии. Награды, продвижения по службе, проступки, заключение из Фицсиммонского госпиталя, где из его спины вынимали шрапнель. Два года во Вьетнаме без единой царапины, и надо же — хороший подарок от собственной батареи поддержки. Орден «Пурпурное сердце» из куска детройтской стали. Перевод в военную полицию, затем в G2 — военную разведку. Все документы здесь. Интересно бы на них взглянуть. И совершить служебное самоубийство, вскрыв пакет.

А что, интересно, за организация на Массачусетс-авеню? Все тайные организации, начиная от

ЦРУ в Лэнгли, были ему известны. Но об этой он не слышал. Доложить мистеру Келли. Кто такой, прах его возьми, мистер Келли? Ладно, хватит. Все равно это скоро выяснится. Он посмотрел, какая станция следующая («Макферсон-сквер»), потом опустил глаза вниз как раз вовремя, чтобы перехватить взгляд сидящей напротив девицы. Она быстро отвела глаза. Лисонька — так в их школьной компании называли ярко-рыжих девиц. Она опять на него взглянула, и он выдал ей улыбку с рекламы зубной пасты: растянул губы, и белоснежные зубы ярко засияли на фоне темно-коричневой кожи. В этот раз она вздернула носик и фыркнула, отвернувшись.

Ну и ладно. Он улыбнулся еще шире. Неужто она не поняла, чего не хватает ее костюму? Пяти футов десяти дюймов красивого и хорошо сложенного солдата.

Поезд затормозил на станции «Центр». Трой оказался во главе толпы, ринувшейся к эскалатору перехода на «Красную линию». Он въехал в грот с рассеянным светом, напоминавший скорее фантастический ангар для звездолетов, чем вестибюль метро. По сравнению с ним старуха «Индепендент» в Нью-Йорке выглядела грязной дырой. Каковой и была.

Наслаждаясь прохладным осенним воздухом, он вышагивал по Массачусетс-авеню и вглядывался в номера домов. Вот и он, высокий, кирпичного цвета дом, как раз на углу Джерси-стрит. Ни названия, ни таблички. Он поднялся по ступенькам и нажал полированную медную кнопку, заметив над ней миниатюрную телевизионную камеру. Дверь загудела, и он оказался перед второй дверью шлюза, которая не открылась, пока не закрылась первая. Очень грамотно. И вторую телекамеру тоже не забыли.

За второй дверью оказался мраморный пол вестибюля, а в дальнем его конце — стол. За столом сидела ничего себе рыжая девица в слишком тугом свитере. Заслышав клацанье его каблуков, она подняла голову и улыбнулась:

— Чем могу служить?

— Сержант Хармон. По вызову мистера Келли.

— Прошу вас, сержант Хармон. Присядьте на минутку, я ему сообщу, что вы прибыли.

На слишком мягком и глубоком диване сидеть было неудобно. На журнальном столике лежал экземпляр «Форчуна» и экземпляр «Джета». Интересно, это специально для него положили или нет? Фотографии с большого приема в отеле

«Тереза». Покусанные крысами дети в трущо-

бах. Для него это был другой мир. Он вырос в Квинсе, улица Южная Ямайка, — чистый, безопасный район для среднего класса, добротные дома и зеленые деревья. О Гарлеме[11] он знал столько же, сколько об обратной стороне Луны.

— Мистер Келли вас ждет.

Он бросил журнал на стол, взял пакет и вслед за покачивающей бедрами секретаршей вошел в соседний кабинет.

— Заходите, сержант Хармон. Рад познакомиться. — Келли вышел из-за стола, протягивая Трою руку. По произношению слова «Хармон» было ясно, что он из Бостона. По элегантной тройке можно было предположить и Бэк-Бэй, и Гарвардский университет. — Спасибо, пакет я возьму.

Келли взял пакет с личным делом и положил его на лежавшие на столе папки, постучал, подравнивая, по краям стопки, пока она не стала безупречно ровной. Выполняя эту важную работу, он глядел на сержанта, одновременно анализируя свои впечатления. Меньше тридцати, хороший послужной список — это понятно по орденским планкам даже без личного дела. Не слишком высокий, но крепко сложенный.

---

[11] Примечания: 11
Квинс и *Гарлем* — районы Нью-Йорка.

Челюсть как камень, лицо без выражения. Глаза черные, непроницаемые. Сержант Трой явно был профессиональным солдатом и отлично владел собой.

— Вы получили временное назначение к нам из Джи-два в связи с вашими специальными знаниями, — сказал Келли.

— Какими именно, сэр? Я снайперски стреляю из винтовки Эм-шестнадцать.

— Дело абсолютно не в этом. — Келли впервые улыбнулся. — Мы полагаем, что вы много знаете о золоте. Это так?

— Да, сэр.

— Отлично. Именно эти конкретные знания будут нам наиболее полезны, поскольку мы в КССС по большей части являемся штабными работниками. Оперативных же работников нам предоставляют другие секретные службы. — Он посмотрел на свой «Ролекс». — Через несколько минут вы увидитесь с адмиралом Колонном, и он объяснит вам детали операции. Сейчас у вас есть вопросы?

— Нет, сэр. Я слишком мало знаю о том, что здесь у вас происходит, чтобы задавать вопросы. Мне дали адрес и велели доставить сюда мое личное дело. Вы сейчас назвали этот отдел бук-

вами КССС. Мне неизвестно даже значение этого сокращения.

— Это вам тоже объяснит адмирал. Моя работа — только поддержание связи. Все ваши рапорты будете подавать мне. — Он что-то быстро написал на листке бумаги и протянул через стол. — Это мой круглосуточный номер. Расходы записывайте и подавайте мне отчет раз в неделю. Необходимую помощь или специальное оборудование также заказывайте через меня. Адмирал введет вас в курс операции. Ее кодовое название — «Джордж».

Келли побарабанил пальцами по столу, раздумывая, продолжать или закончить. Потом сказал:

— Адмирал — старый морской волк, кончил Аннаполис[12], служит очень давно. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— Полагаю, знаете, сержант. Когда он был на службе, во время Второй мировой войны, чернокожих называли неграми и не допускали на флот. Только в качестве… э-э-э… вспомогательного состава.

---

[12] Примечания: 12
Аннаполис — Высшая академия ВМФ США.

— Назовем это «гальюнщиками», мистер Келли, потому что так это называлось. И мой отец тоже был тогда в армии, спасая демократию для мира. Только в армии была сегрегация, и поскольку черным не доверяли носить оружие, они водили грузовики и копали траншеи. Но это было давно.

— Для нас — может быть. Будем надеяться, что для адмирала тоже. Но наш отдел — на сто процентов белые англосаксы-протестанты. Вряд ли это случайно… Я, может быть, слишком много говорю, сержант.

Трой улыбнулся:

— Я понимаю вашу мысль, мистер Келли. Но я твердо верю в работников полевой разведки. Насчет адмирала я спокоен.

— Это правильно. Он хороший человек. А работа эта дьявольски важная. — Келли взял папку и встал. — Сейчас мы к нему пройдем.

В большой зал для совещаний грохот Массачусетс-авеню доносился лишь слабым гулом. На окнах тяжелые портьеры, вдоль стен от пола до потолка книжные полки. Адмирал за большим столом красного дерева тщательно набивал табаком антикварную трубку. Его лицо покрывал загар, а голова была почти лысой. Гладкий, без морщинки, синий мундир с впечатляющими ря-

дами орденских планок. Он показал Трою на стул напротив себя, кивнул, когда Келли положил перед ним папку, зажег спичку и стал раскуривать трубку. Пока Келли не вышел и не закрыл дверь, адмирал не произнес ни единого слова.

— Вы командированы к нам из военной разведки из-за ваших специальных знаний, сержант. Прошу вас рассказать мне о золоте.

— Это металл, адмирал, очень тяжелый и высоко ценится людьми.

— Это все? — Адмирал Колонн нахмурился. — Вы пытаетесь проявить остроумие, сержант Хармон?

— Нет, сэр. Я говорю правду. Золото широко применяется в промышленности, но любят его не за это. Его покупают, крадут и прячут, поскольку у него очень высокая цена. Мы, западные народы, рассматриваем его как товар, но в остальной части мира его считают наилучшим вложением капитала — более надежным, чем банки или акции. Цена легально купленного здесь золота удваивается, если его контрабандно переправить в другую страну — скажем, в Индию. Вот поэтому мне и пришлось им заниматься. Военнослужащие армии США находятся во многих странах, а соблазн сорвать шальные баксы на продаже

золота настолько велик, что не каждый может ему противиться.

Адмирал кивнул:

— Ладно, с этим ясно. А о каких промышленных применениях вы говорили? Кроме ювелирных изделий, на что оно еще идет?

— Электроника. Легко обрабатывается, не окисляется, не ржавеет и хорошо проводит ток. Золотом покрывают контакты компьютеров. В оконных стеклах добавка золота регулирует количество пропускаемого света…

— И все это не имеет ни малейшего отношения к нашему случаю! — Адмирал хлопнул по лежащей перед ним папке. — Мы интересуемся причиной, по которой некий полковник армии США покупает много золота. Я знаю, это вполне легально, но все равно хочу понять — почему.

— Можно спросить, сколько это «много», сэр?

— Чуть больше ста тысяч долларов по цене на вчерашний день. Вы знаете, что значит КССС?

Трой воспринял неожиданную перемену темы спокойно.

— Нет, сэр, не знаю. Мистер Келли сказал, что я узнаю это от вас.

— «Quis custodiet ipsos custodes». Знаете, что это значит?

— Должен знать. После двух лет латыни в колледже. Дословный перевод: «Кто сторожит самих стражей?»

— Правильно. Кто должен проверять проверяющих? Эта проблема существует очень давно — иначе не было бы латинской поговорки. Кто-то должен следить, чтобы полисмен не брал взяток. И тем более кто-то должен следить за теми, кому доверена безопасность нации. Вот мы это и делаем. В этом смысл существования нашего агентства. Вы должны понять, что наша работа жизненно важна для безопасности этой страны. И, не преувеличивая, скажу, что она важнее любых других операций по безопасности. Мы не можем позволить себе ошибиться, потому что играем за вратаря и наши ошибки исправлять некому. Окончательная ответственность за безопасность страны лежит на нас, поскольку мы наблюдаем за всеми остальными спецслужбами. Вот почему я утвердил ваше назначение к нам. В вашем послужном списке есть три пункта, которые мне понравились. Первое: вы работали с золотом. Второе: у вас допуск высшей категории. Что третье — можете догадаться?

Трой медленно кивнул:

— Думаю, что да. Очевидно, то, что я стукнул

на своего непосредственного начальника, когда поймал его на взятке?

— Именно это. Большинство солдат просто отвернулось бы в другую сторону. Вы рассчитывали на какое-то вознаграждение за свой поступок?

— Нет, адмирал, не рассчитывал. — Трой старался сохранить контроль над собой, и ему это удавалось. — Если я и ждал чего-нибудь, то прямо противоположного. Я отлично понимаю, что в армии не любят стукачей, особенно когда солдаты стучат на офицеров. Но случай был особый. Если бы он прикарманил денежки офицерского клуба или толкнул налево списанный хлам, я бы сначала два раза подумал. Но мы были отделом военной полиции и с ног сбивались, стараясь очистить казармы от наркотиков. И дело было не в травке, или колесах, или там маковой соломке, мы имели дело с крепкой дурью — с героином, и черт его душу знает, через какие ворота он шел в казармы. Так вот, когда я узнал, что мой непосредственный начальник, ответственный за пресечение потока наркотика, берет хабар с толкача, продавца то есть, я понял, что в самый раз, хватит. — Трой холодно улыбнулся. — Когда я о нем слышал последний раз, он все еще сидел в Ливенворте. Из отдела меня выперли, и я этого

ждал, а вот чего я не ждал, так того, что меня повысят на два звания и переведут в Джи-два.

— Это была моя работа. Так распорядился я, не считаясь с некоторыми вашими офицерами, которые собирались сделать именно то, чего вы ожидали. Ставьте десять к одному, что военный поступит так, как подсказывает ему рефлекс, — и вы своих денег не потеряете. Вот с тех пор я держу вас под наблюдением. Поскольку люди вроде вас попадаются достаточно редко.

Он уловил выражение лица Троя и улыбнулся:

— Нет, сержант, это не попытка лести, а чистая правда. Я имею в виду, что ценю людей, которые присягу ставят выше личных отношений или карьеры. Вы нам нужны. Я надеюсь, что по окончании этой операции вы поразмыслите о постоянном переводе к нам. Но это в будущем. Теперь же я хотел бы привлечь ваше внимание к операции под кодовым названием «Джордж».

Он вынул из папки стопку бумаг и перелистал их.

— Операция «Джордж» начиналась как рутинная проверка. Такие проверки проводятся регулярно и постоянно относительно всех служащих с высоким допуском. Объектом данного конкретного расследования является полковник

армии Соединенных Штатов по имени Уэсли Маккалоу. Отличный послужной список и допуск первой категории. Не женат, но и не монах. Поддерживает форму, лыжи зимой, серфинг летом. Имеет небольшой дом в Александрии и еще несколько тысяч для выплаты процентов по закладной. Все это совершенно ординарно и ничем не примечательно.

— Кроме того, что полковник покупал золото.

— Верно. Это началось недавно, чуть больше полугода назад. У него тогда были некоторые сбережения в привилегированных акциях и еще кое-что на банковском счете. Он все это обратил в наличность и купил золото. Продал еще некоторое имущество, полученное в наследство. Мы оба знаем, что это все вполне легально. Но я все равно хочу знать — зачем.

— Разрешите мне посмотреть документы, адмирал?

Трой быстро, но методично перелистал дело и положил его на стол.

— Здесь нет даже упоминания о службе полковника.

— И не должно быть. Агенты ФБР, составлявшие этот доклад, знали только то, что должны были знать. Маккалоу отвечает за безопасность одной

из наиболее важных и секретных лабораторий. Его работа безупречна — он профессионал высочайшего класса. Здесь к нему нет претензий. Нас волнует золото. Это дело, как бы сказать…

— Выглядит не совсем чистым?

— Верно. Считайте, что у меня взрыв интуиции, приступ паранойи или что угодно. Но это слишком необычная вещь и единственный необычный поступок полковника Маккалоу за всю его жизнь. И ваше задание состоит в том, чтобы выяснить, зачем он покупает золото.

— Я это сделаю, адмирал. Я сам заинтригован. Не вижу никаких разумных причин для подобного поступка. По крайней мере, законных причин.

— Вы считаете, что здесь что-то незаконное?

— Я пока ничего не считаю, адмирал. Не признаю предвзятых мнений. Прежде надо собрать конкретный фактический материал.

Глава 3

Небо хлестало тропическим ливнем. Несмотря на конец октября, воздух был парной и душный — одна из причин, по которой Вашингтон имел прозвище «Туманная дыра». Трой Хармон сидел за рулем «понтиака», откинувшись на сиденье и надвинув на глаза шляпу. То, что эта шляпа, как и плащ, в точности походили на те, в которых полковник Маккалоу вышел из дому полчаса назад, не было случайным совпадением. Полковник ездил на старом «понтиаке» того же цвета и года выпуска, что и Трой. Сквозь стук дождя по железной крыше еле пробился звук радиотелефона. Трой поднял трубку и нажал рычажок.

— Джордж Бейкер слушает.

Телефон заверещал:

— Джордж паркуется на обычном месте, на стоянке.

— Спасибо. Конец связи.

Трой включил зажигание. Подготовка велась четыре дня, медленно и методично. Ошибки исключались. Он никогда не начинал действовать, пока не был готов полностью. Теперь начиналась следующая часть операции. Все подробности

суточного и недельного распорядка жизни полковника Маккалоу были в докладах ФБР. Трой их тщательно изучил, и теперь он знал, как лучше использовать имеющиеся возможности. ФБР снабдило его гостевым билетом спортивного клуба, в котором полковник три раза в неделю играл в сквош. Трой там побывал, и, чтобы открыть шкафчик полковника и снять слепки с ключей, понадобилось не более минуты. Сейчас, когда он ехал по трехрядной улице, дубликаты лежали у него в кармане. В автомобиле из-за открытых окон душно и жарко — зато стекла хорошо запотели, и снаружи ничего не было видно, хотя приходилось постоянно протирать ветровое стекло. Свернув к дому полковника, Трой нажал на кнопку дистанционного управления, настроенного теперь на частоту гаражного замка Маккалоу. Ворота открылись, и Трой въехал внутрь. Любой случайный наблюдатель решил бы, что полковник просто вернулся домой. Поскольку у полковника среди соседей не было ни друзей, ни знакомых, было мало шансов, что об этом незапланированном визите ему станет известно. Трой подождал, пока за ним закроется дверь, и только тогда вышел из машины. Плащ и шляпу он оставил на сиденье, пристегнул ра-

диотелефон к поясу и взял дипломат. Света он зажигать не стал, а достал из кармана куртки фонарик.

Сигнализация находилась рядом с дверью, ведущей из гаража в дом. Техники из КССС пометили ключ от нее и объяснили, как им пользоваться. Вставить, повернуть на полный оборот по часовой стрелке, затем вынуть. Он так и сделал. Голубая лампочка на коробке погасла. При выходе придется повторить в обратном порядке. Ключ к входной двери он подобрал со второй попытки, отпер дверь и собирался потянуть ее на себя. Но остановился.

Слишком просто. Уж если полковнику было что прятать, неужто он ограничился бы сигнализацией от воров?

Трой посветил фонариком на верхний край двери, затем вдоль всего косяка. Вроде бы ничего. Но ведь можно вложить в дверную щель клочок бумажки, который выпадет, если дверь откроют. Он наклонился — так оно и есть.

Обгорелая спичка. Как раз под дверной петлей, кончик хорошо виден. Отлично. Он нагнулся ниже. Оставленная спичкой бороздка была ясно различима. Когда он уйдет, спичка опять ляжет в эту бороздку.

Он широко распахнул дверь и вошел. Холл был прохладный и тихий. В дальнем конце дверь открыта в кухню.

Времени было навалом.

Использовать его следовало с толком, без промедления, но ни в коем случае не торопясь. Маккалоу появится в доме не раньше восьми вечера. За ним следят, и, если у него изменятся планы, будет достаточно времени, чтобы спокойно уйти.

— Теперь, полковник, — сказал Трой, оглядывая комнату, — разберемся, что за колесики у вас вертятся внутри.

Он снял куртку и повесил ее на кухонный стул, потом расстегнул воротник и ослабил галстук. Кухонный стол чистый и полированный. Трой расстелил на нем носовой платок, достал из дипломата термос с кофе, налил себе чашку и поставил термос на платок. Отхлебывая кофе, он огляделся.

Стиль американской армии. Чисто, как в казарме перед инспекторской поверкой. Это неудивительно, поскольку Маккалоу большую часть своей жизни был военным. Из школы — прямо в армию. Чистый послужной список, богатый боевой опыт, хороший солдат. Потом офицерские

курсы — и военная карьера на всю жизнь. Да, это заметно. Тарелки чисто вымыты и стоят в сушильном шкафу. Даже сковородка тщательно вымыта и убрана на место. На завтрак — яичница с ветчиной, в регулярно очищаемом мусорном ведре сейчас скорлупа и обертка. Молоко, масло, яйца, в холодильнике нераспечатанный молочный пакет.

Медленно, тщательно Трой обходил комнату за комнатой. В гостиной бюро, ящики заперты. Заняться ими позже. На столике рядом с диваном несколько журналов. Военные, спортивные, несколько прилично засаленных экземпляров «Ньюсуика» и «Ридерс дайджеста». Книжные полки. Старые учебники и руководства для офицерских курсов. Некоторые из книг поновее, нечитаные. Популярные романы, технические тексты, несколько исследований по истории, руководство по горным лыжам. Надо бы составить список заглавий и на досуге над ним подумать.

Что у КССС хорошо, так это то, что у них много всяких удобных штучек. Например, японская камера, полностью автоматизированная. Она снимает не на пленку, а на электронные карточки — до десяти снимков в секунду. Настраивается на любой видимый или невидимый свет. Вот сейчас

она поставлена на ультрафиолет. Ультрафиолетовая вспышка давала слабое, почти незаметное голубое сияние, но для камеры это было то, что нужно. Он сфотографировал корешки книг и спрятал камеру.

Вставную панель он нашел на втором этаже в спальне, под ковром возле двуспальной кровати. Пол был из дубового паркета, и деревянная панель была сделана заподлицо с полом. На одном краю была маленькая зазубринка, как раз для пальца.

Он потянул, и панель отошла, как дверь на петлях. Под ней в бетонной нише находился сейф с шифровым замком.

— Ну разве не прелесть! — произнес Трой, потирая руки. — Такой красивый, такой большой. Даже слишком большой, чтобы держать в нем только медали и чековую книжку. Интересно, что там еще?

По телефону, стоявшему рядом с кроватью, он позвонил Келли.

— Говорит Хармон. Я нашел потайной сейф в полу, большого размера. Запрашиваю помощь.

— Весьма интересно. Вы обратили внимание, чьего производства сейф?

— Фирмы «Атлас экзекьютив». Замочная сква-

жина отсутствует. Видимые дверные петли отсутствуют. Единственный цифровой диск с числами вплоть до девяноста девяти.

— Отлично. К вам подъедут в течение часа.

Поджидая помощь, Трой спустился вниз и осмотрел письменный стол, который легко открывался отмычкой. Там были какие-то письма, обычный набор счетов и квитанций, корешки чековых книжек и погашенные чеки. Он не стал в них разбираться, но тщательно сфотографировал. Он успел разложить все как было, когда во двор въехал потрепанный жизнью и годами грузовик. Почти через сорок пять минут после телефонного разговора. На борту грузовика красовалась надпись:

«ЭНДИ-СЛЕСАРЬ
— КРУГЛОСУТОЧНАЯ АВАРИЙНАЯ».

Энди был одет в робу и тащил большой помятый ящик. Он запер грузовик и пошел, насвистывая, вверх по дорожке. Трой открыл дверь раньше, чем тот успел позвонить.

— Меня зовут Энди, как написано на машине. Говорят, у тебя тут есть слесарно-финансовая работа. — Он вынул изо рта зубочистку и аккуратно вложил в карман. — Это где?

— Наверху. Пойдем со мной.

Энди знал свое дело. Старый ящик оказался изнутри футляром с бархатными нишами для сияющих инструментов. Энди опустился на колени, любуясь сейфом.

— Отлично, — сказал он, потирая руки. — Классная защита. Огнестойкий, выдерживает пару тысяч градусов в течение нескольких часов. Взлом невозможен.

— Так ты его не можешь открыть?

— Кто сказал? — Он вынул металлическую коробочку с выдвижной антенной и перебросил тумблер. — Я сказал, что обычный медвежатник с ним ничего не сделает. Постучится и уйдет. А я могу открыть все, что открывается. Но сначала надо посмотреть, нет ли на нем какой-нибудь сигнальной электроники. Нет, чисто. Так, теперь послушаем, что он нам споет. Тумблеров на нем нет, поэтому их переключение не услышишь. Но есть свои способы.

Трой не спросил, какие именно. Не его это дело. Может быть, Энди использует ультразвук, чтобы заглянуть сейфу в кишки. К ручке и передней поверхности сейфа он прилепил кучу устройств на батарейках с какими-то цифровыми панельками. Минут пятнадцать у него ушло на то, чтобы запустить эту механику, а потом он, посвистывая,

убрал все свои машинки и сложил их в ящик.

— Ты не собираешься его открывать? — спросил Трой.

Энди покачал головой:

— Не моя работа. Я техник, а не уголовник.

Выбрав из своих машинок что-то похожее на калькулятор с принтером, Энди нажал на нем какие-то кнопки, прибор загудел и выплюнул листок бумаги. Энди передал его Трою. На листке были напечатаны короткие строчки из букв и цифр.

— «R» — значит «направо», — сказал Энди. — Как ты, быть может, догадываешься, «L» означает «налево». Для сброса поверни рукоятку пару раз против часовой стрелки, а потом просто набери числа в том порядке, в котором они написаны. Пружина взведена, и на последнем номере дверь откроется. Когда закроешь ее, сделай еще пару поворотов, а потом поставь на пятьдесят шесть. Она так стояла, когда я пришел, а бывает, что люди запоминают номера. Все, меня нет.

Трой проследил, как он отъехал, потом вернулся в спальню. Энди знал свое дело. Трой набрал последний номер и почувствовал, как дверь под его рукой пружинит. Она открылась примерно на дюйм, и можно было свободно просунуть ру-

ку, чтобы открыть ее полностью. Он заглянул и увидел, что в сейфе было только одно.

Золото. Слитки, листы и проволока.

Это выглядело захватывающе. Чем дольше он работал с золотом, тем больше им любовался. Нет в мире ничего похожего на золото. Наклонившись, он вытащил верхний слиток и взвесил его на ладони. В самом деле, чистое золото, без примесей, даже без свинца — судя по весу и соотношению его с объемом слитка. Он собрался было положить слиток обратно, но вдруг остановился и сощурил глаза. Была здесь какая-то неувязка.

Трой положил слиток на ковер, наклонился к сейфу, пытаясь прикинуть, сколько там слитков. Они не все видны, но примерно оценить их число можно. Калькулятор подтвердил его подозрения, но Трой хотел быть уверен.

Положив блокнот на борт сейфа, он лег на пол возле открытой дверцы. Художник из него неважный, но достаточно грубого наброска. Он тщательно зарисовал штабель слитков и отметил положение проволоки и листов золота. Когда рисунок его удовлетворил, он отложил блокнот и тщательно, по одному, стал вытаскивать куски золота из сейфа и складывать на свой дипломат. Уложив почти треть золота, он встал и принес

из ванной примеченные им раньше пружинные весы. Для примерной оценки подойдут.

Трой встал на весы. Сто семьдесят пять в одежде, прибор сбит на пять фунтов. Несущественно. Он отметил в блокноте вес, затем снова встал на весы, держа в руках дипломат с золотом. Так он сделал три раза, каждый раз отмечая полный вес. Потом уложил золото в сейф в точности так, как оно там лежало.

Считать было просто. Собственный вес с ненагруженным чемоданчиком был равен ста восьмидесяти трем фунтам. Умножив этот вес на три, он сложил показания весов, когда стоял на них с нагруженным дипломатом, и вычел из большего числа меньшее.

Результат был чуть больше тридцати девяти фунтов. Тридцать девять фунтов золота.

Чудовищно много. Еще раз подсчитать на калькуляторе. Последняя известная ему цена золота была около четырехсот тридцати шести долларов за унцию. Но тройский фунт составляет ноль целых восемьсот двадцать три тысячных от английского фунта.

Он ввел поправку и разделил на двенадцать, поскольку в тройском фунте только двенадцать унций.

Трой посмотрел на результат и покачал головой. Вот это да!

Это именно то, о чем адмирал захочет узнать немедленно.

Келли сразу соединил его с адмиралом.

— Адмирал Колонн у телефона. Это вы, сержант Хармон?

— Так точно, сэр. Я нашел сейф, в котором полковник хранит золото. Я взвесил металл, неточно, но для примерной оценки приемлемо — ошибка не более пяти процентов в любую сторону. Похоже, что полковник работает лучше, чем это представляется ФБР. У него золота больше чем на те сто тысяч, о которых им известно.

— Насколько больше?

— Я бы сказал, что у полковника в сейфе золота на двести пятьдесят тысяч долларов, адмирал. Четверть миллиона долларов.

Глава 4

— Предпочитаю устный доклад, — сказал адмирал. — Свои заключения напишете позже. Сейчас я хочу узнать, что вы там нашли.

Трой кивнул и разложил на столе свои заметки. Комната была та же. Задернутые портьеры, звукопоглощающая обивка, присутствуют только они двое. Он постучал пальцем по цифре на первой странице:

— Разумеется, вам известно, что у полковника оказалось по крайней мере в два с половиной раза больше золота, чем мы предполагали?

Адмирал кивнул:

— Вообще-то это несущественно, но возникают дополнительные вопросы. Как он набрал столько втайне от ФБР? И еще острее становится наш исходный вопрос: зачем? Куда ему столько золота? Вы пришли к какому-нибудь выводу?

— Нет, сэр. Но у меня есть некоторые наводящие соображения. — Трой развернул следующий лист бумаги. — Поведение полковника Маккалоу за последний год резко изменилось. Он стал покупать книги, ходить в библиотеки и музеи, чего за ним раньше не наблюдалось. Я просмотрел

все записи в его досье, начиная со школьного периода, а ФБР опросило его инструкторов и преподавателей. Под предлогом рутинной проверки. Его новые интересы просто не увязываются с образом прежнего полковника Маккалоу.

— Что вы имеете в виду?

— Насколько я могу судить, Маккалоу никогда не проявлял каких бы то ни было интеллектуальных интересов. Это не значит, что он глуп. В школе он мог хорошо учиться, если хотел. Но чтобы добиться успехов выше среднего, ему приходилось здорово потеть. И после школы он явно отложил книги подальше и, как мне кажется, никогда не открывал ни одной без особой необходимости. Это подтверждают те, кто с ним служил. В кино его тоже ни разу не видели. Телевизор он смотрел только в компании, и обычно только футбол. Дома у него телевизора нет.

— Что он делает в свободное время? — спросил адмирал, ковыряя в трубке перочинным ножом. — Он что, приходя домой, садится и тупо глядит на обои?

— Нет, сэр. Он тренируется в спортзале, играет в сквош, по выходным — в гольф. Развлечения физического характера. Он общителен, выпивает с друзьями не реже раза в неделю, но умеренно.

Часто встречается с дамами. Обед, коктейль, потом танцы, потом в койку. У него заполненная жизнь, и она ему подходит. Но он не читает. Вот это не вяжется с его новыми интересами. И периоды, когда он стал покупать книги и покупать золото, совпадают.

— Вы считаете, что здесь есть связь?

Трой подровнял разложенные на столе бумаги и перед ответом выдержал паузу:

— У меня нет никаких внешних свидетельств наличия такой связи. Но я помню о бритве Оккама.

— Это что-то насчет того, что не следует умножать сущности бесконечно?

— Именно так, сэр. Поэтому из множества возможных ответов следует выбирать наипростейший. В жизни полковника Маккалоу произошли два резких изменения, и оба приблизительно в одно и то же время. И это наводит на мысль, что они вызваны одной причиной. Найти, какой именно, — это и будет моей следующей задачей. Из документов я уже извлек все, что мог. Теперь мне надо познакомиться с полковником и найти то колесико, от которого он крутится.

— Возможно. А книги, которые он покупает, дали вам какую-нибудь зацепку?

— Ничего осмысленного. — Трой открыл еще одну страницу. — Вот что стоит у него на полке над письменным столом, переписаны в том порядке, в котором они стояли. «Энциклопедия военной истории», «Мост вдалеке», «Митральеза Гэтлинга», «Расчет напряжений в сплавах», «Кавалеристы», «Унесенные ветром», «Крещение огнем», «Ниндзя», «Изменение»…

— Достаточно. Я понимаю, что вы имеете в виду. Смесь беллетристики, документальных и научных книг, случайно собранных в кучу, как в лавке у букиниста.

— Не совсем случайно, сэр. Одна линия прослеживается: военная история.

— Согласен. Но полковник — человек военный. Военная карьера — цель и смысл его жизни. Так что из этого много не вытянешь. Все, что у нас есть, — это наводящие соображения, догадки и единственный факт — четверть миллиона долларов золотом. Ладно, я утверждаю ваш план подобраться поближе к Маккалоу. Что вы предлагаете?

— Вы мне говорили, что он заведует безопасностью в какой-то государственной лаборатории. У него там в подчинении есть какие-нибудь армейские подразделения? В рапорте ФБР я этого

не нашел.

Адмирал продул трубку, потом, считая, что она достаточно вычищена, стал набивать ее снова.

— Там этого и не может быть. ФБР в «Уикс электроникс» не заглядывает. Не их работа. Но вроде бы там есть под его началом какие-то техники по вооружению и еще специалисты по засекречиванию электроники. Может быть, еще кто-то. Почему вы спрашиваете?

— Я хотел бы проглядеть досье этих людей. Найти повод для проверки благонадежности кого-нибудь из них.

— Они все чистые, иначе их бы там не было. Высшая степень секретности. Там ведутся исследования, насколько мне известно, по лучам смерти. Чтобы там служить, нужно быть чистым, как лебединый пух.

— Я в этом уверен, адмирал. И мне все равно, какие там ведутся исследования, поскольку для нас это неважно. И проверки благонадежности тамошних служащих я вести не собираюсь. Мне просто нужно подобраться к Маккалоу, поработать с ним, вытянуть его из скорлупы. А в армии нет ни одного человека, которого нельзя было бы по тем или иным причинам проверить. Может, он проиграл на бегах несколько долларов, или

захаживает в бордель, который отчасти контролируется мафией, или у его девицы бывший приятель имеет привод в полицию. Мне просто нужен крючок, на который можно повесить проверку благонадежности. Она будет выглядеть как настоящая — мне такую работу приходилось делать годами.

— Согласен. — Адмирал нажал кнопку на краю стола. В дверь постучали, и вошел Келли. Адмирал махнул ему рукой:

— Свяжитесь с Пентагоном, пусть они раскопают копии личных дел некоторых военнослужащих. Сержант объяснит вам, что нам требуется. Если они спросят зачем, скажите, что КССС ведет проверку благонадежности, и второй раз они не спросят. Сержант Хармон, я жду вашего доклада, как только вы найдете то, что мы ищем.

Эту работу Трой делал раньше много раз и знал хорошо. В третьей папке он нашел то, что искал. Сейчас только три часа дня, и адмирал еще должен быть в здании. Да, сказал секретарь, через пять минут, в комнате для совещаний. Трой подумал, что у адмирала должен быть кабинет, раз у него есть секретарь, но Трой понятия не имел, где этот кабинет находится и почему они каждый раз встречаются в большой комнате. Загадка, но

не очень существенная. Он посмотрел на часы и пошел к лестнице.

— Есть один, сэр, — сказал Трой, передвигая папку через полированный стол, — капрал Ауре-лио Мендес. Все зовут его по кличке — Чучо. Он здорово разбирается в электронике, но парень совсем не военного склада. Родом он из Балти-мора и ездит туда, если не на службе, на каждый уик-энд. Пьет и играет в пирамидку с ребятами из своей бывшей уличной компании. Ничего настораживающего, кроме того, что он — один из очень немногих, кому удалось вырваться из пуэрто-риканского гетто. А это значит, что среди его знакомых полно сутенеров, наперсточников и вообще мелких жуликов всех мастей.

Адмирал склонил голову к папке:

— Вы имеете в виду, что действительно нашли неблагонадежность? Лаборатория «Уикс» имеет гриф высшей секретности.

— С его благонадежностью все в порядке. На выяснение этого дела потратил больше месяца секретный агент, тоже пуэрториканец. Приятели Чучо уважают его, и он сумел им объяснить, что приставать к нему не надо. Еще он сладкоежка и все время попадает на ковер по поводу лишнего веса. Один из его партнеров как-то попытался

подразнить его насчет военной карьеры и получил по голове бильярдным кием. Когда парень пришел в себя, на череп пришлось наложить семь швов. Об этом инциденте никто никуда не сообщал, и они остались приятелями. Все знают, что Чучо — настоящий парень, по-испански — мачо, и научились к нему не цепляться. Тем не менее этого случая более чем достаточно, чтобы запустить проверку благонадежности.

— Тогда давайте. Чем скорее, тем лучше. Чем глубже мы лезем в это дело, тем больше вопросов у нас возникает, и ни на один нет ответов. Да, еще одно. В лаборатории вам придется взаимодействовать с полковником, высшим офицерским чином. На этот случай вам неплохо бы самому иметь какой-то минимальный ранг. Давайте-ка мы вас временно произведем в лейтенанты. Или нет, ведь лейтенантов никто за людей не считает, это хуже сержанта. Вам надо быть капитаном. Вы не против?

— Нет, сэр. Мне в Джи-два приходилось работать в разных званиях. И лейтенанта вполне достаточно, а то слишком большая власть может вскружить мне голову. Но для получения новой формы мне требуется разрешение начальства. И

на новые «собачьи жетончики»[13] — тоже.

— Разумеется. Сегодня к концу дня все будет сделано.

На следующее утро Трой Хармон съехал на военном джипе с Окружной на съезд 42, потом повернул на проселочную дорогу, которая вела к лаборатории номер два «Уикс электроникс».

[13] Примечания: 13

«Собачий жетончик» — на армейском жаргоне означает личный знак военнослужащего, носимый на нагрудной цепочке.

Глава 5

— Доброе утро, лейтенант, чем могу служить?

Одетый в мундир охранник, средних лет, с приличным пузом — и без оружия. Случайный посетитель решил бы, что объект охраняется кое-как и охранять там, скорее всего, нечего. Однако внутри проходной второй охранник, вооруженный как следует, выглядывал через массивное стекло, наверняка пуленепробиваемое. Лаборатория охранялась хорошо и надежно. Трой протянул удостоверение:

— Я к полковнику Маккалоу.

— Понятно. Он вас ждет? — Охранник передал удостоверение через прорезь в стальной стене.

— Нет, но у меня есть предписание доложить лично полковнику.

— Тогда покажи мне предписание, и ты победил.

Предписание также прошло через амбразуру, и охранник, все еще улыбаясь, отступил в сторону. Трой оказался полностью открыт установленной на стене телевизионной камере. Ясно, что его не только осматривали, но и вели видеозапись.

Все процедуры выполнялись по первому клас-

су, и безопасность поддерживалась как следует. Маккалоу — профессионал, и Трой понимал, что ему придется все время быть настороже. Зазвонил телефон, и наружный охранник открыл позади себя стальную дверь в стене. Он снял трубку, послушал и протянул ее Трою:

— Это вас, лейтенант Хармон.

Трой выключил зажигание и вышел из машины, потом взял у охранника трубку:

— Лейтенант Хармон.

— Говорит полковник Маккалоу. В чем дело, лейтенант?

Полковник говорил с глубоким южным акцентом. Родился в Миссисипи, вспомнил Трой.

— Вопросы безопасности, сэр.

— Это мне известно. — Полковник говорил очень холодно. — Я спросил вас о цели вашего посещения.

— Вопросы безопасности, сэр. Все подробности только лично.

На другом конце повесили трубку. Выражение лица Троя не изменилось, но, вешая трубку, он улыбнулся про себя. Первое очко заработано. Полковник разозлен. Отлично. Может быть, он даже выйдет из себя.

Изнутри проходной донесся звук телефона.

Охранник взял трубку, что-то коротко сказал и положил ее на место. Он нажал кнопку, и его голос зазвучал из громкоговорителя под крышей:

— Можете въезжать, лейтенант Хармон. Охранник покажет вам, куда поставить машину.

— Спасибо. У вас там мое удостоверение и предписание.

— Вы их получите на выезде.

— Разумеется. Но дело в том, что я не въеду, пока мне их не вернут.

Охранник посмотрел на Троя долгим холодным взглядом и передал документы обратно через окошко проходной. Трой сунул их в карман куртки и сел в машину; наружный охранник сел рядом с ним. Тяжелые металлические ворота медленно открылись, и они въехали внутрь.

— Вот по этой дороге, пока справа не покажется большой дом, а тогда первый поворот налево.

— Понял. Похоже по голосу, что ваш полковник на меня взъелся.

— Ничего подобного, с чего вы взяли? — умиротворяюще сказал охранник. — Вот ваш поворот.

— Может, я и не прав. Но, судя по голосу, с ним трудно иметь дело.

Охранник быстро взглянул на него и снова отвернулся.

— Мир вообще трудное место, сынок, и работу во время спада тоже трудно найти. Особенно в моем возрасте.

— Понял, папаша. А полковник просто лапушка.

— Это вы сказали, а не я, — уточнил охранник. — Поставьте машину в гараж номер восемь, и я вас проведу.

Здание охраны чистое и без лишней мебели, как и должно быть в армии. Когда они проходили мимо открытой двери, где работали два клерка, те даже головы не подняли. Охранник постучал в дверь без таблички в конце коридора и отворил ее. Трой сказал «спасибо», расправил плечи и вошел.

Полковник сидел за столом и писал. Трой стоял по стойке «смирно», пока полковник не поднял голову, потом отдал честь. Ответное приветствие несколько задержалось и оказалось просто движением руки куда-то вверх.

— Покажите ваше предписание, лейтенант.

— Есть, сэр.

Маккалоу быстро просмотрел бумаги и бросил их на стол. Его лицо не изменилось, но в голосе звучала холодная злость:

— Здесь только подтверждение ваших полно-

мочий и ничего не сказано о причине вашего посещения. Что вам нужно?

— Могу я встать «вольно», сэр?

— Да. Зачем вы приехали?

— У нас есть запрос на проверку благонадежности одного из ваших людей — капрала Аурелио Мендеса.

— Мендес проверен. Все мои люди проверены. От кого запрос?

— От полицейского управления Балтимора. Разрешите сесть, полковник?

— Какого черта вам надо, лейтенант? Вламываетесь сюда, как…

— Послушайте, полковник, я не ваш подчиненный и к вам не прикомандирован. Я приехал сюда, чтобы попросить вашего сотрудничества в нашем расследовании, и больше ничего. В случае отказа я просто вернусь в Пентагон и доложу генералу Браунли. Вы его подпись на предписании узнаете?

Чтобы довести дело до конца, Трой повернулся спиной к полковнику, взял стоящий у стены стул, провез его по полу и уселся. У полковника лицо наливалось кровью, и Трой ждал взрыва. Полковник, должно быть, легко срывался.

Взрыва не последовало. Стиснутые кулаки

разжались, и Маккалоу отвернулся к окну. Повернувшись обратно, он уже полностью владел собой.

— Хорошо, лейтенант, продолжим. Что вы хотите?

— Мне бы хотелось поговорить с капралом Мендесом неофициально. Если здесь найдется свободная комната…

— Отказано. Если вы собираетесь его допрашивать, я должен присутствовать. Я полностью отвечаю за охрану и безопасность этой лаборатории, и за надежность моих людей также отвечаю я.

— Это против инструкций.

— Это соответствует моим инструкциям. Вы сделаете так, как я вам сказал, или я немедленно организую перевод Мендеса из охраны этой лаборатории.

Трой пожал плечами:

— Как скажете, полковник. Вы здесь старший. Но мне придется доложить о вашем неподчинении предписанию.

— Только попробуй, н… лейтенант, только попробуй.

Способность полковника владеть собой подвергалась очевидному испытанию. Что это он

собрался сказать, а потом передумал? Но раньше, чем Трой смог его еще раздразнить, полковник схватил трубку и набрал номер. Не получив ответа, он без единого слова вышел из комнаты. Трой подошел к окну, не утруждая себя осмотром комнаты. Он был уверен, что искать здесь что-либо бесполезно.

Маккалоу вернулся только почти через четверть часа. Он швырком распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская грузного капрала в испачканных смазкой штанах. Потом вошел сам и закрыл дверь.

— Капрал Мендес, это лейтенант Хармон из военной полиции. Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Что стряслось, лейтенант? — спросил Чучо, медленно перекатывая во рту порцию жвачки. Индейские черты его лица были непроницаемы.

— Садись, Чучо…

— Это кликуха для друзей. Меня зовут Мендес, капрал Мендес. — Он остался стоять, глядя на Троя с холодным презрением.

Полковник с ним уже поговорил, понял Трой, подходя к стулу и садясь. Что же он ему сказал? Могло ли связывать этих людей что-то помимо общей службы? Следует попытаться это разведать.

— В чем дело, Чучо? Я еще с тобой двух слов не сказал, а ты уже собачишься. Что не так?

— Все так, только я фараонов не люблю. Ни армейских, ни штатских — никаких.

— Прискорбно слышать, поскольку в этом деле участвует полиция. Потому я и здесь. Дело в том, что полиция Балтимора ведет расследование. Насколько я понял, один из твоих друзей…

— Что делают мои друзья, меня не касается. Послушайте, у меня есть работа, и если у вас все…

— Нет, капрал, не все. И это дело тебя касается, иначе меня бы здесь не было, это понятно? — Трой глядел прямо на Чучо, но в то же время ясно видел полковника. Маккалоу в этот раз полностью владел собой, и на его лице, как и на лице Чучо, ничего не отражалось. — У тебя есть приятель — ну, скажем, знакомый, если слово «приятель» тебе не нравится, — с которым ты, как говорят свидетели, играл в пирамидку…

— Что за херня? Я играю в пирамидку с половиной Балтимора.

— Дослушай до конца. Дело серьезное. Твой знакомый, по имени Пабло Колладо, получил по голове. Когда в расследовании всплыло твое имя, дело передали в мой департамент…

— Полковник, оно мне надо, все это слушать? —

спросил Чучо, повернувшись спиной к Трою. — Когда я пришел сюда ловить жучков в закрытых сетях, разве это не утрясли тогда, раз и навсегда? Или оно снова-здорово начинается?

— Нет, не начинается, — твердо сказал полковник Маккалоу. — Возвращайтесь к работе, капрал.

Он перешел через комнату, постоял, глядя в окно, пока не услышал, как закрылась дверь. И тогда повернулся к Трою:

— Капрал прав. Это дело давнее, и оно закрыто. Если ваши люди считают, что его снова следует открыть, организуйте перевод капрала. Но никакого вмешательства в действия моей боевой единицы я не допущу. Вам ясно, лейтенант?

— Абсолютно ясно, сэр. Мне придется доложить генералу обо всем, что здесь произошло.

— Вот так и сделайте, лейтенант Хармон. А теперь — свободны.

Трой вышел. Дело с золотом никак не прояснилось, но он встретился с полковником и по крайней мере одну вещь понял.

Задушевными друзьями на всю жизнь им не стать. Он улыбнулся этой мысли, садясь в джип и выводя его со стоянки. Полковник ему не понравился — этакий сукин-сын-военная-косточка. И

почему-то полковник Маккалоу его тоже невзлюбил с первого взгляда. Это было очевидно с того момента, когда он вошел в комнату. А когда полковник вышел из себя, он собрался что-то сказать — но сдержался. Что же это?

Глава 6

— Ниггер! — выдохнул полковник Маккалоу в дверь, за которой скрылась спина лейтенанта Хармона. Так тихо он сказал это слово, что его и за фут не было бы слышно, но дышало оно неописуемой злостью.

«А ведь я его так почти назвал, — подумал полковник. — Почти произнес вслух. Но „почти“ не считается. Он меня достал, паразит, просто под шкуру влез. Он бы нарочно не смог разозлить меня сильнее...»

Эта мысль поразила внезапным холодом. Он остановился, повернулся к окну. Проследил, как лейтенант выходит из здания и садится в джип.

Существовала ли возможность — пусть самая маленькая, — что все сделано нарочно? Неужто они напали на его след? За последнюю неделю ему дважды показалось, что за ним следят, но уверенности не было. Каждый раз, когда он сворачивал со своего обычного маршрута, примеченный им автомобиль не сворачивал за ним, но это еще ничего не значит. Два или три радиофицированных автомобиля, не будучи обнаруженными, легко могли передавать его друг

другу. А четыре дня назад в собственном доме у него возникло чувство, что кто-то здесь был и трогал бумаги. Никаких следов, просто чувство, что вещи брали и положили на место. Все три обгорелые спички на месте, в парадной двери, в задней двери и в гараже. И все же он чувствовал, что кто-то здесь побывал.

Может, с приближением критического момента он стал немножко параноиком? Но в том, что касается вопросов безопасности, быть параноиком — единственный способ избежать проколов. Предвидеть наихудший исход — и принять все меры предосторожности.

А потому — что, если кто-то следил за ним и известно, что он покупает золото? Каким будет их следующий ход? Ответ очевиден, он сам не раз участвовал в таких операциях. Начнется глубокая разработка объекта наблюдения. Под тем или иным предлогом будет организована его встреча с оперативным работником. Полковник ощутил мороз по коже и передернулся. Мог этот черномазый лейтенант быть оперативником? А расследование благонадежности Чучо — не могло ли оно быть прикрытием для контакта с ним? А почему нет? Этот черненький мог оказаться умнее, чем кажется.

Но не важно, сказал он сам себе, это уже не важно. Он скоро забудет, что все вообще когда-то было. Даже если его подозрения оправданны, ничего не поделаешь, надо жить по обычному расписанию. Осталось всего несколько дней. И не надо делать ничего такого, что привлечет дополнительное внимание. Надо сделать усилие и не менять сложившегося стиля жизни. Нельзя, чтобы в оставшееся время возникли какие-нибудь шероховатости. Если они его подозревают — ну что ж, пусть продолжают. По крайней мере до тех пор, пока не будет уже поздно.

Маккалоу резко отвернулся от окна и сел за стол. Сегодня вечером у него встреча, и ее нельзя отменять, нравится ему это или нет. Зато можно кое-что улучшить. Этой мысли он улыбнулся и набрал номер.

— Марианна? Правильно, это Уэс. Готова обедать? И аппетит есть? Отлично. Но что, если вместо очередных сарделек в «Старой Европе» мы съедим по приличному бифштексу в Жокей-клубе? Согласна? По-моему, да. Если я правильно понял твой радостный визг. Ну что значит дорого? Разве я тебе когда-нибудь в чем-нибудь отказывал? Так я закажу столик. В семь часов, прямо там. Если все в порядке, то больше звонить

не буду. В баре увидимся.

Он заказал столик и остаток дня занимался рутинной бумажной работой, заставляя себя не отрываться до шести часов. Дисциплина — вот что следует соблюдать любой ценой. К тому же работа заполняла мысли и отвлекала от напрасного беспокойства.

Он прошел по комнатам, проверяя, выключен ли свет. Большинство служащих уже ушли. Одна машинка осталась незакрытой, и он позвал девиц, направлявшихся к выходу.

— Чья это машинка?

Три девицы обернулись, молча глядя на полковника, и наконец отозвалась Дэйзи:

— Эта? Эта моя.

Сучка недоразвитая.

— Разве я не говорил вам, что нельзя покидать помещение, оставив пишущую машинку без чехла?

— Ага. Но я забыла.

— Забыли? В таком случае вычет пяти долларов из зарплаты за причинение дополнительного износа и небрежность по отношению к государственному имуществу освежит вашу память. В следующий раз не забудете.

— Вы не имеете права! Только попробуйте…

— Уже попробовал.

На этот туповатый умишко акция должна была произвести впечатление. Она будет жаловаться в союз, но это уже не его проблемы. Девицы ушли. Он погасил свет и запер помещение. Бормоча себе под нос, полковник поехал в город.

Он потягивал второй коктейль, когда вошла Марианна.

Полковник махнул бармену:

— То же самое для леди.

— Мартини со льдом? Сию минуту, сэр.

Марианна влетела в чем-то длинном и шелковом, обрезанном очень коротко спереди. Прильнув к нему щекой (он не любил вкуса помады, и она это помнила), она громко чмокнула воздух.

— Ты в этом платье выглядишь на миллион. Что-то новенькое?

— Нет. Но платье — сверхпарадное, надевается не чаще раза в год. Ты меня просто потряс своим сегодняшним звонком. Жокей-клуб, вот это да! Я даже пораньше закончила работу и забежала домой переодеться. Торжественный случай — парадное платье.

Они чокнулись, Марианна отпила из бокала и рассмеялась:

— Нет, в самом деле, Уэс, твои поступки непред-

сказуемы!

— Тогда не пытайся.

— Нет, мы с тобой встречаемся, все хорошо, все довольны, и вдруг ни с того ни с сего — вот такое. Да это же самое дорогое место во всем городе.

— Одно из самых. Ты не волнуйся, здесь платят кредитной карточкой. — Он вдруг рассмеялся, и она, не понимая причины, все же рассмеялась вместе с ним. Да, вечер явно запомнится на всю жизнь.

Он был необычен во всем. Пока она никак не могла выбрать между бифштексом и омаром, он заказал для нее и то и другое, да еще бутылку французского шампанского, которое, как он объяснил, единственно подходит к обоим блюдам. Она случайно глянула на цену и не поверила своим глазам. Наверно, она ошибалась насчет Уэса. Может быть, он встречался с ней не только развлечения ради. В Вашингтоне случались и не такие чудеса.

Когда на сладкое подали креп-сюзетт, она уже настолько наелась, что смогла отщипнуть только кусочек. Но зрелище язычков пламени на поверхности бренди захватывало.

— Довольна? — спросил он, закуривая одну из черных чирут, к которым пристрастился за

последнее время.

Она усмехнулась и сжала его руку:

— Не то слово. Я никогда не получала большего удовольствия. С тех самых пор, как попала в Вашингтон.

— Ты ела такое в Сент-Луисе?

— Ты что, смеешься? В Сент-Луисе бифштекс, который меньше крышки люка, за еду не считается. Я почти стала вегетарианкой к тому времени, когда сюда приехала — полгода назад. Нет, честно, это уже слишком.

— Ты этого достойна. Потанцуем, чтобы сбросить лишние калории?

— А что, если их сбросить у тебя дома?

Она чуть сильнее сжала его руку и кончиком языка облизнула полные, сочные губы. Он ощутил ответную тягу к этой чувственной женщине, и в ее словах было обещание, которое, он знал, не обманет его надежд.

— Порочная девушка, — улыбнулся он в ответ. — Только выпей рюмку арманьяка, пока я докурю сигару. Предвкушение — часть наслаждения.

На обратном пути она положила голову ему на плечо. Он нашел какую-то легкую музыку по радио, и она подпевала приятным голоском.

Дома он въехал в гараж, отключил, как обычно, сигнализацию, обошел автомобиль и открыл ей дверь. Она не заметила, как он проверил, на месте ли спичка.

— Выпьем?

— С удовольствием. Еще чуточку этого божественного коньяка — как ты его назвал?

— Арманьяк. Это бренди, сделанный в Арманьяке, точно так же, как коньяк — бренди из Коньяка. Только этот лучше.

— Со специалистами я не спорю.

Марианна знала, что слегка навеселе, но ей это шло. Так легче было сохранить настроение, а настроение, надо сказать, было дивным. Сколько она уже знакома с Уэсом? Почти четыре месяца. Обеды время от времени, иногда театр, дансинги, потом к нему домой и в постель. Она не имела ничего против, но все время чувствовала, что мероприятия идут в комплексе. Нет секса — незачем и встречаться. Она никогда не формулировала это так многословно, даже не намекала. Может быть, чувство ее обманывало. По крайней мере, хотелось надеяться.

А сегодня все было так хорошо, лучше, чем когда бы то ни было. Так естественно и так чудесно. Они были на тахте, и он сказал что-то смешное,

она засмеялась, и он ее поцеловал. И все было по-другому, будто в первый раз. И когда его рука скользнула к ней на грудь, у нее дыхание перехватило от страсти. И еще раз, когда он стал ее целовать и она ощутила на сосках его губы.

Так, на тахте, все и произошло, и ее одежда разлетелась во все стороны, и опять как будто в первый раз. Только потом он отнес ее, прижимая теплое и нагое тело к своей груди, наверх, в спальню. И снова, и еще раз. Таких ощущений ей еще никогда не приходилось испытывать.

Вдруг она вскрикнула — он сделал ей больно, впился в ее плоть зубами, но он ее поцеловал, успокоил, и все прошло. Он просто сильный, слишком сильный, но и это было хорошо.

Впервые она так хорошо заснула после любви. Все было по-другому. Она почувствовала, что он встал и прошел в ванную. Услышала шум воды, он всегда принимал душ после этого, но шум только убаюкивал. Проснулась она от включенного ночника. Уэс, одетый в халат, склонился над ней. Волосы еще влажные после душа.

— Еще арманьяка?

— Господи, ни за что! У меня такое чувство, что это меня добьет.

— Как скажешь. Джин с тоником, как обычно?

Она кивнула, провожая его взглядом, и ее мысли и чувства понеслись по кругу. Обычные процедуры вступали в силу. Душ, коктейль, дорога домой. Но сегодня все было иначе! Она потянулась за халатом, который он всегда оставлял в ногах, но халата не было.

Он забыл или действительно начиналась какая-то новая страница? Она не позволяла себе надеяться. Старая шутка, и недаром одинокие девицы со всей страны слетались в Вашингтон. Работа в офисе, встречи с боссом, знакомство с красавцем офицером, романтика, свадьба — и съездить навестить родную Пеорию или Мэйкон — или даже Сент-Луис! — на зависть всем, кто остался дома. Но штука в том, что мечты редко сбывались. Тем не менее она, сбросив одеяло и копаясь в стенном шкафу, радостно напевала себе под нос. Никогда не знаешь, где и кому повезет. В комнате было прохладно, она решила надеть его длинный шерстяной купальный халат, свисающий до пола. Она потянула за халат, тот соскользнул с вешалки на пол. Наклонившись за ним, она увидела пару седельных, как у мотоциклиста, сумок. Оттуда торчали какие-то документы, синьки с угловым штемпелем.

Она надела халат и, когда он вошел в комнату,

уже вернулась в постель.

— Спасибо. — Она взяла у него бокал. — Мм, вкусно.

Он поставил бокал на столик возле кровати и пошел погасить свет в ванной.

— У тебя там сумки в шкафу, — сказала она. — Я и не знала, что ты мотоциклист.

Он стоял к ней спиной, и она не видела, что глаза его вдруг расширились, затем сузились. Щелкнув выключателем, он повернулся к ней.

— Что ты там говорила о сумках? — изо всех сил стараясь не выдать голосом холодную злость, спросил он.

Глава 7

— Ничего особенного. — Марианна пыталась выдавить соломинкой еще чуть-чуть сока из ломтика лимона в коктейле и не видела взгляда Маккалоу. — Просто из одной торчал угол синьки из Министерства обороны, какое-то оружие, да еще с грифом «Секретно». Я и не знала, что ты берешь работу на дом.

— Я говорил тебе, что я из службы безопасности. Мы никогда не спим!

— Верю. Я знаю, что ты делаешь в кровати.

Она рассмеялась собственной остроте, и он тоже улыбнулся, подошел к ней и поцеловал. Сумки, синьки, грифы — все сразу было забыто.

— Допивай, — сказал он. — Пора домой, а то будешь на работе на мебель натыкаться.

— Ты прав, но не вызывай такси, пока я не оденусь.

— Какое такси? Сейчас столько развелось маньяков и насильников, что я и таксистам не доверяю. Я сам тебя отвезу.

Последнюю фразу он произнес на ходу и не видел, какой надеждой озарилось ее лицо. Одним глотком допив бокал, она бросилась за одеждой.

Впервые он предложил отвезти ее домой! Раньше всегда на такси, всегда. Девушка, держи себя в руках! Пока еще ничего, кроме намеков. Но каких! Одеваясь, она весело напевала.

Вашингтон укладывается спать рано, и поездка из Александрии через Потомак и мимо Белого дома была приятной. Белый дом сиял, освещенный прожекторами. «Чудесный конец чудесного вечера», — подумала Марианна. Как этот город бывает красив!

— Пригласишь меня на чашку кофе? — спросил он, когда они проехали мимо зоопарка.

— Я бы рада, Уэс, но стоит швейцару тебя увидеть — и он раззвонит по всему свету. Старые девы, которыми мой дом набит, сживут меня со свету.

— А если подъехать сзади, со стороны стоянки?

— Ну конечно! Я просто не подумала.

Дом был построен на склоне холма, и, войдя со стоянки, они оказались в самой нижней его части, в цоколе. В маленьком вестибюле тихо, и в лифте пусто, на двенадцатом этаже — тоже.

— Ну и ключей у тебя, — сказал он, когда она вставила в секретный замок третий ключ.

— По требованию страховой компании. Нас тут грабили почти каждую неделю. На третьем

этаже даже вломились в квартиру — кто-то проник через подвал. Теперь у нас на входной двери двойной замок. Вашингтон — это нечто.

— И все хуже и хуже.

— Да уж, не говори.

Замок громко щелкнул, и она отворила тяжелую дверь.

— Будь как дома. Сейчас я поставлю воду. Растворимый годится?

— Вполне. — Они вошли в миниатюрную кухню. — Мы твою соседку не разбудим?

— Трайсию? Ни в коем случае. Ее дверь открыта, а значит, ее точно нет дома. Она со своим приятелем встречается основательно и домой раньше часу ночи не приходит. А утром натыкается на стены с недосыпу. Ее того и гляди уволят за это.

— Сейчас только полпервого. Мы успеем спокойно выпить кофе.

Он прошел в гостиную, разглядывая мебель. Его взгляд остановился на камине.

— Эта штука работает?

— Какая? — Она выглянула из кухни, рассмеялась. Чайник засвистел, забулькал, и она рванула обратно. — Это фикция. Хорошо иметь настоящий камин, как дома. Люблю открытый огонь. И при энергетическом кризисе очень выгодно. Но

не на двенадцатом же этаже! Тебе с сахаром?

— Одну ложечку. И капни чуть-чуть сливок, если есть. Только не молоко.

Он наклонился, разглядывая каминные щипцы. Декоративная имитация для фальшивого камина. Штампованная медь, ни разу не бывшая в работе. Зато кочерга из хорошего куска стали. Он взвесил ее в руке. Вполне увесистая.

— Твой кофе готов, — входя в комнату, сказала Марианна. — А если вздумаешь ковырять этой штукой в поддельном камине, все лампочки перебьешь.

— Перебью, это уж точно, — обернулся он все еще с кочергой в руке. — А твой кофе где?

— В кухне, он еще слишком горячий… Уэс, ты что?

Она не произнесла больше ни звука: стальная кочерга обрушилась на горло. Тяжело, мешком с песком, она упала на пол, уронив чашку. Удар был сокрушающим, и умерла она, вероятно, раньше, чем коснулась ковра. Для верности он ударил еще раз по голове, и еще раз, и еще — для уверенности.

Он не удивился, обнаружив, что тяжело дышит. Это тебе не стрелять из М-16 по желтомордым. Убийство более персональное, что ли, но не менее

важное. Он стоял целую минуту, пока сердце не пришло в норму. Он заставил себя вспомнить, что трогал в комнате. Ничего, только кочергу. Собственным платком он тщательно протер кочергу до места, где она была залеплена кровью, волосами и обрывками кожи. Кочергу он бросил поверх тела.

Потом достал из кармана тонкие кожаные перчатки и надел. Было без двадцати час. Удивительно, всего несколько минут, а казалось — целый час. Теперь он стал осматривать окна — тщательно, одно за другим.

Шторы были закрыты, и, чтобы выглянуть наружу, он их чуть-чуть отодвинул. Пожарная лестница оказалась у окна ванной комнаты.

— Отлично, Уэс, — сказал он себе и выключил в ванной свет. Окно было как раз над ванной, и, прежде чем стать в нее, он положил туда коврик. Все учесть, все предусмотреть. Ни отпечатков пальцев, ни следов обуви. Ограбление, совершенное неизвестным лицом или лицами.

Но окно не открывалось годами и отказывалось сдвинуться даже на волос. Он стучал по нему ладонью до тех пор, пока оно не поддалось и не поехало вверх. На полпути оно снова застряло, но это было уже неважно. Тощий грабитель влезет

даже через такую дырку. В темноте он потянулся за полотенцами и выбрал самое большое. Его хватило, чтобы закрыть стекло изнутри, пропустить через край и намотать на кулак, он ударил по стеклу снаружи. С первого же удара оно треснуло, несколько осколков со звоном упали в ванну — звук, вряд ли услышанный вне комнаты. Он аккуратно вышел из ванной, откинув ногой коврик в сторону, и сбросил в ванну сломанное стекло.

Все выглядело очень логично. Коврик он положил обратно на пол, а полотенце швырнул в ванну. Взломщик проник через разбитое окно. Полотенце эти неряхи бросили в ванну, оттого на нем столько стекла. Вот он проник в квартиру. Что дальше?

Грабитель идет в гостиную. Ищет ценности. Очень тихо, потому что стены здесь как бумага. Вытаскивает ящики из столов, высыпает на коврик. Теперь книги. Он, почти не обратив внимания, перешагнул через труп, систематически громя квартиру. В комоде были какие-то украшения, не очень ценные, и он сунул их в карман. Грабителям нужны деньги. В комоде за коробкой с украшениями он нашел ее дневник.

Читать было забавно. Но как можно писать такую чушь? Такой-то, и такая-то, и еще кого-то

встретила, и сегодня сделала себе перманент. Он пролистал несколько страниц, пока не нашел свое имя. Ах ты, зараза! Его обозвать скупердяем! Она и в самом деле свое заслужила. Он сунул блокнот в карман. Ее кошелек лежал на кровати. Он вытащил деньги и бросил кошелек на пол в кухне. Только тут ему попалась на глаза чашка остывающего на столе кофе.

Господи, какой же он дурак! Она лежит там, в комнате, и под ней чашка. Кофе на двоих? Она что, вела с грабителем светскую беседу за чашечкой кофе? Полиция такого не пропустит. Он обругал себя, вылил кофе в раковину, прополоскал чашку, ложку и блюдце. Вытер их и отложил в сторону.

Закончил он почти в час. Усилием воли заставил себя не думать о времени. Она сказала, что Трайсия вернется самое раннее в час. Надо еще раз все аккуратно проверить. Медленно, комната за комнатой, он обошел квартиру, пока не уверился, что не оставил никаких следов своего пребывания. Была простая кража со взломом, и когда появилась эта девица, ее пришлось убить. И никаких других гипотез. Отличная работа. Предохранитель в кухне, за дверью. Он вывинтил главный предохранитель, и свет погас. Пришлось

идти в гостиную с фонариком. Подтянув к себе кресло, он сел так, чтобы видеть входную дверь, и стал ждать.

Время тянулось все медленней и медленней, и он подумал, что где-то возможен прокол. Вообще-то он не отличался избытком воображения, но сейчас стал ерзать в кресле. Мог кто-нибудь увидеть его автомобиль на стоянке и отметить, что машина не отсюда? Могли записать номер или даже позвонить в полицию. А вдруг Трайсия не придет домой, завалившись куда-нибудь со своим приятелем на всю ночь? Или припрется на рассвете вместе с ним. Или…

В замке повернулся ключ.

В ту же секунду он вскочил на ноги, осторожно, не торопясь прошел и стал возле стены. Три ключа, времени достаточно. Так, второй. Теперь поехала щеколда — третий. Из холла упал свет, мелькнул силуэт входящей девушки.

— Марианна, ты дома? — Она говорила шепотом. — Эй, ты не спишь?

Нью-йоркский акцент. Еще одна сучка-янки.

Она закрыла дверь и ощупью пробиралась к выключателю.

Пощелкала им.

— Сгорел, паскуда!

Он скользнул по стенке на голос.

После долгого пребывания в темноте он легко различил ее силуэт на фоне освещенных с улицы штор.

Она успела только пискнуть на выдохе, когда пальцы сомкнулись на ее горле. Шансов у нее никаких. Он стоял сзади, она не могла ни лягнуть его, ни вцепиться ногтями. Она была молода и сильна, но недостаточно сильна. Он рванул ее на себя, оторвав от пола.

Она извивалась и все слабее и слабее била ногами. Руки устали, но он держал ее, крепко вцепившись в горло, и после того, как она умерла. Он действовал наверняка. Всегда наверняка. Даже оторвавшись от ее шеи, он еще раз проверил: схватил за полные груди и изо всех сил сдавил их обеими руками. Она не издала ни звука.

«Отлично, — подумал он. — Чистая работа».

Она медленно соскальзывала на пол, когда зазвонил телефон.

Кто бы это? Кто мог звонить в такое время? Сосед что-то услышал? Не может быть, все было сделано тихо.

Он стоял в темноте, парализованный нерешительностью. Ответить на звонок нельзя, но открывать дверь, пока звонит телефон, тоже

нельзя. Слишком громкий звук. Просто снять трубку? Тоже нельзя.

Телефон замолчал, и Уэс с облегчением вздохнул. Пора убираться. Он ощупью дошел до двери, и что-то хрустнуло под ногой. Что? Раньше этого не было. Он ногой отбросил это нечто, приоткрыл дверь и выглянул. На лестнице никого не было. Он открыл дверь чуть пошире и посмотрел вниз.

Он наступил на дамскую сумку. Любое пожертвование принимается с благодарностью, улыбнулся он. Руки, неуклюжие в перчатках, извлекли банкноты. На пол упала помада и покатилась к большому зеркалу у входа.

Это навело на мысль. Чуть-чуть увести полицию в сторону. Достаточно света из приоткрытой двери. Написать на зеркале печатными буквами, большими, неровными, с ошибками. Произведение искусства. Он отбросил помаду и открыл дверь чуть шире — полюбоваться.

УБЕВАЙТЕ БЕЛЫХ СВИНЕЙ

Это их точно собьет со следа. А теперь пора уходить.

В час тридцать ночи посреди недели на лестницах многоквартирных домов округа Колумбия малолюдно. Цифры индикаторов обоих лифтов застыли, один лифт стоял на его этаже. Он

миновал их и пошел к аварийной лестнице. Действовать наверняка, только наверняка. Ступая как можно тише, он прошел по лестнице до подвала и осторожно толкнул дверь; в холле тоже пусто. Вестибюльчик возле задней двери тускло освещен, а стоянка темна и пустынна. Начинался мелкий дождик. Уэс вышел, наклонив голову, и двинулся к машине. Двигатель завелся сразу. Не включая фар, он выехал со стоянки, потом включил ближний свет и подгадал под зеленый на Коннектикут-авеню. Не было видно ни пешеходов, ни других машин.

Он проехал два квартала и вдруг вспомнил, что в кухне не вкрутил на место предохранитель. Его охватил страх. Возвращаться — поздно, невозможно. Что может подумать полиция? Но одно ясно: случившееся с ним связать не смогут. Полковник нервно засмеялся, но постепенно страх прошел.

Он проехал через пустынный парк Рок-Крик и свернул вдоль Потомака. Никто не видел, как он остановился и выбросил в реку украшения. Дневник — он боялся, что дневник может всплыть, — он порвал на клочки и засунул в мусорную корзину между старыми газетами и пакетами от сандвичей.

Оставшуюся часть дороги домой он одолел без происшествий и въезжал в гараж, успокоенно посвистывая сквозь зубы.

Глава 8

Трой Хармон подал свой рапорт, но его интересовало, услышит ли он когда-нибудь о полковнике Маккалоу. В конце рапорта он просил, чтобы его уведомили о дальнейшем ходе дела, если оно будет иметь продолжение. Зачем нужно закупать такое количество золота? Он очень хотел бы понять это. Но сейчас, судя по всему, никакого дела не было. Да, полковник закупал золото в больших количествах. Но почему бы ему не делать этого? С тех пор как золото поступило в свободную продажу, для его покупки не нужно предъявлять удостоверения личности или составлять какие бы то ни было декларации. Ничего незаконного полковник Маккалоу не совершал. Он закупил золото на все свои деньги — и спрятал его в сейф. Он использовал все свои сбережения, продал новую машину и купил старую, взял вторую закладную под дом. И покупал золото и снова золото. Это могло казаться эксцентричным — но опять-таки было вполне законным. Трой описал это во всех подробностях, доклад доставил секретарю адмирала Колонна, оставив для себя копию. К сожалению, адмирал

пару дней будет отсутствовать, но он свяжется с ним, когда вернется. Отлично. Трой использует два свободных дня. В Нью-Йорке женится старый друг. Трой вообще-то уже сообщил по телефону, что не сможет приехать, — но никогда не поздно позвонить еще раз. В пятницу вечером ни одна собака в Вашингтоне не заметит его отсутствия.

Уик-энд провели отлично. Сначала мальчишник, как следует выпили с друзьями по ямайской школе, с которыми он сто лет не виделся и про которых вообще забыл. Он-то уехал, а они остались, и связь с ребятами заглохла. Сначала колледж в Итаке, потом армия; много воды утекло. Он собирался съездить домой, да все как-то не удавалось. Семьи в городе у него не осталось, все родные, что еще были живы, жили в Детройте. Отец помер, пока Трой воевал во Вьетнаме, — от рака. Через несколько месяцев — мать. Говорили — от тоски. Может быть… Но все это было давно.

Возвращение в пенаты отметили не только воспоминаниями, но и таким весельем, что Трой не полетел в воскресенье в Вашингтон.

Первый утренний рейс в понедельник из Ла Гуардиа при сыром холодном ветре — специфическая пытка, достойная включения в адский арсенал. Особенно если с бодуна. Сначала

торчать, пока не объявят посадку, между хромированными рельсами, потягивая из пакета отдающий картоном кофе и глядя одним глазом в «Нью-Йорк таймс», потом втиснуться в тесное кресло самолета внутренних линий и узнать, что перед тобой стартуют всего-навсего двенадцать самолетов, которые надо переждать. На земле больше времени, чем в воздухе. «Мы рады приветствовать вас на борту самолета компании „Восточные линии“. Температура за бортом…»

В КССС кофеварка была существенно лучше. Трой налил себе кофе в толстую глиняную кружку, чтобы отбить вкус картона во рту. В числе «входящих» только одна бумажка. Телефонный звонок, просьба ответить срочно. От какого-то лейтенанта с незнакомым номером телефона. В армии много лейтенантов.

Но этот был не из армии. Из столичной полиции.

— Лейтенант… лейтенант Андерсон? Говорит лейтенант Хармон. Отвечаю на ваш звонок.

— Спасибо, лейтенант. Я хотел бы попросить вас подъехать — для разговора. Адрес я вам продиктую…

— А скажите, пожалуйста, по какому поводу?

— Могу только сказать, что расследуется дело

об убийстве, и мы считаем, что вы будете нам полезны. Сможете приехать сегодня утром?

— Уже еду.

Что за убийство? И чем он может помочь? Но зато можно отвлечься от этого зануды-полковника с его золотым складом.

Он попросил секретаршу вызвать такси. Тяжесть в голове еще напоминала о том, что уик-энд закончился только-только. И желания идти по городу через холодную морось у него не было.

Полицейский участок обставлен в современном стиле — без всяких деревянных панелей, примелькавшихся в телесериалах. И лейтенант Андерсон тоже не походил на телегероя. Тощий, хорошо за пятьдесят, коротко подстриженные седые волосы и толстая оправа очков больше напоминали учителя, чем полицейского. И был он черным, очень черным.

— Садитесь, лейтенант. — Андерсон говорил с легким виргинским акцентом. — Я тут кофе пью, не хотите ли?

— С удовольствием.

— Извините за срочный вызов, но на нас тут свалилось двойное убийство. И я начинаю верить, что ваша помощь может нам понадобиться. Поскольку на этой картине вырисовывается

нечто военное.

— Рад помочь. В такой мерзкий понедельник я был бы рад заняться чем-нибудь полезным.

— Отлично. — Андерсон подтянул к себе толстую папку. — Вначале дело выглядело как обычный взлом со случайным убийством. Это на Коннектикут, за парком. Окно рядом с пожарной лестницей выдавлено — в двери тройной замок, а окно без решеток, — никто никогда ничему не учится. Квартира перевернута, ценности исчезли, девушка по имени Марианна Собелл забита до смерти железной кочергой на полу гостиной. Выглядит так, будто она неожиданно застала неизвестного или неизвестных и была убита как возможный свидетель. Ее компаньонка по квартире, некто Трайсия Бродерик, также случайно вошла в разгар веселья и была придушена во избежание неприятностей. Это у нас часто бывает, каждый день по нескольку раз.

— Я не вижу, что здесь военного. Какая-то из девиц работала на армию?

— Нет. Погодите, я вам расскажу. Нас заинтересовала пара моментов. Прежде всего: кто и зачем вывернул предохранитель и отключил свет? Это не согласуется с образом действий случайного грабителя. Больше похоже, что убийца или

убийцы проникли через дверь, если она была только захлопнута, а замки не заперты. Но есть кое-что поинтереснее. — Он взял фотографию из папки. — Вот это было написано над дверью.

Трой взял фотографию, и его глаза сузились. УБЕВАЙТЕ БЕЛЫХ СВИНЕЙ. Он бросил ее обратно:

— Ну и что? Да, это сделал черный. Какой-то солдат с вывихнутыми мозгами. Который даже не знает, как пишется «убивать». Что здесь особенного? Слушай, ты все же темноват для клановца, как ты считаешь?

— Спокойствие, о брат мой, — сказал лейтенант Андерсон. — Это дело попало ко мне самым что ни на есть рутинным порядком, и я даже не знал, как ты выглядишь, пока ты не вошел в дверь. Я не пытаюсь сделать из этой истории убийства на расовой почве. А кто-то пытается. Вот давай я тебе покажу, что именно тут припахивает, чтобы не сказать — воняет. Вот фотография первой убитой девушки — Марианны.

Плохо, но он видал и похуже, во Вьетнаме. Правда, там не было таких симпатичных девушек. Но смерть есть смерть, хотя на этой фотографии ее слишком много.

— А это вторая девушка, Трайсия.

Трой взял фотографию — и похолодел. Медленно подняв голову, он встретился глазами с Андерсоном.

— Проклятый гад! — выдохнул он сквозь зубы. Андерсон понимающе кивнул.

Трайсия Бродерик — негритянка. Она была, по крайней мере при жизни, темнокожей, темноволосой красавицей. Даже после смерти она все еще хороша.

— Это для прикрытия, — сказал Трой. — Это не просто взлом.

— И я так думаю. Запланированное убийство, которое замаскировано под убийство при ограблении. Какой-то непонятного цвета сукин сын пытается отвести от себя подозрения, имитируя убийство на расовой почве. Я не знаю, что имел в виду убийца, но я знаю, что не собираюсь сдать это дело в архив и забыть. Потому я и стал копать глубже. Обеих девиц я проверил и сначала нашел приятеля Трайсии. Он гоняет через всю страну контейнеровозы. Вчера он приехал, и у них было вечером свидание. Они на ближайший месяц запланировали свадьбу. Парень буквально убит. Из дома своих родителей он отправил ее на такси, а сам во время убийства был в гараже, так что он вне подозрений. Гараж от него в двух кварталах,

и он пошел туда пешком. Оттуда, как у них было принято, он позвонил ей домой, но телефон не ответил. У него график работы очень строгий, так что он вывел свою машину и поехал, но сильно волновался. Из закусочной на девяносто пятом шоссе он снова позвонил ей и, не дождавшись ответа, позвонил в полицию. Поэтому мы так быстро появились на сцене.

— А как быстро это «быстро»? — спросил Трой, пристально разглядывая фотографии. Андерсон вздохнул.

— Достаточно быстро не бывает никогда. С Трайсией я уперся в тупик, но другая девушка, Марианна, дала какую-то зацепку. В ее машбюро девицы, с которыми она имела привычку трепаться, сказали, что настоящего друга у нее не было, но в последние несколько месяцев объявился какой-то более или менее постоянный приятель, армейский офицер…

— Это и есть то, что связано с армией?

— Именно. Мы хотели кое о чем с этим офицером поговорить, так что восстановили все ее перемещения в последний вечер. Она никогда не называла ни его имени, ни звания, однако в день убийства рано ушла с работы, потому что, как она сказала, свидание будет особым. В Жокей-клубе,

где она раньше никогда не бывала. По ее словам, она должна была быть там в семь. Мы проверили. Единственным офицером, который на это время заказал столик на двоих, был полковник Маккалоу.

Трой вскочил, ударив руками по столу.

— Полковник Маккалоу? Вы имеете в виду полковника Уэсли Маккалоу?

— Именно его. Теперь ты знаешь, почему ты здесь. Мы, конечно, хотели его допросить, но полковника почему-то не нашли. Ни дома, ни на службе. Он пропал. Как ты понимаешь, расследование вызвало переполох. Через десять минут после нашего звонка в его лабораторию к нам нагрянуло ФБР. А когда мы им сказали, что случилось, они посоветовали связаться с тобой. Они сказали, что ты тот человек, с которым следует поговорить, но почему — не объяснили. Может быть, ты объяснишь?

— Не знаю, имею ли я право. Дай-ка я сначала позвоню.

Андерсон подпихнул к нему телефон и, пока Трой вызывал адмирала Колонна и описывал последние события, углубился в какие-то бумаги. Трой положил трубку, и лейтенант Андерсон вопросительно поднял бровь. Трой стал загибать

пальцы:

— Первое. Полковник принимает участие в работе наивысшей секретности. Поэтому, если я чего-то не скажу, не допытывайся о подробностях. Второе. Мне позволено рассказать тебе о полковнике все то, что знает ФБР, что, откровенно говоря, совпадает с тем, что знаю о нем я. Третье. Если ты свистнешь, как твои коллеги в телевизоре, чтобы подали машину, то я тебе все расскажу по дороге к дому Маккалоу.

— Уже свистнул. Но таких шоферов, как в телевизоре, у меня нет. Есть только старый, просящий ремонта «форд», который я сам вожу. Поехали.

У «форда», по крайней мере, были сирена и мигалка, и они быстро проехали через забитые улицы к Александрии. Возле дома стоял посыльный из КССС, на мотоцикле он их опередил. Протянув Трою пакет, он взревел мотором и умчался. Трой открыл пакет и вынул связку ключей.

— Это законно? — спросил он, открывая входную дверь.

— Мы расследуем дело об убийстве. Без тебя я бы эту дверь просто взломал. Открывай и отойди в сторону.

Андерсон откинул полу пиджака и достал поли-

цейский револьвер тридцать восьмого калибра. Трой посмотрел на пожилого полицейского и улыбнулся.

— Думаю, что после Вьетнама я прошел больше дверей, чем ты, лейтенант. Стань сзади и держи эту штуку наготове.

Они резко вломились в дом, но предосторожности оказались ненужными. Дом был пуст. С тех пор как Трой впервые, без приглашения, был здесь, ничего не изменилось. В спальне он откинул ногой коврик, открыл панель и показал на сейф.

— Что, если я это открою? Расследование убийства дает такие права?

— В зависимости от того, что мы там найдем. Я так понимаю, что ты с тем же успехом сможешь его закрыть. Ты видел фотографии. А я видел этих девчонок. Так что ломай эту хреновину, а законностью озаботимся потом.

Трой достал бумажку, которую ему дал слесарь, и аккуратно набрал все цифры. Как и тогда, на последней цифре дверь спружинила ему в руку. Он открыл ее.

Сейф был пуст. Золота не было.

Не совсем пуст. На дне лежала сложенная в несколько раз бумажка. Они оба склонились

над нею.

— На ней твое имя, — сказал Андерсон.

— Прочесть?

— Почему бы нет? Для мины-ловушки она маловата. Просто держи за край, когда будешь вынимать, и разверни концом пера. Там могут быть отпечатки пальцев.

Трой кончиками пальцев вытащил записку и аккуратно положил на столик. Андерсон придержал ее своей авторучкой. На бумаге жирно, красным фломастером, было написано:

«Ищи меня, черномазый. Никогда не найдешь!»

Глава 9

— Это ты и есть тот самый черномазый? — спросил Андерсон.

Трой медленно кивнул; на его лице застыло выражение холодной ярости.

— Это я, все правильно. Он на меня взъелся, еще когда мы увиделись в первый раз. Разозлился с самого начала и потом злился все больше и больше.

— Для армейского офицера у него довольно мерзкая лексика. Как у вас в армии с интеграцией?

— Порядок, но это не значит, что у нас там нет гнилья. И ты думаешь, что именно это гнилье неграмотно настолько, что не знает, как пишется «убивать»?

Андерсон кивнул:

— Здесь что-то здорово нечисто, я в этом уверен. Законно или незаконно, но закупка золота — что-то важное, иначе ни вы, ни ФБР в это дело бы не полезли. Давай сопоставим факты. Марианна на своем «особом» свидании в пятницу вечером была с полковником. Они ели бифштексы, омаров, пили шампанское — божественный вечер. У него

дома вдвоем наслаждались любовной близостью. И что-то она заприметила. Я не знаю что — но что-то, чего она не должна была видеть. Поэтому галантный полковник не отправил ее на такси, а отвез домой самолично, прямо до квартиры. Убил и инсценировал ограбление. Затем выключил свет и подождал в темноте ее соседку, которая могла на него указать как на спутника Марианны в этот вечер. И тоже убил. Вроде бы все складывается? И очень неприятным образом.

— Сколько здесь догадок, а что — достоверно?

— Из области догадок только то, что она что-то заметила и что заметила это в доме полковника. Остальное — факты, которые отлично складываются в мозаику. Мы знаем, что они вместе ужинали. Коронер[14] утверждает, что она не изнасилована, но имела сношение. Она принимала пилюли, в крови обнаружены их следы. Сперма во влагалище, на груди и на плечах свежие синяки. Швейцар утверждает, что последние несколько месяцев она возвращалась со свиданий на такси. Этой ночью она не проходила через парадную дверь, но у всех обитателей дома есть ключи от черного хода.

---

[14] Примечания: 14

Коронер — лицо, дающее официальное заключение о причине смерти.

Трой перечитал записку и гадливо перевернул ее.

— Не очень-то приятно об этом думать, но есть какая-то извращенная логика в его действиях. Если его исчезновение как-то связано с золотом и, очевидно, планировалось давно, то он действительно способен убрать любого, кто знал слишком много и мог бы помешать ему. Он был в «зеленых беретах» и в убийстве разбирается. И куда это нас приводит?

— Меня это отсюда выводит, — ответил Андерсон. — Расследование моего отдела на этом заканчивается. Мы, конечно, прощупаем записку, пропылесосим дом, дадим сведения на полковника в розыск и всю прочую рутину запустим. Но у меня такое чувство, что мы свои средства исчерпали. Мы будем расследовать дело дальше, раскручивать все прочие версии, и я буду держать тебя в курсе. Но похоже, наше маленькое убийство перерастает в гигантское дело об угрозе национальной безопасности. Ты говорил, что Маккалоу связан с секретной работой?

— Был. И то, что он исчез, в самом деле плохо. Чувствую, что нас ждет большая плюха. Если будет что-нибудь новенькое, я тебе сообщу.

— Да уж. Я звонить не буду, звони сам.

— Извини, но больше мне сказать нечего.

— Не бери в голову, сынок. Я всю жизнь работаю в столице. Там, где в дело вступает правительство, мы уходим.

— Спасибо, что понимаешь. Слушай, ты не отдашь мне эту записку?

— Оригинал останется у нас. Мы снимем тебе копию, завтра получишь. Годится?

— Вполне. Подбросишь меня на обратном пути?

— Прямо до двери.

К концу дня туманная изморось сменилась тоскливым осенним дождем, который отлично соответствовал настроению Троя. Он ехал молча, погрузившись в свои мысли, снова и снова вспоминая убитых женщин, пустой сейф, издевательскую записку и опустевший дом полковника. Он, так же как и полисмен, не понимал, что к чему, но чувствовал, что все эти необъяснимые действия как-то связаны. И он собирался сделать все возможное, чтобы узнать — как.

Когда он вошел в здание на Массачусетс-авеню, секретарша махнула ему рукой:

— Приказ адмирала. Немедленно явиться в его кабинет.

Третий этаж, маленькая зеленая дверь в конце

коридора.

— Не в конференц-зале?

— Восчувствуйте, вы среди немногих избранных. Бросьте здесь плащ и бегом наверх.

Дверь была полуоткрыта. Он остановился в нерешительности, и изнутри раздался голос адмирала:

— Толкни дверь, Трой. И закрой ее за собой.

Трой не знал, чего ожидать, — но уж точно не этого. Никакой мебели, обычной в кабинетах высших чинов или в адмиральских каютах, здесь не было. В лишенной окон комнате пусто, если не считать серых металлических ящиков, закрывавших одну стену. Адмирал сидел у другой стены, глядя на экран компьютера. Кроме компьютера, в комнате был еще лазерный принтер и рядом с ним — телефон. Даже второго стула не было.

— Вот здесь и идет работа, — сказал адмирал. — Все, что мне нужно знать, я узнаю по компьютерной сети или по телефону. Обратно информация уходит так же. Бумаге я больше не доверяю — мы живем в век электроники. А теперь расскажи, что там за ужасы с полковником.

Сесть было не на что — разве что на пол, поэтому Трой стал «вольно», сцепил руки за спиной и аккуратно изложил факты и те заключения,

к которым пришли они с Андерсоном. Адмирал, разговаривая с ним, смотрел не на него, а на экран, время от времени набирая что-то на клавиатуре, будто что-то редактируя. Он только однажды поднял глаза, когда речь зашла о пустом сейфе и записке.

— Ты помнишь, что там написано?

— Трудновато забыть, адмирал. Там было сказано: «Ищи меня, черномазый. Никогда не найдешь!»

— Интересно. Очевидно, он понял, что ты приходил к нему из-за него, а не из-за армейского капрала. А это значит, что он знает и о наблюдении ФБР — или, по крайней мере, считает его возможным. Убийство двух женщин означает, что у него был какой-то план, с четкими сроками, и он не мог позволить себе отступить от них. Если мои предположения верны, он старался выиграть время, чтобы закончить свои приготовления к какому-то заключительному этапу. Он намеревался исчезнуть куда-то со всем золотом, бросив налаженную жизнь и военную карьеру. Такое можно сделать только ради чего-то дьявольски важного. Можешь представить, что бы это могло быть?

— Нет, сэр. Но у меня есть кое-какие предложения по немедленным действиям. Считаю

необходимым разослать описание Маккалоу по всем аэропортам, пограничным пунктам, таможням — всюду, откуда можно попытаться уехать из страны. Уверен, что основания для его задержания найдутся.

— Наверняка. Для начала можно объявить его дезертиром.

Достаточно серьезное обвинение.

Адмирал быстро нажимал клавиши. Он прочитал ответ, ввел еще одну команду и откинулся на стул. Принтер зажужжал и выплюнул лист бумаги.

— Подтверждение от ФБР о готовности к действию. Слава компьютерным сетям! Сейчас все дырки в границе мы зашьем за три минуты.

— Как вы считаете, это поможет?

— Нет. Куда бы он ни направлялся, он наверняка уже там. Но если запереть дверь в обворованном доме, вреда не будет. Что дальше?

— Я думал об этом всю дорогу. Но сначала я хотел бы знать: я все еще отвечаю за эту операцию?

— Пока не получишь другого приказа.

— Отлично. Тогда я хотел бы потратить немножко казенных денег. Мне понадобится помощь ФБР здесь и ЦРУ за границей. Мне нужна каждая

подробность жизни Маккалоу, каждый клочок его биографии, который они смогут раздобыть. Я хочу знать, кто его друзья, и, когда их найдут, я хотел бы, чтобы их опросили; чтобы врагов его тоже нашли. Я хочу знать все его контакты, всех его подружек, все и вся об этом человеке. Конечно, будет куча мусора, которую придется долго и медленно перелопачивать. Но где-то в ней ответ на все наши вопросы о полковнике и его золоте.

Адмирал кивнул:

— Для начала разумно. Я организую. Кстати, ты сам что собираешься делать?

— Хочу поехать на место службы полковника и поговорить с каждым, кто его знал. Это может дать ниточку. Не исключено, что кто-то из них с этим связан. Я уже знаю, что он сказал про меня капралу Мендесу, которого я якобы хотел допросить, — что-то такое, что сразу его разозлило. Я хочу знать, что именно. Я должен иметь свободный доступ в лабораторию «Уикс электроникс» и иметь возможность говорить с каждым ее сотрудником. Вы знаете, какие работы там ведутся?

— Нет. Знаю только, что работы высшей секретности по суперсовременным технологиям. Вы думаете, этот проект имеет какое-то отношение к исчезновению полковника?

— Понятия не имею. Но хочу исследовать все возможные нити. Маккалоу знал, какие работы там ведутся?

— Наверняка знал.

— Тогда и я должен знать. Вы можете это устроить?

— Возможно. Если у тебя достаточный допуск, проблем быть не должно. Я спрошу кого надо.

Согласие пришло меньше чем через час, что для бюрократии, связанной с вопросами допуска, было просто чудом. И следствием того интереса, который проявили высшие инстанции к исчезновению полковника Маккалоу. Еще через час после получения разрешения адмирал позвал Троя в конференц-зал. Трой постарался не показать волнения при виде полковника и двухзвездного генерала.

— Генерал Стирнгхэм, полковник Буркхардт, перед вами сержант Хармон. Как вам известно, в данной операции он выступает под званием лейтенанта.

Трой отдал честь так, как не отдавал никогда в жизни. Приветствие было возвращено в молчании, которое не нарушилось, пока адмирал не покинул комнату.

— Генерал примет у вас присягу в связи с до-

пуском к высшей форме секретности, — сказал полковник. — Как только это будет сделано и засвидетельствовано мной, вы получите новое удостоверение и пропуск в проект «Гномен». Я сопровожу вас туда. Поднимите правую руку.

Трой впервые услышал название проекта, над которым работала лаборатория. Для него оно ничего не значило. Церемония прошла быстро, и, как только она закончилась, Трой с полковником поспешили к штабному автомобилю. Два мотоцикла расчищали им путь в вечернем потоке машин. Трой стал понимать, в какие глубокие воды забросил удочку.

— Мерзкая погода, — сказал полковник Буркхардт. — Хотя могу спорить, что зима будет еще хуже.

Он потянулся к перегородке водителя и закрыл ее.

— Вы должны узнать, куда скрылся этот подлючий сукин сын, и прибить его за принадлежности гвоздем к стенке. Вам ясно?

— Так точно, сэр. Разрешите спросить: вы знакомы с проектом «Гномен»?

— Нет. Не знаю ничего, но директор проекта — доктор Делькур, и к этому директору мы направляемся. Кроме того, это самый секретный из

всех секретных проектов, которыми мы когда-либо занимались. Бюджет проходит только по ЦРУ. Так что, когда пропадает офицер безопасности, охраняющий нечто подобное, мне становится страшновато. И вы должны понимать, что с самых верхов будет дана команда начать расследование наилучшей командой специалистов; как только они там договорятся, чья это епархия. Но вы начинали это расследование, вы его и продолжите, пока вас не сменят. Это значит, что мы хотим получить от вас ответы, причем сию минуту или даже быстрее.

На такие речи только и можно отвечать что «есть, сэр». Когда односторонний разговор иссяк, Буркхардт откинулся на сиденье и всю дорогу остервенело жевал незажженную сигару. В лаборатории у них еще раз проверили документы и препроводили в главное здание. Сопровождающий ввел их в лифт, который поднимал прямо в кабинет директора.

Доктору Роксане Делькур было за пятьдесят. Седая, но все еще привлекательная, с не совсем удачной косметикой, но эффектно одетая, в сером костюме джерси. Единственное украшение — ожерелье искусственного жемчуга, заправленное под воротник блузки. Колец не было, в том

числе и обручального. Она пожала руку Трою и проводила Буркхардта к выходу.

— Ну, лейтенант, садитесь. Очень тяжелый сегодня день, со всеми этими визитами. Похоже, Уэс Маккалоу не вышел на работу, что воспринимается как конец света.

— Вы должны мне поверить, доктор, — это очень серьезно. Как бы там ни было, он отвечал за безопасность.

— Я знаю, но у нас нет ничего, что могло бы заинтересовать хоть какого-нибудь шпиона. «Гномен» — чисто исследовательский проект, простой и ясный. Упражнение по высшей математике и теоретической физике. Есть первые результаты, но до применения, боюсь, еще далеко.

— Маккалоу знал что-нибудь о здешних работах?

— Он отвечал за безопасность, так что должен был знать все.

— Тогда, доктор, боюсь, что мне тоже придется узнать, что здесь делается. Вы не могли бы мне рассказать о проекте?

Глава 10

— О господи, — сказала Роксана Делькур. — Вы хотите, чтобы я вам объяснила, чем мы тут занимаемся? — Она откинулась на спинку стула, вертя в руках желтый карандаш. — Это будет трудновато. В основе лежит теорема…

— Должен сказать, доктор, что математика никогда не была моей сильной стороной.

— Как, боюсь, и большинства. И кстати, меня зовут не доктор, а Роксана. Вас, насколько я понимаю, тоже не крестили лейтенантом.

— Совершенно верно, доктор… извините, Роксана. Меня зовут Трой.

— Отлично, Трой. Давайте я, не вдаваясь в тонкости, популярно расскажу вам о математике, которой мы занимаемся. Моя работа была всегда связана с элементарными частицами, в основном с движением субатомных частиц и их связью с единой теорией поля…

— Я отстал на первом же барьере. Какой теорией?

— Единая теория поля выросла из общей теории относительности Эйнштейна. Проще говоря, она связывает вместе все существующие в природе

силы и доказывает их единство. Это непросто. Много лет люди искали доказательство, или опровержение, или вообще какой-нибудь подход к этой задаче. Я, как и Эйнштейн, математик, а не физик. Но в моем распоряжении гораздо больше результатов лабораторных исследований и больше возможностей проверять мои расчеты экспериментом. То есть заниматься тем, что мы сейчас делаем.

— Чем же? — спросил он, заинтересованный.

— Пытаемся найти соотношения между пространством и временем. Давайте я вам покажу нашу лабораторию; может быть, вы лучше поймете.

Это не помогло. Трой шел за ней, глядел на ускорители частиц, следящие камеры, стойки и шкафы с аппаратурой, у которой, ясное дело, даже названий не было. Какие-то ученые с энтузиазмом показывали ему белые треки на черных фотографиях с такой гордостью, с какой обычно показывают фотографии детей. Экскурсия здорово его озадачила и повергла в размышление о том, что все-таки можно из нее извлечь. Потом Роксана повела его в зал для руководства, отгороженный от общей столовой, попить первоклассного кофе с воздушными пирожными.

— У вас тут все организовано весьма впечатляюще, — заметил Трой, жуя пирожное.

— Верно. Вы заметили, какая у нас захватывающая работа?

— Нет, — сознался он. — Но охрана и режим секретности поставлены по высшему классу.

Они рассмеялись.

— Нет, я серьезно. Маккалоу замешан в каком-то темном деле, о котором мы еще не знаем. Но, как офицер безопасности, он это место зашил наглухо. Все учреждение разделено на зоны безопасности с контролем переходов первого класса надежности. Каждый входящий и выходящий регистрируется в каждой зоне. Данные идут в компьютер, который, таким образом, содержит информацию о местонахождении каждого сотрудника в каждый момент. Высочайшая эффективность.

— А кроме этого, Трой?

— Почти не врубился. Понимаете, доктор Делькур…

— Роксана.

— Извините, Роксана. Вы меня поразили двумя вещами. Первая: вы знаете во всех подробностях, что здесь происходит. Я не знаю, обратили ли вы внимание, что вам задают кучу вопросов о тысяче

предметов и вы отвечаете сразу и не задумываясь. Я, конечно, не имею понятия, что именно вы говорите, но людей ваши ответы удовлетворяли. Вы настоящий руководитель.

— Спасибо, Трой. Я уже много лет не слышала ни от кого комплиментов. — Она улыбнулась поверх кофейной чашки, и ее лицо, утратив деловое выражение, стало вполне привлекательным.

— Это не лесть, а чистая правда.

— Еще лучше. Но вы говорили о двух вещах. Ну, еще один комплимент для завершения речи!

Они оба засмеялись.

— Вторая: вы из тех, кто знает свое дело. Из профессионалов, которые никогда не… как бы это сказать…

— Не вешают лапшу?

— Именно. Нечто в этом роде я и имел в виду. Вы знаете, что делаете, вы полностью управляете этой конторой, и в то же время вы могли бы служить ходячей рекламой для феминисток. И все это вместе меня еще больше расстраивает.

— Почему же?

— Из-за моей тупости. Я по-прежнему представления не имею о том, что тут делается.

Она покачала головой:

— Нет, Трой, это моя вина, и я должна принести

извинения. Обычно я разговариваю со специалистами и почти забыла, как говорят нормальным человеческим языком. Я не даю интервью газетам, у меня нет мужа для разговоров на бытовые темы, да и нет интересов вне работы. Мне сейчас вот пришло в голову, что я довольно занудная особа.

— Я этого не говорил!

— Ну так я сказала. И прямо сейчас с этим покончу. Бросим кофе, пойдем ко мне в кабинет и откроем бар. — Она как-то иначе глянула на него. — Пить умеете?

— Испытайте меня!

— Ладно. Я смешаю пару хороших коктейлей и под благотворным воздействием алкоголя сделаю попытку вернуться в ряды человечества.

Через пятнадцать минут Трой в глубоком кресле с благодарностью потягивал оживляющий холодный джин.

— Что хорошо, то хорошо. Должен сознаться, что в субботу и воскресенье я несколько увлекся алкоголем, и вы сегодня предложили мне лекарство.

— Чудесно. — Роксана отпила из бокала, прихватила пальцами мелкую белую луковичку и задумчиво пожевала ее. — Итак, начнем. Если

я забреду в сторону от прямой дороги или если ты не поймешь хоть слово, просто скажи «тпру». Согласен?

— Вперед.

— Все формы энергии во Вселенной неизбежно связаны между собой. Для примера рассмотрим электрическую лампочку, где электрическая энергия превращается в тепловую, которая, в свою очередь, превращается в энергию света. Иногда такую связь найти труднее. Возьмем, например, движение объекта в гравитационном поле. Допустим, ты поднял груз и привязал его к потолку. Казалось бы, он просто себе висит там. Но при этом он содержит и ту мускульную энергию, которую ты ему сообщил, поднимая, хотя эта энергия теперь имеет другую форму, — это потенциальная энергия. Если ты перережешь веревку, она превратится в кинетическую и груз упадет.

— Пока отлично. — Трой протянул бокал, подставив его под шейкер. — Вроде бы мы это проходили в старших классах.

— Механика, первый раздел физики. Ты это сам знаешь, а я только напоминаю. А теперь попробуем перескочить от этой теории и мысленного эксперимента к тому реальному делу, которым мы здесь занимаемся и для которого, собственно,

и открыли нашу лабораторию. Мы проверили несколькими способами мои исходные теоретические положения. Теория получила достаточное подтверждение, хотя некоторые дырки нас все еще беспокоят. И все-таки эксперименты уже дают желаемый результат. Используя многомерные параметры, понятийно затрагивающие темпоральные смещения без нарушения физической четности…

— Вот сейчас, — перебил Трой.

— Что сейчас?

— Вы произнесли фразу, в которой мне понятно только «используя».

— Ты прав, приношу извинения. Попробую еще раз. В лабораторных условиях, затрачивая большие количества электроэнергии, мы организуем минимальные трансформации в темпоральную энергию, вызывающую физическое смещение. — Произнеся последние слова, она сообразила, как они звучат, и расхохоталась.

— Неисправима, — сказал Трой. — Но какой-то смысл я все же уловил. Вы сказали, что каким-то образом на время что-то переместили?

— Да, то есть нет. Переместили, но не «на время», а «во времени».

Трой со всей осторожностью поставил бокал на

стол и посмотрел прямо на Роксану.

— Если я вас правильно понял, — начал он, — вы пытаетесь мне объяснить, что переместили кусок чего-то сквозь время?

— Грубо говоря, нечто в этом роде.

— То есть вы говорите, что там, среди всего этого железа, вы построили машину времени?

— Ну, я думаю… — Она лучезарно улыбнулась. — Вообще говоря, я полагаю, что построили.

Глава 11

— Тогда неудивительно, что все так зациклились на вопросах вашей безопасности, — сказал Трой. — Машина времени — даже сама идея настолько неохватна! В телевизоре, конечно, прыгают во времени туда и сюда, но каждый знает, что это только актеры в костюмах среди декораций. А у вас здесь, в лаборатории, настоящая… — У него не хватило слов, он развел руками, посмотрел, что в бокале почти пусто, и допил остатки.

Роксана встала и подошла к бару.

— Извини, я плохая хозяйка. Но ты прав: машины времени, которые туда и сюда снуют, как троллейбусы, бывают только на телевидении. Наша не так впечатляет. А когда ее включают, ей нужно столько энергии, сколько идет на освещение Чикаго, причем чтобы сделать, скажем так, очень мало.

— Что, например?

— Сейчас я тебе покажу. Давай допьем, пока лед не растаял.

Он допил — и вдруг его поразила внезапная догадка.

— А не может ваша машина иметь отношение к исчезновению Маккалоу?

Роксана на минуту задумалась, потом решительно качнула головой:

— Мне представляется это крайне маловероятным. Ты спрашиваешь, не мог ли он переправить с ее помощью куда-то свое золото? Это настолько близко к невозможному, что просто невозможно. Наибольший объект, с которым мы работали, весил несколько граммов. Но пойдем в девятую, пока она не закрылась. Боб Клейман приходит на рассвете, зато и уходит рано.

Лаборатория девять располагалась в нижнем этаже здания. Трой еще здесь не был. Тяжелая входная дверь была заперта, и даже охранник не мог ее открыть. Ему пришлось позвонить на центральный пост и назвать посетителей, и только тогда замок щелкнул и дверь открылась. Когда за ними снова закрылась тяжелая дверь, Трой почувствовал, что волосы на его голове шевелятся. Он попытался их пригладить, но они вставали дыбом. Роксана усмехнулась.

— Не волнуйся. — Она провела руками по своим волосам, ореолом вставшим вокруг головы. — Статическое электричество. Несколько миллионов вольт, но токи ничтожные и беспо-

коиться совершенно незачем. Побочный эффект работы машины. Зато теперь ты видишь, в какой обстановке мы работаем.

Обстановка впечатляла. Особенно электрооборудование. Провода толщиной в человеческую руку, обвитые вокруг гигантских фарфоровых изоляторов, уходили в чрево огромных машин. Большая часть аппаратов громоздилась в центре ярко освещенной комнаты, где пол заметно поднимался вверх. И не просто поднимался, заметил Трой, а в этом месте из бетона выступал гребень серой скалы. Одни машины были закреплены на ней стальными болтами, другие перекидывали над ней стальные рычаги. У машины человек в лабораторном халате. Он оглянулся на голос Роксаны:

— Боб, к тебе посетитель. Лейтенант Хармон, доктор Клейман. Трой, Боб.

— Рад познакомиться. — Клейман вытер руку о заляпанный халат, и они поздоровались.

Доктор Клейман очень напоминал классически карикатурный образ ученого. Седые, небрежно подстриженные пряди давно взывали к ножницам парикмахера. Сквозь очки с бутылочно-выпуклыми стеклами он, моргая, глядел на Троя.

— Если ты пришел призывать меня в армию, то

не совсем по адресу. У меня от рождения белый билет.

— Не боись, — улыбнулся Трой. — По мне, ты совсем не похож на гренадера.

— Могу спорить. Но если ты с неофициальной целью, то с какой?

— Для ознакомления, — сказала Роксана. — Я считаю, что Трой лучше поймет смысл проекта, если увидит нашу работу. Ты проводишь калибровку?

— Целый день. Чтобы не замалчивать достижения гения, сообщаю, что добавил еще два знака после запятой.

— Не может быть!

Роксана хлопнула в ладоши, и Трою почти захотелось тоже прийти в восторг от двух знаков после запятой. Но он понимал, что сейчас не время для вопросов.

— Не веришь на слово? И правильно. Дай-ка я введу еще кое-какую информацию, а потом покажу. Трой, у тебя есть четвертак? Плата за вход в два этапа. Спасибо.

Боб положил монету на верстак, слегка поцарапал напильником и протянул обратно:

— Вот, смотри. Я нацарапал птичку возле хвостика парика старого Джорджа. Видишь?

— Вижу.

— На монете стоит дата: тысяча девятьсот шестьдесят пятый год. Тебе достаточно примет, чтобы отличить эту монету от любых других? Есть такие люди, которые всегда боятся, как бы их не надули.

— Я не заметил дату, когда передал тебе монету, — сказал Трой. — У тебя была возможность заменить ее похожей монетой, дубликатом.

— Ты прав. Рокси, ты с ним поосторожнее, парень ушлый. Ладно, мистер сообразяга, возьми напильник и поставь такую метку, чтобы ты отличил эту монету от всех других и удостоверился, что тебе не втирают очки.

Трой нацарапал крест на благородном лбу Вашингтона и вернул монету. Боб отступил и спрятал руки за спину.

— Нет уж, Фома неверующий. Ты ее сам положишь, вот сюда, под лазер, чтобы потом не говорил, что я ее в ладони спрятал.

На верхушке скалы было ровное место, посредине которого застыл рубиново-красный крест. Трой положил монету под луч и отступил назад.

— Эксперимент начинается, — объявил Боб, перебросив несколько тумблеров и глядя на цифры, поплывшие по дисплею компьютера. По

ним он настроил еще какие-то приборы и произнес: — Готово! Если вы, леди и джентльмены, соблаговолите присоединиться ко мне за этим вот изолирующим барьером, то мы счастливо избежим образования искр. Рекомендую встать на резиновый коврик и взяться рукой за медный рельс. Трой, на твоей армейской наручной луковице есть секундомер?

— Есть.

— О'кей. Заведи его и запусти, когда я толкну рукоятку. Давай!

В воздухе резко затрещало, и вокруг металлических поверхностей засветился коронный разряд. Свечение исчезло так же быстро, как и возникло, и Боб вывел их обратно к установке. Скала была пуста.

— Где твоя монета? — спросил Боб.

— Нету.

— Ну ты и востроглазый!

— Спасибо на добром слове. Куда она девалась?

— Правильнее было бы спросить: «Когда она девалась?» Смотри внимательно. Должно быть точно семнадцать секунд. Вот!

Монета появилась снова там же, будто никуда и не исчезала. К ней никто не подходил, и ближайший аппарат стоял в двух футах. Трой

рефлекторно нажал кнопку секундомера. Семнадцать и семь десятых. Он взял монету. Царапина на месте и крест тоже. Год 1965-й.

— Классно, Боб, — сказал он, зажав монету в кулаке. — А теперь не будешь ли ты столь любезен объяснить мне, что, черт побери, с ней произошло?

— С удовольствием. За счет расхода электроэнергии примерно на четыре бакса твой четвертак был послан вперед по направлению времени точно на семнадцать секунд. Нам, наблюдателям из стационарного потока времени, показалось, что монета исчезла. Однако она не исчезла, она находилась здесь же, на скале, только на семнадцать секунд позже. Через эти самые семнадцать секунд нам показалось, что она появилась, что на самом деле неверно. Она была там, а нам понадобилось семнадцать секунд, чтобы до нее добраться. А теперь самое время сказать: «Не верю ни единому слову».

Трой медленно разжал кулак и посмотрел на монету.

— Я верю, — сказал он и сам поразился хрипоте своего голоса. — Понять не могу, но верю.

— Мои поздравления, — сказала Роксана. — Подавляющее большинство тех, кто видел, просто

не верят своим глазам. Все настолько противоречит их восприятию мира, что принять это невозможно. Потому-то мы и занимаемся этими игрушками, помечая монеты. И все равно почти никто не верит, пытаясь разгадать трюк, с помощью которого их надули.

— Один генерал ткнул в скалу перочинным ножом, — сказал Клейман. — Божился, что она картонная. Вон, видишь царапину? Лезвие сломал.

— Я верю вам, — сказал Трой. — Хотя у меня чуть-чуть крыша едет. Она в обе стороны работает?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ее послал вперед во времени, а назад можешь?

— Теоретически — да, — сказал Клейман, выключая какие-то кнопки. — Но пока мы не знаем. Мы экспериментировали с частицами, потом с объектами чуть побольше. Они исчезали из виду и никогда не появлялись снова. Так что нам пришлось вернуться к столу и пересмотреть всю теорию до начала новой серии экспериментов.

Трой пытался представить себе все возможности машины. Но его беспокоила мысль, что машина была связана с делом полковника Мак-

калоу.

— А посылать можно все, любой предмет?

— Пока что все, что передавалось, — передавалось. Ты имеешь в виду что-то конкретное?

— Золото?

— Почему бы и нет? В твоем четвертаке было серебро, и следы золота тоже могли быть. Нет проблем.

Нет? Одна по крайней мере была, и большая. Что общего у этой машины, золота Маккалоу и будущего, если прошлое исключается? Ничего не придумаешь. И голова начинала болеть.

— Спасибо за демонстрацию, Боб. И за помощь.

— Всегда рад, заходите еще. Слушай, а ты зачем здесь? Или это секрет?

— Ничего секретного. Я из службы безопасности и провожу расследование, которое касается некоторых здешних сотрудников. Вот мне и понадобились детали проекта.

— Безопасность? Отлично! — Боб перегнулся через консоль и отсоединил разъем. — Ты-то мне и нужен. Я целый день пытаюсь связаться со старым брюзгой, этим вашим Маккалоу, а в ответ получаю одни извинения.

Трой взглянул на Роксану и увидел на ее лице собственную тревогу.

— Зачем он тебе нужен? — спросила Роксана.

— Чтобы делал свою работу, вот зачем. — Он выпрямился и махнул в ее сторону концом кабеля. — Меня заставляют писать отчеты да еще кричат, что крайний срок — вчера, но разве я жалуюсь? Пока есть Харпер, ассистент, на которого я сваливаю бумажную работу и который никогда не опаздывает и никогда не болеет. А сегодня он не только опоздал, но вообще не пришел. Телефон у него дома не отвечает. И старый брюзга, когда он нужен, тоже отсутствует. Может, ты знаешь, что здесь происходит?

Глава 12

— Именно такими делами я и занимаюсь, — сказал Трой, стараясь ничем не выдать, насколько для него важно услышанное. — Я проверю, что тут делается, и доложу тебе. А на твоем месте я бы не волновался по этому поводу.

— Это я волнуюсь? Я просто зарабатываю себе язву. Небольшую. А потом я буду сидеть до полуночи, делая его работу после своей. Будешь говорить с Харпером, не забудь про язву.

— Спасибо за демонстрацию, — сказал Трой.

Клейман в ответ приподнял воображаемую шляпу и отвернулся к своей машинерии.

— Кто этот Харпер? — спросил Трой.

— Алан Харпер, — ответила Роксана. — Электронщик, волшебник в своем деле. По-моему, ты забеспокоился. В чем дело?

— Что-то не так. Слишком много совпадений, чтобы они оказались случайными. Маккалоу исчез — и Харпер одновременно с ним.

— Ты думаешь, они заодно?

— У меня нет данных, даже чтобы гадать, и я очень надеюсь, что это не так. Однако связаны они или нет, дело серьезное. Особенно если Хар-

пер имел доступ к секретной информации. Что ему известно о проекте «Гномен»?

— Все, — ответила Роксана, заражаясь его тревогой. — Пойдем в кабинет. У меня есть его домашний адрес.

Трой набрал номер и услышал длинные гудки. С каждым гудком внутреннее напряжение росло. Дом был в Бетезде, недалеко. Придерживая трубку плечом, он вынул из бумажника визитную карточку инспектора полиции.

— Не отвечает? — спросила Роксана.

— Нет. У вас тут есть автомобиль, который я мог бы взять?

— Панелевоз и фургон, вообще-то…

— Фургон, если можно.

Он нажал на рычаг и быстро набрал номер инспектора:

— Алло, мне нужен лейтенант Андерсон. Лейтенант Хармон. Нет на месте? Вы можете с ним связаться по радио? Хорошо, скажите ему мой номер. Срочно. Скажите, что это по делу об убийствах на Коннектикут-авеню.

Через минуту позвонил Андерсон и, ни о чем не спрашивая, согласился на встречу на шоссе Шеви.

Трой с трудом вел фургон по Окружной, выдер-

живая пятьдесят пять миль в час. На выезде 33 он свернул и стал искать нужную улицу; свернул на нее и увидел полицейскую машину. Трой подъехал, из машины вышел лейтенант Андерсон.

— Что случилось? — спросил Андерсон.

— Я сейчас из лаборатории, в которой полковник состоял начальником службы безопасности. Один из главных работников сегодня не вышел на работу. На телефонные звонки не отвечает. Возможна связь с делом Маккалоу.

— Или нет. Что еще расскажешь?

— Честно говоря, ничего. Кроме того, что работа высшей секретности и высшего приоритета.

— Поверю на слово. Но мы не можем просто по подозрению высаживать дверь. — Он посмотрел на старый многоквартирный дом. — Он женат?

Трой покачал головой:

— Нет. И живет один.

— Если человек не реагирует на звонок в дверь, мы можем заподозрить болезнь или несчастный случай. Это достаточное основание, чтобы просить суперинтенданта открыть дверь.

Супер был небрит, ворчлив и явно только что проснулся.

— А чего вам от него надо?

— Нам от него ничего не надо, — терпеливо

объяснял Андерсон. — Мы проводим расследование по заявлению об исчезновении человека. От вас требуется только открыть дверь и войти вместе с нами.

Супер не проявил ни малейшей охоты к сотрудничеству, но позолоченная бляха Андерсона оказалась мощным аргументом. Ворча себе под нос, суперинтендант вошел с ними в лифт. Он не только не брился, но и мыться явно не любил. Когда на пятом этаже дверь лифта открылась, Трой с Андерсоном облегченно вздохнули. Звякая большой связкой, супер долго выбирал нужный ключ. Дверь открылась, Андерсон вошел первым. Шторы были задернуты, и всюду включен свет.

— Мистер Харпер, — позвал Андерсон, — вы дома?

Ответа не было.

— Трой, постой здесь с супером, а я посмотрю.

Трой молча глядел, как он прошел по гостиной и заглянул в спальню. Открывая дверь ногой и ни к чему не прикасаясь. В спальне, очевидно, было пусто, потому что он повернулся и направился в кухню. Там он остановился в дверях, заглянул внутрь, повернулся и пошел обратно, что-то вытаскивая на ходу из кармана. Вынув одну из своих карточек, он протянул ее суперинтенданту:

— Позвони по этому телефону. Спроси инспектора сержанта Линдберга. Прочти ему мое имя с карточки и скажи, где я нахожусь. Скажи, чтобы прислал бригаду по расследованию убийств.

— Слушайте, мистер, у меня есть своя работа. Мне некогда тут раззванивать для всех, кто…

Тут до него дошло, что было сказано. Он вытаращил глаза и сделал шаг назад, потом захлопнул рот, повернулся и побежал.

— Мертвый? — спросил Трой.

— Исключительно. Пойди посмотри.

Алан Харпер лежал на спине, раскинувшись на кухонном полу. Рядом валялся разбитый стакан, молоко из него затекло ему под голову и уже высохло. Выкаченные глаза застыли, рот скривился в беззвучном крике боли.

— Чем он убит? — спросил Трой.

Андерсон пожал плечами:

— Ни оружия, ни ран не видно. Скоро узнаем. Тебе это здорово не в жилу?

— Не говори. Теперь еще важнее раскопать, не был ли этот человек связан с Маккалоу. Я возвращаюсь в лабораторию. Номер телефона у тебя есть, спросишь службу безопасности. Сможешь мне сообщить, что с ним случилось?

— Без проблем. Но мне придется задать тебе

несколько вопросов о покойнике.

— Ладно. Я расскажу тебе все, что еще не засекретили. А сейчас мне надо поднять его личное дело.

Трой направился прямо к зданию службы безопасности. Сначала ему нужны были какие-то факты, чтобы ответить на несколько вопросов. Внутри здания чувствовалось напряжение, готовое вот-вот разразиться взрывом. Когда вошел Трой, три сидевшие в комнате девицы старательно отвернулись.

— Кто здесь старший? — спросил Трой. Не получив ответа, он показал на блондинку с роскошными локонами. — Вот вы, мисс. Будьте добры подойти сюда. Как вас зовут?

— Дэйзи, — ответила она почти шепотом.

— Вот, Дэйзи, мое удостоверение и допуск…

— Я в этом ничего не понимаю. Я просто технический работник.

— Я знаю, но… Ладно, кто здесь главный?

— Полковник Маккалоу.

— И это я знаю, но, когда его нет, кто его замещает?

— Никто, сэр. Полковник всегда здесь.

— А сейчас его нет, и что-то с этим надо делать. Если он никого не оставил за себя, то он должен

был доложиться по начальству. Кому он подчиняется?

— Министерству обороны, сэр.

Трой постарался не скрипнуть зубами.

— Это мне известно. Но кто… Ладно, бог с ним. Свяжитесь с Пентагоном и найдите генерала Стрингхэма. Если это невозможно, попросите полковника Буркхардта. Я буду говорить с любым из них.

Генерала нашли только через пятнадцать минут, но это помогло. Дэйзи вытаращила глаза.

— Вы здесь главный, сэр! Так они сказали. Лейтенант Хармон — это вы?

— Верно. А теперь достаньте мне секретное досье одного из работников лаборатории. Некоего Алана Харпера.

— Да, сэр. Сейчас сделаем распечатку из компьютера.

Чтобы заставить компьютер найти нужную запись, потребовалось больше времени, чем ожидалось. Трой, слыша шепот в соседней комнате, методично осматривал стол полковника. Дэйзи нерешительно вошла в кабинет с единственным листком бумаги в руках. Трой поднял глаза.

— Я не знаю, что случилось, лейтенант Хармон, но у нас не получается. Мы не можем найти

досье мистера Харпера. Наверное, компьютер сломался, но все остальное, что мы запрашиваем, он выдает.

Трой взял листок и заметил, что рука у нее дрожит. Трой прочел листок и сказал:

— Спасибо, Дэйзи. Кто имеет доступ к файлам компьютера?

— Мы. То есть все девушки из отдела.

— Понимаю. То есть вы имеете право и вводить информацию, и запрашивать?

— Нет, сэр. Мы не знаем пароля для ввода или изменений. Только полковник Маккалоу. Мы делаем распечатки, ищем, что нам скажут, ну и…

— Спасибо, Дэйзи. Пока все.

Зазвонил телефон в офисе, и через минуту загудел телефон у него в кабинете. Он поднял трубку, не сводя взгляда с лежащего перед ним листка.

— Лейтенант Хармон.

— Хармон? Это лейтенант Андерсон. Причина смерти Харпера установлена. Отравление. Стрихнин. Очень болезненно и очень быстро. Яд в стакане с молоком и в пакете на столе.

— Самоубийство?

— Непохоже. В холодильнике еще один пакет молока, и тоже сильно начинен стрихнином. Дальнейший осмотр установил наличие прокола

под заклейкой. Возможно, вещество введено в пакет шприцем. Самоубийцы обычно так не поступают.

— Зато так мог бы поступить убийца. У меня есть для тебя подозреваемый. Полковник Уэсли Маккалоу.

— Есть основания для подозрения?

— Наверняка. — Трой так сжал распечатку, что она порвалась под пальцами. — То, что я тебе сейчас скажу, пока еще не зафиксировано. Но только полковник Маккалоу имел доступ к секретным личным делам. И дело Харпера он начисто стер. Полностью. На этом месте осталось только сообщение для того, кто следующим обратится к этой записи.

— Можешь его пересказать?

— Конечно. Оно короткое. Вот такое:

«Черномазый, я же сказал, что ты меня не найдешь».

Глава 13

— Вот уже неделя, как исчез Маккалоу. У тебя есть чтонибудь новое?

Они опять сидели не в кабинете у адмирала, а в комнате для совещаний. Здесь адмирал мог откинуться на стул и расслабиться, затягиваясь трубкой, но, хотя его тело отдыхало, разум был все так же остер, и Трой поежился под его проницательным взглядом.

— Не так много, как мне хотелось бы, — сказал Трой, вытаскивая пачку бумаг из лежащей перед ним папки. — Единственное, чем мы располагаем, — это дополнительные вопросы.

— Какие?

— Первый, и самый главный: зачем полковнику потребовалось убивать Алана Харпера, электронщика из лаборатории?

— Ты уверен, что убийца — он?

— Полиция настолько уверена в этом, что выписала ордер на его арест. Маккалоу абсолютно не пытался замести следы. В ближайшей к его дому аптеке нашелся подложный рецепт на его имя. Рецепт выписан на большую дозу гидрохлорида стрихнина, того самого, что был найден

в молочных пакетах. Графолог утверждает, что рецепт написан самим Маккалоу, а доктор вспомнил визит Маккалоу несколько месяцев назад под предлогом проверки секретности.

— И тогда же он мог сунуть в карман рецептурный бланк?

— Верно. Но при всей очевидности связи Маккалоу с убийством нам абсолютно неясен его мотив. Однако я хочу проследить, чем он занимался в лаборатории «Уикс электроникс». Я уверен, что есть связь между золотом, исчезновением Маккалоу и убийством. Вас уже информировали, чем занимается лаборатория?

— Нет. Но я, по твоему предложению, отправил запрос соответствующим властям. Они ответили, что я проверен и имею право на получение любой засекреченной информации по проекту, который они назвали «Гномен». Так что можешь мне рассказать, чем они занимаются и как это связано с нашим делом.

— Так будет гораздо проще изложить мои предположения. Позвольте взглянуть на разрешение?

Адмирал вынул изо рта трубку и откинулся назад в настоящем или деланом изумлении:

— Я твой начальник, мой мальчик, и можешь

поверить мне на слово.

— Не имею права, сэр, — серьезно отозвался Трой. — Но я мог бы связаться с генералом Стрингхэмом…

— Нет необходимости, вот разрешение.

Он вынул конверт из кармана куртки и передал через стол. Трой открыл конверт, чувствуя, что он выдержал экзамен, хотя не предполагал, что подвергается ему. Прочитав документ и посмотрев на подпись, он вернул конверт.

— Эта комната защищена от подслушивания, адмирал?

— Проверяется дважды в день. Можем считать, что защищена.

— Хорошо. Итак, ученые в этой лаборатории построили машину времени…

— Я бы попросил тебя сохранять серьезность, — нахмурился адмирал.

— Никогда в жизни не был серьезнее. Она еще дорабатывается, но уже построена и действует. Вопрос в том, как ее хотел использовать полковник Маккалоу. Харпер мог в этом участвовать, поскольку он хорошо разбирался в работе машины. Его убийство, возможно, объясняется тем, что он знал о планах полковника. А также знал и о том, что собирается делать с золотом полковник

Маккалоу.

— Если машина времени работает — а я воспринимаю сейчас эту гипотезу, не рассматривая всех ее невероятных последствий, — то я немедленно могу предложить хороший план. Можно послать золото назад самому себе. Так можно сделать состояние. Инвестируй его из десяти процентов годовых — и меньше чем за тринадцать лет капитал утроится. А послать его на тридцать лет назад — ха! — Адмирал вытащил калькулятор и быстро пощелкал кнопками. — Вот тебе и ответ, Трой. За тридцать лет десять тысяч дадут — ого! — больше ста семидесяти четырех тысяч долларов. А золота у него гораздо больше десяти тысяч долларов. Вот тебе и мотив.

— Возможно, сэр, но машина времени не работает назад. Она посылает предметы только в будущее.

— Тогда не проходит. — Адмирал нажал «сброс» и сунул калькулятор в карман. — Что еще удалось найти?

— Кое-что. Капрал Мендес не замешан. Он грубил мне, поскольку Маккалоу сказал ему — цитирую: «Там сильно нарывается какой-то ниггер из военной полиции». А вот расследование, которое я запустил насчет полковника,

принесло кучу информации. — Он постучал по толстой пачке бумаги. — Здесь основные сведения. Разрешите мне доложить о самых важных. Прежде всего, Маккалоу врал в сведениях о себе еще с момента прихода в армию. Он поступал на офицерские курсы, но провалился из-за плохого школьного аттестата и неудачи на экзаменах. Поэтому он выслуживался, с трудом перебираясь от звания к званию. Далее. Каждый, с кем он общался, знал, что он происходит из знатной южной семьи, пережившей упадок после Гражданской войны. Он про это прожужжал уши всем, кто соглашался слушать. Его семья гордо хранила свое историческое имя и была в родстве со знаменитейшими фамилиями Юга. Среди его предков — генерал Конфедерации Бен Маккалоу. Благородная история.

— Действительно. Что здесь не так?

— Все. Все вранье. Полковник — выходец из белого отребья, и со своими родичами он не знается с тех пор, как ушел из дома. Они все, можно сказать, захребетники и паразиты, и все, кого мы нашли, живут на пособие.

— Что же здесь недостойного? Парень из глубинки пробился наверх. Американская повесть об успехе.

— Не совсем. Маккалоу очень старался скрыть от всех свое происхождение, а сам — скрыться от родичей. Насколько нам известно, только один из них его разыскал и нанес ему визит. Двоюродный брат, который приехал к нему в Форт-Дикс. Маккалоу так его вздул, что тот три недели провалялся в больнице. Речь шла о судебном разбирательстве, но братец снял обвинения и уехал домой. Ходили слухи, что от брата откупились приличной суммой.

— Он мне все меньше и меньше нравится, ваш полковник. Еще что нашли?

— В прошлом году у него объявились интересы, не вяжущиеся с его биографией. Вы помните, он никогда не читал, никогда не покупал книг, в кино не ходил и даже телевизор не смотрел. Все переменилось сразу и вдруг. Он начал покупать книги, ходить по музеям и библиотекам, и мне очень любопытно почему. Ребята из ФБР запустили в компьютер все, что мы нашли, и теперь обсчитывают тренды, тенденции и что-то там еще, что может помочь понять мотивы его поступков. А через час у меня встреча, которая может многое прояснить.

Трой встряхнул письмом:

— Полиция перехватывает всю почту, которая

приходит Маккалоу. Вот это письмо пришло с утренней почтой. Куратор из Смитсоновского института немедленно требует встречи по важнейшему делу. Он, очевидно, не знает, что полковник пропал. Я договорился с ним от имени полковника.

— Это не имеет смысла, — сказал адмирал и заглянул в трубку, будто надеялся там что-то найти.

— Пока не имеет. Но будет иметь. Просто надо сложить вместе всю мозаику и посмотреть, на что это будет похоже.

Уже сидя в захламленной приемной Смитсоновского института, Трой подумал, что хорошо бы, если бы ответы на вопросы обладали той ясностью, которую он пытался придать им в разговоре с адмиралом. Но ясность появится, обязана появиться. Ответ может быть невероятным, зато ясным.

— Мистер Драйер вас ждет, — позвала секретарша.

Трой вошел. Вместо мундира на нем был черный костюм, а сверху плащ.

— Вы не полковник Маккалоу! — Драйер в негодовании отпрянул назад. Он был тощий, длинный как жердь, на нем болтался изрядно по-

трепанный пиджак. В сочетании с морщинистой шеей и редеющим ореолом седых волос картина являла собой все признаки развивающегося старческого слабоумия, если бы не черные глаза, ясные, молодые и проницательные.

— Нет, я не полковник Маккалоу. Моя фамилия Хармон. Я занимаюсь…

— Род ваших занятий меня ни в коей мере не интересует. Мне требуется обсудить с полковником некоторые конфиденциальные вопросы, так что будьте добры вернуться к нему и сказать, что он должен прийти лично. Он знает почему.

— Я бы тоже хотел знать почему, мистер Драйер. Вот мое удостоверение. Полковник в данный момент находится под следствием. Мы надеемся на вашу помощь, а если у вас есть сомнения, я могу попросить вас позвонить в Пентагон…

— У меня нет никаких сомнений, молодой человек. Я по долгу службы имею дело с военной документацией и легко могу отличить настоящее удостоверение от поддельного. По поводу чего следствие?

— К сожалению, эта информация засекречена. Однако могу вас заверить, что полковник Маккалоу в данный момент увидеться с вами не может. Вся его корреспонденция передается в полицию,

и таким образом ваше письмо попало ко мне.

Драйер пригладил волосы (они тут же снова встали дыбом).

— Хорошо, я больше ни о чем не спрашиваю. Но все это гораздо более неприятно, чем то, что я собирался обсудить с полковником. Я хотел ему указать, что некоторые взятые им документы принадлежат библиотеке и, вообще говоря, не должны были бы выходить из этого здания. Разумеется, для военных такого ранга иногда делаются исключения, связанные с содержанием нашего фонда.

— Простите, а каково его содержание?

— Технологические архивы армии Соединенных Штатов. Нам предоставляют материалы как военные власти, так и частный бизнес. Наши фонды не являются открытыми, но любой квалифицированный исследователь может получить к ним доступ. Разумеется, и военный исследователь в ранге офицера.

— Простите, а что именно содержится в архивах?

— Книги, модели и документы, относящиеся к истории военной техники Америки — от зарождения нации и до наших дней. У нас есть довольно редкие образцы первых нарезных орудий и даже

рабочие чертежи первых танков…

— Вынужден согласиться, что это впечатляет. Но мне больше хотелось бы узнать, в чем заключались интересы полковника Маккалоу.

— История легкого стрелкового вооружения. Он — пехотный офицер, так что это понятно. Полковник в этой области действительно весьма эрудирован, и я со всей ответственностью могу сказать…

— Разумеется, мистер Драйер. — У Троя было ощущение, что, если он немедленно не перебьет мистера Драйера, остаток жизни ему придется провести, внимая бесконечной лекции. — Но что именно взял и не вернул полковник Маккалоу?

— Некоторые синьки. Снятые с чертежей автомата «стен». Точнее, автоматического карабина «стен» модели два, калибра девять миллиметров.

— Никогда о нем не слышал.

— Трудно предположить обратное. Он не выпускается уже около сорока лет. Однако в некоторых военных кругах он достаточно известен, а синьки представляют собой определенную историческую ценность. Я хочу, чтобы они были немедленно возвращены. В этом случае инцидент будет исчерпан. Однако вы понимаете, что

пропажа исторических документов — дело весьма серьезное.

— Действительно, — согласился Трой. «И убийства, — подумал он, — тоже. Но как они связаны с древним автоматом?» — Вы не знаете, почему полковник интересовался конкретно этим видом оружия?

— Я уверен, что без какой-то особой причины. Я вам говорил, что он интересуется оружием такого типа. Он еще увлекается сравнением различных марок оружия и часто, когда ему в руки попадала настоящая вещь, указывал мне на тонкости, которых я сам не замечал. Я искренне надеюсь, что по окончании данного неприятного инцидента…

— Извините, что позволяю себе вас перебить, но вы сказали: «Когда ему в руки попадала…» Вы храните модели?

— Нет, сэр, не модели, а настоящие вещи. Много устаревшего оружия нам передает армия, и частные коллекционеры с нами делятся.

— Может быть, стоит взглянуть на эту старую машинку?

Это может что-то прояснить в интересе Маккалоу, да и Драйер будет счастлив ее показать.

— Он вообще-то не для общего обозрения, — объяснял Драйер, отпирая дверь и ведя Троя

в темный подвал здания. Там пахло пылью и ружейным маслом. — Мы готовим экспозиции для музеев и выставок, когда нам отпускают на это средства. Ну, конечно, только дубликаты. Некоторых видов оружия у нас несколько экземпляров, а лучшие образцы мы сохраняем. Сюда, пожалуйста.

В темноту уходили шеренги металлических коробок. На полках таблички, которые Драйер внимательно разглядывал. Около одной из них он остановился.

— Вот он. Сейчас я его разверну.

С этими словами он вынул из коробки брезентовый сверток и осторожно развернул. Оружие в свертке было покрыто толстым слоем смазки. Драйер повернул автомат в руках.

— Нет, не этот. — Он аккуратно завернул ткань обратно. — Это интересная модификация, с глушителем, применялась во время Корейской войны…

Драйер неожиданно замолчал, вынув из коробки кусок брезента, потом уронил его обратно. Пошарив в темноте коробки, он отступил на шаг.

— Что случилось? — спросил Трой.

— Не понимаю. Я сам его сюда положил. Даже

помню как. Но его нет. Как это может быть?

В самом деле, как? Маккалоу, конечно. Только зачем? Тайны, тайны… Что могло значить последнее открытие?

Глава 14

Приятно, когда благословенная осень золотит и багрянит листья, выехать из города по шоссе, проходящему мимо мемориала Джорджа Вашингтона. Внизу, в крутых лесистых берегах, вьется река, и пейзаж успокаивает и навевает мысли… если только миновал час пик и шоссе не забито намертво пресловутым столичным потоком машин. Сейчас, однако, в этот послеполуденный час, поток несколько иссяк, и Трой мог не думать о дороге. Он ехал от Смитсоновского института, глубоко погрузившись в тревожные мысли. Зацепиться не за что. Неожиданно для себя он обнаружил, что едет к Пентагону. Там тоже нет ответов. На следующей развилке он свернул в противоположную сторону, к северу.

Интуиция подсказывала, что все кусочки мозаики уже собраны. Но картинка не складывалась. Как увязать в одно целое золото и убийства да еще прицепить к ним синьки и оружие из музея? Они, конечно, связаны, но как? И конечно, ключевой камешек — машина времени. Все странности Маккалоу начались с его приходом в проект «Гномен». Его там что-то заинтересова-

ло, и он начал думать, ходить в музей, а потом покупать золото. Явно так. Значит, ответ надо искать в лаборатории, а именно — проследить за всеми движениями Маккалоу с момента его назначения. И начать надо сейчас.

Трой нажал на газ и поехал на предельно разрешенной скорости, сворачивая на развязку с Окружной дорогой. В лаборатории он заглянул в службу безопасности. Почты не было. Он хотел было поговорить с директором, но передумал. Роксана уже помогла ему, чем могла. А то, что заинтересовало Маккалоу, находилось в лаборатории номер девять. Туда Трой и направился.

Боб Клейман сидел за столом, глядя в пространство поверх чашки остывшего кофе. Он повернулся на звук двери:

— Умер? Убит? Вот прямо так и убит? У меня в голове не укладывается, да, трудно поверить, честно говоря… Мы же с ним работали тут еще в пятницу вечером. Может, еще можно было что-то сделать?

— Да нет, Боб. Когда мы нашли тело, было поздно. К тому времени он уже был мертв.

— А если раньше? Если бы я сначала позвонил в полицию, вместо того чтобы шляться тут и груши околачивать…

— Не грызи себя, Боб. Он умер где-то в субботу, так что в понедельник ты ничего не мог сделать. Однако кое в чем ты еще можешь помочь.

— Ты что имеешь в виду? — Боб глотнул холодного кофе, скривился и отодвинул чашку.

— Ты бы мог помочь мне найти убийцу. Полиция уверена, что знает убийцу.

— Правда? В газетах ничего не писали.

— Это пока не для публики. Смерть Харпера — часть гораздо более важного дела, и оно засекречено по высшей категории. Я имею в виду исчезновение полковника Маккалоу.

— Тайна, которая, извини меня, не стоит возни. Если старый брюзга исчез, то, ей-богу, никто о нем скучать не будет.

— Даже если он убил Харпера?

— А это он? — Клейман повернулся вместе со стулом. — Он и есть тот момзер, который убил Алана Харпера?

— Мы почти уверены. А я не меньше уверен, что убийство, исчезновение и еще кое-что, о чем долго рассказывать, связаны с проектом «Гномен».

— Как?

— А это я пойму из твоего рассказа.

Клейман озадаченно покачал головой:

— Ты меня сильно сбил с толку, Трой. Что я

тебе могу рассказать такого, что поможет тебе в расследовании?

— Ты можешь рассказать подробнее о проекте. Я понимаю дело так, что какой-то аспект вашей работы привлек внимание полковника. И вот, чтобы понять, какой именно, я должен узнать все, что знал полковник Маккалоу. То, что он мог узнать сам и что мог рассказать ему Харпер. Для начала давай вспомним, какие у них были отношения. Они были друзьями?

— Насколько мне известно, нет. Если припомнить, они вообще почти и не разговаривали. Так, знаешь, восстанавливая свои впечатления, могу сказать, что Харпер побаивался Железного полковника и даже тихо его ненавидел. Пару раз я заметил, как Алан смотрел ему в спину, и физиономия у парня так перекашивалась, будто он убить его хотел. Но он никогда об этом не говорил.

— Что-то между ними было — иначе полковник не стал бы убивать его. Зачем ему это понадобилось? Может быть, Харпер что-то про него знал, или узнал, что Маккалоу что-то делает в лаборатории, или…

— Не годится. Полковник — тупица без всякого воображения. Я не уверен, что у него хватило

бы интеллекта сменить пробку. Чтобы он работал с высокоточной электроникой — это просто бубкес.

— Существенная информация. Теперь мы знаем, что работать в лаборатории в одиночку он не мог. Если он пользовался машиной времени, ему нужен был помощник. Мог им быть Харпер? Ты сказал, что Харпер его не выносил. Значит, Харпер мог работать под принуждением — что объясняет и его неприязнь. Маккалоу, пользуясь свои положением, мог его шантажировать.

— Похоже на правду. И дальше что?

— Полковник с Харпером могли получить доступ к здешнему оборудованию?

— Почему бы и нет? Вечером я обычно уходил, а Харпер оставался на ночь работать. Всю профилактику и настройку он делал с вечера, так что утром я мог сразу приниматься за эксперименты. До обеда Харпер вообще не приходил. Такое расписание устраивало нас обоих.

Трой поскреб челюсть и окинул взглядом комнату, набитую непонятной машинерией. У него было чувство, что ответ в этой комнате, рядом, протяни руку и возьми.

— Так, значит, они вдвоем могли гонять машину и ставить неутвержденные эксперименты?

— Не думаю. Во-первых, я бы им этого не разрешил.

— А как бы ты узнал?

— Хороший вопрос. — Клейман встал и быстро заходил по комнате — так ему легче думалось. — Могла бы остаться запись в книге, однако я не уверен. И потом, охранники фиксируют приходы и уходы. И что? Видно, на месте человек или нет, но что он там делает — поди пойми. Включали они машину или нет? Не знаю. Если они и записывали опыты, я этих записей не видел. Этого теперь не выяснить.

— Но нам придется это выяснить. Ты подумай. Может быть, где-то есть книга регистрации включений, или индикатор, или там счетчик…

— Слушай, Трой, это огромный и сложнейший аппарат ценой в миллиард баксов, а не конторский ксерокс со счетчиком копий. Он целиком экспериментальный, и таких узлов в нем просто нет.

— Я понимаю. Но все-таки хоть что-то регистрируется? Какие-то расходные материалы, ну вроде сварочных электродов или угольных стержней для дуговых ламп?

Клейман качнулся назад и сцепил руки перед лицом.

— О господи, Трой! Ты блуждаешь в техническом средневековье. О высоких технологиях ты хоть что-нибудь читал? Вот корейцы, те даже на них разбогатели. Неужто ты ничего не слышал о полупроводниках или интегральных схемах? Мы не используем электронных ламп или элементов накаливания, а уж тем более твоих сварочных электродов или угольных стержней. И выключателей у нас нет, и без реле обходимся. Сейчас все делается на интегральных схемах, а это один большой кусок камня. Единственный движущийся элемент — электроны, а их не видно. Расходуемые материалы — только бумага для принтера да электричество.

— Ну ладно, электричество. Счетчик у вас есть? Записи о том, сколько его ушло, ведутся?

— Да нет. Я полагаю, раз в месяц приходит счет, как в любую другую контору. Это не по моей части. Я только знаю, что его уходит чертова уйма. Бывает даже, что на станции вырубаются автоматы и им приходится подключать резервную линию…

Клейман запнулся и уставился прямо перед собой. Потом заморгал и медленно повернулся:

— Ты знаешь, кто ты? Ты гений. Ты Шерлок Холмс из Болотного Угла. Ты в науке не понима-

ешь ни бельмеса и все время вел меня за ручку к правильному ответу. А я — дубарь. Без твоего пинка в зад я бы ни за что не вспомнил.

— Чего не вспомнил?

— Был случай, когда электрическая компания подняла бучу, а мы тоже возбухли насчет того, что у нас эксперименты пропадают, когда отрубается ток. Тогда-то мы и поставили монитор на линию, чтобы точно знать, сколько мы оттуда высасываем, и сообщать им, сколько они нам должны гарантировать.

Трой чувствовал, что они близки к ответу.

— Что за монитор?

— Ну, этот монитор — не железка. Они-то хотели поставить какой-то из стандартных самописцев, но видел бы ты это уродство. Скрипит пером, плюется чернилами и ляпает кривульки на круглом барабане. Знаешь, нам не хотелось, чтобы у нас стоял такой уродец и мазал красными чернилами все вокруг. Технология каменного века. Помню, они пытались его поставить, но мы его выбросили. У нас вся аппаратура управляется от центрального компьютера. Там в нем хрен знает сколько оперативной памяти и до фига дисковой, ну, еще встроенные часы и еще куча прибамбасов. Так кто-то из наших программистов написал

программку-монитор для слежения за расходом электроэнергии, и все были счастливы. У нас были все записи, которые нам требовались, и жизнь стала прекрасной.

Трой был озадачен:

— Но этот ваш компьютерный счетчик сняли, когда он стал не нужен?

— Ты не понял. Мы ничего не добавляли и не присоединяли никаких счетчиков. Мы написали программу, инструкцию для компьютера, чтобы он для нас запоминал некоторые факты. Его работа не видна, пока кто-то не захочет взглянуть на результат. Мы добавили еще пару собственных штучек для записи экспериментов. В те первые дни это нам очень пригодилось.

— Больше вы этой программой не пользовались?

— Мы ни разу больше не адресовались к результатам. Если ты хочешь добиться толку от нас, усвой этот профжаргон. Программа запущена, и она работает, пока ее не снимут. — Он обвел рукой ряды стальных ящичков. — Это все здесь, и мне надо только спросить.

Трой уставился на гладкие дверцы.

— Ты серьезно? И мы можем найти записи обо всех экспериментах?

— Каждый может. Надо только правильно спросить.

— Так спроси!

— Не моя работа. — Клейман потянулся к телефону. — Наш век — это, молодой человек, век специалистов. Я — физик, а не технолог. А вот кто нам нужен для этой работы. Нина Васселла, наш главный программист. Она знает… Хелло, это Нина? Нина, come sta? Bene?[15] Рад слышать. Слушай, у нас тут в девятой задача как раз для тебя. Что? Конечно сейчас. Ну, будь лапонькой. Хорошая девочка. Вот спасибо! — Он повесил трубку. — Сейчас она спустится.

Нина была темноволосой, миниатюрной, миловидной и знала свое дело.

— Программу? Конечно помню. С тех самых пор, как я ее писала.

— Она еще работает?

— Несомненно. Если кто-то из вас, безруких гениев космических теорий, полез бы в систему, она бы сломалась. А я сама эту программу не снимала. Так что она там до сих пор тикает. Сейчас посмотрим.

Она подтянула стул к терминалу и подняла

---

[15] Примечания: 15
Как вы? Хорошо? *(ит.)*

сиденье под свой рост. Сидя она не доставала ногами до пола и обернула их вокруг ножки стула, как девочка. Но что делать, она знала хорошо.

Пробежав пальцами по клавиатуре, она открыла меню всех работающих программ, вызвала нужную и просмотрела. Через тридцать секунд она показала пальцем на строчки цифр, бегущих по экрану:

— Вот она. Готова и ждет.

— Класс! — Клейман потрепал ее по плечу. — Ты гений, доченька. А теперь сделай нам, пожалуйста, распечатку.

— Ты серьезно? Здесь два года накопленных данных слежения. Как насчет энергетического кризиса и дефицита бумаги?

— Таковы правила игры. Давай.

Она нажала две клавиши, и принтер возле дальней стены загудел и начал гнать бумагу. Печатающая головка почти беззвучно моталась вперед и назад, и в приемном поддоне вырастал штабель готовой бумажной ленты.

— Это все, что вам, гениям, было нужно? — спросила Нина.

— Спасибо, детка. Я тебя вспомню в своем завещании.

Когда принтер наконец замолчал, Клейман

оторвал бумагу и перенес на свой стол стопку листов толщиной в книгу.

— А теперь посмотрим, сказал слепой, — пробормотал Клейман, переворачивая пачку и разглядывая последние страницы. — Вот так, правильно, это я делал сегодня утром. Теперь чуть назад, последняя пятница, перед тем как пропал полковник… Мам-ма миа!

— Что там такое?

— Вот оно, в субботу поздно вечером, когда замыкался выключатель. Энергия, друг, вот она! Не знаю, что они тут делали, но энергии сожгли столько, что можно было бы иллюминировать Чикаго. Мы даже одной десятитысячной от этого количества за один раз не брали. Удивительно, что они не сожгли ни одной схемы. А это что? Не верю, не может быть! Столько не бывает!

Он показал на строку в распечатке, ткнул в группу цифр, которая, на взгляд Троя, ничем не отличалась от других на той же странице. Клейман внимательно просмотрел другие страницы, а затем вернулся к первой.

Он с сомнением покачал головой:

— Смотри, вот здесь. Полярность тау-входа изменена. Так быть не должно. Мы так не делали — вот посмотри. Результат был отрицательный,

и мы от этого подхода ушли.

Трой что было сил сдерживал нетерпение.

— А что оно значит, это самое «тау»? Почему оно тебя волнует?

— Меня оно не волнует — это просто невозможно, вот и все. Так сделать нельзя. Но так было сделано.

Клейман выпустил бумагу, и она скользнула на пол. Он повернулся к Трою, и лицо его вытянулось, а голос охрип:

— Что бы там ни было послано во времени, оно не было послано вперед. Оно было послано в обратном направлении. В прошлое.

Глава 15

Трой без всякого сомнения воспринял путешествия во времени как факт. А почему нет? Он вырос в век технических чудес. Сначала атомная бомба, задолго до его рождения, потом реактивный самолет, летящий быстрее звука, орбитальные спутники, телевизор, передающий в прямой эфир высадку человека на Луну. Новшества сыпались из лабораторий, как из рога изобилия, и он, как и большинство, уже не интересовался, как это все работает. Работает — и хорошо. В армии приходилось использовать ракеты с электронным наведением. Нажал кнопку — и пошла.

А здесь ты нажал другую кнопку, и что-то поехало сквозь время. Никакой разницы. Единственный вопрос — для чего использовалась машина? Что послали через время Маккалоу с Харпером? Золото? А что они с ним хотят сделать? А если не золото, то что?

При такой постановке вопроса ответ становится очевидным. Осколки ложатся в узор. Трой повернулся и позвал Клеймана. Тот не услышал. Физик что-то бормотал, разгребая кучу бумаж-

ных листов распечатки. Трою пришлось позвать погромче.

— Что? — Клейман заморгал, отвлекаясь от своих мыслей. — Ты что-то сказал?

— Я спросил, можно ли по этим цифрам сказать, какой предмет они послали.

— Ты имеешь в виду его массу? Да, я могу. Надо посчитать по формуле, учесть расход энергии по отношению к параметру тау и аспект фактора…

— А прямо сейчас, грубо, можешь сказать, какой была эта масса?

— Мы использовали малые объекты, но теоретически ограничения на массу нет. Создай большое поле — и можешь двинуть, к примеру, памятник Вашингтону. Теоретически такая возможность не исключена.

Следующий вопрос Трой задал после паузы:

— А если это правда, то есть возможно, можно ли послать через время человека?

— Ну почему же нет? Масса есть масса… — Клейман остановился и взглянул на Троя. — И ты о том же подумал? О странном исчезновении полковника?

— Возможно. Становится понятной куча разных вещей. И способ совершения грубых убийств — просто важно было выиграть время. И его

очевидное безразличие к оставленным следам. Ему все равно, что он натворил, раз ему не грозят последствия.

— Ты прав, ему было наплевать. Если бегство сквозь время возможно. Мы до сих пор не экспериментировали с живыми существами. А эксперимент может оказаться смертельным. Мы же не пробовали.

— Так попробуй.

— Сказано в духе чистой науки. И я знаю, что нам нужно.

Клейман обошел вокруг стола и нашел телефонный справочник. Проверив номер, он защелкал кнопками телефона.

Потом откинулся в кресле, положил ноги на стол и слушал редкие гудки.

— Хьюго, ты? Да, Боб Клейман. Да, давненько. Контора большая, все перегружены. Слушай, у меня к тебе, если у тебя есть две минуты, вопрос. Отлично. Помнишь, я полгода назад давал тебе маленький тау-генератор для исследования воздействия тау-поля на живую клетку? Ну и что? Ладно, отрицательный результат — тоже результат. А многоклеточных ты тоже пробовал? Тоже хорошо. Белые мыши? Я мог бы помочь. Верно, я думал, что тебя заинтересует. Ты мне пришли

какую-нибудь, которую любишь меньше других. Ну я же не знаю, что с ней будет после прохода через пространственно-временной континуум. Ну ты гигант! Спасибо.

Он повесил трубку и повернулся к Трою:

— Он уже послал к нам человека с мышами. Сейчас поставим эксперимент и ответим на один из твоих вопросов.

Белая мышка была очень маленькой, с розовыми глазками и розовым носом. Она сидела в клетке и чистила усы передними лапками, не проявляя никакого интереса к тому, что клетку ставили на стенд под лазерную метку.

— Разряд! — скомандовал Клейман, нажимая кнопку. Клетка исчезла. — Я ей дал полных пять минут. За десять секунд до возвращения сработает сигнал. Дай-ка мне еще раз распечатку, тут есть о чем подумать. У меня такое чувство, что эти юмористы проделали эксперимент, о котором мы даже не думали. Они нашли способ проверки и экспериментально проверили теорию без возникновения парадокса времени.

— Не врубился.

— Извини. Однако рассуждения об обращении времени волей-неволей приводят к старой хохме насчет того, что случится со мной, если я вернусь

в прошлое и убью своего деда, пребывающего в младенческом возрасте.

— А что случится?

— Вот в этом весь вопрос. Если я его убил, то я не смогу родиться, а если меня нет, то я не могу вернуться в прошлое и убить его, поэтому…

— Парадокс?

— Именно. Поставить эксперимент, который его прояснит, невозможно. Однако очень короткие перемещения во времени не делались. Мы знали об этом еще до начала работы.

— Ты мне ничего не объяснил, и я понятия не имею, о чем ты.

— Это же очевидно. Мы никогда ничего не находили на точке передачи на скале — значит, ничего из никогда не посылали назад. Если бы мы неожиданно что-нибудь нашли, это значило бы, что оно прислано нам из будущего в то время, в которое мы его найдем, а следовательно, в будущем мы должны произвести этот эксперимент и послать это в прошлое. Выглядит несколько сложно.

Трой расхохотался:

— Для тебя сложно, а подумай, каково мне! Все это не по моей части! Я после школы попал в колледж, доучился до степени бакалавра в области

истории, потом меня вдруг дернули в армию. Пару лет я служил живой мишенью, и пришлось научиться отстреливаться. После войны остался в армии. Большую часть истории я уже забыл, зато хорошо выучил современное вооружение и знаю, как остаться в живых, когда целая кодла пытается тебя прикончить. В твоих словах я понимаю не больше, чем — как ты сказал? — бобкес?

— Отличное слово на идише. Означает козьи катышки. Но…

— Ну ладно, все равно я должен понять — и надо с чего-то начать. Ну, например, зачем здесь скала?

Клейман взглянул на монолит серого гранита над бетонным полом и пожал плечами.

— Это как раз просто. Думая о времени, не следует упускать из виду физические перемещения. В пределах некоторого временного интервала происходят не только перемещения людей и вещей, но и перемещение самой Земли вокруг Солнца. И сама Солнечная система движется в межзвездном пространстве. Но с этой сложностью нам, слава богу, возиться не приходится. Тау-поле работает в так называемом мировом времени. Это значит, что объекты смещаются во времени, но не в пространстве. Объект с верхуш-

ки скалы попадет в будущее через пять минут, а скала будет на месте, и он снова окажется на верхушке. Потому-то мы ее и используем. Если бы мы использовали какой-нибудь стенд, оставался бы шанс, что кто-то его передвинет. Объект переместится туда, где стенд был раньше, — а теперь его нет. Бум! Объект хлопнулся на пол. Затем-то здесь наша лапушка-скала. Твердая, из стопроцентного гранита. Она стоит тут уже пару миллионов лет и, даст бог, простоит еще столько же. Предварительные исследования выполнялись еще до меня, но, я так понимаю, геологию тут исследовали серьезно. В сущности, лабораторию построили именно здесь потому, что на этом месте была скала…

Его прервал звонок. Трой повернулся к скале как раз вовремя, чтобы заметить появление клетки. Мышь спокойно сидела на месте, а когда Трой просунул палец сквозь прутья, обнюхала его.

— Еще один ответ! — радостно завопил Клейман, хватая клетку и улыбаясь ее жизнерадостному обитателю. — Тебе пошло на пользу путешествие во времени. Как бодрящее. Эта мышь прекрасна, как никогда. Хьюго будет счастлив. — Он стал серьезным. — Так, вот еще один ответ на твои вопросы. Железный полковник мог уйти

этой дорогой. Как и почему, я понятия не имею.

— Вот это мы и должны узнать. Слушай, ты здорово меня продвинул. Не мог бы ты еще и узнать, как далеко в прошлое он забрался?

— По этим цифрам и в данный момент я практически ничего не могу сказать. Надо откалибровать — и мы можем сэкономить время, если поймем, каким образом Маккалоу и компания калибровали свои эксперименты. Для начала обратимся к формуле, по которой рассчитывали смещение в будущее. Правда, у нас нет гарантии, что в обратном направлении формула даст ту же точность. Однако Маккалоу и Харперу пришлось выполнить калибровку, иначе они бы не решились на большое путешествие. Если так, мы должны отследить их путь, получить результаты и воспользоваться ими. А ну-ка посмотрим, где они. Слушай, пока я вожусь тут с распечаткой и ищу их следы, сварганъ пару чашек кофе вон в той кофеварке. Я быстро.

Быстро не получилось. Они уже допивали кофе, когда Клейман нашел нужную запись.

— Эврика! На случай, если твоего классического образования не хватает, сообщаю, что по-гречески это означает «нашел». Вот здесь у них пробные эксперименты, целая куча… а вот и

большой. Его-то я и искал. Смотри, сколько тока спалили! Упаси боже показывать счет за энергию налогоплательщикам. Так, теперь быстро посчитаем.

Клейман дважды проверил цифры, и результаты повторились. Он черкнул что-то в блокноте, оторвал листок и перебросил его Трою:

— Десятое декабря тысяча девятьсот сорок первого года.

Трой взглянул на листок.

— Это дата прибытия?

— Верно. Туда было доставлено нечто весом около пятнадцати килограммов. По крайней мере, я считаю это датой прибытия. В оценке массы я уверен, однако дата получена просто обращением формулы для расчета смещения в будущее. Она может быть неточной, но мы ее проверим так же, как и они. Посмотрим газеты. Что бы это ни было, но оно по необычайности своей должно было попасть в газеты. Бешеный волк, двадцать пять двухголовых замороженных цыплят в чешуе или не знаю что, но не могло оно проскочить мимо газет.

— Ты уверен?

— Не-а. Но для начала это неплохая теория. Слушай, давай поделим работу? Я покопаюсь

в этой распечатке и выясню, сколько раз они посылали и в какое время. А ты тем временем съезди в «Вашингтон пост», посмотри их подшивки того времени. Если не найдешь, посмотри немножко вперед и назад. Должно быть хоть что-то, иначе Маккалоу не решился бы на свой сволочной план.

— Согласен. Ты еще сколько здесь будешь?

— До твоего звонка. — Клейман положил руку на сердце и поднял глаза к потолку. — Да простит меня небо, ибо я нарушаю святое правило смываться с работы в пять и выпивать первый мартини в пять тридцать. Но нет жертвы, которой я не принес бы для дела. Иди, о воин, и возвращайся со щитом иль на щите. Мне нужны хорошие новости — или никаких. Ты можешь.

«А почему бы и нет, — думал Трой, ведя машину в город. — Будем держаться того, что у нас есть, пока не нападем на след. Должно получиться, раз получилось у Маккалоу».

У «Вашингтон пост» хранение подшивок было поставлено как следует. Все предыдущие выпуски доступны для просмотра или покупки. Однако в целях экономии места по прошествии нескольких недель со дня выпуска газеты переводились на микрофильмы. Трой заполнил требование на

ролик за декабрь сорок первого года и вызвал клерка нажатием кнопки. Ждать пришлось долго. Клерк не соизволил появиться, пока Трой не позвонил еще раз.

— Терпение, о брат мой. Хладнокровней.

Это был молодой мулат с хорошо выраженными африканскими чертами и копной волос размером в добрых восемь дюймов. Взяв у Троя требование, он скрылся между полками. Но вернулся тотчас и отдал Трою требование.

— Не получается, — сказал он. — Никак не могу выдать этот ролик.

— Почему?

— А потому, что его здесь нет, земляк. Случается. Кто-то не поставил на место, или какой-то олух ушел прямо с ним. Таков наш мир. И случиться это могло довольно давно, я полагаю. Редко бывают запросы на такую старину, и ролика могли не хватиться. Но как бы там ни было, а его нет, точно.

Глава 16

Полковник успел раньше их.

Трой посмотрел на листок требования и понял, что они угадали верно. Маккалоу уже был здесь, нашел, что хотел, и замел следы.

— А за предыдущий месяц или за следующий? — спросил Трой.

— Ну такой уж день у тебя сегодня, что тебе офигенно не везет. На каждом ролике у нас подшивка за четыре месяца. А то, что ты просил, точно посередине.

— Ладно, но это же копии. У вас хранятся где-то исходные экземпляры фильмов?

— Ну есть, конечно, резервные копии для восстановления испорченных. В наши дни люди потеряли уважение к собственности. Извозят пальцами чужую вещь или исцарапают до полной негодности, и приходится восстанавливать. Однако это требует времени, друг. Сегодня же поставлю в заказ, но получишь не раньше, чем через три дня.

— Времени у меня нет. А на исходную копию нельзя взглянуть?

Клерк покачал головой:

— Никак. У нас тут правила. Оригиналы только в хранилище. И мне никоим образом не разрешено выдавать их. Тебе придется чуток остынуть и прийти, когда отпечатки будут готовы.

Они были одни в комнате. Трой вынул из кармана бумажник и извлек купюру в двадцать долларов. Положил ее на конторку; клерк следил за его руками.

— Нельзя ли сделать некоторое исключение из правил?

Клерк отступил назад и оглянулся:

— Человек! Ты пытаешься меня подкупить?

— Да.

— Годится. Старые клуши, которые тут командуют, мне давно уже поперек горла.

Бумажка исчезла, и через пятнадцать секунд на ее месте появился микрофильм. Клерк прижал палец к губам:

— Пусть это будет нашей маленькой тайной. Иди к первому аппарату и верни мне ролик, когда будешь смываться.

— Спасибо. Мне ненадолго.

Оказалось, надолго.

За десятое декабря не нашлось ничего подходящего при самом тщательном поиске. Для гарантии пришлось просмотреть номер три раза.

«Ладно, продолжим. Боб Клейман сказал, что не уверен в точности даты. Будем искать дальше».

Через час он нашел.

То самое. Подходило идеально. Маленькая заметка на второй странице.

> «УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ В МЭРИЛЕНДЕ
>
> Таинственные взрывы и вспышки. Тревога населения. Сотни человек были встревожены угрозой немецкого вторжения из-за серии взрывов и вспышек, разорвавших тишину ночи близ Кливерволла. Вызванные полиция и пожарные легко нашли источник беспокойства, поскольку взрывы продолжались около двух часов на некотором скалистом массиве вблизи фермы Сондерса. Как сообщил репортерам шеф полиции О'Салливен, это работа хулиганствующих идиотов. Была найдена металлическая коробка с сигнальными ракетами, применяемыми на флоте для подачи сигналов бедствия. Инициаторов хулиганской шутки обнаружить не удалось».

Это было оно. Никаких сомнений. Трой вернул ролик и получил отпечаток страницы. Выйдя,

он попал в густой поток машин — служащие возвращались по домам. В лабораторию удалось вернуться только после шести.

— Вам просили передать, — сказал охранник на въезде, — доктор Клейман в кабинете директора.

— Спасибо, уже иду.

Когда Трой вошел, Роксана Делькур стояла у открытого бара, смешивая приличную порцию коктейля. Боб Клейман уже отоварился большим бокалом.

— Ну и как? — спросил он.

— Отлично, — ответил Трой. — Маккалоу или кто-то другой украл микрофильм с газетой, но мне удалось раскопать дубликат. Вот фотокопия за ту же дату.

— Выпьешь? — спросила Роксана, пока Клейман изучал вырезку. Она передала Трою бокал. — Боб поймал меня уже на выходе и рассказал, что вы нашли вдвоем. Он думает, что ты сыщик получше Дика Трейси.

— Так оно и есть. Вот спасибо, как раз то, что нужно. — Трой щедро глотнул. — Просто мы упорные. Маккалоу оставил след — и мы по нему пошли.

— Теперь легко говорить. Но если бы не ты, мы бы не нашли ничего. Ты понимаешь, кроме

дела Маккалоу, твоя находка еще колоссально сдвинула нашу работу. Мы, случалось, попадали на реверсное тау, но экспериментов в эту сторону не планировали. Совершенно новое направление исследований, и все благодаря тебе.

— Слушайте, не надо — у меня и так голова пухнет. Я рад, что помог вашей работе, но пока у меня и своей полно. Маккалоу — вор и убийца, и, пока я его не поймаю, я занимаюсь только этим, и ничем другим.

Клейман протянул Роксане фотокопию вырезки.

— Мало шансов поймать беглеца, который дернул сквозь время. Если твой полковник это сделал, уймись.

— Почему же?

— Хотя бы по одной простой причине: если он отправился более чем на пятьдесят лет назад, он уже наверняка мертв и дело закрыто.

— А если он ушел назад всего на несколько лет и прихватил с собой золото? Тогда он где-то здесь, и я рассчитываю его найти. Поэтому — второй вопрос, и очень важный: если он использовал машину времени, как далеко он мог уйти? Как ты думаешь, последний большой эксперимент — это его?

— Не знаю. После твоего ухода я отвлекся и не закончил расчетов. Понимаешь, результаты нашего расследования оказались такими впечатляющими, что я начисто забыл о его причине. Ты прости меня, тупоголового, сейчас подсчитаю.

— Сначала допей, — заметила Роксана. — Забыл так забыл. Ничего уже не изменишь, и пять минут ничего не решают.

— Верно, — согласился Трой. — Но я все равно хочу знать дату, чтобы понять мотивацию.

— Я тебе предложил, помнишь? — спросил Клейман. — Отправить золото назад, инвестировать, вернуться в настоящее, а теперь шлепай в банк — и ты миллионер.

— Не годится, — сказала Роксана. — Ты забыл самое важное.

— Верно, — согласился Клейман, — не сработает. Дорогато в один конец, разве что ты прихватишь с собой всю девятую лабораторию. Кто этого не сделал, тот не собирается вернуться. Однако мою теорию это не опровергает. Просто возьми с собой эту кучу золота в тридцатый год, во времена депрессии, когда ликвидных активов почти не было, — и ты богач. Могу спорить, что именно так он и поступил.

Трой покачал головой:

— Не звучит, Боб. Хорошо, но не для этого человека. Насколько нам известно, материальные потребности полковника Маккалоу удовлетворялись полностью. Проще говоря, все, чего ему хотелось, было у него здесь и сейчас. Уходить в прошлое обогащения ради не имело смысла. И это не объясняет подбора книг и исследований, которыми занимался полковник. А кража синек и автомата? Нет, у него был другой мотив, и его надо найти.

— Вы правы, Шерлок, — согласился Клейман. — Найдите мотив — и вы найдете преступника. А потому пущу-ка я в работу мой верный ржавый калькулятор. Показания приборов у меня с собой… да, это мог быть человек. Масса объекта — девяносто пять и сорок пять сотых килограмма.

— Полковник столько не весит, — возразила Роксана.

— Не весит, — согласился Трой. — Если у него нет с собой чемодана с золотом на четверть миллиона.

— Разумеется. Посмотрим, что Боб сможет извлечь из цифр.

— Сначала я должен внести поправки, — бормотал Клейман, щелкая клавишами. — Дата прибытия далека от предсказанной. Если пе-

ревести разность в секунды и грубо оценить распределение…

Оба они молча смотрели на Боба, погрузившись в свои мысли. Роксану Делькур мало волновал полковник, с которого все началось, поскольку ей виделись широкие горизонты, уготованные неожиданным открытием. Какие дороги открывались перед проектом, которому она отдала столько сил и лет!

Трою нелегко было забыть Маккалоу. Дух убийцы, спрятанный под маской джентльмена, — и так хорошо спрятанный, что никто не заподозрил. Можно ли разыскать его и отдать в руки правосудия? Трудно сказать.

— Нашел, — сказал Клейман, пряча калькулятор в карман. — Это неточно, поскольку для скорости я кое-какие цифры округлил. Но ошибка не больше нескольких дней, максимум — неделя. Я глубоко уверен, что при допущениях…

— Роберт, — прервала его Роксана, — хватит лекций. Давай сюда дату.

— Ах да, извините, ребята. В пределах упомянутых мной допусков можно сказать, что масса чуть более девяноста пяти килограммов была отправлена назад на сто двадцать четыре года. Так что, Трой, можешь больше не искать старого

брюзгу. Он давно уже умер и похоронен. Однако основной вопрос остается открытым.

— Именно, — сказал Трой. — Его мотивы.

— Совершенно верно. За каким лешим расставаться с удобствами, бедами и антибиотиками двадцатого века ради ухода в год от Рождества Господа нашего тысяча восемьсот пятьдесят восьмой?

Глава 17

Пачка документов, составлявших дело Маккалоу, имела внушительный вид. В сложенном виде она достигала тридцати сантиметров высоты. Трой перенес их с Массачусетс-авеню в кабинет здания охраны лаборатории, который раньше занимал полковник. А теперь — он. Их лучше изучать именно там, где полковник работал.

Полковник Уэсли Маккалоу, для своих — Уэс. Трой устроился за столом, подтянул к себе разлинованный желтый блокнот и написал наверху страницы слово «Уэс». Он хотел понять этого человека, влезть в его шкуру и взглянуть на мир его глазами. Ключи к разгадке были где-то в этой пачке документов. Если изучить их как следует, понять движущие пружины этого человека, причины всех событий всплывут сами собой.

В одиннадцать он прервался, чтобы выпить чашку кофе, потянуться и выпрямить спину. Сидеть за столом несколько утомительно. Зато желтый блокнот заполнялся и сквозь записи проступал пунктирный контур человека. Отрываться Трою не хотелось. Он отнес кофе в кабинет и подошел к окну, как это много-много раз мог

делать полковник. Ему хотелось увидеть заоконный пейзаж точно таким же, каким его видел Уэс Маккалоу.

Мысли Троя прервал стук в дверь.

— Меня зовут ван Дайвер, — сказал стоящий в дверях человек в мундире. — Майор ван Дайвер.

Он вошел в комнату, и Трой увидел за его плечом целую группу военных, потом дверь закрылась.

— Могу ли я спросить, какого черта здесь делается? — спросил Трой.

Майор кивнул головой с жиденькими белесыми волосами, и его розовые щеки зателепались, как у бульдога. Белые зубы явно были искусственными, а водянистые голубые глаза за стеклами очков в стальной оправе помаргивали.

— Я вас освобождаю. Вот приказ. Отдан в Пентагоне сегодня утром. Лей-те-нант…

Последнее слово он произнес врастяжку, с натянутой холодной улыбкой — чуть-чуть высунулись и спрятались снова зубы за тонкими губами. Похоже, верхняя челюсть была плохо подогнана и он все поправлял ее языком. Стараясь не обращать на это внимания, Трой прочитал все официальные документы. Они были в полном порядке. Колеса военной машины наконец за-

вертелись и выбросили его из дела. Трой вернул документы:

— Хорошо, майор. Мне нужно полчаса для очистки стола и сбора документов…

— Нет. Все бумаги останутся здесь, а вот вы уберетесь немедленно. Мои люди не в курсе, но я знаю, что здесь происходит. И я знаю, что вы — всего лишь сержант, прикомандированный к одному из секретных подразделений. И когда я сказал, что я вас освобождаю, сержант, это означало, что вы свободны с этой минуты. В любом смысле. Мне не нужны эти чертовы секретные службы, которые поналезли всюду при нынешней администрации. Армия в состоянии провести расследование по делу своего офицера — на то у нас и военная разведка, и контрразведка. Вы этим занимались на вашем уровне — что-то там про золото. То дело закончено, а это гораздо более важное. Вы отстранены. Документы остаются здесь. Надеюсь, вам все ясно. Свободны, сержант.

Трой открыл рот — и медленно закрыл его. Он получил приказ. Все. Точка. Ничего, что могло бы изменить ситуацию, он сказать не может. Все, что он сделал, что еще собирался сделать, все его теории никому не нужны. Его выгнали, и все. Выбора у него нет, и изменить ничего нельзя.

Трой щелкнул каблуками по стойке «смирно» и отдал честь. Майор ван Дайвер вернул приветствие. Трой повернулся на каблуках, подошел к двери кабинета, открыл ее и вышел. Через приемную, не глядя по сторонам, на автостоянку к машине. Он выехал и направился к воротам, которые открылись при его приближении. Охранник кивнул ему, и он, проезжая, помахал рукой. Только отъехав на приличное расстояние, он почувствовал, как его отпускает напряжение. Он улыбнулся, потом рассмеялся в голос.

— Отстранили! — крикнул он, когда здания в зеркале заднего обзора уменьшились и исчезли совсем. — Новый приказ! Дело поступает в распоряжение специалистов! Ну давайте, работайте, гвардии мудаки правительства Соединенных Штатов! Ничего-то вы не найдете. Вы, болваны, даже забыли изъять у меня пропуск.

Он похлопал себя по карману, где лежал пропуск. Он по пунктам знал, что они собираются делать. И знал, как мало они найдут. Так им и надо. Это его дело, и он еще над ним работает. Или нет? Это будет решать адмирал. С ним-то и надо повидаться. Трой направился в город. По дороге ему попалась закусочная для водителей, и он вспомнил, что уже шесть часов ничего не

ел. Покончив с сандвичем, он позвонил из будки секретарше адмирала. Да, адмирал на месте. Да, примет его через тридцать минут.

Адмирала Колонна действия армии по отношению к Трою не удивили ни в малейшей степени. Слушая подробности, он посасывал трубку и кивал.

— Это СОП. Наше агентство выполнило свою работу — мы сторожили сторожа и доложили результат. Сторож исчез. Дело вышло из нашего круга обязанностей. Им занимаются те, кому полагается, а мы отходим в сторону. Стандартная оперативная процедура. Дело закрыто.

— Извините, адмирал, но не могу с этим согласиться. Вы дали мне задачу: узнать, зачем полковник покупает золото. Задача не выполнена. Во время ее выполнения Маккалоу исчез, совершив несколько преступлений, которые сейчас расследуются полицией и военной разведкой. Все согласно уставу. Но исходное дело все еще открыто и не доведено до конца.

Адмирал наклонил голову:

— Я понимаю твою точку зрения. Но что мы можем сделать такого, чего не могут другие отделы?

— Я могу обнаружить, что произошло на самом

деле. У меня уже неплохие результаты — доклады вы видели. На самом деле я только начал. Должна быть связь между золотом, убийствами и кражами. Как только я пойму одно из этих действий, я пойму и остальные.

— Ты веришь, что сможешь?

— Думаю, что смогу, сэр. На дело затрачено столько времени и сил, и я прошу еще немного времени. По крайней мере разрешения испробовать свой шанс. Сэр, я еще занимаюсь этим делом?

Адмирал с минуту молча смотрел на него сквозь облако дыма.

— Занимаешься. Я согласен с твоими соображениями. В той мере, в какой это касается нашего отдела, расследование по полковнику Маккалоу продолжается. Что ты собираешься делать дальше?

— Просить вашего разрешения связаться со всеми агентствами, собиравшими для нас информацию, и запросить копии докладов. Майор так быстро вышиб меня вон, что я не смог взять даже свои заметки.

— Не получится. Согласны мы или нет, официально КССС выведено из этого расследования. Даже если я запрошу информацию, нам навер-

няка откажут.

— М-м-мать! — Трой вскочил и заходил по комнате, вбивая кулак в ладонь. — Полный нокаут. Без этих сведений мне этого парня не раскусить. Дурак я был. Мне бы сразу сделать копии с документов, как только я их получил!

Адмирал кивнул в знак согласия:

— Ты довольно поздно приходишь к выводу, который я сделал много лет назад. Следует установить стандартную процедуру: пришла бумага — немедленно сделать с нее копию и подшить. Полагаю, после вполне предметного урока ты согласишься с разумностью такого подхода.

— Так вы… так у этих документов есть копии?

— Разумеется. Я же сказал, что это стандартная процедура. Сейчас с них будут сняты дубликаты и посланы в тот ящик внизу, который служил тебе кабинетом. — Он поднял руку. — Не нужно благодарностей. КССС — мой отдел. И я не меньше тебя хочу, чтобы это дело было раскрыто, к нашему общему удовлетворению.

Трой не мог сдержать радость:

— Великолепно, сэр! Я должен вас благодарить, вы меня спасли. И я это дело расколю.

— Буду ждать твоего доклада.

Трой двинулся к двери, но вдруг обернулся:

— Могу я задать вам личный вопрос, сэр?

— Задать можешь. Ответить не обещаю.

— Ну, он не совсем личный, скорее — для информации. Сэр, что вы делали на флоте? Не поймите меня неправильно, я не критикую флот, но я смотрю, как вы управляетесь с отделом, и думаю, что, наверное, ошибался в представлениях о флотском порядке.

— И опять же, возможно, не ошибаешься. Флот вырабатывает привычку работать с книгой и не проявлять излишнего воображения. Может быть, поэтому я оказался здесь. Кроме того, я, может, никогда и не был на флоте. Посмотри на себя — разве ты лейтенант? Однако на тебе форма лейтенанта. И закончим на этом. Жду твоих докладов о ходе расследования.

Трой спустился в свой отсек и погрузился в работу. Бумаги расползались по столу и падали на пол, Трой перекладывал их, пытаясь как-то классифицировать. Только просмотрев все подробные доклады ФБР, он позволил себе передохнуть. Далее шли исследования личности Маккалоу, выполненные психиатром по данным личного дела и медицинской карты полковника.

Работа была выполнена трудная и очень фрейдистская. Много выводов основано на том, что

полковник рано покинул дом. Далее шли спекулятивные рассуждения на тему отторжения от матери и извращения братских чувств. Трой перелистнул несколько страниц и перешел к заключению.

«В силу изложенного я прихожу к заключению, ослабленному, к сожалению, как я упоминал ранее, отсутствием личного контакта с объектом и состоящему в том, что объект обладает сильной личностью параноидального типа и его приспособленность к жизни подвергается напряжению в силу наличия шизофренических тенденций. Он ощущает, что его обходят по службе менее квалифицированные работники и что его недостаточный успех является не следствием его собственных недостатков, а следствием пороков общества в целом. Служба в военных структурах приучила его действовать адекватным образом, несмотря на подобные настроения. Однако его послужной список, равно как и обвинения в убийствах, совершенных в период службы во Вьетнаме, хотя таковые обвинения были впоследствии сняты, свидетельствует о сильной склонности к человекоубийству. Он не теряет способности отличать правильное от неправильного, однако всегда полагает себя

правым и испытывает желание поступить по своей воле с тем, кого считает неправым. Наиболее серьезными для офицера действительной службы представляются его хотя и подавленные, тем не менее злобные и подразумевающие насилие антинегритянские побуждения. Этот вывод подтверждается его прежним членством в ку-клукс-клане. Наиболее глубокой мотивацией для объекта является ненависть, вызванная этими побуждениями. Я уверен, что он не сможет подавлять эти чувства еще сколько-нибудь продолжительное время».

— Для этого не надо быть психиатром, — сказал Трой, бросая документы на захламленный стол и брезгливо вытирая руку о брюки. — Я это знал с первого взгляда. Ну ладно, это хотя бы доказательство. Что я еще знаю?

Он брал документы по одному и откладывал те, которые казались ему существенными. При этом он рассуждал вслух, чтобы лучше сформулировать собственные мысли:

— Психиатр говорит, что у Маккалоу склонность к убийствам и что он сдвинулся на расизме еще в своем Миссисипи. К этому можно добавить полицейский рапорт о трех убийствах, совершенных им для сохранения в секрете своего плана.

Об этом плане мы знаем только то, что в нем участвует большое количество золота, а также автомат и полный комплект чертежей для его изготовления. Поскольку для приобретения этих предметов Маккалоу затратил значительные усилия, резонно предположить, что они представляют для него определенную важность. Если он отправился назад во времени, то он наверняка взял их с собой. В одна тысяча восемьсот пятьдесят восьмой год. Зачем? И почему в этот год? Что в нем особенного? Как я помню, ничего. Относительно спокойный период в истории Америки, в котором ничего примечательного не случилось. Много политических взаимодействий и трений между штатами, но до Гражданской войны еще два с половиной года. Не знаю я, что он задумал! — рявкнул Трой, неожиданно разозлясь и стукнув кулаком по стопке документов. — Знаю только, что какую-то гадость, мерзость какую-то! Будут убийства — иначе зачем ему оружие? И без волшебного зеркала могу сказать, зная полковника, что среди убитых будет много черных. Это уж будьте спокойны.

Однако злость — не решение. Мотивация поступков полковника должна быть найдена разумом и логикой, а не приступами эмоций. Трой

взял чистый лист бумаги и разделил его пополам вертикальной линией.

Вопрос: Что взял с собой полковник?

Ответ: Золото, автомат, чертежи автомата.

Вопрос: Как связаны между собой эти предметы?

Ответ: Неясно. Следует подумать. Золото — это деньги. Такие деньги, которые годятся в любое время и в любом месте. В 1858 год Маккалоу прибыл богатым человеком, и он явно собирается быть богатым на Юге. На Север он ни за что не поедет! Он нырнет в Дикси[16], добрый старый рабовладельческий Дикси. Там он будет дома. Так, для полковника, с его предубеждениями, это уже достаточная мотивация отправиться сквозь время. Жить на любимой земле в такие времена, когда слово «интеграция» вызывало чисто математические ассоциации. Прекрасно. Однако почему год 1858-й? Через три года — Гражданская война, и этот дивный мир полковника исчезнет навсегда. Вот если бы отправиться в 1830-й, он бы мог всю жизнь прожить, щелкая кнутом по черным спинам. И ему бы это нравилось. А в 1858-м оставалась всего пара лет такого удовольствия.

---

[16] Примечания: 16

Дикси — так в Америке называют южные штаты.

Но, кроме золота, он взял с собой автомат. Приближающаяся война — и смертоносное оружие. Вот это гармонировало. Это сходилось.

Трой вдруг с ужасом и отчаянием почувствовал, что нашел правду. Нет, это невозможно! Но это правда. Все сходилось.

Полковник отбыл назад во времени с золотом, автоматом и чертежами.

Психиатр предположил, что Маккалоу — параноик с криминальными отклонениями шизофренического характера. Иначе говоря, он сумасшедший. Сама его идея сумасшедшая. Самая сумасшедшая идея, которую когда-либо вымечтал самый сумасшедший псих.

Полковник Маккалоу отправился в прошлое для того, чтобы изменить исход Гражданской войны.

В измененной истории Юг должен был победить.

Глава 18

— В чем конкретно состоит ваш вопрос? Каковы особенности автомата «стен»? Боюсь, я не понял, что вы имеете в виду, сэр, — заявил Драйер. Куратор вертел в руках автомат, будто пытался прочесть на нем ответ.

— Я плохо выразил свою мысль, — сказал Трой. — Позвольте, я попробую снова. Мы с вами оба смотрим на автомат не так, как случайный наблюдатель. Вы — куратор технологического архива, специалист по оружию любых видов. Я — тоже специалист, поскольку применял его в деле. Равно как и полковник Маккалоу.

— Ах да, полковник. Вы тут несколько дней назад спрашивали о нем, я правильно помню? Вы нашли пропавшие предметы?

— Пока нет, но дело расследуется. Потому-то мне и нужна ваша консультация по поводу автомата, с которым ушел полковник. Что это за оружие? У него высокая точность попадания? Большая скорострельность или малая вероятность отказа?

— На самом деле как раз наоборот. Этот автомат разработали в страшной спешке в начале Второй

мировой. Скорострельность низкая, точность невысокая, а затвор часто заедает.

— Не слишком заманчиво, — заметил Трой. Он взял автомат и провел пальцем по грубым сварным швам, соединявшим ствольную коробку с металлической трубой, образовывавшей ложу. — И много их выпустили?

— Всего более четырех миллионов.

— Это же чертова уйма стволов! А зачем? Если оружие настолько плохое, зачем его шлепать в таких количествах?

— Вы, молодой человек, представьте себе тогдашнюю ситуацию. Германия выигрывает войну начисто. Франция и Нидерланды с Бельгией и Данией захвачены, и англичане противостоят мощнейшему врагу почти в одиночку. Современного оружия у них очень мало, если вообще есть. Несмотря на все уроки о значении современного оружия, которые гражданская война в Испании не просто преподала, а разжевала и в рот положила, Англия вступила в войну, вообще не имея на вооружении автоматического стрелкового оружия. Была паника, и вторжение немцев ожидалось в любую минуту. И любое оружие было лучше его полного отсутствия. Этот автомат, системы «стен», делался в страшной спешке. И,

несмотря на все упомянутые мной дефекты, он весьма прост в производстве. Субподрядчики его клепали буквально в переоборудованных амбарах и складах. И еще он был баснословно дешев. Каждый экземпляр обходился, если память мне не изменяет, в два фунта десять шиллингов. Меньше шести долларов. В наши дни многомиллионных систем в это трудно поверить. Потому-то их и штамповали миллионами. Маленький уродец-автомат — самое выдающееся оружие во всем арсенале союзников. И заметьте себе, это только первая модель. История второй модели еще интереснее.

Драйер отложил автомат в сторону и развернул другой, который принес из хранилища. Автомат был уродливее своего предшественника. На патроннике следы напильника, а на кожухе затвора грубая сварка. Драйер ласково по нему похлопал.

— Этих было сделано больше двух миллионов менее чем за два года. Возможно, самое простое из всех видов автоматического оружия и, уж наверное, самый простой пистолет-пулемет. Смотрите, ствол — просто стальная труба, закрепленная скобой на болтах, а ствольная коробка — кусок гнутой трубы. Ударный механизм — проще не бывает: боек да пружина. Нажал спусковой крю-

чок — и пошел палить. Пули разбрызгиваются, как вода из шланга. Смертельное оружие и очень простое.

— Простое — подходящее слово. Сделай его вручную, он не мог бы быть грубее.

Драйер усмехнулся и погладил автомат.

— Так оно и было, мистер Хармон. Во многих странах бойцы Сопротивления делали его вручную. Вот этот сделан в Копенгагене бойцами датского Сопротивления прямо под носом у немцев.

Кусочки плана Маккалоу вставали на свои места. Трой не очень помнил, какое оружие применялось в Гражданской войне, но таких автоматов в то время точно быть не могло. Полковник был сумасшедший, но совсем не дурак. Он разбирался и в оружии, и в тактике, и в войне. Он знал Вьетнам, где примитивная армия, не имеющая даже такого оружия, прилично потрепала армию страны с самой высокой в мире технологией. Маккалоу хорошо выучил этот урок.

— Что еще я мог бы вам сообщить?

Вопрос Драйера вывел Троя из мрачного раздумья. Он качнул головой:

— Спасибо, мистер Драйер, больше ничего. Ваша помощь неоценима. О дальнейшем ходе дела

мы вам сообщим. Однако между нами скажу: я полагаю, что чертежи и автомат вы можете списать как потерю. Они уже не вернутся.

— Боже мой, это очень плохо. Синьки восстановить можно, но само оружие было уникальным.

— Примите мои соболезнования, мистер Драйер. Еще раз спасибо за помощь.

Дорога до лаборатории была недолгой; у ограды охранник замахал Трою рукой. Уж не вспомнил ли майор ван Дайвер о его пропуске?

— Для вас сообщение, лейтенант. От доктора Делькур. Она просила вас сразу, как приедете, подняться к ней в кабинет.

— Спасибо, Чарли. Я прямо сейчас туда.

Чтобы не попасться на глаза охране, он объехал здание с другой стороны. Если они забыли отобрать у него пропуск, напоминать им он не собирается. По черной лестнице он поднялся на нужный этаж и вошел в приемную.

Секретарша сразу впустила его в кабинет. Там сидел Боб Клейман, откинувшись в кресле и держа в руках чашку кофе. Он замахал Трою свободной рукой.

Роксана подняла голову от бумаг на столе и улыбнулась:

— Заходи, Трой. Тебе передали мою просьбу? В

твоем офисе мне сказали, что тебя нет.

— Я все равно ехал сюда, и охранник у ворот сказал, что ты хочешь меня видеть.

— Я хотела тебе сообщить, что мы выделили то смещение времени, которое использовал Маккалоу. — Она оторвала полоску от листа бумаги на столе. — Он вернулся в эту дату — четвертое июля[17] тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года. Похоже, наш друг полковник — горячий патриот.

— Очень сомневаюсь. Здесь должна быть другая причина. Наверное, он хотел иметь гарантию, что его прибытие пройдет незамеченным. Четвертого июля народ смотрит парад и вообще занят празднеством.

— Ты прав. Я просто не подумала об этом.

— Я подумал, — серьезно ответил Трой. — Я в течение некоторого времени пытался влезть в шкуру полковника, рассуждать как он и реагировать как он. До некоторой степени я преуспел. Но в шкуре полковника не очень приятно. Он псих. Я не хочу вдаваться во все детали того, как я восстановил план полковника, но теперь я его знаю. Это может прозвучать несколько неожиданно,

---

[17] Примечания: 17

Четвертое июля — День независимости США, государственный праздник.

так что постарайтесь не смеяться.

— Во всем, что касается полковника, нет ничего смешного, — заметил Клейман. — Алан Харпер был моим другом. Отравление — ужасная смерть.

Они терпеливо слушали, сначала с недоверием, потом с возрастающим пониманием.

— То, что ты говоришь, может быть правдой, — заметила Роксана. — Идея сумасшедшая — но и полковник сумасшедший.

— Сдвинутый, как целый дурдом, — добавил Клейман. — И позвольте мне вам сказать, что я надеюсь, что Трой прав. Потому что тогда Маккалоу, с нашей точки зрения, давно уже помер. Какое-то время в прошлом он еще жил, но свой дурацкий план он не осуществил.

— Откуда ты знаешь? — спросил Трой.

— Потому что история не изменилась, друг. Как Юг проиграл войну, так оно и осталось.

— Здесь они проиграли войну, — сказала Роксана, — но в параллельной ветви, может, и нет.

Трой поднял брови:

— Я тебя не понял.

— Это одна из многих теорий о природе времени. Она отрицает наиболее распространенное представление о времени как о реке, протекаю-

щей из прошлого в будущее через настоящее и при этом неизменной. За ней можно наблюдать, но на нее нельзя воздействовать. Современная версия древнего понятия о предопределении, которое вступает в конфликт с понятием свободы воли. Если будущее неизменно, то мы — только игрушки в руках времени, живущие предопределенной нам жизнью и имеющие не больше свободы, чем актеры на экране кино. Если же воля человека свободна и мы имеем возможность изменять будущее, то с точки зрения этого будущего мы изменяем прошлое.

— Глубокая мысль, — встрял Клейман. — Физика, замешенная на философии. Именно этими вопросами нам придется заниматься сейчас, поскольку мы-то знаем, что путешествия во времени возможны. Это приводит нас к другой теории о природе времени, а именно: о возможности ветвления времени и параллельных временных потоках. Например, допустим, что англичане расстреляли, как изменника, Джорджа Вашингтона раньше, чем он победил. В этом случае США до сих пор были бы колонией Великобритании. Возможно, что существует вселенная, то есть мир, параллельный нашему, в котором это случилось. Таких вселенных может быть бесконечно много,

и каждая из них порождена вероятностью во времени, возможностью выбора, изменением, сделанным из другого мира.

— Сложная теория, — сказал Трой.

— Уж конечно, — согласился Клейман. — И мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если существует вселенная параллельных возможностей, нам без разницы, что там, в прошлом, сделал полковник Маккалоу. Нас это не затронет. Если он ничего не добьется, у нас все останется как было. Если он выполнит свой сволочной план, он создаст новую ветвь времени, и нас это опять-таки не коснется. Но если наше время можно изменить, а это не сделано, то его планы потерпели крах.

— Ты забыл еще одну возможность, — возразил Трой. — Допустим, его планы потерпели крах потому, что кто-то его остановил. Кто-то из настоящего, кто знал, что он задумал, отправился вслед за ним и помешал.

— Интересное рассуждение, — согласилась Роксана. — Но о его истинности принципиально невозможно сказать что-либо. Еще один парадокс времени. Либо полковник потерпел неудачу потому, что такова его судьба, и тогда его никто не должен был останавливать. Либо он был останов-

лен кем-то из настоящего, но, так как мы знаем, что его остановили, нам нечего беспокоиться. В любом случае что сделано, то сделано и дальнейшее уже не наша забота.

— Все еще не могу согласиться, — угрюмо заметил Трой. — Я не могу его забыть, этого полковника. И то, что он сделал, я тоже не забуду. И что он еще может сделать. Что бы вы ни говорили, а остановить его надо.

— Если это можно сделать — отлично, но как? — спросил Клейман. — Ты видишь, как непросто ответить на этот вопрос. От сегодняшнего правосудия он сбежал сквозь время. И проще всего нам действительно забыть о нем. Понимаешь, с точки зрения нашего мира он уже давно сдох и похоронен.

— Для нас сегодня все в порядке, — согласился Трой. — А что с теми, кого это затронет? Мы знаем, что он там, в прошлом, и с каким-то преступным планом в голове. Есть ли способ как-нибудь обезвредить его?

— Сомневаюсь, — сказал Клейман. — Что мы можем? Послать сообщение в полицию того времени? Предупредить, что некто Уэсли Маккалоу разыскивается полицией следующего столетия по обвинению в убийстве?

— Я понимаю, что это невозможно. Но у вас есть машина времени. Должен же быть какой-то способ ее использовать. Если бы мы могли послать за ним команду… даже и команду не надо, хватит одного человека. Одного определенного человека. Маккалоу этого не ждет, поскольку считает, что его след во времени не найти.

— Верно. Но, знаешь, ни от кого не потребуешь выполнения подобной задачи. Покинуть мир своего рождения, оказаться в прошлом, среди неизвестных опасностей, да еще знать, что дорога — в один конец, навсегда. Нет, Трой, даже и не думай. Полковник исчез — и скатертью дорога.

— Я знаю, что отсюда он ушел навсегда. Но меня мучает мысль, что где-то — или когда-то, если так вернее, — он творит какую-то мерзость.

— Трой, мы разобрали ситуацию в деталях, — мягко сказал Клейман. — Ты сам видишь, что нет никакой возможности хоть что-то сделать. Он ускользнул от сегодняшнего правосудия в прошлое, и лучшее, что ты можешь сделать, — это забыть его. Он умер и похоронен.

— Нет, — сказал Трой. — Не забуду.

Сказано это было твердо, но без эмоций. Он пришел к решению, о котором подсознательно думал уже несколько дней. Теперь он осознал его.

И понял, что это решение давно уже им принято.

— Маккалоу не удерет. Я пойду за ним.

Глава 19

Эти слова упали в наступившую тишину.

Клейман собрался что-то сказать, но передумал. Заговорила Роксана Делькур:

— Решение очень серьезное. Ты продумал его до конца?

— Вообще-то нет. Скорее эмоции, чем рассудок. Просто я взялся за это дело. Однажды я видел полковника, и он мне не понравился. Потом я видел, что он натворил, и знаю, что дальше будет еще хуже. Кто-то должен встать у него на дороге. И похоже, что этот «кто-то» — я.

— Слушай, — сказал Клейман. — Ведь это необратимо. Туда ты попадешь, а обратно никак.

Трой медленно кивнул:

— Я знаю. Но, в конце концов, это не так уж далеко. Все те же Соединенные Штаты нашей любимой Америки. Только чуть пораньше. Зато сколько новых впечатлений! Добавим, что терять мне тут особенно нечего. Можете назвать это депрессивным восприятием или неадекватной оценкой, но после смерти моей жены все в этом мире стало как-то не так. Уже почти два года. Перед смертью она долго болела. Ей несладко

пришлось, и меня это прилично стукнуло. Так что какое-то время я был готовым клиентом для восьмого отдела. Работа спасла. Вообще-то я не склонен к самоубийству, но… Извините, ребята, сам не знаю, с чего это я разговорился.

— Потому что мы — твои друзья, — ответила Роксана.

— Ты права. На военной службе друзья заводятся нелегко — переводы то туда, то сюда, особенно если работа вроде моей. Пока Лили была жива, в друзьях и нужды не было. Близких родных у меня нет, и ничто не мешает мне отправиться за полковником. — Он поднял глаза от сцепленных рук и улыбнулся. — Не то чтобы великий подвиг, но я собираюсь его совершить.

— Нельзя! — взорвался Клейман. — Посмотри, что ты бросаешь! Технологию, научный прогресс, потрясающие открытия двадцатого…

— Боб! Мне это все без разницы. У нас с тобой разная жизнь. Работу, которую делаю я, можно делать и в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом, и в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом. А чего мне в самом деле хочется, так это придавить эту сволочь. Ты мне поможешь?

— Нет, потому что это самоубийство! И я в этой дурости не участвую. И вообще…

Вспышка злости Боба тихо увядала под спокойным взглядом Троя. Боб опустил глаза.

— Ладно, ты меня уговорил. Но мне все равно не хочется. — Клейман вдруг заулыбался и потер руки. — Но слушай, какой эксперимент по изучению структуры времени! Сколько можно узнать нового! Слушай, пообещай нам помочь. Надо будет подумать, как ты сможешь с нами связаться, а, Роксана?

— Я думаю, мы обязаны помочь Трою, если он считает, что выполняет свой долг. Хотя бы из благодарности за то, что он открыл нам глаза на истинную природу нашей машины. Но ты должен представить свое предложение начальству, Трой.

— Не стоит. Они примут меня за сумасшедшего. По крайней мере мое армейское начальство. Вот адмирал Колонн, с которым я сейчас работаю, — тот поймет. И еще одна вещь: вам не придется об этом докладывать? Как бы не втравить вас в неприятности.

— Ничего серьезного, — успокоила его Роксана. — Мы составляем отчеты, но не обязаны описывать каждый эксперимент. Так что делай, что считаешь нужным, и не волнуйся за нас. И все равно мне хотелось бы, чтобы ты передумал.

— Спасибо тебе. Но я чувствую, что надо это сделать.

После принятия решения Трою захотелось побыть одному и обдумать все как следует. Тем более что обсуждать было больше нечего. Трой извинился и почти сразу ушел.

По дороге домой он заехал на Массачусетс-авеню за делом полковника. Ночной охранник его впустил, и он уже укладывал документы в конверт, когда заглянул адмирал.

— Ты круглые сутки, что ли, работаешь с этим делом? Что-нибудь понял?

— Да, сэр. Все свидетельствует об одном, но я не уверен, что вы согласитесь с моей теорией.

— Соглашусь, если она состоит в том, что полковник Маккалоу отбыл в прошлое с целью изменить исход Гражданской войны. Что уставился? Сядь и расслабься. И я тоже сяду, закурю трубочку и послушаю, как ты до этого дошел.

— Но, сэр… вы…

— Я тебя удивил? Почему? Я же видел все твои доклады и имел копии всех документов. И я стараюсь быть в курсе всех операций моего отдела. Особенно столь экзотических, как эта. Поначалу мне не верилось, что у тупого убийцы-полковника хватит на это воображения. Но постепенно все

стало очевидным. Его зацикленность на расе и классе, да к тому же еще ностальгия по старому, унесенному ветром Югу. В тот момент, когда ему стала известна сущность проекта «Гномен», идея должна была запасть ему в голову. А для такого плана сумасшествие только на пользу. Тем более что полковник осуществлял свой план наиболее разумным образом. Приобретение золота — наилучший способ перемещения капитала в другую эпоху. А по-настоящему мне открыла глаза история со «стеном». Простое и смертельное оружие, которое может сделать каждый имеющий опыт работы по металлу. Мы не знаем, что он конкретно собирается делать с автоматом, однако ясно, что ничего хорошего. Ты составил план своих дальнейших действий?

— Да, сэр. Я отправлюсь за ним.

— Хорошо. Полностью согласен. Ты пришел к единственно возможному решению. Кто-то должен его придавить.

— Однако кое-кто считает, что преследовать его — такое же сумасшествие, как и его бегство в прошлое.

— Я не «кое-кто». Я тот, кто руководит организацией исключительной важности. Мы, КССС, несем окончательную ответственность за без-

опасность нации. Очевидно, что мы обязаны защищать ее настоящее и будущее. Не так очевидно, что мы должны защищать также и ее прошлое. Полковнику Маккалоу нельзя позволить ставить под угрозу само существование нашей нации. Теперь я могу быть откровенным: мне очень приятно было услышать твое решение. При любом другом я вынужден был бы снять тебя с дела и откомандировать обратно. Теперь, к счастью, я этого делать не должен. Поздравляю. Хотя мы работали вместе недолго, скажу тебе, что ты лучший оперативник из всех, кого я знаю. Может быть, потому, что ты думаешь в точности так, как я. Сомнительный комплимент.

Трой улыбнулся:

— Может быть, но я его понимаю и принимаю. Спасибо. Но позвольте спросить: что бы вы сделали, если бы я не собрался вслед за ним?

— Мне бы пришлось отправиться самому. Никого другого послать в такую командировку, в один конец, я не мог. С другой стороны, есть очень серьезные силы, желающие моей отставки. А мне не хочется. Однако я не упустил бы шанса сделать то, что сделаешь ты. Уж если уходить из отдела, такая командировка куда лучше отставки. Тебе повезло, парень.

— В некотором смысле — да.

— Повезло. Тебя ждет такое приключение! Я даже завидую. Но перейдем к делу. Ты обсудил план с людьми из проекта?

— Да, сэр. Они согласились помочь.

— Иначе быть не могло. Твое путешествие для них просто клад. Теперь следующий вопрос: финансы. Сколько у тебя в банке и сколько ты еще можешь найти?

— Ничего похожего на сундучок полковника. Я не богатый.

— Он тоже не был богатым. Просто жулик. Он взял колоссальный заем под залог дома и забыл о нем упомянуть, когда продавал дом. Еще он взял кучу краткосрочных ссуд и хорошо перебрал по кредитным карточкам. Только четверть денег его собственные, остальные — ворованные. Сколько ты можешь собрать?

— Тысяч пять.

— Так я и думал. Этого мало. Вот чек на двадцать тысяч долларов из нашего специального фонда. Депонируй его завтра в своем банке. Затем иди в магазин де Гру, это один из самых крупных нумизматических магазинов в стране. Купи столько монет, сколько сможешь свободно унести. У Маккалоу были долгосрочные планы,

и он мог потратить время на реализацию золота. Монеты избавят тебя от подобных забот. Насчет оружия поговорим позже. Я подготовлю список предметов, которые тебе понадобятся. Ты тоже составь такой список, мы их потом сравним. Не жалей времени и продумай список как следует, — если что забудешь, вернуться не сможешь. Еще надо подумать о способе связи — как ты пошлешь сообщение и как мы его найдем. И еще одно. Расовый вопрос. В то время существовало рабство. Тебе нужен будет документ, подтверждающий, что ты отпущен на свободу. Этого будет достаточно?

— Об этом я еще не думал, но сделать это нужно.

— Отлично. Похоже, все. Вопросы есть?

— Только один, адмирал. — Трой посмотрел на чек, сложил его и сунул в карман. — Но важный. Допустим, я не смогу убедить власти арестовать полковника Маккалоу. Что мне делать в этом случае?

— Ты знаешь ответ не хуже моего. Но если хочешь, чтобы я сформулировал его как приказ, — с удовольствием. Сержант Трой Хармон, на вас возлагается задача произвести розыск полковника Маккалоу и обнаружить его. По обнаружении

— ликвидировать.

Глава 20

— Монеты только американские? — спросил клерк.

— Именно так, — подтвердил Трой.

— Какого-нибудь определенного достоинства?

— Не обязательно. Но не позже тысяча восемьсот пятьдесят девятого года выпуска. Что у вас есть?

Молодой человек отступил назад и поднял брови.

— Если вы минутку подождете, я попрошу подойти сюда мистера де Гру. Он большой специалист по ранним американским монетам.

Клерк поспешно ушел, а Трой оглядел помещение. В детстве он не собирал коллекций — ни марок, ни монет, вообще ничего. Но понимал привлекательность такого рода хобби. Очень заманчиво выглядели разноцветные банкноты со всего света, монеты самых неожиданных размеров и форм. Когда вошел владелец, Трой как раз рассматривал под стеклом римский динарий.

— Чем могу служить, сэр? Интересуетесь американскими монетами?

— Совершенно верно. Причем не позже тысяча

восемьсот пятьдесят девятого.

— Прекрасно! Но не будет ли нескромно с моей стороны поинтересоваться, зачем именно? Это могло бы помочь мне отобрать для вас именно то, что вам нужно.

— Особых причин нет. Меня просто интересует этот период.

— Поймите меня правильно, сэр, я хочу наилучшим образом удовлетворить ваши требования. Не хотели бы вы мне что-нибудь сообщить?

— Что, например?

— Например — зачем? Я занимаюсь монетами, сэр, и я знаю о них все. Но здесь кроется что-то, чего я не знаю и что хотел бы узнать от вас. Вы — мне, я — вам. Рука, как говорится, руку моет. Я с вас возьму самую честную цену. А вы мне расскажете, что особенного в этом периоде. Понимаете, дело в том, что пару месяцев тому назад один джентльмен совершил у меня точно такую же покупку.

— Высокий, с острым носом, седеющие волосы?

— Именно он!

— Вот он мне и сказал, чтобы я покупал такие монеты. Почему — не знаю. Я скажу ему, что вы интересовались.

— Так вы его знаете? Знаете, кто это?

— На самом деле нет. Мы случайно встретились однажды. Теперь, если не возражаете, займемся монетами.

Нумизмат вздохнул. Тайна осталась тайной, по крайней мере на время.

— Ладно, буду надеяться, что вы его спросите. — Он поставил на прилавок выстеленный бархатом поднос. — Вы скажите ему, что я получил новую партию монет, которая может его заинтересовать. Вот, смотрите, отличная золотая двадцатка…

— Беру. Какие у вас еще номиналы?

— Золотые — здесь. Десять долларов, пять и три. Золотых монет по два с половиной доллара сейчас, к сожалению, нет. Но вот золотой доллар, будто только что из-под пресса.

Трой взял тонкую, не больше ногтя, монетку.

— И эту возьму. А монеты меньшего достоинства есть?

— Вот они. Самые интересные. Полдоллара, четвертак, один цент и трехцентовик.

— А никели?

— Конечно нет, сэр. Вы изволите шутить — ведь мы же знаем, что в это время не было монет

по пять центов. Были полудаймы. И даймы[18], естественно. Вот эта красотка вышла сразу после революции. Она называлась дисма — среднеанглийский вариант старофранцузского disme от латинского decima — одна десятая. Потом превратилась в дайм.

Трой упаковал покупки в дипломат, посмотрел на часы и поспешил на улицу. За двадцать минут он должен добраться до конюшни на урок верховой езды. У полковника в этом смысле преимущество, он служил в кавалерии. Трою уроки не нравились, от последнего еще не отошли ноющие мышцы, но выбора не было — либо ходи пешком, либо научись обращаться с лошадью.

Помощь адмирала была очень к месту. Их списки необходимых предметов во многом совпали, но адмирал предусмотрел и вещи, о которых Трой не подумал. Например, антибиотики, которые, как оказалось, существуют только около сорока лет. Эти запаянные металлические ампулы могут в один прекрасный день спасти его жизнь. Таблетки галазона. В середине девятнадцатого века об очистке воды не слыхали, чума и холера были постоянной угрозой. Руки у него до сих пор

---

[18] Примечания: 18
Дайм — десять центов.

болели от всех предохранительных прививок, которые ему засадили под кожу. Пришлось также срочно смотаться к дантисту для замены золотых коронок фарфоровыми.

После верховой езды Трой немедленно направился на Массачусетс-авеню.

Адмирал его ждал. Он подтолкнул по столу пистолет с длинным стволом из вороненой стали:

— Кольт, сделанный в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом. Точная машина, хотя и бокового боя. Заряжается медленнее, чем с патронами центрального боя, которые появились лишь в шестидесятых, но стреляет не хуже. Пистолет исполнен как точная копия настоящего, но ствол, камеры и все основные части механизма выполнены из современных марок стали. К нему тысяча патронов, и можно сделать еще столько же. У нас в цоколе есть небольшой тир. Спустись туда и постреляй, привыкни к оружию. От этого может зависеть твоя жизнь.

За две недели подготовительная работа была закончена. Договор на аренду квартиры отменен, личные вещи сданы на хранение. Он был уверен, что никогда их не увидит, но не мог просто вот так взять и выбросить. Адмирал это понимал и обещал оплатить стоимость хранения. Никто из

них не сказал, на какой срок.

Приготовления закончились, списки выполнены, все готово. В сырую дождливую ночь они вышли из здания на Массачусетс-авеню. Адмирал сидел за баранкой большого белого «кадиллака». Автомобиль дымил как паровоз. Свернув на Окружную, адмирал взглянул на безмолвного Троя.

— Список хорошо проверил?

— Не меньше тридцати раз. Одежда в чемодане на заднем сиденье. Снаряжение, которое мы собрали вместе, в седельных сумках. Осталось добавить к ним лошадь.

— Кольт и деньги?

— На дне сумок. Все как задумано.

— Надеюсь. Будем считать, что ты подготовился ко всему. Но ты знаешь, что, если у тебя найдут револьвер, тебя тут же вздернут?

— Знаю. Но у меня мало шансов раздобыть его по прибытии. Черные — то есть ниггеры — на старом Юге близко не подходили к подобным штукам.

— Вот это-то меня серьезно беспокоит.

— Не стоит беспокоиться. Шансы у меня те же, что были бы у белого. В конце концов, у меня есть защитная окраска.

— Не шутил бы ты на эту тему… или ладно, шути. Черт побери, хотел бы я отправиться вместо тебя! Как я тебе завидую! Моя работа становится день ото дня скучнее.

— Она важна, сэр. И вы можете сделать ее лучше других.

— Знаю, а то бы это я, а не ты учился верховой езде. Нам сюда?

— Правильно, сэр. Ищите маленькую дорогу.

Было половина двенадцатого. Они решили заранее принять все меры предосторожности для предотвращения расследования по поводу исчезновения Троя. В эту ночь никто из работников лаборатории или служащих охраны не дежурил, так что их можно было не учитывать. Их прибытие было рассчитано перед сменой часовых в полночь. Проезд будет зарегистрирован в компьютере охраны, однако отсутствие регистрации выхода Троя будет замечено не сразу, поскольку оно попадет в данные следующего дня. В любом случае в здании его следов не останется, а адмирал покажет, что они уехали вместе, и неувязку спишут на сбой компьютера.

За входной дверью их ждал Боб Клейман. Трой представил его адмиралу. Клейман сказал:

— Я много о вас слышал, адмирал Колонн.

— А я о вас, доктор Клейман. Мне не терпится увидеть вашу машину. Я бы хотел поздравить вас с поистине чудесным достижением.

— Оставьте ваши поздравления для доктора Делькур — для Роксаны. Это от ее формул завертелась вся эта механика. Она нас ждет в девятой. Вот сюда, джентльмены. Помогите мне внести сумки.

Охранник тщательно проверил их пропуска и открыл им дверь. Едва дверь за ними закрылась, Трой показал на душевую:

— Я переоденусь.

Он хотел остаться один не из-за стеснительности: годы казарменной жизни ее притупили. Просто ему надо было побыть несколько минут наедине с собой.

До этой минуты все время шло обсуждение и планирование, но теперь настал момент истины. Трой не боялся. Со страхом он был так хорошо знаком, что распознал бы любую его разновидность. Нет, им владело другое чувство. Это слегка походило на ночной прыжок с парашютом: шаг во тьму. Он медленно разделся догола, складывая вещи в одну сторону.

Предмет за предметом он надел новую одежду. Хлопковое исподнее до лодыжек, грубые штаны.

Хлопковая рубашка и бесформенная куртка, разорванная на плече и зашитая. Заплаты на локтях другого цвета. Стачанные вручную высокие ботинки с грубыми подошвами на гвоздях, хорошо стоптанные и пыльные. Комплект завершился старой широкополой соломенной шляпой с обвисшими краями.

Трой сложил форму, но, прежде чем спрятать ее в чемодан, выгрузил все из карманов на стеклянную полочку над умывальником.

Ключи, монетки, перочинный нож, платок, значки, ручка и карандаш, бумажник с какими-то деньгами, удостоверение, членская карточка клуба, фотографии. Все это останется. Он взял фотографию Лили на фоне Диснейленда. Лили радостно смеялась. Она всегда радовалась жизни и всегда, кроме последних страшных месяцев, заражала своей радостью других. Трой положил фотографию в бумажник, бросил всю кучу в чемодан поверх мундира и стал закрывать крышку. Остановился. Открыл снова и достал ее портрет. От двадцатого столетия ему не нужно ничего. Совсем. Фотографию положить с пистолетом и патронами. Уж если их найдут, маленький, с обтрепанными краями портретик чернокожей девушки с белыми зубами не вызовет подозре-

ний.

Он захлопнул крышку и застегнул замки.

Похлопав по карману куртки, Трой ощупал пухлый бумажник со всеми своими документами, большой складной нож и кусок беленого полотна. Еще несколько мелких монет. Все остальное в седельных сумках.

Собравшись на выход, Трой увидел себя в зеркале и застыл. На него смотрел неизвестный. Это был не маскарад — это было настоящее. Плотного сложения негр в здорово поношенной одежде. Там, куда он собирался, люди одевались именно так. Ни нейлонового белья, ни застежек-молний, ни автомобилей или самолетов. Другой век. На что, интересно, он похож? Вот уж это точно скоро выяснится.

Он взял шляпу под мышку, поднял чемодан и вышел. Дорога начиналась.

Глава 21

Они пытались объяснить адмиралу принцип работы машины, когда вошел Трой. Наступило молчание. Увидев его в новой одежде, они вдруг поняли, что это не просто очередной эксперимент, а человек уходит в прошлое, насовсем. Планировали уход все вместе, но уходить должен был он один. Уйти сквозь время и никогда уже не вернуться. С того момента, как он отправится, он будет для них мертв уже более столетия. И вот момент настал, и все поняли, что это не просто посылка во времени, но еще и нечто вроде казни.

— Я в своей жизни видел столько вытянутых морд, что с меня хватит, пожалуй, — сказал Трой. — Встряхнитесь, парни, это еще не конец света! Я же, честно говоря, затем и еду, чтобы его не было.

— Ты еще можешь передумать, — заговорил Клейман. — Мы поймем.

— Не стоит, Боб. Подумай, я же отправляюсь в здоровый мир, без смога, загрязнений, ядерной опасности, телевизионной рекламы и прочих гадостей — а ты меня отговариваешь.

— Мы тебя не отговариваем, Трой. — Роксана

взяла его за локти. — Я считаю тебя самым храбрым из всех, кто жил на земле, и я хочу пожелать тебе всей удачи, что только есть под солнцем.

Она быстро его поцеловала и отвернулась, потому что плакать было бы совсем глупо.

— Готов тебя отправить, как только ты скажешь, — Клейман показал на пульт управления. — Дата твоего прибытия установлена на первое августа тысяча восемьсот пятьдесят девятого. Около трех часов утра, когда дождь лил так, что упаси господь. Если верить тогдашним газетам. Ты уверен, что тебе нужна именно эта дата?

— Убежден, Боб. Мы с адмиралом это тщательно проработали. Маккалоу там уже около года, так что уже начал осуществлять свои планы и тем их обнаружил. Это поможет мне его найти, а до войны еще полтора года, и, что бы он ни задумал, я еще успею сунуть ему гаечный ключ в спицы.

— Звучит убедительно, — согласился Клейман. — Теперь еще одно. Помнишь, ты обещал подумать, как передашь нам сообщение о том, чем дело кончилось и что собирался сделать Маккалоу. Ты что-нибудь придумал?

— Очень просто. Я напишу доклад и запечатаю его в бутылку. Запечатаю по-настоящему, даже попробую запаять у стеклодува. Положу ее в

ящик и закопаю на глубине шесть футов там, где вы легко ее найдете.

— Где?

— Прямо здесь. — Трой показал на гранитную скалу. — С северной стороны. Вам останется только выкопать.

— Колоссально! — воскликнул Клейман. — Придется только вынести все оборудование и взломать бетонный пол. Не могу ждать! Давайте прямо сейчас и…

— Боб, подожди, пока я отправлюсь!

Наступило недолгое молчание. Все посмотрели на скалу, выступавшую из бетонного пола. Там, под фундаментом, лежало сообщение Троя. Если, конечно, Трой его оставил, оно должно быть там. Дожидаясь уже более ста лет, пока его найдут. С тех времен, когда еще лаборатория не была построена, когда и они сами еще не родились. От этой мысли было неуютно.

— Мы подождем, — ответила Роксана. — Важный момент, и новый временной парадокс на этом этапе. Нам это надо обдумать, но не сейчас.

— Аминь! — добавил адмирал.

— Присоединяюсь, — сказал Клейман. — Парадоксы времени должны быть исключены на любом этапе. Исключены любые слова или

действия, которые могут повлиять на уже происшедшие события. Наблюдать последствия заранее мы никак не можем.

Трой кивнул и взвалил на себя седельные сумки.

— Пора, — сказал он.

— Верно подмечено, — согласился Клейман. — Смотри, я ставлю на скалу деревянную платформу. Она приподнимет тебя на дюйм над поверхностью скалы. На этот дюйм ты и упадешь по прибытии, так что согни колени. Я считаю, что лучше оказаться на дюйм над камнем, чем на долю того же дюйма под его поверхностью. Итак, начали.

Трой помог закрепить платформу и влез на нее. Адмирал подал ему сумки. Все уже было сказано. Адмирал напрягся, Боб и Роксана возились с управлением.

— Готово, — сказал Боб, занося руку над красной кнопкой. — Считаю до трех, о'кей?

— О'кей. Вперед, Джеронимо!

— Один.

Трой согнул колени.

— Два.

Тишина. Трой увидел, что у Клеймана дрожит рука, а губы силятся что-то произнести.

Трой посмотрел ему в глаза:

— Давай, парень! Пошел!

— Три!

Темно.

Пусто.

Ощущение небытия. Или ощущение отсутствия ощущений? Это длилось мгновение, а может быть, вечность — и кончилось раньше, чем началось, или продолжалось неизмеримое время. Но не успел он это осознать, как все кончилось.

Тяжелый и теплый дождь обрушился ему на плечи, и чтото твердое ударило снизу по ногам — твердый, скользкий камень. Он попытался сохранить равновесие, не смог и соскользнул по скале в дождливую тьму, ткнувшись лицом в размокшую землю. От удара перехватило дыхание. В панике Трой протянул руку, нащупывая сумки. Сумки были на месте.

Черноту прорезала молния, настолько близкая, что гром рванул еще при ее свете. Сквозь густой ливень мелькнул силуэт скалы на фоне неба. Но лаборатории не было, будто и не бывало никогда. Все верно, ее еще только построят в отдаленном будущем.

Он на месте. Графство Фэрфакс, штат Виргиния. Несколько миль к северу от столицы страны.

Лето года от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят девятого.

Подхватив сумки, он прислонился спиной к скале и протер глаза, которые заливал дождь.

Он это сделал! Тысяча восемьсот пятьдесят девятый. Но осознание ситуации пока не приходило. Реален был только дождь.

Что дальше? Прежде всего определиться на местности. Днем надо будет нанести на карту этот каменный выступ, чтобы в любой момент найти его. В свое время здесь будет закопано сообщение. Это важно не только для тех, кто еще не рожден и кто когда-то будет его откапывать, но и для самого Троя. Какая ни тонкая, а это все же связь с миром, который он покинул навсегда.

Трой пристроился под скалой и стал ждать.

Дождь слабел, и Трой с удивлением заметил, что на востоке горизонт светлеет. Надо будет об этом упомянуть. Калибровка — дело важное, как говорил Клейман. Однако погрешность в несколько часов на сотню лет — не так уж плохо. Правда, надо будет проверить и дату — на всякий случай.

Дождь перешел в мелкую морось и перестал. Воздух был тяжел и душен, день обещал быть жарким. Небо светлело, туман поднимался, тра-

вянистый луг постепенно выступал из темноты, сбегая от гранитной гряды вниз к лесам. Вблизи проходила дорога не дорога, скорее коровья тропа. Откуда-то слышалось мычание и звон колокольчиков — поблизости была ферма. Это место найти будет нетрудно. Скальная гряда, напоминающая корабль, на вершине невысокого холма, и других скал поблизости не видно. Колокольчики слышались ближе, и к ним добавился глухой звук тяжелых медленных копыт.

Они выходили из лесу одна за другой. Стадо мелких буренок прошло мимо него цепочкой, передняя корова взглянула на него и обошла вокруг. Трой проводил ее взглядом и обернулся.

На опушке леса стоял мальчик и смотрел на Троя.

Трой не двинулся с места, когда мальчик направился к нему. Парнишка лет двенадцати с заплатами на рубашке и на штанах, с длинным зеленым прутом в руках. Густые светлые волосы нависали над веснушчатым лицом, а босые ноги месили грязь. Возле Троя он молча остановился.

— Дождь перестал, — сказал Трой.

— Ты не так говоришь, как все ниггеры, — сказал мальчик.

Сам он говорил с акцентом жителя деревень

Виргинии.

— Я из Нью-Йорка.

— Впервые вижу ниггера-янки. Ты потерялся?

— Нет, просто иду на Юг. Попал под дождь и потерял дорогу. Шел в Вашингтон. Не знаешь, где туда дорога?

— Знаю, конечно. Вон до тележной колеи, а там налево до Тайсонс-Корнерс, а там дойдешь до бугра. Дурной ты какой-то, даже этого не знаешь.

— Я же тебе сказал, что я не отсюда.

— Пеструха, душа из тебя вон, пошла оттуда! — Пастушонок резко повернулся и побежал за коровами.

Трой смотрел ему вслед, чувствуя, как его отпускает напряжение. Первая встреча прошла нормально. Правда, всего лишь с мальчишкой. А как будет с другими? Во всяком случае, одно было ясно: нельзя говорить как янки. А удастся ли изобразить негритянский акцент? Иес, сар! Надо постараться, от этого может зависеть жизнь. Этого акцента он в свое время наслушался от неотесанных новобранцев с Юга. В армии их приходилось даже учить читать. Иес, сар. Звучит фальшиво, значит, придется потренироваться. Послушать, как говорят другие негры, и говорить так же. А пока для верности разговаривать как

можно меньше.

Мальчик и стадо скрылись за поворотом. Трой повернулся к ним спиной, забросил сумки за плечо и пошел в другую сторону. По дороге ощупал карманы, все было на месте.

Впереди лежал Вашингтон, округ Колумбия, — столица.

И где-то там был полковник Маккалоу. Им предстояла встреча, о которой полковник пока еще не знал.

Глава 22

Когда Трой дошел до размокшей колеи, солнце уже прилично припекало ему спину. Было еще раннее утро, а он уже вспотел, как лошадь. Днем вообще будет духовка. Ему пришлось снять куртку, от которой уже шел пар. Дорога представляла собой две колеи, наполненные грязью и сплошь в ухабах. Трой пошел по травянистой обочине. После очередного подъема ему открылся вид на тесовые крыши среди деревьев. Тайсонс-Корнерс. Деревню окружали поля окрестных ферм, а прямо впереди рядом с дорогой стояло ветхое строение.

Даже и не строение — это слишком громкое слово. Скорее хижина. Такие жалкие жилища он раньше видел во время каникул только глубоко в лесных дебрях вокруг Миссисипи. Грубые сооружения из некрашеного леса, покоробленного дождями и солнцем. Точь-в-точь такая. В щель между досками можно было руку просунуть. Дверь открывалась прямо в слежавшуюся дворовую грязь. Половину хижины затенял старый дуб, а под дубом сидел старик, молча наблюдая за Троем. Черная кожа изрезана морщинами, а на голове оставалась пара пучков седых волос. Ста-

рик был одет в какие-то древние заплаты. Трой кивнул ему, подошел, но старик не шевельнулся.

— Привет, — сказал Трой.

Старик покачал головой:

— Пока, а не привет. Ты еще до заката помрешь.

Трой улыбнулся, пытаясь обратить слова в шутку:

— Ладно тебе, старик, еще накликаешь.

— Чего там кликать. Ты где сумки спер?

— Они мои.

— Плохо врешь, даже я не поверю. Такие сумки бывают у белых, а у ниггеров не бывают. Первый встречный белый спервa тебя пристрелит, а потом только спросит, где спер. Ты с Севера или как?

— С Севера.

— По говору вроде так. Так вот, парень, у нас тут Юг.

— В дом не позовешь? Похоже, мне тут надо кое-чему обучиться.

— Это уж точно! — Старик рассмеялся кудахтающим смехом. — Я глазам своим не поверил, когда ты вот так чапал по дороге. Мистур янки, тебе много чего надо понять. Ты не на Севере, и здесь ты всего лишь раб.

Эта спокойная констатация факта резанула Троя сильнее, чем угроза или оскорбление. Как-то вдруг остро пришло осознание, что негры сейчас в рабстве и что рабство узаконено. Этот вот всю свою жизнь провел в рабстве. Стала ясна одна простая вещь: либо Трой научится вести себя так, как этот старик, либо может считать себя мертвым.

Он чуть не упустил шанс. С дороги, по которой он шел, послышались голоса и стук копыт.

— Залазь! — прошипел старик. — Залазь — или ты уже покойник!

Трой не стал спорить. Он кувыркнулся в открытую дверь, подкатившись под стену. Стук копыт приблизился, а потом раздался голос:

— Эй, дядя, ты давно здесь сидишь?

— С рассвета, сар. Как рассвело, капитан, так я здесь.

— А ну-ка расскажи, что ты здесь видел. Да говори правду, а то я спущу твою черную шкуру!

— Что видел, капитан? Да ничего, сар. Вороны только летают.

— Вороны, говоришь? А настоящую черную ворону не видел? Ниггера в чудных ботинках с краденными сумками?

— Как изволите говорить, сар? Нет, сар, не ви-

дел. Тут никто не проходил, сар, могу поклясться, капитан!

— Я вам говорил, Лютер, что этой дорогой он не пойдет, — сказал другой голос.

— Вы называете моего мальчика лжецом?

— Если бы я считал, что он лжет, меня бы здесь не было, правда? Я только считаю, что этот хмырь наврал мальчику, чтобы сбить нас со следа. Я думаю, как только мальчик скрылся из виду, он рванул в другую сторону. Вы посмотрите на той дороге, по которой мы приехали, а я сообщу в Корнерс. Тогда ему далеко не уйти. Спорить могу, что за этого ниггера и награда назначена.

Копыта отстучали прочь, но Трой не шевелился. Он вжался в стену, не обращая внимания на цепочки муравьев, переползавших со стены на него и обратно. Им овладел страх, которого он не испытывал еще никогда в жизни. Даже тогда, когда оказался отрезанным от своей роты на территории противника.

Он и сейчас был на территории противника. В своей собственной стране — но она не была его страной. Еще не была.

Он знал историю по книгам, а сейчас начинал чувствовать ее собственной шкурой, и понимать по крайней мере одну из причин Гражданской

войны, и чувствовать, что значила победа, купленная столь дорогой ценой. Трой глянул вниз и увидел, что у него трясутся пальцы. Со злостью сжав их в кулак, он вмазал по стене. Рано еще сдаваться.

Старик, кряхтя, разогнулся, устроился на пороге и глубоко вздохнул. Он сидел спиной к Трою.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Трой. — А я даже не знаю, как тебя зовут.

— И не надо. Когда тебя поймают, ты не скажешь.

— Как мне от них удрать? И куда податься?

— Откуда приперся, туда и иди, скатертью дорога. Вылазь на задворки да спрячься в кустах за хижиной. Туда они не полезут. Когда стемнеет — вылезешь.

— А куда потом? Ты же слышал, они поднимут на ноги всю округу. Как я выберусь?

Старик презрительно хрюкнул:

— Если будешь таким дураком, то никак. Тебя поймают, выпорют и вздернут, но сначала ты им про меня расскажешь. Я с тобой влип, парень, понял? Влип!

Он что-то проворчал себе под нос, покачиваясь на пороге, и принял решение:

— Выйдешь оттуда и пойдешь, куда я скажу. Я

свяжусь с Дорогой, и пусть они с тобой возятся. А теперь пошел вон.

Под кустами было жарко. Раскаленный воздух не шевелился, мухи терзали немилосердно. Трой заставил себя вздремнуть, но мухи заползали в нос и в рот. Он их выплевывал, отмахивался. Безуспешно. По дороге иногда проходили люди, слышался скрип тележных колес. К сумеркам у Троя раскалывалась голова от гудящей боли. Шевелиться он не решался. Раздался звук медленных шагов, и он вжался в кусты. Скрипнула дверь хижины, и послышался шепот:

— Тут тебе миска с водой. Не хапай, пока я не уйду.

Вода была теплая и вонючая, но Трою она показалась самой вкусной на свете. Он заставил себя растянуть ее как можно дольше.

Когда стемнело, воздух чуть-чуть остыл, но главное — исчезли мухи. Удовольствие было недолгим, мух сменили наглые и звенящие комары. Казалось, прошли часы, пока снова хлопнула дверь и раздались шаги старика. Он куда-то прошлепал между деревьями и спустя целую вечность возвратился.

— Эй, ты! Давай вокруг дома. Там тебя встретит мальчишка.

Между облаками плыла бледная луна, и в ее свете можно было разглядеть две фигуры. Старик махнул ему рукой:

— Вот этот парень. Он боится, но он тебе поможет. И ты ему помоги. Мамаша у него болеет, надо лекарство. У тебя доллар есть? Должен быть, при таких-то шмотках.

— Конечно! Рад буду заплатить. Если я могу тебя еще чем-то отблагодарить, буду счастлив…

— Заткнись. Ничего не надо. Иди в сарай, в который он тебя поведет. И никогда не возвращайся.

Трой прошептал какие-то слова признательности в спину уходящему, но тот не обернулся. Он был беден, но горд. Трой пожалел, что предложил деньги.

В его руке оказалась маленькая теплая ручка, и он улыбнулся мальчику:

— Мы достанем лекарство для твоей мамы. И не только.

— Пошли.

Босые ножки ребенка шли уверенно, и Трой поспешил за ним, безуспешно стараясь не шуметь. Они шли явно каким-то кружным путем, удаляясь от главной дороги, через пахнущий смолой сосновый лес. Шли довольно долго, потом мальчик остановился. Молча и бесшумно он свернул

к прогалине в чаще леса. Дорога осталась рядом, и лужи на ней поблескивали в лунном свете. Облака рассеялись, ночное небо усыпали звезды. Дорога стала западней.

Мальчик потянул его за рукав, пригнул и прошептал прямо в ухо:

— Оставайся здесь и не шевелись.

Трой не успел ничего ответить, а мальчик уже исчез, скользнув как тень через дорогу. Его долго не было. Трой подумал, не достать ли из сумки пистолет, но решил, что пока не стоит. Выстрел в такую тихую ночь поднимет на ноги всю округу, а всех, кто на него пойдет, ему не перестрелять. Оставалось только ждать.

Когда мальчик коснулся его руки, он вздрогнул.

— Там люди. Пойдем. — Он потянул Троя за рукав. Стремглав перебежав дорогу, они скрылись в кустах за обочиной.

На фоне неба виднелись очертания дома, в окнах мелькал свет. Обогнув дом, они нырнули в кукурузу, отметившую их путь шелестом. Из темноты выступил темный массив сарая. Мальчик открыл дверь. Она слегка скрипнула.

— Прячься! — прошептал мальчик. — Эй! Деньги для мамы.

Трой зачерпнул горсть монет, куда больше доллара, и сунул в руку мальчишки. Пальчики сжались, и мальчик исчез. Только скрипнула, закрываясь, дверь. Трой ощупью добрался до стены, спотыкаясь и цепляя сумками невидимые предметы. Он сбросил сумки, нащупал что-то вроде сеновала и рухнул.

Он в безопасности — надолго ли? Старик был сердит и говорил что-то непонятное. Насчет какой-то дороги. Трой не знал, что это могло значить.

Рядом с сараем раздались уверенные шаги, и дверь громко заскрипела. Мелькнул свет. Хлопнула дверь. Прозвучал мужской голос:

— Выходи вперед. На свет.

Выбирать не приходилось. Выпустив сумки, Трой обошел сеновал. Заморгал, ослепленный светом керосиновой лампы. Взглянул на говорившего. Это был человек с пистолетом.

Белый.

Глава 23

— Так это ты и есть. — Голос не изменился. — Лапы держи повыше, вот так, как держишь. Я тебя искал с полудня вместе с другими, а тебя и след простыл. Люди уже думали, что мальчик все выдумал. Однако теперь я вижу, что парень описал тебя точно.

Это был здоровый и крепкий мужик с рыжими волосами и толстым брюхом, которое выпирало из штанов и натягивало красные подтяжки.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил Трой, глядя на длинный ствол нацеленного ему в диафрагму пистолета. — Пристрелить?

— Вопросы задает тот, кто держит пистолет. Так что держи лапы вверх и отвечай, кто тебя привел.

— Не знаю.

— Кто тебе сказал про меня?

— Тоже не знаю.

— Забавно. Если не смотреть на тебя, то можно подумать, что говорит янки.

— А потому что я и есть янки. Из Нью-Йорка.

— Готов поверить, что-то в тебе есть необычное. Прямо и не знаю, что мне с тобой делать.

— Пока вы решаете — у меня руки устали. Позвольте мне их опустить? — Не дожидаясь ответа, Трой опустил руки и перенес вес тела вперед. Если поднырнуть и выбить пистолет, то шанс есть.

— Опусти. — Человек сунул пистолет за пояс широких штанов, и Трой расслабил мышцы. — Ты здесь пробудешь какое-то время. Я тебе покажу, куда спрятаться. Это просто дыра за чаном для патоки, однако она тебе сохранит жизнь. Дня через два мы отправим тебя с еще двумя, которые должны прибыть.

— Отправим — куда?

— На Север, куда же еще.

— Извините, но по моим делам мне нужно ехать на Юг. Тем не менее благодарю вас.

— Благо… — Человек от удивления не смог продолжать. Он поднял фонарь повыше и подался к Трою, чтобы получше его рассмотреть. — Ну, позволь тебе сказать, ты и в самом деле не такой, как другие. Половина всех рабов Юга рвется в Канаду, а тебе нужно обратно!

— Нужно. И я не раб. Да, тот, кто меня сюда послал, говорил о Дороге. Это что — станция подпольной железной дороги?

— Слишком много спрашиваешь. Твои сумки? Тогда подбери. Нечего тут людям о них споты-

каться. Пойдем в дом. Я как раз сготовил обед — думаю, ты не станешь отказываться.

— Не стану, спасибо. Последний раз я ел — не припомню даже когда.

— Держись за мной поближе, я свет погашу. Чужих поблизости никого, мои собаки бы учуяли. Но на всякий случай, чтобы тебя не увидели.

Их поглотила темнота. Трой нащупал седельные сумки и вышел за человеком из сарая. Что-то большое наперло на него из темноты, и раздалось рычание.

— Тише, ребятки, тише. Это друг. А ты, незнакомец, иди медленно. Если не будешь делать резких движений, они тебя не тронут. Войди и закрой дверь, я зажгу фонарь.

Кухня была бедно обставлена, но чисто прибрана, деревянный стол свежевыскоблен. Хозяин повесил фонарь на крюк над столом и нацедил жбан свежей воды из бочки. Жбан он поставил на стол и добавил две кружки.

— Я сегодня не разжигал огонь. Есть только холодный окорок и кукурузная лепешка.

— Все что угодно. Заранее благодарен. Кстати, меня зовут Трой Хармон.

— Что у тебя за дело на Юге, Трой?

— Частное дело, мистер… извините, не знаю

как вас называть.

Человек напротив прожевал кусок обмакнутой в патоку кукурузной лепешки и удивленно покачал головой:

— Да, ты и в самом деле не от мира сего. Меня зовут Мило Дойл, если все остальное ты уже знаешь. И я из Бостона. Этим объясняется, почему я не пристрелил тебя на месте.

— Этим многое объясняется, мистер Дойл. — Ветчина была жилистой и плохо провяленной, но Трой не привередничал и запивал ее водой со сладковатым привкусом. — Этим объясняется и то, что вы мне помогаете, да и прочее, о чем вы говорили.

— Я здесь уже так давно, что все забыли, откуда я. Приехал я сюда работать на железной дороге — на настоящей, я имею в виду; женился на местной, завел хозяйство. Она умерла три года назад, я с тех пор один. Делать мне тут особо нечего, разве только себя жалеть. Подумывал все продать и вернуться домой, да руки не доходили. А потом как-то зашел ко мне друг, которого я знавал еще дома, — он теперь адвокат. Попросил оказать услугу. С тех пор все оказываю и оказываю. Ну вот, теперь ты про меня все знаешь и можешь в ответ рассказать про себя.

— Буду рад. Родился и вырос в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде. В молодости ушел в армию…

— Постой, сынок. Впервые я слышу, чтобы кто-то из твоего народа попал в армию Соединенных Штатов.

— Я это сказал? Я за границей много воевал. Есть армии, где не интересуются цветом кожи. А позаботиться о себе я могу. Сейчас я занят, ну, скажем, в проекте, по ходу которого мне требуется найти одного человека. Теперь я понимаю, что в одиночку мне этого не сделать. Я прошу вашего совета и, может быть, смогу помочь в вашей работе. Насколько я понимаю, Дорога занимается важной работой, помогая бегству рабов на Север.

— Работа, слов нет, важная — переправа грузов на Север. Однако в этой работе некоторые из нас важнее других. Наша станция маленькая, не такая, как была у бедняги Тома Каррета. Он переправил через Уилмингтон две тысячи семьсот пассажиров, пока его не поймали.

— Я не пытаюсь оценивать масштаб ваших операций. Однако такие вещи не могут обходиться дешево. У вас должны быть расходы на еду и транспорт, и они наверняка немаленькие. А значит, мы можем друг другу помочь. Я могу заплатить за любое содействие, и наши отношения

будут взаимовыгодными.

У Дойла отвисла челюсть и по подбородку сбежала струйка патоки.

— Слушай, ты не пробовал продавать змеиное молоко? Парень, который умеет говорить как ты, был бы великим торговцем. Взаимовыгодные отношения — надо же так придумать! Ты говоришь лучше доброй половины моих знакомых проповедников.

Трой улыбнулся:

— Преимущества хорошего образования. — («Начальная школа номер сто семнадцать и средняя школа на Ямайка-стрит — да, знали бы они!»)

— Какое-то преимущество у тебя точно есть. Но если ты хочешь, чтобы я тебе помог, расскажи мне побольше о том, кого ты ищешь. Это твой друг?

— Совсем наоборот. Его зовут Уэсли Маккалоу, но он мог и сменить имя. Хотя, честно говоря, сомневаюсь. Он убил по крайней мере троих человек, — это только то, что мне известно. Я хочу его разыскать и дать знать властям.

— Это белый?

— Да.

— Трудная задача, Трой. Особенно на Юге. Один

ты ни за что не справишься.

— Теперь я понял. Наивно было считать, что мне это по силам. Мне нужна крыша… — Дойл изумленно посмотрел на него, не понимая. — Нет, не настоящая крыша, я имею в виду — другая роль. Я целый день об этом думал. Не мог бы я отправиться на Юг как чей-нибудь слуга? То есть найти какого-нибудь белого для прикрытия операции. Как вы думаете, это может пройти?

— Я думаю, что мне надо выпить, а то не разобраться. Не могу сказать, удастся ли это сделать, но точно знаю, что это самая странная мысль, которую я слышал за всю свою жизнь. — Он со стуком поставил на стол тяжелый кувшин, вытащил из горла затычку и налил две полные кружки. — Попробуй. Это делает фермер, что живет ниже по реке. Содрал с меня дайм за эту бурду. Как тебе?

Трой отпил глоток, о чем тут же пожалел. Давясь, он сказал:

— По-моему, тебя надули.

Дойл согласно кивнул:

— Переплатил. Сам знаю. — Он высосал остатки и долил свою кружку. — Однако я знаю человека, который тебе нужен. Он шотландец, пишет что-то для газет из Вашингтона. Ему случалось

нам помогать, и он возит наши сообщения на Юг. Думаю, он подойдет.

— Если он согласится, это будет идеально. Ты можешь с ним связаться?

Дойл почесал пальцами подбородок.

— Мне нужны железные гвозди, а Хогга из Корнерса нет на месте, я спрашивал. Так что у меня есть хороший повод ехать в город. Если я поеду рано, то к закату вернусь. Если его не будет, я оставлю записку. У наших людей, которые знают, как с ним связаться. Однако ты тем временем должен спрятаться в нору.

— Я пока отдохну, ты обо мне не беспокойся.

— Я беспокоюсь о себе и о том, что меня вздернут, если тебя найдут здесь. Да, нужно еще немножко денег, чтобы уговорить газетчика.

Трой полез в карман.

— Десяти долларов хватит?

— Десяти? Я сказал «уговорить», а не «купить с потрохами». Теперь бери свои сумки, и я тебе покажу нору, где ты можешь отоспаться.

Убежище было сделано искусно. Большая бочка для патоки наклонялась в сторону, освобождая вход. За ним в песчаной почве была выкопана пещерка, укрепленная бревнами, а стены удерживались досками. Из них же был сделан настил,

приподнятый над сырым грунтом. Еще там был ночной горшок, кувшин с водой и огарок свечи на поставце. И все.

— Утром перед уходом я принесу тебе чего-нибудь поесть.

Это были последние слова, которые Дойл сказал Трою. Бочка стала на место и закрыла вход. Трой нашел спичку и зажег свечу, затем вытащил револьвер и лег. Сумки вполне заменяли подушку, и он заснул сразу.

Днем, пока не было Дойла, Трой подремывал. Все равно в темноте ямы делать больше нечего. Способа определить время тоже не было, день тянулся и тянулся, и Трой решил: что-то не так. Он почувствовал слабый сквозняк и обнаружил его источник — глиняную трубку, через которую поступал свежий воздух. Трубка наверняка была изогнута, поскольку через нее не проходил даже намек на свет. Трой прижал к ней ухо. До него доносились случайные звуки, однажды он услышал телегу, другой раз — как дети перекрикивались друг с другом.

Он снова задремал и проснулся от собачьего лая. Чужой — или хозяин вернулся? В любом случае надо приготовиться. Когда открылась потайная дверь, Трой стоял у стены с пистолетом.

— Выходи, — сказал Дойл. — Все в порядке.

Трой неуверенно вышел, мигая на свет фонаря. Рядом с Дойлом стоял тощий человек в темном костюме и высоких сапогах для верховой езды.

— Кто это? — спросил Трой.

— Тот, о ком я тебе говорил, — так что спрячь колючки, ежик. Это мистер Шоу, мистер Робби Шоу. Я ему кое-что рассказал о твоих планах, и он заинтересовался. Ты можешь ему рассказать то, что рассказал мне. Оставайтесь пока здесь. Собачки начеку, и я пока что обойду окрестности.

Он вышел и унес с собой лампу. Слышно было, как скулили собаки.

— Наверное, лисы, — спокойно сказал Шоу. — Думаю, что в окрестностях их много.

— Не знаю, я не из этих мест.

— Разумеется, вы не из этих мест. Позволю себе заметить, что у вас акцент не меньше, чем у меня.

— Кстати, о вашем акценте. — Трой всматривался в темноту, но видел только расплывчатый контур. — Знаете, у вас акцент скорее англичанина, чем шотландца. Извините, если я вас обидел.

— Никоим образом. Просто преимущества образования в Сассенахе. Это в Винчестере. Мои родители хотели подготовить меня к жизни в

этом мире. Вы показались мне человеком, который много путешествовал, и с каждой минутой все более интригуете. Наш хозяин упомянул два имени. Вы — Трой Хармон?

— Это так.

— Рад познакомиться, мистер Хармон. Второе же несколько меня удивило — имя человека, которого вы ищете. Уэсли Маккалоу, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— Это не может быть полковник Уэсли Маккалоу?

Трой вынул кольт из-за пояса и наставил его в темноту.

— Он носил звание полковника. А почему вы его назвали?

— Вы о нем слышали?

— Ваш вопрос вполне уместен, мой друг. Ибо я отлично знаю полковника. Я просто интересовался, зачем он может быть нужен вам.

Глава 24

Мысли Троя были чернее темноты вокруг. Ловушка? Маккалоу расставил людей вокруг места своего прибытия, чтобы проследить, не будет ли погони. Дойл — человек Маккалоу, приманка в западне?

Большой палец взвел курок револьвера со звонким щелчком.

— Извините, что-нибудь не так? — спросил Робби Шоу. — Это у вас револьвер?

— Револьвер. Шестизарядный кольт. Если первым выстрелом я промахнусь, то при свете вспышки я вас увижу и достану вторым выстрелом. Стойте на месте и не двигайтесь.

— Я и не собирался двигаться, дорогой друг. В этом нет необходимости, как вы понимаете. За меня может поручиться Дойл, и мои взаимоотношения с Дорогой всегда были лишены каких бы то ни было недоразумений…

— Вы работаете на Маккалоу?

— Разумеется, нет. Однако должен заметить, что мое знакомство с полковником было весьма полезно для той работы, которой занимаются мои друзья. Благодаря ему я был принят в тех кругах

общества, в которые иначе не мог бы проникнуть никогда.

Сверкнул фонарь, и вошел Дойл.

— Собаки поймали лису, — сказал он и вдруг заметил у Троя пистолет. — Это что еще значит?

— Страхование жизни. Ты знал, что этот журналист знаком с Маккалоу?

— Нет, но меня это не удивляет. Он знает кучу народа, что на Севере, что на Юге. Убери свой дурацкий пистолет и пойдем на кухню. Я тебе сказал, что он один из нас, и тебе остается только положиться на мое слово.

Трой заколебался, потом сунул револьвер за пояс.

— Если я ошибся, приношу свои извинения. Однако вы, я думаю, должны меня понять.

— Об извинениях не может быть и речи, мой дорогой друг. — Шоу махнул рукой, предавая инцидент забвению. Тем не менее он испустил вздох облегчения. — Я, вообще говоря, не очень люблю оружие. Ах, местный эликсир жизни, благодарю. — Он принял из рук Дойла чашку с мутной жидкостью и осушил половину одним глотком.

Трой тоже взял чашку, но только слегка отхлебывал, сидя за столом.

— Самое интересное, — говорил Шоу, вглядываясь в свою кружку, — что я встречался с полковником еще до своего приезда в эту страну. Это было в Глазго, в клубе моего отца. У них был какой-то совместный бизнес.

Трой подался вперед, пытаясь не слишком проявить свой интерес:

— А чем торгует ваш отец, мистер Шоу?

— Торгует! Фи, не так грубо. Тяжелая индустрия, металлургический завод.

— Он выпускает машины для обработки стали?

Шоу озадаченно поднял бровь:

— Вообще говоря, да. А также бронзы. Вы знаете что-то, чего я не знаю?

— Может быть. Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— Видите ли, похоже, что полковник всерьез занимается тяжелой промышленностью. Он нас утомил своими постоянными разговорами о том, что пора избавить Юг от позорной зависимости от металлургии янки. О том, что все, что делают худосочные заводские рабочие Севера, не хуже могут сделать свободные сыны Юга. И прочие сентенции того же стиля, на которые я, признаюсь, никогда не обращал особого внимания. Я

только знаю, что он покупал много, платил наличными и доставлял все сюда. У него кузнечный завод в Ричмонде, и он все время говорит только о боронах, плугах, сенокосилках и прочих скобяных изделиях. Правда, общение с полковником облегчается тем, что он богат и имеет много влиятельных друзей. И кроме того, проезжая мимо дома полковника, я всегда могу быть уверен, что мне не откажут в выпивке. Это все, что я могу вам сообщить. — Он допил свою кружку и улыбнулся, когда она вновь наполнилась с характерным бульканьем. — Теперь неплохо было бы услышать причины вашего столь живого интереса к нему.

Трой уже обдумал свои слова, предвидя, что рано или поздно отвечать на этот вопрос придется. Каков бы ни был ответ, будет лучше, если он будет правдоподобен. Самым мудрым было бы придать правдоподобную аранжировку реальным фактам.

— Полковник Маккалоу, если это и есть тот человек, которого я имею в виду, — убийца и казнокрад. Он разыскивается, и его голова оценена. Я должен его найти. После этого в дело вступит закон. Уверяю вас, что дело очень важное.

— Похоже, — сказал Дойл. — И похоже, что ты

в этом как-то лично заинтересован.

— У меня с этим убийцей свои счеты. Но в данном случае это не важно. Был нарушен закон, и убийца не пойман. Я распоряжаюсь некоторыми суммами, отпущенными на расследование, и могу заплатить за помощь. Тем более что, как я понял, один я не справлюсь. Вы, мистер Шоу, согласны мне помочь?

— С удовольствием, мистер Хармон. Как из чистого альтруизма, так и из-за денег. Не стыжусь признаться, что журналистика — очень скудно оплачиваемое занятие, а мой отец, как он ни богат, держит семейную шкатулку на крепком замке с тех самых пор, как я окончил Оксфорд. В любом случае можете на меня полностью рассчитывать. Какую именно операцию вы планируете?

— Я буду вашим слугой. Это даст вам возможность организовывать все, что понадобится, и за все платить. Я же буду абсолютно незаметен, следуя за вами и таская чемоданы. Как вы думаете?

— Прекрасно! Если бы вы только смогли ухудшить ваше произношение и правильность речи. Мне было бы неприятно вступать в объяснения, почему мой слуга изъясняется лучше, чем преподаватель колледжа.

— Иес, сар. Глупый ниггер попробует.

— Адекватно. Я думаю, что тренировкой мы добьемся совершенства. Теперь давайте о деталях. Как вы думаете, — он повернулся к Дойлу, — как нам начать это приключение?

— Я предлагаю вам начать с того, что вы сегодня же смоетесь отсюда. Я не привык, чтобы здесь ошивалось столько народу. Купите моего старого мула за пять долларов. У него только один глаз и спина провисла, но он еще здоров. На нем поедет Трой. Еще я дам ему пару драных башмаков, а эти чудные ботинки пусть оставит. Свой большой пистолет и все, что захочет, Трой сможет положить в мешок, а ты, Робби, повесишь его сумки у себя за седлом — для такого, как он, они слишком шикарны. Так это будет похоже на правду — если ты, Трой, не будешь раскрывать рта, пока не научишься говорить как следует.

— Иес, сар.

— Все еще плохо. Тренируйся дальше.

— Седло у твоего мула есть? — спросил Трой.

— Не-а. Ниггеры ездят просто так, если ты не заметил. Придется и тебе научиться. Я вас снабжу на дорогу, так что сможете обходить города, пока Трой не научится не выдавать себя каждым словом. Я дам вам прорезиненные плащи, одеяла,

котелки и миски. Привяжите их на мула. Погода хороша для пикников на воздухе. Линяйте быстро на Юг, не теряя времени. Сейчас допьем, поедим — и вперед. Мне будет спокойнее знать, что вы уже в дороге.

На окраину Вашингтона они въехали, когда уже рассвело. Трой неуклюже ковылял, ведя в поводу тощего мула, у которого, как оказалось, вместо хребта была пила. Даже подложенные одеяла не спасали. Но он забыл о неудобствах, когда из утреннего тумана выплыл город.

Тут перед ним впервые воочию встала реальность его путешествия в девятнадцатое столетие. Пока он был слишком занят выживанием и не обращал внимания на обстановку. Грубая одежда и примитивный быт фермеров не очень бросались в глаза, тем более что в летние каникулы он встречал такое. Даже хижины были немногим лучше тех, что приходилось видеть во Вьетнаме. Но столица нации, настоящий город, отличалась от той, которую он знал, даже по названию.

Город, конечно, был гораздо меньше того расползшегося по сторонам мегаполиса, в который он превратится через столетие. И конечно, он совсем по-другому выглядел без громадных каменных глыб федеральных зданий греческого и

римского стиля. Дома были поменьше, деревянные или кирпичные, стояли они вдоль узких и по большей части немощеных улиц. Но больше всего поражало отсутствие в уличном движении моторов. Улицы забиты лошадьми, повозками и пешеходами.

Сколько лошадей! Резкий запах конского навоза забивал все остальное, даже аромат горящего дерева из печей, примешиваясь к паровозному дыму возле железнодорожной станции. Трой мог бы растеряться, если бы Шоу не обругал его, приказав двигаться вперед. Но невозможно было пройти мимо сияющего черного паровоза, сверкающего медью и пускающего пар. Это же не история, а живая машина, и он был поражен до немоты. Он пришел в себя только от прикосновения к ребрам ботинка Шоу.

— Эй, бой, какого черта зенки выкатил? Залазь на мула! Целый день готов так простоять, бездельник!

— Иес, сар. Щасс, только вот веревку завязать. А то все зараз поедет.

— Не тронь подпругу, безрукий! Я сам затяну.

Шоу спрыгнул с лошади и наклонился осмотреть вьюк.

— Вы слишком медленно двигаетесь, кто-ни-

будь заметит, — прошептал он.

— Извините меня. Однако, боюсь, я все равно не смогу ехать. Хребет этой твари и так разрезал меня пополам.

— Тогда ведите его в поводу, но мы должны двигаться.

Так много хотелось посмотреть, однако Шоу прав — останавливаться и глазеть опасно. Но это танталовы муки. Капитолий издали казался очень похож сам на себя. Однако пригородов на границе с Виргинией не было совсем. На месте Вашингтонского национального аэропорта сверкала вода болот и качалась осока. Там, где будет Пентагон, на зеленом лужке паслись коровы.

— Подходящее время для завтрака, — сказал Шоу, съезжая с дороги в поле. Трой захромал за ним.

— Самое время. Эти разбитые ботинки немилосердно натерли мне обе ноги. Идти ничуть не легче, чем ехать на этом несчастном сырье для столярного клея.

— Стоит запомнить! Как вы сказали — сырье для столярного клея? У вас, янки, бывают очень образные выражения. Теперь я собираюсь здесь полежать, а вы, я полагаю, могли бы взять ведро и сходить к тому вон ручейку за водой для этих

тварей.

— Иес, масса, щасс прямо.

— Уже лучше. Вы делаете успехи.

У ручья берег обрывался. Трой прошел вдоль обрыва до сходящей вниз тропы и подошел к воде. Она казалась чистой и свежей. Трой сложил ладони ковшиком, напился глубокими и долгими глотками, потом плеснул себе в лицо, смывая пыль вашингтонских улиц. Наполнив ведро, он вылез наверх и сразу остановился, услышав голос. Осторожно, прячась за высокой травой, он поднял голову и посмотрел.

С Робби Шоу разговаривали два подъехавших всадника. Один из них что-то сказал, другой громко захохотал и спешился, одновременно доставая из седельной кобуры пистолет. Шоу отступил назад, но человек шагнул следом, тыча стволом ему в живот. Второй спешился и подошел к коню Робби Шоу. Конь вскинулся и попятился. Человек схватил поводья, пригнул голову коня вниз и потянулся к сумкам.

Там было все имущество Троя. Деньги, пистолет — все.

Глава 25

Минуту Трой колебался, оценивая ситуацию и отмечая расположение людей, потом пошел вперед. Выйдя из укрытия, он громко позвал:

— Масса, я воду принес, как вы сказали.

Он медленно, шаркая, продвигался вперед, опустив голову, согнув плечи и держа ручку ведра двумя руками, будто она была непосильно тяжелой. Сквозь опущенные поля шляпы он видел, что спешенный человек повернулся к нему и навел на него пистолет. Тот, что остался на лошади, тоже вынул пистолет. Трой не обратил на это внимания, шаркая дальше своей дорогой, разговаривая сам с собой, будто не замечая их присутствия.

Это сработало. Двое заухмылялись, ожидая, когда он их заметит. Ладно. Будет им театр в стиле Степенфечита или, скорее, пародии на «Рочестер» Джека Бенни.

— Госиди Сусе! — взвизгнул он, подойдя ближе и заметив их. Судорожно прижав ведро к груди, он так задрожал, что вода в ведре заплескалась и пролилась. Еще он хотел закатить глаза, но это не очень получилось.

Если представление и было неважным, то аудитория попалась благодарная. Двое заржали и заухали так, что тот, который слез с коня, разинул рот, полный гнилых зубов, а его пистолет поехал вниз и указывал уже почти на землю. Трой засуетился, оглядываясь, будто ища место, куда укрыться, не выпуская из виду второго, начавшего вылезать из седла, и ждал, пока лошадь закроет тому обзор.

В этот самый момент он швырнул ведро в хохочущую рожу. Ее владелец опрокинулся, а Трой уже был на нем, двинул ему в пах коленом и вывернул из руки пистолет. Человек взвизгнул, Трой перекатился через спину, поднимая отобранный пистолет. Второй показался из-за корпуса лошади, его пистолет был наведен. Трой вскинул вытянутую руку и нажал на спуск.

Грохнуло как из пушки, а отдача не слабее лошадиного копыта подбросила руку вверх, но выстрел был удачным. Бандит скрючился, попытался прицелиться, спустил курок и упал.

В ответ на выстрел Робби Шоу испустил сдавленный крик и упал на траву. Ему досталась случайная пуля. Трой рванулся к нему, но увидел, что первый бандит уже на ногах, стонет от боли, но готов к драке. Из-за спины он извлек нож с

лезвием длиной в фут и, держа его перед собой, стал наступать.

Трой навел пистолет и спустил курок, но пистолет был однозарядный. Он бросил его в лицо противнику, тот просто отбил его в сторону, одновременно испуская стоны от боли и мерзко ругаясь. И пошел вперед. Трой отступил, не спуская глаз с острия, поскользнулся и упал. Бандит зарычал и бросился на него.

Раздался негромкий щелчок, будто кто-то хлопнул доской по доске. У человека во лбу появилось черное пятно, оттуда брызнул фонтанчик крови, он упал на траву лицом вниз и застыл.

Трой оглянулся на Шоу, который корчился на земле. Тот приподнялся на локте; в его руке дымился маленький пистолет.

— Удобная перечница, — сказал Шоу, вымученно улыбнувшись. — Два ствола — два выстрела. Я без него не езжу. Потому что в наши дни… часто встречаются… дорожные рыцари.

Он скривился от боли, и Трой увидел, что у него по брючине бежит кровь. Резко повернувшись, Трой перевернул ближайшего мертвеца, содрал с него кожаный пояс, дважды обернул вокруг бедра Шоу и сильно затянул. Ток крови замедлился и перестал. Трой поднялся и огляделся вокруг.

— Как в лавке мясника, — заметил Шоу. — Двое мертвецов, один раненый. Ничего себе работа для одного невооруженного — вот так скрутить двух крутых ребят с пистолетами.

— Вы тоже отлично использовали этот пугач. Я-то думал, что вы журналист, человек мирной профессии.

— Так и есть. Но мир жесток. Моей первой работой в этой стране был пост военного корреспондента в кампании против индейцев. Это было похуже, чем Горбалс в ночь Хогманая. Там я и научился стрелять. Теперь же меня интересует, что мы собираемся делать дальше.

— Заняться вашей раной. С дороги нас не видно, так что никто на нас не наткнется. Если бы кто-то слышал выстрелы, он уже был бы здесь. Судя по способу нападения, эта парочка следила за нами от самого города. И они бы не напали, если бы не были уверены, что никто их не видит. Ими мы займемся потом. Прежде всего — ваша рана.

Трой порылся в седельной сумке и вытащил плоскую коробку с лекарствами, вынул шприц с морфием и спрятал его в ладони, потом подошел взглянуть на рану. Складным ножом он разрезал брюки.

— Выглядит неприятно, — сказал Шоу, садясь

и наклоняясь посмотреть на рану. — Как будто в меня стреляли из пушки.

— Вроде того, — ответил Трой, отбрасывая ногой упавший пистолет. — Однозарядный, заряжается с дула, канал примерно полдюйма. Так, теперь ложитесь и дайте мне посмотреть. Крови много, но не так ужасно, как кажется. Пуля вырвала у вас кусок мяса из ноги, зато прошла навылет.

Отвернувшись, Трой раздавил ампулу и снял колпачок с иглы. Новая модель, с двойным действием. Не только снимет боль, но и усыпит пациента на несколько часов. Трой всадил шприц в ногу и надавил на поршень.

— Странное ощущение! — воскликнул Шоу. — Что это вы делаете?

— Играю в доктора. Не обращайте внимания.

Выдолбив ногой ямку в дерне, он бросил туда использованный шприц и закопал снова. Когда Трой вернулся с набором инструментов, Шоу лежал на спине и спал, похрапывая. Трой приступил к делу.

У него был большой опыт оказания помощи в полевых условиях, но сейчас ему приходилось выполнять обязанности медика. Тем не менее все, что он делал, было наверняка лучше того, что

мог предложить этот примитивный век. Прежде всего он хорошо присыпал рану порошком антибиотика, потом ослабил жгут. Рана лишь слегка кровоточила. Он снова завязал жгут, добавил порошка и наложил давящую повязку.

Это должно помочь. Больше никто ничего не смог бы сделать. В полевых условиях он использовал медицину другой эпохи. Когда появилась антисептика? В тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, хирург Листер, — так учили в школе. На даты у него всегда была хорошая память.

Флакон с таблетками пенициллина он сунул в карман, а остальное снаряжение спрятал. Недалеко на лугу жевали коровы, припекало полуденное солнце, лошади, звеня удилами, щипали сочную траву. Два трупа лежали там, где их настигла смерть. С ними что-то надо делать. Трой схватил за ноги ближайшего и отволок его в рощу под прикрытие деревьев. Потревоженные вороны снялись с громким гвалтом и улетели черным облаком.

Шоу проснулся только к вечеру. Открыв глаза, он осмотрелся вокруг. Трой стал около него на колени и протянул оловянную чашку с водой. Шоу выпил и поблагодарил. Трой наполнил чашку снова и протянул таблетку пенициллина:

— Запейте. Это хорошо для раненой ноги.

Шоу поколебался, потом проглотил таблетку.

— Мне приснилось — или совсем недавно тут была пара бандитов, верхом?

— Лучше всего забыть о них. Если мы сообщим об этом, с властями потом не развяжемся. Чем меньше нам зададут вопросов и чем меньше мы привлечем внимания, тем для нас лучше. Конечно, если бы были свидетели, тогда другое дело. Но по-моему, никто ничего не видел, и я все убрал с глаз долой. Эти двое вон там, в роще, и там же их седла, уздечки и оружие. А лошадей я свел к ручью.

— Их найдут.

— Конечно. Но нас здесь уже не будет. Не увидят нас поблизости — не будет и подозрений. И еще спорить могу, что эту пару в полиции хорошо знают. Не думаю, что по ним будут скучать. Так что поехали. Нога вам не помешает сесть на лошадь?

— Думаю, нет. По правде говоря, она меня не очень беспокоит.

— Еще будет. Но мы к тому времени наберем несколько миль. Найдем тихое место и заляжем на ночь. А завтра попробуем купить для вас какой-нибудь фургон. Если вы сможете продолжать путь. Мы еще можем все переиграть, если вы

передумаете.

— Эксельсиор! — воскликнул Шоу, скривившись от боли. — Да поможет нам Господь. Вы загадочный человек, мистер Хармон, и я намереваюсь побольше узнать о вас и ваших тайнах. Чем больше я узнаю от вас, тем больше чувствую, что вы рассказываете мне не больше тысячной доли. Я не оставлю этого дела, пока не докопаюсь до истины.

— Докапывайтесь. А пока что давайте я вам помогу забраться на коня.

Они ехали до темноты, а потом нашли стоянку невдалеке от дороги. Трой держал кольт за поясом. Про себя он решил, что больше его без револьвера не застигнут. Они не разводили огонь, чтобы не привлекать внимания, прикончили всухомятку припасы, что дал им с собой Дойл. Дым костра мог бы отогнать комаров, которые совсем обнаглели, но оставалось только, несмотря на жару, завернуться в одеяла. К счастью, скоро посвежело, и им удалось уснуть.

На следующий день после полудня они добрались до маленького городка Вудбриджа. У центральной площади высилось несколько кирпичных зданий, но вообще весь город был деревянным. Шоу показал на какой-то сарай с

вывеской:

— Прокат экипажей. Я, быть может, выживу.

Трой передал ему кошелек с золотыми монетами.

— Выберите хороший. Я готов платить сколько угодно за возможность снять мою задницу со спины этого мула.

Трой приготовил историю, объяснявшую, что с ними произошло. По этой легенде, Шоу подвернул ногу при падении. Бинты были прикрыты запасными брюками, а реальная хромота придавала всей истории правдоподобный вид.

Трой старался держаться в тени и вышел вперед, только когда владелец сарая подозвал его запрячь лошадь Шоу в купленную повозку. Трой понятия не имел о том, как запрягать и куда девать все эти шлеи и хомуты, и в награду за все усилия он получил от владельца конюшни в ухо и нецензурный приказ убраться подальше. Стоя в стороне и прикрыв рукой горящее ухо, он глядел в спину хозяина и смаковал про себя самые изощренные способы убийства.

Погрузив в тележку вещи, они привязали мула сзади, и путешествие сразу стало намного приятнее. Спешить они не могли, поскольку нога беспокоила Шоу на каждом ухабе и дорога его

сильно утомляла. Трой старался не показать беспокойства, когда у раненого поднялась температура, но на следующее утро она прошла. Шоу исправно глотал пенициллин, и вокруг раны не было даже следов инфекции. Все шло хорошо.

Они двигались ленивой рысцой и до Ричмонда добирались неделю. В город они въехали уже под вечер, когда от деревьев протянулись длинные косые тени.

— Приятный городок, — сказал Шоу. — Один из моих любимых.

— Мы направляемся в гостиницу «Голубой дом»?

— Да, меня там знают, и там недорого, а готовят прилично. Ее часто посещают коммивояжеры, которые умеют считать деньги и заботиться о собственных удобствах. Но мы поедем кружным путем. Не правда ли, приятная улица?

— Просто великолепная. Нога беспокоит?

— Уже гораздо меньше. Конечно, ноет и протестует, когда я на нее наступаю, но в остальном, доктор, операция прошла успешно. Что это за пилюли, которыми вы меня пользуете?

— Я вам говорил. Средство от лихорадки, изготовленное по тайному рецепту, передаваемому внутри семьи. Похоже, что оно помогло.

— Конечно. Видите это здание впереди, белое?

— Вижу. А что в нем особенного?

— Ничего, кроме того, что оно принадлежит полковнику Уэсли Маккалоу. Насколько я понимаю, нам надлежит определить, тот ли это человек, которого вы ищете.

Трой резко натянул поводья, и лошадь протестующе заржала. Он посмотрел на дом так пристально, будто пытался проникнуть взглядом за стены.

Охота кончалась.

А может быть, только начиналась?

Глава 26. Робби Шоу

Без всякого сомнения, мой новый американский приятель был человеком столь необыкновенным, что я затруднился составить о нем определенное суждение.

Эти слова мои не следовало бы понимать как сомнение в храбрости моего спутника или в его надежности. Наша маленькая стычка с рыцарями большой дороги вполне выказала его способности к деятельности подобного рода. Нет, лишь мелкие черты поведения его, как и облик в целом, находил я беспокоящими мое воображение. Решимость его была неуклонна, как водный поток, и неколебима, как скала. Она читалась в чертах лица его и в каждом изгибе его тела, когда он глядел на дом Маккалоу; казалось, он уничтожил бы самый дом, если бы имел возможность. Не стану скрывать, что и я ощутил некоторый холод при виде лица его, исполненного этой решимости. Мне бы ни в каком случае не хотелось иметь этого человека своим врагом.

— О'кей, достаточно. Куда теперь? — спросил он, встряхивая поводьями, дабы привести в движение нашего одра.

— Поезжайте вперед до третьего перекрестка, а там сверните направо.

Язык его также был в числе упомянутых мною странностей. Что, во имя Всевышнего, могло значить слово «о'кей»? Память подсказывала, что это слово мне приходилось слышать, но когда — не припомню. Выражения, подобные этому, Трой употреблял в своей речи ненароком, особенно в минуты душевного отдыха или по рассеянности. Я вскоре оставил расспрашивать его, ибо на мои расспросы получал я лишь весьма туманные разъяснения и мой собеседник выказывал при том очевидную охоту к перемене темы. Однако где же мог он приобрести манеру речи, ему присущую? В городе Нью-Йорке мне приходилось бывать часто, и опыт мой подтверждал, что говорил он так, как жителям этого города свойственно. Однако странность его лексикона не объяснялась этим совершенно. Временами казалось мне, что мой приятель принадлежит к могучему секретному сообществу, мистическому ордену некоего рода, отделенному от прочего человечества и замкнутому на спрятанном в океане острове, как бы некое создание безумной фантазии поэта Эдгара Аллана По. Любопытство мое подстрекало меня взглянуть, что заключа-

лось в его седельных сумках, но благоразумие остерегало от такого неосторожного шага.

Также весьма удивительными были его медицинские познания, превосходящие познания любого известного мне хирурга. Мое пулевое ранение заживало без нагноения, и я счастливо избежал лихорадки — несомненно, благодаря таблеткам, которые он принуждал меня принимать.

Но более всего мое любопытство подстрекала его манера держать себя. Она была такова, как если бы белый человек был обращен в черного. В наших вечерних разговорах, когда лица бывали скрыты темнотой, ничто не могло поколебать убеждения, что собеседник мой — не кто иной, как образованный джентльмен-янки. Мне приходилось, разумеется, ранее встречать представителей этой расы, и я пришел к убеждению, что они весьма неотесанны, косноязычны, речь их неграмотна, а сами они — всего лишь дикари, совсем недавно извлеченные из своих родных джунглей. Этот же человек был исключением. Он был тайной.

Как и всегда, был я встречен в отеле «Голубой дом» с неподдельной радостью и оживлением — несомненно, поскольку владелица, миссис

Хенли, питала тщетную надежду, что я обращу благосклонный взор на ее не лишенную прелести дочь Арабеллу, вступлю с ней в законный брак и увезу с собой туда, где ее ждет не в пример лучшее общество. Я подавал ей повод для подобных надежд лишь в той степени, которая обеспечивала мне наисердечнейший прием и первоклассные услуги, но не завлекала меня в слащавую трясину брачных сетей.

Меня встретила миссис Хенли собственной персоной, я же постарался отвлечь ее внимание от выражения гнева на лице Троя, когда она небрежно отослала его ночевать к лошадям на конюшню. Я поистине сочувствовал ему, поскольку свыше его сил было принимать волю обстоятельств, в которые он бывал поставлен самим цветом своей кожи. Однако это сочувствие не могло заставить меня сожалеть о ночлеге на пуховой перине, в то время как моему спутнику пришлось удовлетвориться лежалым сеном. Ибо я весьма нуждался в передышке, поскольку рана моя постоянно беспокоила меня во время ночлегов на твердой земле, лишая мое тело и мозг необходимого им отдыха. Этой же ночью я немедленно погрузился в объятия Морфея и пробудился лишь утром, впервые как следует отдохнув с минуты моего

ранения. С удовольствием отдал я должное завтраку, который состоял из ветчины, кукурузного хлеба, оладий, яичницы, почек, ломтиков бекона и засахаренных фруктов.

Весело насвистывая, вошел я в конюшню, где Трой ждал меня, но немедленно прекратил это занятие, увидев выражение лица его. Сердито нахмурившись, он снимал со своей одежды клочья приставшего сена.

— Доброе утро. Изволили уже позавтракать? — спросил я его.

— Изволил — если называть завтраком холодную овсянку и прогорклую пахту.

— Здесь вообще не очень хорошо кормят, — заметил я, стараясь изгнать из памяти своей образ того завтрака, что был мне преподнесен. — Вы составили план наших действий на этот день?

— Их много, действий, и я решил, что придется рискнуть. То есть мне придется показаться на глаза Маккалоу — вот что я имею в виду. Если я начну здесь рыскать, это будет гораздо более подозрительным. Я рассчитываю, что он меня не узнает, поскольку мы встречались с ним далеко отсюда и совсем в других обстоятельствах. Не думаю, что он вспомнит. Если узнает или если спросит обо мне, вы помните, что сказать?

— Да, конечно. Я хорошо выучил свою легенду. — Он кивнул, не обратив внимания на то, что примененное мной слово «легенда» в столь необычном смысле я почерпнул из его речей лишь недавно. — Вы — слуга моего приятеля Дика ван Зандта из Нью-Йорка, и я вас одолжил на время, пока не заживет моя нога. Верно?

— Отлично. И не забудьте, меня зовут Том. — При этих словах он почему-то улыбнулся. — Пойдемте теперь. Мне хочется, чтобы все скорее осталось позади.

Дорогою Трой молчал, и мне было видно, как беспокойство овладевает им по мере нашего приближения к дому. Мы остановились перед парадным входом, и Трой помог мне выбраться из экипажа. Он остался при лошади, я же потянул за шнурок звонка. На мой вызов вышел слуга, мне знакомый.

— Дома твой хозяин? — спросил я.

Он не успел ответить, как раздался стук копыт и на аллею галопом вылетел полковник.

— Черт меня побери, Робби, — это вы!

— Разумеется, я, — ответил я, повернувшись и хромая в его сторону, пока он слезал. На слугу моего он не обратил внимания, но я заметил через его плечо, что черты лица Троя мгновенно окаме-

нели. Я понял, что поиски его завершились.

Маккалоу пожал мне руку, затем показал на мою ногу:

— Упали с лошади?

— Нечто в этом роде, столь же неприятный случай. Он и вынуждает меня путешествовать в этой адской колеснице.

— Заходите, утопим ваши неприятности в бокале виски. Ваш черномазый может отвести этот ящик на задний двор.

Он обернулся наполовину и сделал Трою небрежный жест рукой, показывающий, куда тому следует направиться. Опустив руку, он задержался в повороте, в течение нескольких мгновений глядя вслед Трою, который неспешно повернулся и зашаркал прочь, ведя лошадь в поводу. Полковник же взял меня под руку и помог мне медленно забраться на ступени крыльца.

— Вы что, — спросил он, — купили нового слугу?

— Вы о Томе, полковник? Нет, я одолжил этого ниггера вместо кучера у приятеля в Нью-Йорке. А что такое?

— Просто так. Показалось, что я его где-то видел, но ведь вряд ли, правда? Все эти обезьяны на одну морду.

Он засмеялся, и я притворился, что мне тоже смешно. Будучи в Риме, соблюдай обычаи Рима. Мы вошли внутрь — и виски не обмануло моих ожиданий.

— Да, Уэс, — сказал я, облизывая губы, — как я ни люблю продукт перегонки с Западных островов, должен признать, что ваше виргинское изделие можно смело рекомендовать лучшему другу.

— Великая похвала, тем более что исходит от шотландца. А ваш приезд как нельзя более кстати. У меня тут вопрос, связанный с некоторыми машинами, и ваша помощь может быть полезной. Я хочу написать вашему отцу, а вы можете подсказать нужные выражения.

— Я ведь не инженер. Мой отец проследил, чтобы я не прозябал в цехах заводов, а получил образование, какое полагается истинному джентльмену.

— Черт с ним, с джентльменом и с образованием! Вы же росли среди машин и знаете о них не меньше всякого другого.

— Это правда, но не говорите об этом моему отцу, иначе он потребует назад каждый фартинг, истраченный на мое образование.

— Допивайте, и пойдем на завод — я там пока-

жу вам, в чем у нас проблема. О'кей?

— Согласен, если потом мы вернемся к этой бутылке.

«О'кей». Вот от кого я слыхал это странное слово. От полковника, из его собственных уст. И то же слово употреблял Трой. Какова же могла быть связь между человеком со столь высоким положением в обществе и негром, который его выслеживал? Я сгорал от любопытства, но не смел расспрашивать ни одного из них.

Полковник весьма гордился своим налаженным производством, которое он с великими трудами сумел организовать всего за год буквально на пустом месте. Трудности, которые он желал со мной обсудить, касались одной из дыропробивательных машин. Полковник показал мне на эту машину и повысил голос, перекрикивая грохот ремней, хлопающих на своих шкивах над нашими головами.

— Видите вот этот большой опорный рычаг, сломанный пополам? Дурак-ниггер выпустил его из рук, когда машину передвигали. Я ему всю шкуру на спине взлохматил, но машину это не спасло. Можно прислать замену или потребуется заменять всю машину?

Я наклонился и провел пальцами по станине.

— Вот видите здесь номер, прямо на отливке? Он в точности соответствует той деревянной модели, по которой отлита рама. Вам достаточно будет написать моему отцу и указать этот номер. По модели будет сделана новая форма, и вам пришлют готовую отливку. Прикажите кому-нибудь из ваших монтажников высверлить старую деталь и вставить новую. Это не должно встретить затруднений.

В нашей экскурсии по заводу я старался примечать все необычное или все, что могло таковым показаться, но единственным предметом такого рода оказалась кладовая, запертая и загороженная железными прутьями. Так как полковник совершенно меня утомил своими подробными разъяснениями, я счел уместным спросить об этой странности. По весьма небрежной манере его ответа я уверился, что полковник лжет.

— Это, Робби, производственный секрет. Я хочу усовершенствовать хлопкопрядильную машину Уитни. В один прекрасный день я сделаю на ней целое состояние, но, пока она не готова, я не хочу никому ее показывать. Теперь вернемся к бутылке.

После завтрака, так скоро, как позволяли приличия, я покинул полковника, сославшись на

боль в ноге, что было чистой правдой. Трой подал повозку и помог мне в нее взобраться. Он кусал губы, стараясь сохранить вид спокойствия до тех пор, пока дом полковника не скрылся из виду. Только тогда Трой заговорил:

— Это он, тот полковник Уэсли Маккалоу, которого я ищу!

— Похоже, что и он вас узнал. По крайней мере, он спросил о вас. Моими объяснениями он был удовлетворен — во всяком случае, этой темы он более не касался. Просто заметил, что представители вашего народа имеют весьма похожие лица.

— Уж конечно, для этого сукина сына мы все на одно лицо. Я могу сказать вам, что он не очень обожаем своими слугами. Они даже со мной боялись говорить о нем. Только один старик в конце концов разговорился. Кажется, Маккалоу одного невольника пару месяцев назад забил насмерть. Охотно верю. Он и в самом деле гнев небес, этот масса Маккалоу. — Трой со злостью сплюнул в уличную пыль. — Слуги мне сказали, что вы с ним были на заводе. Что вы там видели?

Тон вопроса был подчеркнуто безразличен, даже, пожалуй, чересчур. Ясно было, что есть еще нечто, что Трой весьма хотел бы узнать о

полковнике Маккалоу. Я прикинулся простаком:

— Еще один завод, каких я уже повидал немало. А сейчас я с удовольствием предвкушаю, как вытянусь во весь рост и положу ногу на кушетку.

— А что там делается? Я имею в виду — что делается необычного?

— Необычного — в каком понимании? — Он затруднился с ответом, и я решил, что пришла моя очередь задавать вопросы. — У меня возникает чувство, что есть много вещей, о которых вы не сочли необходимым меня информировать. Не пора ли нам их прояснить? Может быть, ты мне не доверяешь, Трой?

Он грустно покачал головой:

— Робби, я доверяю тебе, как никому на свете. Есть много вещей, которые я просто не в состоянии объяснить. Тебе придется просто поверить мне на слово. Одно могу сказать: наш друг полковник ничего хорошего не планирует. И его планы как-то связаны с оружием. Там, на заводе, делается что-нибудь похожее?

— Решительно нет! В этом я могу быть уверен. Машину для изготовления стволов «ремингтонов» я узнал бы с первого взгляда. И уж наверняка пушки там не льются.

— Есть другие виды оружия. У меня есть при-

чины подозревать, что Маккалоу занят изготовлением нового вида пистолета. Такого, который может быть собран из обычных стальных деталей. Есть там что-нибудь подобное?

— Стальных деталей, разумеется, уйма, но они совершенно не похожи на детали пистолета. Может быть, изобретены какие-то новые, о которых мне неизвестно? Должен еще сказать, что часть территории завода мы не осматривали. Она заперта на замок и запечатана. Он сказал, что там разрабатывается усовершенствованная хлопкопрядильная машина. Мне тогда подумалось, что он лжет, хотя и по неизвестной мне причине.

— Это оно! — воскликнул Трой, в порыве энтузиазма тяжело хлопая меня по плечу. — Как ты думаешь, твой окорок выдержит еще немного времени в пути? Я хочу, чтобы ты показал мне этот завод и попытался объяснить, где находится запертое помещение. Я туда наведаюсь ночью и посмотрю, что этот паразит там прячет!

Глава 27

Время приближалось к трем часам утра, и ночь застыла в тишине. Луна зашла полчаса назад, и спящий город погрузился в теплую тьму.

Трой спал на чердачном сеновале около внешней стены конюшни, где через щель в досках было видно ночное небо. Дважды он просыпался, убеждался, что луна еще на небе, и засыпал снова. Теперь он встал, подошел к ведру с водой и плеснул себе в лицо. Какая-то лошадь в стойле беспокойно переступила и фыркнула. Дверь сарая почти бесшумно открылась и снова закрылась, и лошадь опять успокоилась.

Было сыро, жарко и темно; враги со всех сторон. Так похоже было на Вьетнам, что Трою сильно недоставало винтовки М-16, которая там была частью его самого. Он хотел было взять револьвер, но передумал. Если придется применять оружие, значит, задача не выполнена. Это должна быть разведка, а не огневой контакт. Оружием будет стальная отмычка. Еще он взял складной нож, кусок свечи и спички. Больше ничего не требовалось.

На неосвещенных улицах в полной темноте он

был в безопасности, зная, что увидит и услышит постороннего раньше, чем тот — его. В знакомом деле ночного поиска с четко определенной задачей он чувствовал себя уверенно.

Где-то сонно гавкнула собака, учуяв незнакомого, но он уже был далеко. Потом послышались шаги. Он замер в темноте; мимо него прошли двое, разговаривая между собой и не подозревая о его присутствии.

Меньше чем через полчаса Трой стоял, прислонившись спиной к изгороди, и разглядывал очертания деревянного дома на фоне звезд. Завод Маккалоу.

Трой долго стоял без движения, терпеливо наблюдая и слушая. Ничто не нарушало тишины ночи. Похоже, что нет ни охраны, ни собак. Где-то поодаль заржала лошадь, и снова наступила безмолвная и глубокая тишина.

Трой оторвался от изгороди, перешел дорогу и подошел к двери дома. Нащупал замок. Замок был прост и отнял немного времени. И уж точно не могло быть электрического сигнала тревоги. Язычок щелкнул, и дверь открылась.

Все двери внутри были не заперты. Ощупью Трой нашел дорогу в цех. На фоне света звезд проступали контуры громадных машин. Робби

говорил о двери за горном. Осторожно, шаг за шагом, Трой пробирался вперед.

Горна не было видно, но его присутствие ощущалось по волнам расходящегося тепла. Ведя пальцами по деревянной стене, Трой нащупал дверной косяк. Дверь была заложена стальной полосой и заперта на висячий замок.

Трой нащупал замочную скважину, вставил отмычку, повернул. Почувствовал, как сработал замок.

Дверь была отперта.

Он остановился и затаил дыхание, не издавая ни звука. Неожиданное везение.

Везение? Или…

Разум обдумывал ситуацию, а в теле — он чувствовал — росло напряжение. Он ничего не мог поделать с нарастающим чувством беспокойства. Ничего подозрительного не видно, не слышно. Однако с нарастающим страхом ничего нельзя было поделать. Такое он ощущал лишь однажды, в ночном патруле. Как раз перед тем, как они попали под обстрел. Чувство было инстинктивным и не поддавалось осмыслению. Сплошная иррациональность и эмоции.

Но он был уверен, что за стеной его ждет нечто страшное и смертоносное. И он отделен от этого

несколькими дюймами. Разумно или неразумно его предчувствие, но что-то там его дожидалось, он это знал. Он попытался избавиться от ощущения и не смог. За дверью была опасность.

И он не хотел ни встречаться с ней лицом к лицу, ни выяснять ее природу. Но с ней приходилось считаться, и даже не с ней, а с тем ужасом, который она на него наводила. Сердце, охваченное страхом, звало рвануться вон из этой темной западни, бежать немедленно и не останавливаться. Но Трой владел собой. Этого он не сделает. Он не откроет дверь и не встретится с тем дьяволом, что залег там в темноте, но изгонит его другим образом. Традиционным.

Сохраняя безмолвие, он вынул и раскрыл нож. Медленно и осторожно, не издавая ни единого звука, вытащил из штанов подол рубахи и отрезал кусок острым как бритва лезвием. Свернул ткань в трубочку, согнул и положил под стеной, достал спичку и зажег ее в сложенных чашечкой ладонях. Она слегка щелкнула. Когда спичка разгорелась, Трой бросил ее на ткань и подождал, пока та займется. При свете пламени, хотя и небольшого, Трой успел пересечь цех и покинуть здание той же дорогой, которой пришел, укрывшись в небольшой рощице на дальнем конце

дороги.

И стал ждать — неподвижно и терпеливо.

Огонь в здании будет медленно распространяться, захватывая деревянные стены, передвигаясь вдоль пола. Через несколько минут он увидел языки пламени в окнах. Всего через секунду со стуком распахнулась задняя дверь, возбужденно заржала лошадь, и на улицу вылетел всадник.

— Пожар! Бейте в набат! Пожар, пожар!

Трой улыбнулся про себя. Он узнал голос. Маккалоу.

Это его присутствие по ту сторону стены почувствовал Трой. Это он лежал там, готовый захлопнуть крышку западни. А наживка была хороша, вдруг понял Трой. И план был приведен в действие его собственным присутствием.

Маккалоу не был уверен, что узнал его, а то бы расправился на месте. Но сходство его обеспокоило. Как человек дотошный, он начал обдумывать ситуацию и пришел к неизбежному выводу. Он рассмотрел возможность того, что его преследуют сквозь время. А полковнику свойственна тщательность. Возможно, сходство случайное, однако меры принять необходимо. Этим и была вызвана экскурсия по заводу и упоминание о секретном помещении. Маккалоу — мастер тактики,

и его план должен был сработать.

Но не сработал. Он был на волосок от успеха. Но провалился. Если бы Трой открыл дверь хотя бы на долю дюйма, его бы убили на месте, застрелили как собаку. У него даже выступил холодный пот при мысли о том, как близок он был к гибели.

Но безопаснее ли лежать здесь, в укрытии? Пожалуй, ведь Маккалоу должен был проделать все в одиночку, он никому не мог доверить свою тайну. Он лежал в темноте и ждал. Теперь он поскакал за пожарными. Заглянуть в дверь?

Слишком поздно. В домах зажигались огни, слышались голоса. Пожар! Вечный ужас маленьких деревянных городков. На помощь выходил каждый. Людей все прибавлялось и прибавлялось, и Трой прятался все глубже и глубже в тень.

В считаные минуты прибыли первые пожарные помпы — примитивные, на конной тяге. Но эффективные. Люди с криком накинулись на ручки насосов, и первые струи воды ударили из шлангов.

Организация как в Бедламе, но работа делалась. Тут же сформировалась цепочка к ближайшему дому, по которой немедленно из рук в руки поплыли ведра с водой, выплескиваясь в шипящее

пламя. Прибыли пожарные линейки, и с ними Маккалоу, возглавивший борьбу с огнем за фасад здания. Это счастливый шанс для Троя. Огонь не разбирает расовой принадлежности, и черные с белыми перемешались в битве с пожаром; Троя могли не заметить. Он бросился к тем, кто боролся с огнем на заднем дворе.

Сквозь открытую дверь были видны охваченные пламенем помещения. На крышу обрушивался поток воды из рукава, мешающий огню двигаться дальше, а огонь, что горел внизу, пытались залить две шеренги орущих в клубах пара потных людей, ввергающих в пламя воду ведро за ведром. Трой схватил ведро и присоединился к ним.

Работа жаркая и отчаянная. Порой казалось, что огонь уже укрощен, — но он снова прорывался наружу, пожирая сухое дерево. Лица у всех были покрыты слоем пепла с бороздами стекающих потовых ручьев. Трой работал наравне с другими, постепенно пробираясь внутрь здания, проталкиваясь через тлеющие угли и отшвыривая ногами что-то металлическое.

В какой-то момент он оглянулся, как бы выбирая, куда идти. Никто на него не смотрел. Он схватил кусок металла и бросил его в ведро. Сунул

туда же обожженную горячим металлом руку. Тут же повернулся, смешавшись с людьми, и стал пробираться к выходу.

Первые жертвы огня лежали и сидели на дальней обочине дороги, откашливаясь и хрипя. Трой присоединился к ним, кашляя вполне натурально, поскольку вдоволь наглотался дыма. Он уселся на землю, натужно хрипя, сунув голову между коленями. Незаметно для постороннего глаза вытащил металл из ведра и сунул за пазуху.

Пожар отступал, и ночь становилась темнее. Стало совсем не трудно уйти и раствориться в темноте.

Сдерживая нетерпение, Трой отошел подальше от места пожара и оказался среди темных деревьев на безмолвной улице. Там он скрылся под покровом деревьев, положил кусок металла на землю и склонился над ним.

Вспыхнула спичка, огарок свечи замигал и разгорелся. Трой почти сразу его потушил, но успел увидеть достаточно. Осторожно взяв в руки почерневший металлический брусок, он взвесил его на ладони.

Он видел такой брусок совсем недавно, но в другом времени и в другом месте. В Смитсонов-

ском институте, в Вашингтоне.

Оба бруска были одинаковы.

Он держал в руках спусковую пластину от автомата «стен».

Глава 28

Пожар продолжался до рассвета. От почерневших развалин поднимались клубы пара, а вокруг стояли небольшими группками или сидели прямо на траве перемазанные копотью, усталые люди. Уэс Маккалоу пнул ногой какой-то обгорелый чурбак и замысловато выругался. Плохо, но могло быть и хуже. Огонь остановили вовремя, и оборудование не очень пострадало. Как только восстановят помещения и заменят ремни трансмиссии, работа начнется снова. Больше всего пострадала кладовая, но восстановить все не составляло труда.

— Это ужасно, полковник, ужасно, — проговорил толстяк, аккуратно пробираясь через обломки. По его чистому костюму и начищенным ботинкам было ясно, что в тушении пожара он не участвовал. — Вам известно, отчего загорелось?

— Нет, сенатор, мне не известно, — ответил полковник. — Однако ясно, что источник огня находился здесь, на стене. Похоже, занялось около горна. Может быть, искра из него подожгла щепку — знаете, как это бывает. — Он повернулся на стук копыт — к ним кто-то приближался гало-

пом. — Простите, сенатор, но лучше нам обоим уйти отсюда. Здесь как-то неуютно.

Маккалоу подождал, пока сенатор заговорит с какими-то своими друзьями, и только тогда махнул рукой двум парням сурового вида, которые давно уже следили за ним взглядом.

— Хикс, отправляйтесь с Янси в «Голубой дом». Знаете этого шотландца Шоу, который вчера заезжал?

— А то, полковник. Чудной мужик.

— Приведите его сюда. Разбудите его и скажите, что я хочу видеть его немедленно. Если он заартачится, все равно тащите его сюда. Приведите его в дом и заприте. В камере, что в помещениях для рабов. Он замешан в этом пожаре. Только не трепитесь про это, пока не выведете его из гостиницы. Я хочу, чтобы это дело не стало слишком известным, поскольку, когда я с ним поговорю, он исчезнет.

— Вы думаете, это он сделал?

— Он — нет, его ниггер. Так что поищите этого гада, прежде чем возьметесь за Шоу. Не думаю, что он еще там, однако посмотрите. Если не найдете, Шоу расскажет нам, где его найти. Я сам им займусь. Вы только подержите его до моего прихода. Это будет не позже чем в середине дня.

А теперь — доставьте его.

Маккалоу смотрел, как они вскочили на лошадей и ускакали. Трой Хармон. Он выдохнул имя, как проклятие. Это и было проклятием. Черномазый все-таки выследил его и пустился за ним! Никогда бы не подумал, что у такой твари хватит на это духу. Да не духу, а глупости — просто хватательный рефлекс, как у черепахи, которая сжимает челюсти даже после смерти. Ладно, неважно. Он здесь, и от него идут неприятности. Газетчик привел его прямо к двери дома и должен за это расплатиться. Если бы только мысли полковника не были так заняты текущими делами, если бы он сразу узнал черномазого! Но сходство стало беспокоить его лишь потом: всегда оставалась вероятность, что его будут преследовать. Потому-то он и принял меры предосторожности. Отличная получилась западня и почти сработала. Только этот черножопый что-то заподозрил, пронюхал. Но теперь это не имеет значения. Все остальное идет как запланировано, и планы воплощаются в жизнь без сучка и задоринки. Пока. Ну ладно. На войне бывают потери, а проигранные битвы не в счет, важна финальная победа. И ее он не собирался упускать.

Как только прибыл управляющий, Маккалоу

поставил его руководить размещением спасенного имущества, а сам поскакал домой. Было время умыться и переодеться и даже перекусить. Еда заменит сон, которого ему сегодня не хватило. Кофе и малость бурбона. Не забыть взять с собой фляжку. Встреча назначена на десять. Если выехать даже в девять, времени хватит с запасом.

К тому времени, когда Маккалоу покончил с завтраком, его уже ждала свежая лошадь, оседланная и взнузданная. Но прежде полковник зашел в спальню и подошел к сейфу. Он был сделан в Лондоне по специальному заказу, и замки подогнаны в его присутствии. Их три, один над другим, и во всем мире существовал только один набор ключей. Полковник вставил ключи в скважины, один над другим, и по очереди повернул. Затем потянул на себя массивную стальную дверь. Там лежало немного золота, большие суммы наличных денег и кое-какие бумаги. И большой деревянный футляр. Его-то полковник и вытащил, улыбаясь. Там, внутри, спрятано будущее Юга.

Закрыв сейф и наложив обратно запоры, полковник обернул футляр водонепроницаемой тканью и взял сверток под мышку. Бросившийся на помощь невольник-конюх получил удар

хлыстом. Это не для черных лап! Укрепив футляр за седлом, полковник хлопнул себя по карману (фляжка на месте) и взвился в седло.

В десять часов он был на перекрестке проселочных дорог посреди холмов. Неподалеку отсюда фермы, но с этого места их не видно. Потому он его и выбрал. Дорога устремлялась вверх на холм и скрывалась в густом лесу. Маккалоу посмотрел на часы, спрятал их и достал большую серебряную флягу. Сделал большой глоток, потом еще один и опустил фляжку, услышав приближение лошади. Пришпорив свою, он поехал навстречу.

— Вы полковник Маккалоу? — спросил вновь прибывший. Это был армейский офицер, лейтенант кавалерии, с привычной легкостью управлявший горячим вороным конем. Длинные черные волосы почти закрывали воротник. Лицо скрыто пышной бородой и длинными усами, а глаза из-под открытого высокого лба смотрели остро и проницательно.

— Я Маккалоу. Благодарю вас за то, что вы проделали такой путь, не требуя подробных объяснений причины.

— У нас есть общие друзья, полковник, которые заверили меня, что дело того стоит. Один из них сказал даже, что мне предстоит самая важная

встреча в жизни. Должен признать, что я заинтригован. Может быть, полковник, вы поделитесь со мной секретом, который привел моих друзей в такое волнение?

— Обязательно, лейтенант. Но я вам не скажу ничего — я покажу. Только не здесь. Если вы еще немного потерпите, мы проедем дальше, в этот лес.

Поскольку ни один из них не был склонен к пустой болтовне, они ехали в молчании. Маккалоу, очевидно, знал дорогу: он уверенно свернул на тропинку, что вилась между деревьями. Она привела на небольшую поляну, выходившую к обрывистому склону холма. Полковник спешился, и спутник последовал его примеру. Лошадей привязали к дереву. Лейтенант с нескрываемым любопытством наблюдал, как полковник отвязал футляр и вынес его на солнце.

— Вы приехали, сэр, чтобы увидеть вот это, — сказал Маккалоу, осторожно разворачивая сверток. — Я прошу вас проявить терпение еще несколько минут, пока я повторю некоторые вещи, очевидные для нас обоих. Мы с вами — патриоты Юга и оба верны нашему правому делу. Я имею причины считать, что приближается война, и ее приближение неизбежно, как судьба.

И вы, несомненно, бросите ваш жребий на чашу весов Юга.

Офицер медленно наклонил голову:

— Вы говорите правду, хотя я лишь недавно пришел к этому решению. И я никому о нем не говорил. Как вы узнали?

— Потому что я понимаю вас, лейтенант. Я знаю вашу гордость, и ваше искусство кавалериста, и вашу непревзойденную преданность этому искусству. Я хочу показать вам оружие, которое, как я предчувствую, вам понравится. Но сначала хочу спросить у вас. Вооружены ли ваши войска новыми винтовками Шарпа, которые заряжаются с казенной части?

— Нет, и я об этом жалею. Что бы там ни говорили, в армии их сейчас наберется всего несколько штук.

— Хорошее оружие?

— Наилучшее. Несколько громоздкое для использования в конном строю, но для пехоты — отличное оружие. Обученный солдат может сделать шесть или даже семь выстрелов в минуту.

— Верно, — подтвердил Маккалоу. На него эта цифра явно не произвела особого впечатления. Он открыл свой ящик и запустил туда руку. —

В таком случае что вы скажете, лейтенант, об оружии, которое не больше седельного пистолета и которое делает более десяти выстрелов в секунду?

Голос лейтенанта пресекся. Глядя на футляр, он ответил:

— Я бы сказал, сэр, что, если бы такое оружие существовало, война была бы, скажем так, весьма отлична от той, какова она сейчас.

Маккалоу взял стальной автомат в руки.

— Компактный, уродливый, смертельный. В сложенном виде длина двадцать дюймов. Вес — шесть с половиной фунтов. Металлический рожковый магазин вмещает тридцать два патрона. Вставляется вот здесь, снизу. Теперь показываю, как это оружие стреляет. Маленькая рукоятка отводится до упора назад и становится на место со щелчком. Остальное сделает сам автомат. При нажатии на крючок он начинает стрелять. При отпускании спускового крючка стрельба прекращается. Так продолжается до тех пор, пока не опустеет магазин. Замена магазина занимает не больше секунды. Набор рожков входит в снаряжение солдата. Теперь смотрите.

Маккалоу повернулся, держа автомат на уровне пояса, и спустил курок. Автомат заревел, поливая

пулями деревья и песчаный берег. В солнечных лучах взлетели сбитые листья и черенки, сломанные ветви попадали на землю. Огонь прекратился, и только эхом гремели в ушах выстрелы. Щелчок — и на траву упал пустой магазин, еще щелчок — и на его место встал новый. Полковник повернулся и протянул оружие кавалеристу:

— Держите крепко. Отдача невелика, но уводит ствол вправо вверх. Стреляйте короткими очередями, наводя ствол на цель после каждой очереди.

Лейтенант протянул руку и взял автомат, ощутив холодный металл ложи и тепло короткого ствола. Медленно подняв оружие к плечу, он прицелился и нажал на спуск. Автомат громко застучал, медные гильзы дождем посыпались на землю, послышался визг пуль. Автомат замолчал. Лейтенант взглянул на него, затем на полковника, и его глаза широко раскрылись.

— Неимоверно! Вообразить себе не мог подобного. Один солдат, один кавалерист обладает огневой мощью целого взвода!

— И он может стрелять верхом, стрелять на скаку, атакуя противника. Прицелы поставлены на сто ярдов, но на самом деле они не нужны. Пули хлещут, как вода из шланга. Проведите им

туда и обратно — и противника нет. Имя этому оружию — «Победа».

— И оно принесет победу! — уверенно рассмеялся лейтенант. — Меняется роль кавалерии, и в новой армии она будет главной силой. Она будет ударять как молния, мощно, мгновенно, неотвратимо. От таких ударов противник не оправится никогда. Она может опрокидывать врага и идти вперед, оставив очистку территории пехоте. Но как он действует? Как он сделан? Я о нем ничего не слышал, даже слухов не доходило.

— Секрет, известный только нескольким истинным друзьям Юга. Этот автомат я сделал сам, на моем ричмондском заводе. В разобранном виде детали даже не напоминают оружие. Сборка ведется в тайном месте, и там же делаются патроны. Без них наша «Победа» — только груда лома. С ними — это Победа!

Маккалоу подцепил большим пальцем патрон из магазина и передал его лейтенанту.

— Короткая и твердая пуля. Вес пули сто пятнадцать гран, заряда пороха — шесть. Гильза латунная, штампуется на особом станке, сделанном в Англии. Капсюль содержит воспламенитель того же состава, что и в патронах под игольчатый боек. Но на этом сходство кончается. Патроны

центрального боя, и их не надо вставлять и выбрасывать вручную. Боек всегда попадает на нужную точку. Отдача при отходе затвора выбрасывает стреляную гильзу и досылает в ствол новый патрон.

— Так просто — и теперь, когда вы это показали, так очевидно!

Маккалоу согласно кивнул:

— Его только надо было спроектировать и сообразить, как использовать готовые машины для обработки стали и латуни. Здесь нет никакой мистики. Это оружие лучше, быстрее, дешевле — и смертельнее, чем все, что было до него. Представьте себе, прошу вас, использование этого оружия в бою. Ведь скоро будет образована Конфедерация, и наш Юг станет наконец самостоятельным государством. За этим, очевидно, последует война, и она окажется короткой и эффективной. Что нужно, чтобы война окончилась сразу же?

— Разумеется, марш на Вашингтон. Он слабо защищен, гарнизон только сформирован и еще не обучен. Может быть, они будут драться и попытаются организовать оборону возле Балл-Рана — наиболее очевидное место, где можно построить войска.

— Конечно, — согласился Маккалоу, усмехнувшись про себя. — А что будет, если вы атакуете их боевые порядки пятью тысячами всадников и у каждого в руках «Победа»?

— Что будет? Конечно же победа. Мы будем неудержимы. Мы захватим Вашингтон и уничтожим любой армейский отряд, у которого хватит глупости попытаться его отбить. Война будет выиграна, а Юг — свободен, и мы займем подобающее нам место среди наций мира!

Он резко повернулся и схватил Маккалоу за руку:

— Я с вами, сэр. Я соберу войска, если вы снабдите их оружием. Все будет так, как вы только что рассказали. Спасибо вам, полковник Маккалоу!

— Нет, лейтенант Стюарт, я только ваше орудие. Благодарить будут вас.

Но Дж. И. Б. Стюарт уже не слушал. Перед его мысленным взором проносились атакующие конники, и он провидел длинную цепь битв и побед, добытых его войсками и этим дивным оружием.

Глава 29

Чуть позже половины седьмого утра Хикс и Янси постучались в гостиницу «Голубой дом». Потом еще раз, погромче.

Им открыла сама миссис Хенли в домашнем платье с короткими рукавами и раскрасневшаяся от кухонного жара.

— Вы знаете, который час? Что за манера спозаранку барабанить в дверь и не давать покоя добрым людям?

— Извиняюсь, мэм, у меня тут срочное поручение от полковника Маккалоу к мистеру Шоу, который здесь остановился.

— Рановато для поручений. Мистер Шоу еще спит, а у меня даже кофе не готов.

— Ладно, не будем его беспокоить, раз он еще в кровати. Я слыхал, у него тут есть ниггер. Он где? Мы бы его нашли, а он бы поднял хозяина.

— Там, на конюшне. А у меня больше нет времени с вами болтать.

Дверь захлопнулась у них перед носом.

— Стой здесь, — сказал Хикс. — Следи, чтобы никто не сбежал через переднюю дверь, пока я буду за домом. А я посмотрю, где этот поджигатель.

Янси уселся на ступени, а Хикс вынул из кобуры седла большой пистолет и крадучись пошел вокруг дома. Янси откусил порцию жевательного табака и стал медленно ворочать челюстями. Хикс вернулся.

— Смылся, — сказал он, пряча пистолет за пояс и прикрывая его полой куртки. — Я и не думал, что он будет ошиваться здесь после того, что натворил. Тогда пусть этот Шоу нам чего-нибудь расскажет…

Он резко повернулся на звук открываемой двери и улыбнулся молодой девушке.

— Не обижайтесь на маму, — сказала им Арабелла. — Она по утрам всегда несколько раздражительна. — Арабелла обернулась, взяла со стола поднос и вышла к ним. На подносе стояли две чашки горячего кофе. — Друзья мистера Шоу — мои друзья. Я подумала, что вы, может быть, хотите кофе.

— Это уж точно, мы с ним друзья. — Хикс подмигнул Янси из-за плеча Арабеллы. — Кофе определенно хорош. Я уверен, что он был бы рад нас видеть. Он уже встал?

— Встал. Я ему приносила воды несколько минут назад. Пейте кофе, и я вас проведу.

Они моментально допили кофе и пошли за

Арабеллой вверх по лестнице. Подождав, пока она уйдет, они постучали в дверь.

— Открыто! — отозвался Робби Шоу. Он, заканчивая бритье, увидел вошедших в зеркале. — Чем могу служить?

— Хикс меня зовут, мистер Шоу. Я на службе у полковника Маккалоу.

— Я узнал вас, Хикс. Я вас видал у полковника. Что привело вас ко мне в столь ранний час? — Он сполоснул опасную бритву и вытер ее полотенцем.

— Тут у полковника на заводе был пожар…

— Да, я слышал тревогу — она меня разбудила. Много сгорело?

— Не могу сказать, сэр. Но полковник хочет видеть вас, немедленно. Послал нас за вами.

— Очень мило со стороны полковника. Возвращайтесь к нему и скажите, что я приду не позже вечера и подготовлю материал для прессы.

— Я думаю, он бы хотел встретиться с вами сейчас.

— Понимаю, однако это невозможно. Теперь, с вашего позволения, если мы закончили…

— Теперь, — сказал Хикс, вынимая из-за пояса пистолет, — пакуй свои шмотки и не говори лишних слов, понял? Мы выйдем втроем на

небольшую прогулку, пройдем через переднюю дверь, и у тебя будет такой вид, будто ты невесть как рад. Янси, покажи ему арканзасскую зубочистку.

С неожиданной в таком крупном теле быстротой Янси выхватил длинный нож и ткнул им в сторону Шоу.

— Наш Янси не так чтобы очень умный, но с этой штукой обращаться умеет. Так что без глупостей на выходе. Где твой чемодан?

— В чулане. Я возьму…

— Не надо. Янси возьмет. Вдруг там не только чемодан, но и пистолет и ты, не дай бог, поранишься. Янси, вытащи его оттуда.

Янси перебросил нож в левую руку, а правой взялся за ручку двери и потянул на себя.

Трой шагнул вперед из чулана, резко опустив ребро ладони занесенной руки на шею стоящего перед ним человека. Тот хрюкнул и сложился гармошкой; из ослабевших пальцев выпал нож.

Хикс услышал тупой, как по отбивной, удар, повернулся, вскидывая пистолет, — и взвизгнул, когда бритва Шоу полоснула его по руке. С рычанием он схватился за запястье, и между пальцами брызнула кровь.

— Много шума, — заметил Трой, делая шаг впе-

ред и занося кулак. Хикс молча свалился.

Трой перевязал ему запястье полотенцем, а Шоу прополоскал бритву и выплеснул в окно порозовевшую воду.

— Ты думаешь, было слышно? — спросил он.

Трой прислушался и покачал головой:

— Непохоже. Все спокойно. А ты здорово работаешь лезвием.

— Приходится. Никогда не знаешь, кому и когда придет в голову вытащить пистолет. Ты был прав насчет того, что Маккалоу вышлет карательную экспедицию.

— Иначе быть не могло. Пожар только подтвердил его подозрения. Теперь он хочет добраться до меня раньше, чем я до него. В этом городе у него слишком большие силы. Здесь мы не можем дать ему бой. Надо отступить и перегруппироваться. Но по-умному. Потому-то я и хотел, чтобы сначала показались эти гориллы. Если бы мы сразу сбежали, он бы пустил их по нашему следу. Теперь мы выиграли время. Так воспользуемся им наилучшим образом.

С этими словами он вытащил веревку из-под кровати, отрезал кусок и, пока Шоу собирал вещи, быстро и умело связал людей полковника и заткнул каждому рот кляпом.

— Легенду помнишь? — спросил он.

— Она простая. Я быстро перекусываю и говорю хозяйке, что собираюсь целый день сидеть у себя и писать, так что прошу меня не беспокоить. Возвращаюсь сюда и ухожу через окно на крышу каретного сарая — той дорогой, которой вошел ты. Ты тем временем выводишь повозку.

— Прекрасно. Нога не помешает?

— Мне же не карабкаться вверх, а висеть и прыгать не помешает.

— Тогда вперед. Я хочу, чтобы мы были подальше отсюда, когда их найдут.

Когда они выехали на улицу, город пробуждался.

— Ты составил какой-нибудь план? — спросил Шоу.

— Хороший вопрос. Ответ на него я обдумывал с тех самых пор, как мы сбежали. И пока ничего не нашел. Обо всем, что я пока придумал, полковник наверняка догадается. Поначалу я думал податься на север, для безопасности. Но это решение, которое напрашивается само собой, и дороги будут под наблюдением. У полковника есть могущественные друзья, с которыми он в заговоре. Я знаю, что он действует не один. Слишком большое дело он задумал.

— А какое именно?

— Я потом тебе расскажу — все, что смогу. Давай сначала унесем ноги. Если на север ехать глупо, то на юг не менее — это как маршировать в львиную пасть. Мы можем попробовать пробраться на восток, в Норфолк, но при попытке сесть на корабль нас поймают.

— А поездом?

— Еще хуже. Вокзалы будут под наблюдением, а если мы где-то и проскочим, нам по телеграфу организуют комиссию по встрече.

— Следующий поворот налево, — сказал Шоу.

Трой вопросительно на него взглянул:

— А зачем? Есть причины?

— Ну разумеется. Раз у тебя нет предложений, будем воплощать мои. Я предлагаю поехать по подземной железной дороге.

— Господи! Какой же я болван. Я про нее забыл. Ты с ними работал, с этими людьми?

— Работал. Мы поедем на станцию, до которой всего полдня пути, близ Монпелье. Только сначала надо несколько замутить воду. Нам не надо приводить преследователей к тому месту, куда мы едем. А сейчас нас очень легко выследить.

— Ты прав, как никогда! Черный, везущий белого в зеленой повозке, за которой привязан

одноглазый мул. Все равно как объявление дать.

— И я того же мнения. Так что мула мы продадим на конюшне, сразу за городом. Хозяин увидит, что мы поехали на север. Как только мы скроемся с глаз, свернем на запад по боковой дороге. Я буду править, а ты спрячешься под рогожей на дне. Когда нападут на наш след, мы уже исчезнем.

— Звучит убедительно, вот только лежать под мешком… Ладно, зато постараюсь поспать.

Ближе к вечеру повозка выехала из низин и потащилась по пыльной дороге, что вилась по холмам подножия Пьемонтского плато. День был жаркий, но воздух оставался столь прозрачным, что были видны даже очертания гряды Голубых гор. Лошадь притомилась, и Трой шагал рядом, ведя ее под уздцы.

— Далеко еще? — спросил Трой. — А то я скоро буду как эта лошадь.

— Еще несколько миль, как мне помнится. Хочешь передохнуть?

— Да нет. Пойдем дальше. Чем дольше мы будем торчать на дороге, тем больше шансов, что нас кто-нибудь увидит.

Дорога вилась через островок соснового леса, затем огибала крутой выступ. За поворотом на

дороге стояли два крупных человека с винтовками. Винтовки были направлены на пришельцев.

Первый приступ страха у Троя прошел, едва он разглядел, что один из двоих — негр. Ясно, что те, кто работает с Маккалоу, будут лилейно-белыми.

— Держите руки на виду, — сказал белый, качнув дулом. — Теперь отвечайте: кто вы и куда едете?

— Это не ваше дело, — спокойно ответил Шоу. — Если вы остановитесь, мы себя переправим.

— Странные слова, — сказал человек, но опустил ствол. — Люди много говорят, и слова «остановка» и «переправа» тоже кто-то мог подслушать. Скажи лучше, кого ты знаешь. Рассела знаешь?

— Отиса? Разумеется, знаю. И он меня знает.

— Он тебя? Тогда самое время назвать твое имя.

Шоу, очевидно, с этим согласился.

— Я — Робби Шоу. Я уже бывал на этом куске Дороги.

— Помню, как же! — Человек закинул винтовку за спину и вышел вперед, протягивая руку. — Гарриэт Табмен говорила, что ты с ней работал.

— Она все еще в деле!

— Ее не остановить. В каждом штате за ее го-

лову назначена награда. Она переправила уже пять тысяч человек — и все еще работает. Ну, должен сказать, хорошо, что ты знаешь ее и Отиса, потому что мы теперь не очень-то жалуем неизвестных. Слишком много приходит гостей, и слишком много происходит событий. Но сегодня у нас поход, и ты как раз приехал вовремя, чтобы нас проводить.

— Поход куда? Я ничего не слышал.

— А откуда? Все держалось в секрете, но скоро узнает весь мир. Мы выходим с фермы Кеннеди, с мэрилендского берега Потомака.

Шоу озадаченно покачал головой:

— Боюсь, не припомню. Это дом на Дороге?

— Нет, просто заброшенная ферма, которую мы используем. Несколько миль от Харперз-Ферри. Снята самим мистером Айзеком Смитом. Это имя, под которым он скрывается, но ты его знаешь.

— Этот Айзек Смит — не кто иной, как Джон Браун собственной персоной! Вот он кто!

Джон Браун, вспомнил Трой, — и похолодел. Джон Браун и Харперз-Ферри. А сегодня — четырнадцатое октября.

Джон Браун. Нападение на Харперз-Ферри.

Четырнадцатое октября одна тысяча восемьсот пятьдесят девятого года.

Глава 30

Трой тихо сидел в углу возле камина, прихлебывая кофе. Стемнело. Поднялся ветер, и от щелей в двери потянуло холодом. Собравшиеся в доме аболиционисты были возбуждены и вели оживленный разговор. Трой в нем не участвовал. Он чувствовал неодолимую тяжесть истории и видел, что эти люди живы — и в то же время мертвы. Харперз-Ферри. Атака через два дня. Ему в голову лезли воспоминания из курса истории, как проходила атака и чем закончилась, но Трой старался их отогнать. Он не хотел помнить. Его задачей было остановить полковника Маккалоу, помешать ему выполнить свой сумасшедший план с производством автоматов. Он не имел права сказать даже слова — это уже было бы слишком много. Ему не было дела до того, что здесь произойдет. Но заставить себя не слушать он не мог.

Сейчас вниманием слушателей завладел молодой человек, прибывший сегодня днем. Он странно и возбужденно глядел единственным глазом, а второй прикрывала повязка. Его звали Фрэнсис Мерриам, и он приехал из Бостона.

— Вот так это и было, — говорил он, — именно так. Когда я говорил с этим негром, я вдруг понял, что у меня шанс принять участие в святом деле. Мой дядя, он большой человек в движении аболиционистов, но теперь не только он из всей нашей семьи знает, что почем. Когда этот человек рассказал мне о Шепарде и о том, чем он занимается, я уже знал, что я должен быть здесь. Я говорил с Сэнборном, а он попросил Хигинсона, и меня направили сюда. Вот как было дело.

Чем-то необычен этот человек, но никто из присутствующих не обращал на это внимания. Он повторялся, часто кивал. Ему часто приходилось вытирать рот рукавом, особенно когда он волновался. Теперь он пошарил сзади себя, достал ковровую сумку и открыл.

— Старого Джона Брауна я знаю, я ему помогал выкрадывать рабов там, на Юге, и я знаю, что ему может быть на пользу. — Из сумки он извлек кожаный бумажник и вытряхнул на ладонь кучу золотых монет. — Оружие и патроны стоят денег, так вот они. Шестьсот долларов золотом, кто хочет — пересчитайте. И все ему, на дело.

— Благослови вас Господь, Мерриам, — проговорила старая женщина, покачиваясь в кресле у огня. — Да благословит вас Господь, и да поможет

Он освобождению рабов.

Как бы ставя точку в конце фразы, резко хлопнула входная дверь. Присутствующие потянулись к пистолетам; вошел высокий человек, промокший под ливнем, и застыл в двери, борясь с ветром. Потом повернулся лицом к людям в комнате — молодой, чуть больше двадцати, оглядел комнату, ища кого-то:

— Фрэнсис Джексон Мерриам — ты ли это?

Мерриам поднялся на ноги и поспешил к двери, крепко пожав руку друга.

— Джон, они сказали, что ты меня встретишь. Я не опоздал? — Не дожидаясь ответа, он отвернулся. — Люди, это Джон Коупленд, который принимал участие в походе на Оберлин. Это было в газетах.

Пришельца приняли. Кто-то сунул ему в руку дымящуюся кружку с кофе. Он с благодарностью принял и стал пить, пока остальные сгрудились в ожидании новостей. Первым не выдержал Мерриам:

— Как оно там? Как все?

— Все в порядке. Стало известно, что ты приезжаешь, и мне велено встретить тебя и проводить. У нас тут, на ферме, довольно много народу. Кое-кто здесь заперт с августа. Но скоро мы уда-

рим. Пики и ружья у нас есть. Все готово, как говорит мистер Кук. Он уже около года живет в Харперз-Ферри и работает на федеральной оружейной фабрике. Он про нее все знает. Он там даже женился на местной. Да, уж он дело знает, этот Джон Е. Кук! Он мой друг, мы говорили с ним в доме, и он мне все рассказал про эту фабрику. Знаете, сколько они там могут сделать оружия? Десять тысяч в год, вот сколько! У них там все есть, и большой горн, и механический цех. Они там делают капсюли, и стволы, и еще какие-то секретные пули, как сказал мистер Кук.

Пули! Это слово ударило Троя, как сама пуля. Вот оно что!

«Стен» бесполезен без большого запаса первоклассных патронов. Он же так занялся автоматом, что забыл о необходимости производства сотен тысяч, миллионов патронов. Таких патронов, каких он здесь еще не видел. А ведь разгадка была у него перед самым носом. Он видел здесь массу всякого оружия — гладкоствольного, нарезного, заряжающегося с дула, пистонного и капсюльного, но патроны от них не годились для автоматического ведения огня. Патроны. На заводе Маккалоу не было ни патронов, ни пороха, но ведь работу такого масштаба не спрячешь.

Значит, в Ричмонде делались автоматы, а не патроны. А патроны где?

На государственном патронном заводе.

Пришелец все еще говорил, отвечая на вопросы. Трой ждал, в нетерпении постукивая костяшками пальцев, потом не выдержал:

— Извините, что перебиваю, мистер Коупленд, но, если не ошибаюсь, вы сказали, что в Харперз-Ферри делают новый вид пуль?

— Так мне сказал мистер Кук, а он не из тех, кто будет трепаться зря. Эти пули делаются на винтовочном заводе Холла, на острове Шенандоа. Там всюду охрана. Даже близко не подойти.

— А мистер Кук вам не описывал, как выглядит эта пуля?

— Он сделал больше. Он сказал, что если это так секретно, значит, важно. Он велел мне сказать Джону Брауну, я так и сделал. Он сделал еще одну вещь: достал несколько бракованных гильз, которые выметали из цеха, и дал мне, чтобы показать Джону Брауну.

— Вы можете ее описать? — спросил Трой, стараясь говорить спокойным голосом.

— Лучше я вам ее покажу. У меня одна с собой.

Он порылся в карманах брюк, поморщился, полез в куртку.

— Неужто потерял? Да нет, где-то есть. А, вот она.

Трой смотрел на гильзу, лежащую у него на ладони. Патрон от парабеллума, калибр девять миллиметров, ничем другим эта гильза быть не могла. Трой достаточно из него пострелял в своей жизни. Завальцована у основания и пробита под капсюль.

— Очень интересно, — сказал Трой, возвращая гильзу. — Вы ведете мистера Мерриама к остальным?

— Завтра с утра.

— Я хотел бы пойти с вами добровольцем. Можно?

— Джон Браун будет рад любому, кто придет.

— Рад это слышать, — впервые за вечер заговорил Робби Шоу. — Если есть место для одного добровольца, найдется и для другого. Я тоже пойду.

С этими словами он взглянул прямо на Троя и позволил себе намек на улыбку. Потом было еще много разговоров и волнений, и лишь позже Трою представился случай отвести Шоу в сторону.

— Ты-то зачем? — спросил Трой. — Это уже не игра. Люди идут умирать.

— И никогда не было игрой, но всегда — загад-

кой. Ты знаешь много такого, о чем ты мне не говорил. Но сегодня ты сказал, что этот новый вид патронов имеет отношение к тебе, к полковнику, к вам обоим. Ты подпрыгнул, услышав слова Коупленда. Не хочешь мне рассказать, что за всем этим кроется?

— Нет. Но прошу тебя смотаться отсюда, пока есть возможность. Я должен идти на Харперз-Ферри, а ты можешь не ходить. Робби, будь другом, поверь мне на слово. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Я поверю тебе на слово, когда ты мне все расскажешь. Что ты искал на заводе Маккалоу? Ты ведь нашел что-то, из-за чего пытался его сжечь.

Трой задумался. Он теперь точно знал, что Маккалоу выпускает автоматы и что он состоит в заговоре, связанном с изготовлением патронов на государственном оружейном заводе. Следовательно, многие знают об автомате и держать это в секрете не надо. Остается умолчать только о том, что он преследует полковника из будущего.

— Ладно, Робби. Так будет честно. Я — правительственный агент, преследующий Маккалоу. Он не только совершил убийства, о которых я тебе говорил, но и украл чертежи секретного и смертельного оружия. Он твердо верит, что скоро

начнется война между штатами, и вступил в сговор с другими южанами. Оружие он выпускает у себя на заводе — я там нашел деталь. Но патронов там не было, а для этого оружия нужны специальные пули. С гильзами в точности такими, какую я только что держал в руке. И загадка состоит в том, что эти патроны выпускаются на государственной фабрике, однако могу гарантировать — государство не в курсе.

— Ответ на загадку прост. Офицеры, руководящие заводом, все на стороне южан. Это легко было устроить, потому что много офицеров из Виргинии. А где еще так легко спрятать производство вооружения, как не здесь, у всех под носом? Это как в рассказе Эдгара Аллана По о пропавшем письме. Ты уж прости, Трой, но я пойду с тобой, и ты меня не отговаривай. Что за история будет для газет! Я — журналист, а только потом аболиционист. Что бы ни случилось в Харперз-Ферри, это будет газетной статьей десятилетия. Вперед, на встречу с Джоном Брауном!

Глава 31

В ночь пятнадцатого октября буря утихла, и наступил спокойный и свежий рассвет. Добровольцы поднялись пораньше, поели и с первыми лучами зари отправились в путь. Впереди ехали верхом Коупленд и Мерриам, за ними в повозке — Трой и Шоу. Они двигались вперед, и около полудня Коупленд натянул поводья лошади, показав на подножие холма внизу.

— Вон там Харперз-Ферри. Там, на той стороне Потомака, — Мэриленд. В семи милях дальше стоит ферма. Вон, видите мост через реку?

— Нам ехать через город? — спросил Шоу.

— Единственный путь, разве что еще можно вплавь.

— Тогда должен вам сообщить, что рабовладельцы ищут меня и Троя и наше описание могли передать по телеграфу. Белый и черный в повозке.

— Это легко исправить, — сказал Коупленд. — Один из вас вылезет из повозки и проедет через город на лошади.

— Лучше я, — отозвался Трой. — У него нога забинтована, почему мы и ехали в повозке.

Так они и въехали в Харперз-Ферри — Фрэнсис Мерриам в повозке рядом с Шоу, а Трой — на лошади Мерриама. Город находился на полуострове, образованном Потомаком и впадающей в него Шенандоа. Он представлял собой беспорядочное скопление домов, салунов, гостиниц и магазинов, растянувшихся по берегам обеих рек и взбегающих на подножие плато Боливар. Коупленд, прокладывая дорогу на Потомак-стрит среди лошадей, повозок и телег, комментировал:

— Вот видите дома вдоль улицы, похожие на фактории? Это не фактории, а федеральный оружейный завод. Вот он тянется, начиная от горячих цехов и до склада. Здесь кузница, потом механические цеха и склады. Вон то большое здание — арсенал, где хранится готовое оружие.

— А где винтовочный завод, о котором вы говорили?

— Винтовочный завод Холла полумилей дальше по улице Шенандоа — мы по ней сейчас едем. Вон, видите? На островке посреди реки. Там всегда стоит пара часовых, ночью и днем. Ни войти, ни выйти оттуда незамеченным нельзя.

«Вот и все, что я ищу», — подумал Трой.

Там, должно быть, станки для штамповки гильз, склады патронов, а может, и автоматы.

Здесь их собирают и складывают. Двое часовых — они не выдержат неожиданного налета.

Опять загадка, едва ли не самая большая. Почему Маккалоу выбрал из всех федеральных арсеналов именно этот? Он не мог не знать, что на него нападет Джон Браун, — это же есть во всех книгах. Невозможно поверить, чтобы он не читал об этом. Значит, предвидя налет, полковник принял меры предосторожности. Может быть, поставил засаду. Но о засаде Джона Брауна должны были предупредить. Хотя бы этот его агент, Джон Кук. Наверняка есть и другие. Непонятно…

В городе никто на них не обратил внимания. Они спокойно въехали на мост через Потомак. Это был железнодорожный мост, и на полпути их обогнал поезд компании «Б. и О.» из Вашингтона, сотрясая конструкции моста и извергая клубы дыма. Съехав с моста, они свернули на проселочную дорогу. Проверяя, нет ли за ними слежки, Коупленд вел их к секретному убежищу в предгорьях. Это была ветхая двухэтажная ферма. Две девушки работали в огороде. Завидев прибывших, они приветственно замахали руками. Пока привязывали лошадей, открылась входная дверь и вышел худой человек с большой белой бородой. На изборожденном морщинами лице темнела

твердая щель губ.

— Мистер Браун, — сказал Коупленд, — я привел добровольцев.

— Всем добро пожаловать. Войдите в дом и познакомьтесь с остальными.

Он угрюмо кивнул без тени улыбки. Когда Трой вошел в дом, Джон Браун взял его за плечо и негромко сказал:

— Ты идешь на святое дело освобождения твоего народа.

Трой кивнул и отошел — что еще он мог ответить?

Дом набит людьми — всего, вместе с прибывшими, их двадцать четыре. После знакомства Фрэнсис Мерриам достал бумажник из сумки:

— Мистер Браун, это вам для того благородного дела, которому вы посвятили свою жизнь.

Он высыпал золото струйкой, а Джон Браун сложил руки и склонил голову.

— Возблагодарим Господа, — сказал он, — ибо Он послал нам этих людей и это золото. Сие есть непререкаемое знамение, что Его воля движет нами. — Он оглядел молчащее собрание и сверкнул глазами, как ангел мщения. — Настает час действий, и да пробьет он для нас. В субботу, день Господень, обрушимся мы на язычников. Ударим

завтра! Мало кого из чад своих удостоил Господь права свершить столь душеспасительное и праведное деяние, как наше. Мы захватим арсенал, наши братья-негры поднимутся в праведном гневе и сбросят своих угнетателей. Да будет так!

«Да будет так», — подумал Трой. Но как будет на самом деле? Если в засаде ждут солдаты, эта горсточка храбрых дураков будет просто перебита. Можно ли их остановить? И надо ли останавливать? Не значит ли это изменить историю, и если да, то какие будут последствия? Но ведь Маккалоу пытается изменить историю, создать угодный ему мир с вечным рабством. Так нет же!

Наверное, проповедь Джона Брауна вдохновила его, как и всех прочих. Теперь ему была понятна их ненависть к самому институту рабства, гибель которого они мечтали увидеть, все делая для этого. Они хотели вызвать к жизни ту Америку, которую он знал, в которой он вырос. Она не была идеальной, и это он тоже знал, как знал и то, что не бывает идеальных обществ или институтов. Но уж, конечно, она была лучше этого рабского штата, части странной страны, наполовину рабской, наполовину свободной. Здесь он понял, и даже не понял, а почувствовал, причины той страшной войны, что должна была

разразиться. Никакая страна не может так жить, разделившись сама в себе. Приближалась страшная, очищающая битва. Но если он не вмешается, могут выиграть рабовладельцы. И его мир никогда не появится.

Этого не может быть — и этого не будет! И он должен сделать все, чтобы этого не было никогда.

И он почувствовал, что не может оставаться безучастным среди этих хороших парней, идущих на самоубийство. Его долг перед ними, перед делом, в которое они все верили, предупредить их. Пусть изменится какая-то сноска в толстых книгах, но эти люди заслуживали лучшей участи, чем овечья гибель под ножом мясника.

При первой же возможности он отозвал Джона Брауна в сторону:

— Мистер Браун, могу я поговорить с вами?

— Конечно, к вашим услугам. Пойдемте на кухню, там будет тише.

Они сели у очага. Джон Браун глядел в темную глубину, будто видя там свое будущее, и грел руки у огня. Зная об успехе восстания, Трой тоже смотрел в огонь, думая о том, как предупредить об опасности, не выдав источника своих знаний.

— Вы знаете полковника Маккалоу из Рич-

монда?

— Я слышал о нем, но никогда не встречал. Человек зла. Я слыхал, что он убил одного из своих рабов. Да поразит его Господь!

— Аминь. Но у меня есть сведения — я их получил от организации, на которую я работаю, — что Маккалоу знает о ваших планах. Он мог поставить западню.

— Ваше желание предупредить меня прекрасно, но не страшитесь, ибо мы шествуем под защитой Господа. Многие пытались предать нас, кто из лучших побуждений, кто из худших, но не преуспели в том. Я достоверно знаю, что мой добрый друг из Айовы Дэвид Дж. Гью решил, что все мы погибнем, если осуществим наши планы. И, хотя он сокрушается о содеянном, послал письмо с предупреждением министру обороны. На письмо никто не обратил внимания. А почему? По одной причине, сын мой. Ибо мы в руце Божией и Он — наш щит и оплот. Благодарю тебя за то, что ты предупредил нас о кознях этого создания зла. Но да не поколеблемся мы. Планы наши готовы, силы собраны, оружие наготове. Завтра мы выступаем. Будешь ли ты с нами?

Трой заколебался, но выбора у него не было.

— Да, я буду с вами.

Быть может, эта минута была неизбежна. С того момента, когда он отправился сквозь время за Маккалоу. Быть может, история уже написана — раз и навсегда.

Так или иначе, а завтра это узнается.

Они поднялись на рассвете, и Джон Браун собрал их в столовой для последней службы. Сперва он прочитал те места из Писания, что обещают утешение рабам, затем пригласил их к общей молитве Господу о помощи в освобождении угнетенных.

Потом он стал излагать боевые задачи, и Трою захотелось, чтобы было меньше молитв и больше конкретики. Не надо знать истории, чтобы понять обреченность задуманного. План состоял в нападении на федеральный арсенал и его захвате. И все. Даже маршруты отхода на случай контратаки милиции или федеральных войск не разработаны. Все уповали на то, что рабы восстанут и освободятся, — не было попыток ни оповестить рабов, ни тем более как-то организовать их. На все попытки убедить Джона Брауна принять меры предосторожности или разработать запасные варианты ответ был один:

«Господь — наш щит и оплот».

Желание Троя возглавить нападение на вин-

товочный завод не вызвало возражений. Там было единственное в городе подразделение федеральных войск, и никто из добровольцев туда не рвался. К нему присоединились Шоу и несколько человек, назначенных им в помощь.

Всё. Планы составлены, жребий брошен. Напряжение нарастало целый день; около восьми вечера Джон Браун собрал всех снова.

— Люди, время настает. Молю вас, не проливайте кровь без нужды, но не колеблясь защищайте свою жизнь. Некоторые из вас могут быть убиты, и все мы можем умереть, пытаясь нанести наш удар в защиту свободы и справедливости в этой проклятой стране рабства. У нас одна жизнь и одна смерть. Умирать так, как мы можем умереть сегодня, — значит умереть ради нашего дела.

Головы склонились в последней общей молитве. Потом поднялся Джон Браун и выступил перед ними, воздев руки к небесам, и сверкнул глазами, и белая борода его развевалась, и был он похож на ангела гнева Господня, каким себя, впрочем, и считал.

— Братья! — воззвал он. — К оружию! Вперед, на Харперз-Ферри!

Глава 32

Джон Браун вел отряд, правя фургоном, в котором лежали пики, — ими собирались вооружить освобожденных рабов. Остальные серьезно и торжественно, как похоронная процессия, шли по проселочной дороге вдоль Потомака. Была холодная темная ночь, пошел дождь, мелкая морось, от которой еще сильнее пробирал холод. Дорога круто вилась по склонам холмов — мимо какой-то фермы и потом вниз, в долину. Впереди видны были огни Харперз-Ферри. Робби ясно видел их из фургона, куда его посадили из-за раненой ноги. Он прижимал к себе седельные сумки и дрожал от холода.

Каждый участник знал свою роль в атаке. Они молча шли вдоль канала, проложенного рядом с Потомаком, потом, у моста, остановились. Двое — те, кто должен был перерезать телеграф, — исчезли в темноте. Едва они ушли, Браун махнул рукой, и еще двое быстро перебежали мост и схватили охранника.

Путь свободен. Мост пересекли в молчании и быстро пошли по улицам, осторожно обходя огни салуна и гостиницы. Выставив охрану на мосту

через Шенандоа, атаковали основными силами арсенал и завод, который охранял единственный пожилой сторож. Его схватили и бросились проверять здание. Ни охранников, ни сторожей не было. Браун повернулся к перепуганному пленнику и поднял палец:

— Этот штат был рабовладельческий — и я освобождаю всех негров этого штата. В моих руках — оружейный завод Соединенных Штатов, и, если жители попытаются мне помешать, я сожгу город и прольется кровь.

С этими словами он махнул Трою и его людям, которые должны были захватить винтовочный завод Холла — единственное здание, которое еще не было проверено. Они быстро продвигались по улице Шенандоа. Наконец Трой увидел то, что искал; он поднял пистолет и остановил свою группу.

— Главные ворота охраняются, и, может статься, нам не удастся застигнуть охрану врасплох. Вы, ребята, пойдете прямо на них. Если они отгонят вас огнем, отступайте и открывайте ответный огонь, для прикрытия. А я возьму лодку и попытаюсь зайти с фланга. Теперь пошли.

— Я с тобой, — сказал Шоу.

Трой покачал головой:

— Нет, Робби, будет больше пользы, если ты останешься здесь. Проследи за сумками. Я не знаю этих людей, но в тебе я уверен, и я рассчитываю, что ты останешься здесь и отвлечешь огонь на себя. В этом случае мне, может быть, удастся проникнуть на завод. Сделаешь?

— Конечно. Сколько времени тебе надо?

— Несколько минут, чтобы подобраться поближе. — Когда подошли остальные, он понизил голос, чтобы его слышал только Шоу: — Маккалоу знает о налете — по крайней мере, может знать. Так что у нас хороший шанс влететь в западню. Береги себя.

— И ты тоже. Удачи.

Трой раскрыл нож и перепилил чалку, потом оттолкнул лодку от берега и прыгнул внутрь. В холодной воде на дне лодки он нашарил весло, единственное. Этого достаточно. Он выгреб на течение, и лодку понесло к острову. В темноте виднелся берег, то ли песчаный пляж, то ли грязевая отмель за домом. Туда он и направил лодку. Она ткнулась в берег и остановилась. Когда он выпрыгнул из лодки, раздался треск выстрелов. Атака началась. Цепляясь за прибрежные кусты, он привязал веревку к одному из них. Тем временем стрельба нарастала, слышались отдаленные

выкрики. Сопротивление оказалось серьезным. Задняя же сторона дома пока была погружена в темень и тишину. Окна в ней маленькие и слишком высоко. Не годится. Должен быть другой путь. Трой побежал вдоль стены с пистолетом в руке. Огонь резко усилился и вдруг затих. Атакующие прорвались? Да нет, были бы слышны случайные выстрелы внутри. Надо прорываться в дверь.

Она была заперта, эта дверь из твердого дерева, и даже не дрогнула, когда он ударил в нее всем своим весом. Оставался только один способ. Шумный, так что придется двигаться быстро.

Он два раза выстрелил в замок и снова налег на дверь. Та затрещала, послышался скрежет разбитого металла, и дверь поддалась. Трой широко распахнул ее, нырнул внутрь и перекатился за штабель реек. Ответного огня не было. Пока.

Он оказался в большой комнате, заложенной штабелями ящиков. На противоположной стене висела лампа, дававшая тусклый свет. Тихо. Весьма вероятно, что в комнате он был один. В любом случае надо двигаться. Лежать здесь не имело смысла.

Он встал и пошел с револьвером наготове к двери в дальней стене. Она вдруг распахнулась, и в проеме появилась темная фигура.

Не успев подумать, чисто рефлекторно он бросил свое тело в сторону. Сильно ударившись, перекатился по пыльному полу, держа перед собой оружие.

Раздался треск выстрелов, пули высекали щепки из половиц. Он успел поднять револьвер и нажать на спуск, стреляя, пока не опустел барабан, на вспышки выстрелов. Он ждал ответного огня.

Его не было. В наступившей тишине раздался шорох ткани по дереву и затем звук падения тяжелого тела на пол. Лампа оказалась прямо над покойником и отразилась в немигающих глазах.

И в стали автомата, который все еще висел у него на груди. Трой действовал не рассуждая. Сунув пистолет за пояс, он нырнул вперед, выхватив «стен» из пальцев убитого. Развернулся, окинув взглядом пустой коридор с закрытой дверью в конце. Секундная передышка. Привычно держа перед собой автомат, палец на спуске, он левой рукой обыскал труп. Выдернул два магазина из-за пояса убитого и ощупал их пальцами — полные. Засунув их за пояс, он рванулся вперед и выбил дверь ногой.

Это была бойня. Люди у окон оказались вооружены винтовками и пистолетами и стояли к

нему спиной. Они начали оборачиваться, лишь услышав выстрелы.

Веер пуль скосил их на пол, магазин опустел. Он вставил новый и повернулся к раненому, что пытался дотянуться до винтовки. Сбил его. Видел, как пули рвали мундир армии Соединенных Штатов и входили в тело.

Это были солдаты. Он убил солдат армии Соединенных Штатов, растерзал их, как мясник. Стиснув зубы, он заставил себя вспомнить, что они предатели, нарушившие присягу правительству, которому служили. Все они на стороне южан, все участвовали в заговоре. Он выбросил пустой магазин и вставил новый.

Вдруг ночь затихла. Стрельба у ворот здания прекратилась. Трой попятился к воротам, водя по сторонам стволом. Живых не осталось. Не выпуская автомата из рук, Трой одной рукой открыл входную дверь.

— Это ты? — позвал голос из темноты. Робби Шоу.

— Я. Заходи. Охрана снята начисто.

За дверью лежали два мертвых охранника. Шоу перешагнул через них и протиснулся в дверь, потом втащил за собой сумки.

— Как у вас? — поинтересовался Трой.

— Плоховато. Часовые нас заметили и открыли огонь. Мы открыли ответный и сняли обоих, но внутри поднялась тревога. Дальше ты знаешь.

— Уж я-то знаю! Мне посчастливилось застать их врасплох с тыла.

— У нас двое убитых, один раненый и еще один уцелевший.

— Иди к нему и скажи, чтобы раненого доставили к Джону Брауну. И надо ему доложить, что мы проверили винтовочный завод и что здесь все в порядке.

— Будет сделано.

Трой подождал, держа автомат наготове, пока Шоу вернулся.

— Запри дверь, — приказал он.

Шоу запер щеколду, повернулся, оглядывая посеченные тела, перевел взгляд на Троя и спросил:

— Это и есть тот пистолет, о котором ты говорил?

— Он. Ты видишь, что он может сделать. А представляешь себе мятежную армию с таким оружием?

— Господи Иисусе, — выдохнул Шоу. — Похоже, мы успели вовремя.

— Надеюсь, ведь оружие пока держится в сек-

рете. Надо проверить, не здесь ли оно хранится. Подержи это пока.

Он сунул автомат Шоу; тот нерешительно взял его в руки.

— Я же не знаю, как с ним обращаться.

Трой кивнул:

— И не надо ничего знать. Сейчас он взведен. Просто наводишь его на цель и жмешь на спуск, а он сеет смерть. Теперь прикрой меня.

Трой тщательно перезарядил револьвер. Они обходили комнату за комнатой, помещение за помещением, и Шоу стоял со «стеном» наготове. В здании никого не было. Когда они дошли до комнаты охраны, Трой показал на койки:

— Восемь. И восемь убитых солдат. Но надо проверить до конца.

Больше половины завода занимали механические цеха. Там стояли сверлильные станки для стволов, прессы для штамповки гильз, в задней половине цехов были сложены штабеля металлических прутков, а на запертых складах стояли бочки с порохом и ящики с капсюлями. Один из складов отгорожен массивной дверью, которую пришлось выламывать минут пятнадцать двумя ломами. Когда она рухнула, Трой высоко поднял фонарь и вошел внутрь.

Сложенные штабелями ящики поднимались ряд за рядом от пола почти до стропил. Трой подошел к ближайшему, еще не заколоченному, и заглянул внутрь.

Латунные коробки с патронами. Автоматы лежали в следующем ряду.

— Это то, что ты ищешь? — спросил Шоу.

— Оно самое. Станки для производства этого оружия, готовая продукция и патроны. Все в одном месте, даже больше, чем я ожидал. Ну что ж, такую возможность надо максимально использовать. — Он огляделся. — Давай-ка начнем, у нас много работы.

— А что ты собираешься делать?

— По-моему, это очевидно. Взорвать станки. Сжечь здание. Полностью все разрушить. А потом — искать Маккалоу. Хватит от него бегать. Этого человека я должен найти и убить. Опасность должна быть устранена навеки.

Глава 33

— Если ты действительно хочешь, чтобы завод больше никогда не работал, — заметил Шоу, — задача эта архитрудная.

— Почему? Разве, если мы его сожжем, он не будет уничтожен?

— Только выведен из строя, если найдутся люди, которым отчаянно захочется его запустить. — Он похлопал по станине большого пресса. — Эта штука сделана из литого чугуна и стали. Ее можно извлечь из-под развалин, сдуть пыль и смазать; всего двадцать четыре часа — и она снова работает.

— Так что нам делать? — спросил Трой.

— Нечто такое, что наши кузены-французы называли sabotage. Мы должны сломать эти машины так, чтобы о ремонте не было и речи. Лучше всего выбрать штамповочные прессы для гильз — они наиболее уязвимы и практически незаменяемы, ибо сделаны по специальному заказу в Шотландии. Достаточно будет заложить в каждый по заряду пороха.

— Согласен. Я сделаю заряды, а ты покажешь, куда их сунуть. Хорошо бы еще насыпать пороху

на эти коробки с патронами, чтобы они наверняка загорелись и взорвались. Тогда остается подумать только о самих автоматах. Они запакованы, и, даже если ящики сгорят, нет гарантии, что они выйдут из строя. Если их достанут — а где-то есть еще один склад патронов, — вся наша работа насмарку.

— В реку их. Несколько дней в воде — и они уже невосстановимы.

— Тогда вперед. Этих коробок здесь тысячи.

— Следовательно, самое время начать, — сказал Шоу, снимая плащ. — Посмотрим, сколько мы их утопим до рассвета.

Работа была на износ. Заложив пороховые заряды, они перешли к ящикам с автоматами. Ящики разламывали, а автоматы выносили к берегу и кидали подальше в темную воду. Работе не видно было конца, а на востоке уже заметно посветлело. Дождь перестал, но небо было в тучах. Трой упал на одну из коробок, тяжело дыша.

— Хватит. Пора закладывать запальные дорожки. К рассвету мы должны быть далеко отсюда. — Он заколебался. — Понимаешь, я точно знаю, что сегодняшнее восстание обречено. Пытался сказать Джону Брауну, но он не желал слушать. Все участники налета, все, кто не успеет

удрать, погибнут. Это я знаю наверняка.

— Откуда?

— Я не могу тебе рассказать, Робби, поверь мне на слово. Надо удирать. Возьмем лодку сзади — фасад здания наверняка под наблюдением.

Уже слышались отдельные выстрелы. Дороги обратно не было.

— Ладно, пойдем. У меня нет любви к верной смерти, которая владеет нашим другом Брауном.

Аккуратно, стараясь не наступать на рассыпанные зерна пороха, они выложили пороховые дорожки на все бочки и соединили их в одну, ведущую к открытой двери. Полупустые бочки поставили на последние штабеля автоматов. Приготовления закончились. Трой опустил фонарь, и контуры здания проступили на фоне неба.

— Пора. Когда взорвется, мы должны оказаться под прикрытием фундамента стены. Отплываем, как только убедимся, что пожар разгорелся. Это мы возьмем с собой. — Трой положил сумки и заряженный автомат под переднюю банку лодки. — Если нас заметят, сможем защититься — эта штука уравняет шансы. Если на нас не нападут, она пойдет в реку вслед за остальными, а у нас останутся пистолеты. Ты готов?

— Готов, давай.

Они прижались к мшистой стене, и Трой, разбив стекло фонаря, бросил его пылающим комом на пороховую дорожку. Мягко вспыхнув, огонь побежал по ней, потрескивая, и скрылся за дверью.

Через секунду стена, под которой они укрывались, затряслась от канонады взрывов. Со звоном вылетели стекла, пламя рванулось из окон, повалили клубы дыма, расцветающие багровым цветом от запылавшего внутри огня.

— Есть! — завопил Трой, перекрикивая рев пожара. — Смываемся!

Они побежали к лодке, впрыгнули и оттолкнулись. Трой схватил единственное весло и погреб изо всех сил, стараясь выбраться на быстрину и уйти подальше от горящего здания. На берегах никого. Но Трой не сбавлял темпа до тех пор, пока они не отплыли от острова настолько, что стали неразличимы в туманной серости рассвета.

Трой запыхался, и руки у него так болели, что он только обрадовался, когда Шоу забрал у него весло. Потом они гребли по очереди, и вот показался противоположный берег. За ними ярко горел винтовочный завод, впереди выплывал из рассветной серости низкий берег.

— Ты что-нибудь видишь на берегу? — спросил

Шоу.

— Не вижу. Похоже, что там сплошной луг. Но поблизости должна быть дорога.

— Будь на ней кто-то, мы бы его уже увидели. Думаю, мы в безопасности.

Тишину нарушал только плеск весла. Они подходили к берегу, днище заскрипело по песку прибрежной мели, снизу заплескалась вода. Какая-то птаха песней встречала рассвет. И ни звука больше.

Шоу сильно отталкивался веслом, стараясь подойти ближе к берегу. Трой выскочил, держа веревку, и вытянул лодку на песок.

— Порядок, — сказал он. — Я ее подержу, а ты…

Трой увидел, как лицо шотландца исказила гримаса ужаса. Грохнул выстрел. Шоу схватился обеими руками за кровавое месиво, которое только что было лицом, упал вперед и застыл.

Трой в повороте потянул револьвер, но его остановил голос с берега:

— Попробуй только вытащить пушку — и пойдешь туда же, куда и этот ниггерский жополиз.

Трой медленно поднял руки и повернулся к человеку на берегу с нацеленным на него револьвером. Это был полковник Маккалоу. В его голосе звучала холодная злость:

— По заслугам ему. Этот Робби Шоу бывал гостем в моем доме, а потом предал меня и привел тебя пакостить мне. Я бы его еще десять раз прикончил.

— Не надо было убивать его! — Трой тоже был разъярен. — Никакой необходимости! Поздно, полковник! Видите пламя? Это горит завод винтовок! И все ваши автоматы и патроны, считайте, сгорели.

— Вижу пламя. Я его еще с дороги заметил. И вас на фоне пламени. Я пришел убить тебя, черномазенький.

— Хармон моя фамилия. Сержант Трой Хармон. Прошу вас запомнить это, полковник. Запомните имя негра, который выследил вас на пути в сто двадцать лет назад, последовал за вами и поломал ваш бредовый план.

— Он не настолько бредовый, Хармон. — Маккалоу овладел собой. — У меня остались синьки. Заводы здесь и в Ричмонде будут отстроены, люди, которые мне помогли, помогут мне снова. Найдем другое место для выпуска автоматов. Временная задержка. Но время еще есть.

— До апреля шестьдесят первого, и все.

— На твоем месте я бы об этом не беспокоился, твое время кончается прямо сейчас. Ты принес

мне массу неприятностей, но, когда я спущу курок, они кончатся. У тебя есть время быстренько помолиться твоему ниггер-баптистскому боженьке. Молись, черномазенький.

Трой медленно опустил руки вдоль тела. Когда он заговорил, голос его был переполнен презрением:

— Вы больной, сумасшедший, жалкий расист, Маккалоу. Вы — позор своей страны и своего мундира. Вы, как дурак, полагаете, что цвет кожи или религия делает вас выше другого. Я бы плюнул вам в физиономию, но не стоит труда.

— Говоришь много, ниггер. Если попросишь пощады, я тебя, может, и помилую.

Трой расхохотался:

— Насколько же ты глуп, необразованная краснорожая скотина! Стреляй и проваливай к чертовой матери!

Маккалоу наставил пистолет прямо в лицо Трою и медленно большим пальцем стал взводить курок. Трой застыл перед холодом неминуемой смерти, но не испытывал страха.

— Проси! Проси пощады, ниггер!

— Этого удовольствия я вам не доставлю. Но попрошу об одном одолжении…

— Никаких одолжений.

— Оно не составит труда. Скажите, зачем вы для производства патронов выбрали завод в Харперз-Ферри? Вы же знали о том, что Джон Браун…

Его слова потонули в автоматной очереди, которая как гром разорвала тишину рассвета.

Глава 34

Трой, не веря своим глазам, смотрел, как пули впивались в тело Маккалоу. Полковник сложился пополам, выпустил револьвер, покатился вниз по круче к ногам Троя. Глаза его были открыты, но уже слепы. Он вздохнул последний раз, и забулькали продырявленные легкие:

— Кто… такой Джон… Браун?.. — И умер.

— Дай мне руку, Трой, — сказал Шоу, покачиваясь в лодке. Его лицо было залито кровью. Автомат бессильно повис вдоль тела, и у Шоу не было сил его поднять.

С Троя мгновенно спало оцепенение, он рванулся, как от удара током, и подхватил Шоу под мышки. Вынеся на берег, Трой осторожно положил его на траву рядом с трупом Маккалоу. Обернувшись, он увидел, что лодку уносит течением. Зашлепав по воде, догнал лодку и подтащил ее к берегу. Вытащив из лодки сумки, Трой достал аптечку.

— Ранения волосистой части черепа, как правило, весьма кровоточивы, — откомментировал Шоу, когда Трой перевязывал ему рану. — Мне показалось, что череп разнесло. А пришел в себя

и понял, что лежу лицом вниз на дне лодки. Ощущение такое, будто срезали половину головы. Но семья Шоу всегда славилась крепкими черепами. И как только я перестал себя жалеть, я обрадовался, что остался жив. Видел я плохо, но со слухом все было в порядке. Я по голосу определил, где стоит бешеный полковник, — над нами, на берегу, на том же месте, с которого он стрелял в меня. Остальное, как говорится, принадлежит истории. Мои руки, как оказалось, лежали на автомате под сиденьем, хотя я это не сразу осознал. Я все сделал так, как ты сказал, и получилось. Ты прости, что так долго, но я хотел быть уверен, что, когда я задвигаюсь, его внимание будет отвлечено тобой.

— Не знаю, как тебя благодарить…

— Тогда и не надо. — Он минуту помолчал, глядя Трою в лицо. — Я слышал, что вы друг другу говорили.

— В самом деле?

Трой перевернул труп полковника, оторвал кусок рубашки, не залитый кровью, смочил в воде и выжал. Этой тряпицей он стер с лица Шоу засыхающую кровь.

— В ваших словах была хоть доля правды? — спросил Шоу.

— А это дальше не пойдет, Робби? Ты никому

не скажешь и в газеты не напишешь?

— История, признайся, превосходная.

— А кто тебе поверит? Я ведь буду все отрицать.

— В том-то и дело, — вздохнул Шоу. — Мне не поверят, и даже печатать никто не возьмет. Так что, Трой Хармон, я даю тебе свое слово. Я тебе обязан жизнью, как и ты мне, и этим мы связаны навеки. Но если я поклянусь, что никогда никому ничего не скажу, я узнаю правду? Правда ли, что вы — вы оба — на самом деле прибыли сюда из будущего?

Трой задумался, потом кивнул, чувствуя странное облегчение оттого, что можно поделиться тайной.

— И ты за ним последовал? Смелый поступок.

— Смелый? Может быть; не знаю. Это надо было сделать. Он принес сюда этот пистолет, чтобы рабовладельцы выиграли войну. Чтобы изменилась история. Этого нельзя было допустить.

— Значит, приближается война? — спросил Шоу, понизив голос. — Ты говорил про апрель шестьдесят первого.

— Робби, не спрашивай о датах. Скоро начнется война, и погибнут сотни тысяч. Но победит Союз, и рабство умрет навеки.

— Аминь. Но ты мне ответь — и в этом ты мне отказать не можешь: что ждет Англию и Шотландию? Ты ведь это знаешь, ты знаешь все будущее?

Трой встал и прислушался. Тихо. Стрельбы не было слышно, и, казалось, они в безопасности.

— Боюсь говорить, Робби. Боюсь, что, если ты будешь знать будущее, само это знание, какие-то слова или действия могут будущее изменить. Одно могу сказать: плохо не будет. Будут, конечно, войны, но твоя страна останется живой и свободной. Мир изменится, всюду появятся машины, исчезнут лошади с улиц городов. Сами города изменятся, будет сплошь бетон, сталь и асфальт. А люди останутся очень похожи на тех, каковы они сейчас. Бога ради, кончим на этом. Мы больше никогда не должны говорить об этом.

— Но я лопаюсь от вопросов! Как тот человек, которому предоставили три желания, а он боялся их использовать. Ты столько знаешь, чего я не узнаю никогда! — Трой молчал, и Шоу с усилием сел. — Я постараюсь не вспоминать — но искушение будет адово.

— Давай лучше подумаем, как отсюда выбраться, пока нас не поймали. Если Маккалоу увидел нас с дороги, значит лошадь привязана где-то

поблизости.

— А как быть с полковником?

— Это не единственный труп, который сегодня унесет река, — мрачно ответил Трой.

Он нагнулся, быстро ощупал карманы Маккалоу и вынул бумажник и большое кольцо с ключами. Потом толкнул труп ногой. Тело тяжело перевалилось за край обрыва, плюхнулось в воду и закачалось, погружаясь и выныривая, пока его уносило течение. Полковник уходил домой, к возлюбленному Югу. Трой смотрел ему вслед, пока течение не унесло его. Потом он влез в лодку и с нескрываемым отвращением посмотрел на серые очертания автомата. Схватив за ствол, Трой с размаху закинул его подальше в воду. Раздался всплеск, и пошли круги.

Лошадь Маккалоу они нашли неподалеку под деревьями. Трой подержал Шоу стремя, потом забросил сумки за седло.

— Ехать сможешь? — спросил он.

— Думаю, что да. Если не считать сильной головной боли, мне не так уж плохо. У тебя есть какой-нибудь план?

— Есть. Мне надо вернуться в Ричмонд. Ты ведь слышал, что Маккалоу говорил о чертежах этого автоматического пистолета. Я их должен найти и

уничтожить. Это, похоже, опасно, но необходимо. Так что тебя я позвать с собой не могу.

— Меня не надо звать, я иду добровольцем. Ты ведь не думаешь, что я брошу дело раньше, чем оно будет сделано? Кроме того, неоспоримый факт — ты в одиночку не сможешь этого сделать. Давай держаться проселочных дорог, мне не хочется слишком часто объяснять, почему у меня на голове бинт. А вообще говоря, я не думаю, что нас сейчас будут всерьез искать. После крушения их планов и смерти Маккалоу.

К тому времени, когда они добрались до города Калпеппера, они были относительно в безопасности. И достаточно далеко от Харперз-Ферри, чтобы рану Шоу не связывали с тамошними новостями. Объяснение, что он свалился с лошади и разбил лицо, принималось нормально. Трой держал лошадь, пока Шоу делал покупки в магазине. Кроме всего прочего, он еще купил газету. Развернули они ее уже за городом.

Налет на Харперз-Ферри не сходил с первых полос.

— Дело закончено, — сказал Шоу, пробежав статью. — Налет продолжался тридцать шесть часов. Потом отряд морской пехоты захватил штурмом оружейный завод и взял в плен уцелев-

ших. Штурм возглавили полковник Роберт И. Ли из второй кавалерийской армии и лейтенант Дж. И. Б. Стюарт. Никогда о таких не слыхал.

— Я слыхал, — угрюмо сказал Трой. — И ты еще услышишь.

Шоу не слушал его. Он читал отчет, и на его лице застыло выражение ужаса.

— Это страшно! Там бойня была. Просто мясорубка. Можешь себе представить, первым люди Стюарта убили негра! А участники налета, что пытались спастись, попали в лапы к местным, и их изрубили в котлеты. Помнишь беднягу Ньюби, того мулата? Он хотел только освободить жену и детей с плантации в Виргинии. Так ему перерезали глотку, а уши отрезали на сувениры! — Шоу отшвырнул газету и повернулся к Трою, глаза его переполняла скорбь. — Такого еще много будет, правда? Это ведь только начало?

Трой отвернулся, чтобы не отвечать, но молчание было яснее ответа. Он подобрал газету и заставил себя перечитать все подробности. Он не сказал Шоу, что Джон Браун и все, кто выжил, предстали перед судом и были повешены. Это должно случиться через несколько месяцев.

Когда они подошли к окраинам Ричмонда, у Троя созрел план, что делать дальше. Перед за-

катом они стали лагерем в чаще леса поодаль от дороги.

— Я должен проникнуть в дом Маккалоу, — сказал Трой. — У него в карманах я не нашел ничего, что подсказало бы, где он держит чертежи пистолета. Однако я достаточно его знаю, чтобы предположить, что они у него дома. Никому другому он бы их не доверил. Парочка ключей на этом кольце смотрится заманчиво. Будто замки от сундука или сейфа. Я собираюсь войти и выйти одной и той же дорогой. Никто меня не увидит, и я вернусь до рассвета.

— Удачи.

— Спасибо. Надеюсь, она не понадобится. Простая работа по взлому и проникновению. Скоро увидимся.

Трой принял все возможные меры, чтобы не попасться никому на глаза на своем обходном пути к дому полковника. Слуги Маккалоу по-прежнему в невольничьих комнатах, но в доме было темно. Трой наблюдал около часа, но не обнаружил в доме света или движения. Луна то скрывалась в облаках, то выныривала; он терпеливо дождался долгого периода темноты, а потом неслышно скользнул к двери. Нужный ключ он нашел почти сразу, отпер замок и вошел с револьвером

наготове. В доме стоял запах затхлости и легкой гнили. Убедившись наверняка, что он один, Трой засунул револьвер за пояс и начал поиск.

Сейф он нашел меньше чем за час. Трой просто осматривал комнату за комнатой, пока не дошел до спальни. Тщательно задернув тяжелые шторы, чтобы с улицы не увидели света, Трой для верности завесил их еще и одеялом, а затем зажег свечу и стал подбирать ключи к сейфу.

Внутри оказалось приличное количество денег, золотом и в банкнотах. А на дне — отдельный ящик. Только открыв ящик и достав сверток чертежей, Трой почувствовал облегчение. Последняя работа. Когда эти бумажки исчезнут, планы Маккалоу будут разрушены окончательно.

Вынув чертежи, Трой заметил под ними книгу. Что полковнику так дорого в этой книге, хранившейся среди его самых больших сокровищ? Трой прочитал заглавие и похолодел. Флетчер Пратт «Крещение огнем». Краткая история Гражданской войны. Пратт — вдохновитель планов Маккалоу по изменению истории. Он и в самом деле сумасшедший — взять с собой такую книгу. Ее надо немедленно уничтожить вместе с чертежами. Однако в Трое взыграло любопытство. Последние слова Маккалоу не шли из памяти.

«Кто такой Джон Браун?» Он быстро перелистал книгу, заглянул в оглавление, в указатель в конце.

Упоминания о нападении на Харперз-Ферри не было. Имя Джона Брауна не упоминалось.

Все стало до ужаса ясно. Маккалоу был плохим учеником в школе, да еще вырос в Миссисипи — в штате, в котором самый низкий в Соединенных Штатах стандарт образования. Вполне вероятно, что в школе он ничего не читал о Джоне Брауне, а если читал, то забыл. Истории он не знал. Он верил в абстракцию, в мечту о прежнем Юге. Однако, чтобы изменить историю, ему нужно было прочесть побольше о самой войне. Для него, никогда ничему не учившегося, одной книги показалось достаточно.

И по странной иронии, гримасе судьбы, по непредугадываемому стечению обстоятельств и законов судьбы и случая ему попалась книга, в которой даже не упоминался Джон Браун и его трагическая роль в событиях последних месяцев, вызвавших войну.

Судорожным движением Трой разорвал книгу пополам. Отвратительная мысль, что невероятное открытие — машина времени — была проституирована с такой низкой целью и чело-

вечком такого калибра. Хватит! С этим делом покончено, его надо закрыть и забыть.

Трой сорвал с постели наволочку, запихнул в нее чертежи и книгу и повернулся к сейфу. Что делать с деньгами? Никаких причин оставлять их тут. Наследников не найдется, деньги отойдут к штату Виргиния и пойдут на войну. Куда лучше, если они пойдут на движение аболиционистов.

Вытряхнув деньги в ту же наволочку, он захлопнул сейф и запер его.

Ключи пойдут на дно реки, чертежи и книга в огонь, и конец. Конец Маккалоу, конец его планам. Конец попытке сохранить будущее за Конфедерацией.

Но веяли по-прежнему из будущего холодные ветры войны, хотя до нее еще восемнадцать месяцев. Еще много времени, чтобы проследить, хорошо ли сделана работа. С подтягиванием всей слабины и составлением окончательного доклада.

Глава 35

Только когда они добрались до Вашингтона, Трой почувствовал, как его отпускает темная волна напряжения. Они немного отдохнули, тратя деньги полковника, одевшись заново и пару раз устроив себе пир. За эти три дня Трой написал подробный доклад о всех своих действиях с момента прибытия и до настоящего времени. Был шанс, что доклад случайно обнаружат, так что он старался избегать конкретных имен и названий. Полковника он обозначил заглавной буквой М, а автомат «стен» — просто «оружие». Доклад получился тщательный и подробный, и Трой перечитал его с удовольствием. Задание выполнено, успешно завершено, и после отправки доклада по назначению Трой мог считать себя свободным. Он подписался Т. Х., поставил дату — 5 ноября 1859 года — и запечатал доклад в бутылку.

Эксперименты у стеклодува показали, что невозможно запаять горлышко бутылки так, чтобы бумага не обуглилась. Трой положил доклад в бутылку из-под виски, плотно закрыл пробку и слой за слоем наложил сургуч. Не удовлетворив-

шись этим, он поместил бутылку в массивный деревянный ящик и залил его смолой. Когда она застыла, ящик скрепили шурупами. Ясным днем бабьего лета они отъехали к северу от города.

Солнце припекало, листья обретали осеннее разноцветье. Трой хорошо помнил место, и вскоре после полудня они достигли скалы.

— Если бы ты мне сказал, что делаешь, я бы подменил тебя, — сказал Шоу.

Трой энергично вкапывался рядом со скалой, выбрасывая землю, как роющий нору барсук. Он отер со лба пот, перевел тяжелое дыхание и ответил:

— Ладно, скажу, только сначала закончим работу. Мне нужно выкопать яму, вложить туда ящик и закопать ее раньше, чем кто-нибудь появится. Надо, чтобы ее никто не потревожил.

Шоу сменил его. Вкопаться в мягкую почву почти на два ярда не стоило особого труда и времени. Трой положил ящик на дно ямы и пристроил поаккуратнее. Ящик походил на маленький деревянный гроб. Для кого? Может быть, для независимого Юга из планов Маккалоу? Трой бросил горсть земли. Конец Маккалоу, и планам его конец. Задача выполнена, и доклад представлен.

Всё. Он схватил лопату и обрушил в яму поток черной земли. Засыпали яму за пару минут, Трой утрамбовал холмик вровень с землей, а лишнюю землю сложил в захваченный для этой цели мешок. Когда же на свежей земле рассыпали опавшие листья, все следы работы были скрыты начисто. Трой показал на верхушку гранитной скалы:

— Вот сюда я прибыл. Этот скальный кряж не менялся столетиями. И в будущем он тоже не должен измениться. В один прекрасный день здесь построят лабораторию, а вокруг еще много домов. Я отправил туда доклад — в этой коробке, и моя работа окончена.

— Ты имеешь в виду, что в будущем эту коробку выкопают? — (Трой кивнул.) — И узнают, что случилось после твоей поездки во времени? Боже мой, Трой, ты весьма щепетильная личность! Когда твой доклад прочтут, ты уже много лет будешь покойником.

— Неважно. Я поступил как обещал. Выполнил задачу и представил доклад.

— Я полагаю, у тебя не существует возможности явиться самому, держа доклад под мышкой?

— Никакой. Дорога была в один конец. Я это знал, когда шел, и не сожалею. Я сделал то, что

считал нужным, и думаю, работа того стоила.

— Я полностью согласен, хотя сомневаюсь, что мог бы принять подобное решение. Но с этим ясно. Ты решил, что будешь делать дальше?

— Конечно решил. Покину Юг и отправлюсь на Север, в Нью-Йорк. Это мой родной город, и мне очень любопытно взглянуть, на что он сейчас похож.

— Содом и Гоморра, — с отвращением произнес Шоу. — Целый мир, причем довольно противный. Самый продажный и порочный город в мире. Там каждый год если не чума, то бунт.

— Похоже на мой дом, — сказал Трой. — Хотелось бы посмотреть. Ты поедешь со мной?

— Разумеется. Ничего серьезного, пока не заживут раны, я все равно не планирую. Если мне все равно, где поправляться, почему бы не в море роскоши, которую предоставляет Мамона-на-Гудзоне. Но никаких лошадей. Поедем поездом.

Путешествие было медленным и грязным, в окна влетала жирная копоть и оседала повсюду. К Нью-Йорку они уже более чем созрели для того, чтобы схватить кеб, ехать в отель и принять горячую ванну. После трех дней обильной еды и спанья до полудня Шоу решил, что сможет сидеть в седле. Они взяли напрокат лошадей в конюшне

на Двадцать третьей улице Манхэттена, доехали до Хьюстона и на пароме переправились через Ист-ривер. Если не считать отсутствия мостов, город показался Трою на удивление знакомым. Конечно, не было небоскребов и вместо машин всюду лошади, но улицы и здания Ист-Сайда очень похожи на те, которые ему помнились. Бруклин просто крольчатник из маленьких домов, и, пока они не доехали до Квинса, заметных изменений он не обнаружил. Дома уступали место фермам и извилистым проселочным дорогам. Они ехали спокойно, позавтракали в гостинице «Корона» и продолжили путь.

Через час Трой остановился на вершине холма и посмотрел вниз на деревню Ямайка у перекрестка дорог. Ее окружали фермы, а за ними болота и камыши Ямайского залива. Трой покачал головой.

— Я там родился, — сказал он, показывая вниз. — И там вырос. Там были маленькие домики, а там магистраль ВанВайка, а вон там — надземка вдоль Ямайка-авеню.

— Как ты сказал?

— Надземка, ну, знаешь, железная дорога, поднятая на эстакаду.

— Нет, не знаю, но идея интересная.

— Шумно очень. Зимой, когда открывают двери на станциях, чертовски холодно. И снег задувает. Робби, что мне тут делать? Я здесь чужак. — Вдруг в приступе расстройства Трой ударил лошадь каблуками. — Поехали в гостиницу, выпьем чего покрепче.

Шоу пустился в галоп, чтобы не отстать. Потом они замедлили ход и поехали рядом. Шоу поймал остановившийся взгляд Троя и понял, что тот видит не дорогу и не деревья вокруг, а навеки утраченный собственный мир, который уже никогда не увидеть наяву. Шоу положил свою руку поверх его на луку седла. Трой посмотрел на него, и глубина отчаяния в глазах друга показалась Шоу невероятной. Но на губах Троя мелькнула тень улыбки.

— Ты хороший человек, Робби Шоу, и я очень рад, что тебя встретил. Поехали в Манхэттен и развеемся. Закажем хороший обед и много-много бутылок вина. А потом в театр. Повеселимся и порадуемся, пока можно, потому что все это скоро кончится. Война на горизонте. Страшная война брата против брата, которая разорвет страну пополам. Так что повеселимся, тем более что и нам скоро расставаться. Надеюсь, мы встретимся снова, но не знаю, где и когда.

— Звучит окончательным приговором. А что ты собираешься делать?

— То, что умею лучше всего. Попробую записаться в армию. Надвигается война. И ничто ее не остановит. Ты и твои друзья-аболиционисты вели мирную войну против рабства, но это время кончается. В скором будущем заговорят ружья.

И много времени пройдет, пока кончится война.

Глава 36

Первое июля 1863 года

Вода недавно закипела и, когда Трой вылил ее себе на руку, была еще горячей. Она обожгла открытую шрапнельную рану, и между обрывками мышц снова показалась кровь. Рана неглубокая, но болезненная. Трой стиснул зубы и стал ее чистить. Антибиотики, потраченные на раненых в этой многолетней войне, давно кончились, оставалась лишь кипяченая вода. Кусок бинта он тоже прокипятил и теперь обмотал им руку так, чтобы рана была закрыта. Это последнее усилие утомленного долгим боем организма совсем истощило его силы, и он оперся спиной о ствол дерева, прикрыл глаза и бросил руки на колени, застыв в полудреме. Перед глазами поплыли сбивчивые воспоминания.

Как быстро прошли годы — и как медленно. Так много случилось с тех пор, как он простился в Нью-Йорке с Робби Шоу. Быстро выяснилось, что записаться в армию не так просто, как ему представлялось. Черные не требовались — только как денщики или землекопы. Он не смирился. Понадобился год тяжелой работы и изрядная то-

лика денег полковника, чтобы создать в Бостоне первый негритянский батальон — Первый Массачусетский полк цветных добровольцев. Денег на пробивание идеи и на взятки отцам города ушло не меньше, чем на снаряжение. Но работа была сделана, а это самое главное. К началу войны они были готовы. И они воевали — и как воевали! — и погибали. Однако в добровольцах нехватки не было никогда. За два года боев сменилась половина личного состава. Погибали лучшие. Многие лица трудно уже вспомнить, и имена забывались. Трой клевал носом, полубессознательные мысли неслись по кругу.

— Сержант, я жаркое притаранил. Все больше бобы, но, если пороетесь как следует, можете надыбать кусок крольчатины.

Голос разбудил Троя. Он проснулся и посмотрел на здоровенного парня с улыбкой до ушей — у того не хватало половины зубов. Трой улыбнулся в ответ, взял оловянную миску и полез в карман за ложкой.

— Спасибо, Лютер. Этого мне и не хватало. — Он настолько устал, что до этой минуты даже не осознавал, что и проголодался не меньше. Запустил ложку в миску и набрал полный рот бобов. Отлично! Когда это он последний раз ел? Сейчас

и не вспомнить, в голове только воспоминания дневного боя. Похоже, что утром, лепешка и желудевый кофе. А с тех пор — ничего, кроме пуль и снарядов. Однако их много не съешь.

Вечер был теплым и темным. На холме горели костры армии Союза, сбегающие вниз по холму по обеим сторонам Семетри-Ридж, — сигнальные огни ночи. Возле них отдыхали усталые бойцы, уцелевшие в дневной битве, готовили еду и старались не думать о завтра. Повернувшись спиной к ночи, они не глядели вдаль, туда, где далекие линии огней обозначали позиции конфедератов. И много же их собралось в эту ночь у маленького городка Геттисберга в штате Пенсильвания! Лис мятежа, генерал Роберт И. Ли, по-прежнему жив после двух лет боев и по-прежнему нападал. А теперь лис оказался среди цыплят. Он привел на Север восемьдесят тысяч человек и перенес войну на территорию противника, за Вашингтон, в Пенсильванию. Сегодня его здесь остановили. Он не разбит, но здесь, под Геттисбергом, его удалось остановить. Войска Союза целый день дрались под плотным огнем артиллерии конфедератов, отбивая одну атаку серомундирных цепей за другой. Но они выстояли. Удержали, как Трой слышал, всю линию обороны. Но это словно бы

другая, далекая битва. Его война шла здесь, в лесистых холмах и долинах, среди каменных скал и извилистых ручьев. Люди его полка, Первого Массачусетского полка цветных добровольцев, стояли, дрались — и победили. Нет, не победили; или победили не более, чем другой полк Союза в этот день. Но стоять, сражаться и удержать боевые порядки — это и была победа. Непрерывная победа с тех самых времен, когда все, включая офицеров, считали, что черные войска побегут.

Этого не случалось никогда. С самого начала войны они выдерживали все, что обрушивалось на них. Вражескую канонаду и штыковую атаку, дизентерию и вшей, презрение своих собственных офицеров и чувство превосходства белых солдат. И выдержали.

Трой доел бобы и отполировал миску дочиста, до последнего кусочка и капельки. Облизал ложку и спрятал в карман. Все в порядке. Раненые отосланы в тыл, продовольствие, что удалось найти, раздали. Фляжки у его людей наполнены, и утром надо проверить, чтобы их снова залили водой. Он делал для своих людей все, что было в его силах. Так, теперь проверить собственное снаряжение.

Он открыл ранец, и с обрамленной фотографии

ему улыбнулась Лили. Он улыбнулся ей в ответ, теплея при воспоминании об их любви. Протер стекло куском ткани и аккуратно положил на место.

Когда он чистил винтовку шомполом, пришел посыльный.

— Капитан ждет вас в санитарной палатке, сержант.

— Уже иду. — Трой обратился к капралу по другую сторону костра: — Хэнк, закончишь за меня?

— Тебе это влетит в пятерку.

— Как только кончится война, так сразу. Не забудь напомнить.

Хороший парень Хэнк. Все ребята были хороши. Трой только потому и спросил, что знал: стоит ему отвернуться — и капрал немедленно дочистит винтовку. Они были боевой единицей, одной семьей — лучшие из всех бойцов, с которыми Трою пришлось служить. Братство.

Трой оправил мундир, застегнул пуговицы на воротнике, постарался счистить пыль с нашивок старшего сержанта, повернулся и направился к палатке в лощине.

Он всегда считал палатки и дома Санитарной комиссии США чем-то средним между Красным Крестом и фургоном маркитантки. Там помогали

выхаживать раненых, занимались вопросами жалованья и пенсии, даже снабжали кое-какими мелочами вроде иголок или мыла, которые облегчают быт солдата. Если Трой и считал, что правительство неблагодарно и ничего не делает для организации, предоставляя ей самой перебиваться частными пожертвованиями, он об этом никогда не упоминал. Палатки существовали, и его людям они нужны. Капитан ответил на приветствие. Он говорил с двумя штатскими: с каким-то шатеном и пожилой женщиной, которые одновременно посмотрели на вошедшего сержанта.

— Сержант Хармон, перед вами представители Санитарной комиссии Бостона, — сказал капитан. — Они собрали большую сумму денег специально для нашего полка, и мы им глубоко обязаны. Они скоро отбывают, но прежде хотят поговорить с кем-нибудь из личного состава.

— С вашего позволения, я несколько устала, — произнесла женщина. Это неудивительно, поскольку ее совершенно седые волосы и весь вид указывали на возраст никак не меньше восьмидесяти. В такие годы утомительно целый день трястись в фургоне. — Если вы, джентльмены, не возражаете, я посижу здесь до нашего отъезда.

Я думаю, что сержант сможет ответить на мои вопросы.

— Разумеется, мэм, — сказал капитан. — Сержант, останьтесь, это не займет много времени. — Выходя, он подержал полог палатки перед штатским.

— Будьте добры присесть, сержант Хармон, — сказала женщина. — Нам нужно быстро обсудить весьма важные вопросы.

— Да, мэм, — ответил Трой, подтягивая складной стул. — Чем короче будет разговор, тем лучше. До утра еще много работы.

— Ты меня не помнишь, Трой? — спросила женщина, и слова прервали его мысли. Он посмотрел на нее внимательнее.

— Извините, мэм. Ваше лицо мне знакомо. Однако, простите, не могу вспомнить, где я вас видел.

— В Вашингтоне, — она улыбнулась. — Я чуть постарше, но все же это я. Роксана Делькур.

Он застыл и, будто закружилась голова, схватился за края стула. Доктор Роксана Делькур! Гость из другого времени, другой эпохи. Заботы войны выбили из головы все воспоминания о Вашингтоне. Он привык к этому миру и даже забыл, что рожден в другом веке.

— Роксана! Черт меня побери, но это ты!

— Это я. Не та юница, которую ты знавал, потому что мне почти восемьдесят пять. Но есть такие новые лекарства…

— Но тебе же не восемьдесят пять, я помню, тебе где-то пятьдесят пять. Не понимаю. И что ты здесь делаешь? Как ты меня нашла?

Возвращались давно забытые воспоминания, и вопросы рвались с цепи. Далекий мир, где жил он когда-то. Вашингтон, федеральный округ Колумбия, лаборатория за Окружной, машина, которая его сюда отправила. Как долго он о них не вспоминал! Тяготы войны, забота о выживании и о сохранении людей вытеснили все другие мысли. Теперь память возвращалась.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. — Ты же здесь не случайно. И еще… твои годы, ты прости… как-то сразу не доходит.

Она согласно кивнула:

— Извини за неожиданность. Но это был единственный способ. Мое время ограничено. Давай я тебе расскажу, что было после твоего отправления. Мы нашли твой доклад, за что тебе спасибо. Выкопали на следующее же утро. Когда взломали эту древнюю коробку и увидели пожелтевшую бумагу и выцветшие чернила, передать не могу,

что с нами сделалось. Прежде всего мы почувствовали необходимость помочь тебе. Мы все над этим работали не разгибаясь. Нам помог адмирал Колонн, он теперь в отставке, но все еще бодр. Передает тебе привет. И Боб Клейман тоже, прямо заставил меня пообещать, что я тебе передам. Предполагалось, что поедет сюда он, а не я. — По ее лицу пробежала тень. — Умер от рака десять лет назад. Если, конечно, можно говорить о времени столь субъективно.

На ее лице вдруг проступили все ее годы.

— Роксана, — ласково сказал Трой, — спасибо тебе за то, что явилась. Что ты так обо мне заботишься.

Она моргнула, посмотрела на него и улыбнулась в ответ:

— Кто-то ведь должен, правда? После твоего ухода исследования продолжались. В полном секрете. Но все правительство настолько напугалось возможных последствий, что почти полностью связало нам руки. Они просто не знали, что с нами делать. Особенно из-за ограничений на исследовательскую работу после Однодневной войны. А когда они узнали, что натворил Маккалоу, остановили всю работу на десять лет. Но в конце концов нам удалось продолжить программу. Мы

почти тридцать лет улучшали машину. Как это странно звучит — тридцать лет прошло, как… как что? А для тебя только пять. Но мы смогли разработать средства, позволяющие путешествовать во времени и возвращаться.

Трой уже несколько совладал со своими мыслями и начал понимать, чего добились Роксана и ее команда. И зачем она поехала за ним и разыскала его в чужом времени.

— Ты имеешь в виду?..

— Именно это. — Она говорила таким тихим голосом, что он еле слышал. — Я пришла забрать тебя домой, Трой. Теперь это возможно. Это уже не дорога в один конец.

Трой вскочил на ноги и заходил по палатке, не в силах усидеть на месте. Невозможно, этого просто не могло быть. Но было. Неужто правда? Он обернулся:

— Вернуться — в когда? В то время, из которого я ушел? Или чуть позже?

— Позже невозможно, Трой. Или если и возможно, мы не можем решиться на эксперимент. Мы так мало еще знаем о природе времени, хотя столько его изучаем… Я тебе говорила, что у нас тридцать лет заняла доработка машины, и в это время ты не вернулся. Следовательно, это невоз-

можно. Но обратно мы можем вернуться вместе. В две тысячи пятнадцатом не так уж плохо. Хотя кое-что и изменилось.

Две тысячи пятнадцатый. Невообразимо. Что это за мир?

Но почему-то ему не хотелось знать о нем.

— Но это не мой мир. Теперь, когда ты здесь, я понял, что мой мир, который я оставил, воистину исчез и для меня закрыт. Я его никогда не увижу, но к тому же не уверен, что сожалею об этом. Он еще не существует, а когда появится, я давно уже буду мертв. От места, в котором мы сейчас, он еще далекое будущее, от того, куда ты вернешься, — далекое прошлое. Только пойми меня правильно: я страшно благодарен тебе за попытку мне помочь. Но я понял, что мой мир здесь. И эти люди — мой народ. Знала бы ты их, Роксана. Бедны, но как горды! Больше половины из них не знает букв, а один мальчишка даже помнит Африку и помнит, как его поймали работорговцы. Они — моя семья. Спасибо тебе, Роксана, за то, что ты пришла, за все, что ты хотела для меня сделать. Но твой мир — уже не мой. А этот — мой. Я им нужен. И думаю, и они мне нужны.

Его лицо вдруг посуровело.

— И я не могу оставить их — это было бы де-

зертирством. Мы друг другу нужны уже завтра утром. Предстоит битва — великая битва, она будет поворотной точкой войны. Мы должны разбить врага. Никогда уже не восстанет Юг, не сможет собрать силы. Ты понимаешь?

Роксана кивнула и открыла сумку.

— Те, кто работал в проекте, не сомневались, что ты так и скажешь. Мы знаем тебя, Трой. Мы помним, как ты ушел сквозь время без надежды вернуться. Потому-то мы и считали, что обязаны дать тебе шанс. Тебе не интересно, как мы тебя нашли?

— Я не подумал об этом. А в самом деле, как? По армейским архивам личных дел?

Она покачала головой и вынула листок бумаги.

— Архивы оказались более чем бесполезны. Но мы знали, где ты, знали из твоего доклада, знали, что собираешься вступить в армию. А ты, наверное, помнишь, что это самая изученная война в истории. — Она передала ему листок. — Фотокопия страницы истории участия в этой войне негритянского полка. Прочти. Вот почему я пришла.

Трой внимательно и медленно прочитал слова из будущего — о настоящем. И его сердце заби-

лось.

«…Поворотный пункт войны. Битва длилась три дня, и все негритянские батальоны несли сильные потери. Но они храбро сражались и удержали свои позиции. Особо следует отметить старшего сержанта Троя Хармона, который возглавил контратаку на Калис-Хилл, принесшую победу. Битву выиграли, но Хармон был смертельно ранен и скончался…»

Непослушными пальцами Трой вытащил из кармана спички. Чиркнул одну и поднес огонь к уголку бумаги, подержал, пока клочок полностью не загорелся, и выпустил.

Хриплым голосом Трой произнес:

— Не каждому выпадает привилегия прочесть собственный некролог.

Он тщательно растер пепел каблуком.

— Но ведь это не обязательно должно случиться, — сказала Роксана. — Пойдем со мной, все готово. Ты не обязан умирать.

— Не обязан? Но ведь написано, правда? Не стоит создавать временных парадоксов.

— Мы не знаем. В конце концов, ты и Маккалоу, вы оба прибыли из будущего, и похоже, что ничего не изменилось. Трой, я тебя умоляю. Не оставайся умирать. Вернись со мной…

— Нет, Роксана, ты же знаешь, что я не могу. Это дезертирство. Понимаешь, даже зная, что погибну, я не могу бросить своих людей. Не проси, пожалуйста. И не надо плакать.

— Я плачу? В самом деле плачу. — Она улыбнулась сквозь слезы и промокнула глаза кружевным платком. — Все годы, что мы работали, я знала, что ты так ответишь. Но мы должны были. Ты особый случай, Трой Хармон. Ты не один, а целых два раза поступил так, что заставил меня гордиться принадлежностью к человеческой расе.

Они стояли друг против друга, Трой взял ее за руку и крепко пожал:

— Не беспокойся. Возвращайся спокойно домой и не волнуйся за меня. Помни, что мы еще встретимся. Если твоя машина хоть чего-то стоит, приезжай еще раз и расскажи мне, что все кончилось хорошо.

Снаружи приближались звуки голосов, и Трой заторопился:

— И не стоит беспокоиться о том, что случится завтра. Книга может ошибиться, потому что историю можно изменить.

— Не понимаю.

— Забудь ты мой доклад и вспомни школьные учебники истории. Помнишь нападение Джона

Брауна на Харперз-Ферри? Помнишь. Что в учебниках по этому поводу написано? Уцелевшие схвачены и приговорены к смерти, верно? — Она кивнула. — А ты помнишь, что случилось с заводом? С оружейным, на острове?

— Который был взорван при нападении? Помню. После твоего доклада мы поняли, что это была твоя работа. Взрыв раз и навсегда разрушил планы Маккалоу.

— Разрушил, верно. Но я по истории был в школе первым и точно помню, что в Харперз-Ферри не было разрушений. Нападавших схватили, а оружейный завод им взять не удалось. Это история, которую помню я. И вот еще что. На деньги Маккалоу я за год до войны организовал батальон добровольцев-негров — вот был бы, кстати, ему сюрприз! Однако, по моим учебникам, черные батальоны впервые появились гораздо позже.

Она выпустила его руки и поднесла ладони к лицу, пораженная внезапной мыслью.

— Это значит, что история изменилась! Изменилась благодаря тебе. Значит, теория альтернативных миров справедлива! И события вызывают к жизни одну из параллельных взаимоисключающих реальностей!

— Верно. — Трой широко улыбнулся. — И не

надо бы нам стоять здесь держась за руки и мило трепаться, как старые друзья. Мы никогда раньше не встречались. Мы из разных миров. Я пришел из того мира, в котором негритянские батальоны появились только через год после начала войны. А здесь все не так. В моем мире нападение на Харперз-Ферри оказалось безрезультатным. А значит, мой доклад не был написан. Когда копали под скалой, ничего не нашли. А в твоем мире был взорван винтовочный завод. И доклад найден. И значит, я пришел в этот мир из параллельного мира, а не из твоего, мы вообще даже и незнакомы.

Теперь она тоже улыбнулась:

— И значит, ты можешь не погибнуть завтра. Я пришла, сказала тебе, и это могло изменить историю.

— Не только могло, но и изменило. Теперь, когда я предупрежден, я уж точно постараюсь уцелеть.

— Но все равно ты можешь погибнуть…

— Шанс есть. Но на войне каждый из нас имеет шанс. Шанс возрос, когда я потратил оставшиеся антибиотики на своих людей. Но пока остался жив. Так что есть и шанс дожить до конца войны. Я на это надеюсь. Теперешняя жизнь во многом

ужасна, но это моя жизнь. Я хочу увидеть конец войны и тот мир, который наступит потом.

Откинулся полог, и вошел капитан. Трой вытянулся:

— Я должен вернуться к своим людям, сэр.

— Мисс Делькур с вами закончила?

— Да, капитан, спасибо. Беседа с сержантом меня весьма просветила. Он много рассказывал о работе, которой мы здесь занимаемся, и теперь я вернусь и доложу об успехе наших усилий.

— Спасибо, мэм, — сказал Трой. — Передайте вашим сотрудникам благодарность за все, что они для нас делают.